

ВВЕДЕНИЕ В СЛАВЯНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по гуманитарному образованию в качестве пособия
для студентов учреждений высшего образования,
обучающихся по специальностям
1-21 05 01 «Белорусская филология (по направлениям)»,
1-21 05 02 «Русская филология (по направлениям)»,
1-21 05 04 «Славянская филология»*

УДК 811.16(075)
ББК 81.41.я7
В24

Авторы:

**Н. А. Вологовская, К. Иванов, Н. В. Ивашина,
Е. А. Казанцева, А. М. Калюта, Э. Келих, А. А. Кожина,
Л. А. Козловская, Н. Б. Корина, Н. А. Кохнович, А. Кречмер,
Е. Н. Руденко, А. Е. Супрун, Н. В. Супрунчук, Е. С. Суркова**

Под редакцией А. А. Кожиновой

Рецензенты:

кафедра белорусского языка и литературы
Минского государственного лингвистического университета
(заведующий кафедрой кандидат филологических наук,
доцент *П. В. Васюченко*);
кандидат филологических наук, доцент *С. С. Хоронко*

Введение в славянскую филологию : пособие / Н. А. Вологовская
В24 [и др.] ; под ред. А. А. Кожиновой. – Минск : БГУ, 2019. – 287 с.
ISBN 978-985-566-740-8.

В пособии приводятся сведения о славянских языках в современном мире и старославянском языке, графических, фонетических, грамматических и лексических особенностях языковых систем, языковой политике в славянских странах. Дается информация о прародине славян и их расселении по современной территории, истории развития праславянского языка, важнейших рефлексах общеславянских явлений в системах современных славянских языков.

Для студентов учреждений высшего образования, обучающихся по специальностям 1-21 05 01 «Белорусская филология (по направлениям)», 1-21 05 02 «Русская филология (по направлениям)», 1-21 05 04 «Славянская филология».

**УДК 811.16(075)
ББК 81.41.я7**

ISBN 978-985-566-740-8

© БГУ, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридцать лет назад, в 1989 г., вышло в свет второе, обновленное издание учебного пособия «Введение в славянскую филологию» Адама Евгеньевича Супруна – автора одного из первых учебных пособий по этой дисциплине и, наверное, лучшего. По нему учились многие поколения славистов не только в СССР и на постсоветском пространстве, но и во всем мире. И в наше время эта книга продолжает сохранять актуальность, подтверждением чего является и ее широкое распространение в интернете – современном мериле жизнеспособности и популярности.

Такая долгая жизнь «Введения в славянскую филологию» обусловлена тем, что в его основу были положены передовые славистические идеи и обширные знания в области славистики основателя и первого руководителя кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета профессора А. Е. Супруна – выдающегося ученого-слависта. Именно в духе этих идей на созданной им кафедре было подготовлено большое количество учебных разработок по различным славянским языкам.

Однако стремительно развивающаяся история славянских народов привела к тому, что многие данные, представленные как в учебном пособии А. Е. Супруна, так и в работах его учеников, устарели. Назрела необходимость создания новой книги, и кафедра теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета взяла на себя этот нелегкий труд.

Нелегкий потому, что написание пособия по славянской филологии – занятие неблагодарное. Его автор в идеале должен обладать знаниями по всем славянским языкам, включая фоновые, обширной славистической эрудицией, четко отделять политическую конъюнктуру от реальной истории народа. Ни один из авторов не взялся бы решать эту задачу в полном объеме, поэтому все необходимые для представления темы были распределены в авторском коллективе (Н. А. Волотовская, Н. В. Ивашина, Е. А. Казанцева,

А. М. Калюта, А. А. Кожина, Л. А. Козловская, Н. А. Кохнович, Е. Н. Руденко, Н. В. Супрунчук, Е. С. Суркова) между членами кафедры, основанной А. Е. Супруном в 1966 г. Нам также помогали коллеги из Института славистики Венского университета (А. Кречмер, Н. Корина, Э. Келих). В результате получилась работа, каждый из разделов которой является авторским и индивидуальным.

А. Е. Супрун занимает среди авторов особое место. В книге представлены не только его идеи, на которых в той или иной степени выросло целое поколение славистов. Мы сочли необходимым, с разрешения семьи А. Е. Супруна, сохранить некоторые разделы прежнего учебного пособия, до сих пор являющиеся непревзойденными.

1. ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И ИХ ПРАРОДИНА¹

А. Е. Супрун

1.1. ВОПРОС О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СЛАВЯН

Формирование славянских племен происходило в процессе выделения их из числа многочисленных племен крупной (в настоящее время – крупнейшей в мире) языковой семьи – индоевропейской. Существуют различные предположения о предшественниках этой семьи, но они касаются столь глубокой древности, что не удается бесспорно доказать генетическое родство (т. е. родство по происхождению) индоевропейских и некоторых других языков мира, хотя и высказываются мысли о древнем родстве индоевропейских и уральских, алтайских, хамитских, иберийско-кавказских и некоторых других языков (В. М. Иллич-Свитыч и др.). О сложении самой индоевропейской семьи нет единого мнения. Широко распространено традиционное представление о развитии индоевропейских языков из относительно единого индоевропейского праязыка. Однако не исключено, что этот праязык сложился в результате конвергенции (объединения) ряда диалектов, не обязательно возникших в результате дивергенции (распада) какого-то языкового единства. Иначе говоря, можно допускать сложение индоевропейского единства как языкового союза (Н. С. Трубецкой).

В конце IV тысячелетия до н. э. племена носителей индоевропейских диалектов расселялись на огромные территории Европы и Азии. Это обусловило возникновение в индоевропейских диалектах значительных особенностей, которые свидетельствуют об их расхождении, что обычно квалифицируют как проявление распада индоевропейского праязыка. Исторически зафиксированные древнейшие тексты на индоевропейских языках – хеттские клинописные надписи (начиная с XVIII в. до н. э.), составленный во II тысячелетии до н. э., но записанный в I тысячелетии до н. э. сборник древних индийских мифов «Ригведа», крито-микенские памятники греческого языка (XV–XIII вв. до н. э.) относятся ко II тысячелетию до н. э., но явно предполагают длительное, не менее чем тысячелетнее, развитие соответствующих языков. Поэтому нет сомнений в том, что к началу III тысячелетия до н. э. из относительно единого праиндоевропейского языка уже выделились анатолийские (хетто-лувийские),

¹ Текст приводится по изданию: Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. Минск, 1989. С. 135–155.

арийские (индо-иранские) языки, греческий язык, т. е. индоевропейский праязык к этому времени уже распался.

Те индоевропейские племена, на основе которых позже возникли племена – предки славян, вместе с будущими предками балтов и некоторыми другими племенами также вычленились из индоевропейской общности. По предположениям одних ученых, был период совместной миграции (переселения) или совместного существования будущих балтов и славян с будущими германцами, по мнению других – с предками албанцев, по мнению третьих – с арийскими (индо-иранскими) племенами. Бесспорной является достаточно тесная связь славян и балтов. Однако характер этой связи вызывает разногласия. Одни специалисты высказывают мысль, что в течение некоторого времени существовало определенное этноязыковое единство носителей славянских и балтских диалектов – объединение племен – носителей балто-славянского праязыка. Другие ученые полагают, что балто-славянского праязыка не было, а была лишь смежность и параллельное развитие балтских и славянских диалектов. Третьи думают, что сближение балтских и славянских диалектов имело вторичный характер. Высказываются и другие мнения (первоначальная общность и позднее новое сближение и др.). Так или иначе период балто-славянской близости относится скорее всего ко II тысячелетию до н. э. По-видимому, к середине I тысячелетия до н. э., а возможно и раньше, у группы племен уже сформировались собственно славянские диалектные черты, достаточно отличавшие их от балтов. Иначе говоря, в это время сформировалось то языковое образование, которое принято называть праславянским языком (см. подразд. 3.1).

То, что многие даты в предыдущих абзацах этого параграфа очень приблизительны (говорится о тысячелетиях), а также то, что здесь не указывались географические характеристики мест, где жили и куда расселились к III тысячелетию до н. э. индоевропейцы и где жили во II–I тысячелетиях до н. э. предки балтов и славян, не случайно. Дело в том, что наука не располагает соответствующими точными данными.

Собственно языковые данные иногда очень ценны и интересны, но они не имеют точных географических и хронологических «привязок». Так, к примеру, наличие в славянских и германских или в славянских и иранских языках взаимно заимствованных слов бесспорно свидетельствует о том, что эти языки контактировали, оформление заимствований указывает на то, что контакты эти были очень давно, может указывать, что эти контакты происходили до таких-то и после таких-то звуковых изменений, но не дает ни абсолютной хронологии (такой-то век), ни абсолютной географии (бассейн такой-то реки, территория, ограниченная такими-то градусами широты и долготы). Аргументы о том, что наличие таких-то слов свидетельствует в пользу того, что народ жил там, где росли соответствующие растения или водились определенные животные, например аргумент бука или аргумент лосося, не очень доказательны и пока-

зательны. Во-первых, названия растений и животных могли заимствоваться, во-вторых, изменялась сама географическая среда, в-третьих, названия растений и животных нередко меняют значения (известно, к примеру, что славянское название слона восходит к заимствованному из восточных языков названию льва – *арслан*). Более точными оказываются собственно языковые данные тогда, когда их как-то удастся связать с конкретными датами или территориями. Так, например, славянское слово **korľь* > рус. *король* представляет собой имя франкского короля Карла Великого (742–814), родоначальника династии Каролингов, и свидетельствует о том, что метатеза (перестановка) плавных, т. е. переходы типа **tort* > *trat*, *trot*, *torot*, в период заимствования – не раньше конца VIII в. – была еще живым процессом или же произошла позже. Впрочем, и здесь иногда ставят под сомнение вопрос о том, о каком Карле идет речь. Но такие увязки удастся сделать обычно в более новые времена.

Географически показательны данные местных названий – топонимики, в частности названия рек. Но, с одной стороны, и здесь приходится считаться с возможностью смены и переносов, а с другой стороны, не всегда достаточно убедительны соображения о происхождении, об этнической принадлежности тех или иных топонимов. Кроме того, топонимы очень часто не имеют точной датировки. Это означает, что топонимика обретает ценность при решении вопросов о проживании на той или иной территории тех или иных народов обычно в соединении с какими-то другими данными.

Археологические данные – типы погребений, сохранившиеся на месте былых поселений остатки построек, орудий, утвари, пищи и т. п. хорошо привязаны к месту и, особенно теперь, благодаря современным методам определения времени путем различного рода химического и физического анализа предметов, неплохо датируются. Это касается и данных исторической антропологии – сведений о типах черепов, характерных болезнях и прочих особенностях сохранившихся останков людей (хотя иногда таких останков мало из-за принятых обычаев трупосожжения). Главная трудность в использовании такого рода материалов состоит в том, что в дописьменную эпоху – а для древнейших индоевропейцев, для эпохи балто-славянского единства или близости, да и для праславянского периода дело обстоит именно так – трудно связать те или иные факты материальной культуры с носителями тех или иных языков и диалектов, с явлениями духовной культуры. Более надежными оказываются такого рода материалы, тогда, когда хотя бы с какой-то стороны удастся соотнести археологические данные с данными о носителях того или иного языка.

Отмеченные сложности обусловили наличие ряда спорных положений относительно времени и территории поселения индоевропейцев до и после их разделения. Различные специалисты помещают прародину индоевропейцев в разных местах. Наиболее общей является точка зрения, согласно которой индоевропейцы размещались в Центральной и Юго-восточной Европе. Идут

споры о том, где проходит восточная граница индоевропейцев – по Дону или по Волге, входит ли в указанную зону Балканский полуостров и т. д. Но на основании некоторых данных, в частности в связи со сведениями о развитии животноводства в Европе лишь с III тысячелетия до н. э., высказывается мысль о том, что в более ранний период, в IV и V тысячелетиях до н. э., индоевропейцы размещались в Передней Азии. Так, например, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, авторы крупнейшего советского труда об индоевропейцах, говорят о том, что в IV тысячелетии индоевропейскую прародину можно локализовать «от Балкан (включая Ближний Восток и Закавказье) вплоть до Южной Туркмении». Такие предположения находят, по мнению этих ученых, свое подтверждение и в следах языковых контактов древних индоевропейцев с носителями древних семитских, картвельских и шумерских диалектов. Вообще, когда идет речь о прародине, целесообразно уточнять хронологические рамки пребывания того или иного этноса (племени, группы племен и т. д.) на той или иной территории. В одном тысячелетии прародина могла размещаться к Востоку, а затем соответствующий этнос мог переместиться к Западу и т. п. Но и в этом случае гипотезы едва ли могут восприниматься как окончательные и твердо установленные истины. Чем глубже в историю мы проникаем, тем, как правило, оказываются более предположительными наши построения.

1.2. ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНИХ ИСТОРИКОВ О СЛАВЯНАХ

Письменная история о славянах до нашей эры ничего не сообщает. Прозванный «отцом истории» греческий историк Геродот в V в. до н. э. посетил Ольвию (греческий город-колонию на берегу Бугского лимана, к югу от нынешнего Николаева). В книге 4 своей Истории он подробно рассказывает о Скифии, сообщает интересные этнографические подробности, нашедшие подтверждение в изображениях на недавно найденных скифских древностях, рассказывает о различных ветвях и племенах скифов и их соседей, в частности о скифах-земледельцах (пахарях), неврах, будинах. Попытки связать эти этнические наименования со славянами не имеют достаточных оснований.

В I–II вв. н. э. римские и греческие авторы (Тацит – в «Германии», Плиний Старший – в «Естественной истории», Птолемей – в «Руководстве по географии») упоминали о крупном народе венедов (венетов), жившем между Балтийским морем и Карпатами. На основании того, что в немецком языке название «венды» используется для обозначения славян, а также существовали славянские племена вятичи (старое звучание корня – [vent]), принято считать, что в состав венедов входили славяне. Высказывалось соображение, что вене-

ды были неславянским народом, которые, однако, к I в. н. э. «уже забыли свой родной язык и говорили только по-славянски» (С. Б. Бернштейн).

Лишь в VI в. писавший по-латыни историк Иордан в своем сочинении «О происхождении и деяниях гетов», доведенном до 551 г., сообщает достоверные сведения о славянах, которых он называет склавенами:

«Начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многочисленное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

Склавены живут от города Новьетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север – до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же – сильнейшие из обоих (племен) – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов...»

Географические имена (топонимы) в отрывке из Иордана понимают так: Понтийское море – Черное море, Вистула и Вискла, видимо, варианты названия Вислы, Данастр – Днестр, Данапр – Днепр; Новьетун локализуют по-разному: обычно отождествляют с римским названием Новиедунум в дельте Дуная (ныне Исакча в Румынии), но, по другой точке зрения, – с Невиодунум в Паннонии; неясна и локализация Мурсианского озера.

Сведения о славянах содержит и сочинение византийского историка Прокопия из Кесарии (город в Палестине; 490/507 – после 562) «Война с готами». Прокопий указывает на близость склавенов (славян) и антов, замечая, что «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же». «В древности, – пишет Прокопий, – оба эти племени называли спорами («рассеянными»), думаю потому, что они жили, занимая страну... «рассеянно», отдельными поселками... Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки». Истр – фракийское название нижнего Дуная, употреблявшееся греческими и римскими авторами. Прокопий рассказывает о жизни древних славян, об их религии, военной хитрости. Военное руководство «Стратегикон» Псевдо-Маврикия (конец VI – нач. VII в.) содержит некоторые сведения о левобережных (по отношению к Дунаю) славянах, их военных привычках, общественном строе. Анонимное сочинение «Раменская Космография» (мироописание) (VII–VIII вв.) считается переводом с греческого памятника V/VI или VII в. В этом памятнике указывается, что «около 6 часов ночи находится родина скифов, откуда происходят славяне». Мир делился анонимным автором на 24 часа, по 12 дня и ночи, ночные часы – это северные страны. Более точная локализация родины скифов и размещения славян по Равенскому Анониму вызывает затруднения и споры. Византийский деятель Иоанн Эфесский (506–585) рассказал в своем

повествовании о славянских нападениях на Византию (в частности в 578 г.). Таким образом, с VI в. сведения о славянах появляются во многих источниках, что бесспорно свидетельствует о значительной силе их к этому времени, о выходе славян на историческую арену в Восточной и Юго-Восточной Европе, об их столкновениях и союзах с византийцами, германцами и другими народами, населявшими в ту пору Восточную и Центральную Европу. Эти данные не могут, однако, прямо свидетельствовать о месте исторической прародины славян, откуда они стали расселяться на ныне занятые славянами земли. Для решения вопроса о славянской прародине необходимы и другие данные.

1.3. ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ

Археологические материалы свидетельствуют о существовании в Центральной и Восточной Европе в период, предшествующий выходу славян на историческую арену, нескольких значительных археологических культур, часть из которых связывается со становлением славянства.

На полосе от р. Варты на Западе до р. Сейм (приток Десны) на Востоке, ограниченной примерно 50–52° северной широты, археологи обнаруживают тшцинецкую (по г. Тшцинец, Польша) культуру, относящуюся к XVI–X вв. до н. э. Жили представители этой культуры в небольших неукрепленных поселениях из землянок и наземных построек, захоронения производили труположением, занимались животноводством, меньше – земледелием, общественное устройство было у них родовое. Этническая принадлежность носителей тшцинецкой культуры спорна, но высказывают мысль, что они были предшественниками славян. В дальнейшем тшцинецкая культура вошла в состав лужицкой культуры.

Во II–I тысячелетиях до н. э. на огромных территориях между Роной, Рейном и Вислой, Днестром, Дунаем, от Балтийского до Средиземного морей были распространены родственные культуры полей погребальных урн, названные так по общему для них обычаю погребения останков сожженных покойников в урнах – глиняных сосудах, поставленных на дно могилы. Эти культуры принадлежали предкам европейских народов – кельтов, германцев, балто-славян, которые еще не были четко разделены. Ее разновидностью была древняя лужицкая культура; она нашла развитие в зарубинецкой, пшеворской культурах.

Лужицкая культура, названная так потому, что первые находки памятников были сделаны на территории Лужицы (где теперь живут серболужицане), – крупнейшая археологическая культура периода до нашей эры, распространенная на территории современного славянства. Она существовала в XIII/XII – IV/III вв. до н. э. на территории от Балтийского моря до Дуная за Судеты и

Карпаты, от средней и верхней Эльбы (Лабы) до Волыни. Захоронение осуществлялось трупосожжением (поля погребальных урн). Представители этой культуры занимались земледелием (с деревянной сохой и плугом) и животноводством. Довольно развита была лепная керамика с украшениями, изготовленная без гончарного круга; она оказала влияние на соседей. С VII–VI вв. до н. э. начали изготавливать железо. В поздний период появились богатые погребения, свидетельствующие о выделении верхушки в родовом обществе. Жилища – деревянные дома столбовой или срубной конструкции; иногда дома делали длинными, делившимися на части. Селища были открытыми, но стали появляться и окруженные рвами и земляными валами, в труднодоступных местах. Этническая принадлежность носителей лужицкой культуры вызывала дискуссии: многие ученые считают, что это были венеты, некоторые ученые считают носителей лужицкой культуры предками славян.

В VII–III вв. до н. э. на юге нынешней Беларуси и на севере нынешней Украины, в бассейне среднего Днестра, Припяти, нижней Десны, получила распространение милоградская культура (названная так по п. Милоград в Речицком районе на Гомельщине). Жили носители этой культуры в полуземлянках и наземных домах столбовой конструкции, которые объединялись в неукрепленные, а иногда и укрепленные селища. Занимались земледелием (для чего изготавливались железные орудия, хотя основными оставались деревянные) и животноводством. Керамические изделия лепились с круглым (полусферическим) дном, украшались орнаментом. Захоронения трупосожжением и труположением; имеются курганы, но есть и бескурганные могильники. Этническая принадлежность носителей милоградской культуры дискуссионна: ее связывали с неврами, упоминаемыми Геродотом, с балтами, отмечали связь со скифской и латенской (центральноевропейской кельтской) культурой; высказывалась мысль о проявлении в милоградской культуре некоторых черт предшественников славян. Предположение о том, что милоградская культура была как бы базой зарубинецкой, не представляется достоверным; возможно, обе эти культуры некоторое время сосуществовали параллельно.

К III/II в. до н. э. – III/IV в. н. э. относится зарубинецкая культура, названная так по д. Зарубинцы на Киевщине, где В. В. Хвойко в 1899 г. обнаружил могильник. Памятники зарубинецкой культуры характеризуются бескурганными могильниками с трупосожжением; небольшие поселения, состоящие из нескольких наземных или слегка углубленных в землю жилищ, расположены нередко на возвышениях. 50 % костей из остатков пищи принадлежат домашним животным, а, следовательно, носители этой культуры занимались как охотой, так и скотоводством; занимались они и земледелием, выплавляли железо и изготавливали соответствующие орудия; керамика лепная (без гончарного круга). Носителей зарубинецкой культуры часто идентифицируют со славянами, иногда

с балтами, а некоторые ученые – и с другими этносами. Зарубинецкая культура охватывала территорию среднего Поднепровья: бассейны Припяти, Тетерева на западе и Десны, Сожа на востоке; на севере памятники зарубинецкой культуры находят у нынешнего Могилева, на юге – у Черкасс. Археологи отмечают влияние на зарубинецкую культуру мощной латенской культуры кельтов, распространенной во второй половине I тысячелетия до н. э. и в начале нашей эры в Центральной Европе.

На западе зарубинецкая культура граничила с пшеворской культурой, названной так по польскому г. Пшеворск, у которого был обнаружен могильник. Памятники пшеворской культуры обнаруживаются в южной и центральной Польше. Они датируются II в. до н. э. – началом V в. н. э. Занимались носители пшеворской культуры земледелием (возделывали рожь) и скотоводством. Могильники бескурганые с трупосожжением. Жилища – столбовые наземные постройки, иногда полуземлянки. Из ремесел наиболее развито гончарное с применением гончарного круга, металлургия и кузнечное дело; пшеворскую культуру связывают обычно с венедами, иногда предполагая при этом, что она принадлежала славянскому этносу, входившему в состав венедов.

Пражская археологическая культура V/VI – VII/VIII вв. н. э. названа так по лепной керамике без украшений, яйцеобразной формы с плоским дном и слегка отвороченной наружу кромкой, найденной в конце 1930-х гг. под Прагой. Неукрепленные поселения гнездового типа племен пражской керамики состоят из полуземлянок с печами-каменками. Захоронения производились после кремации в урнах на бескурганных могильниках. На востоке встречаются и курганные захоронения. Различают два типа пражской культуры: пражско-корчаковский тип (от верхнего и среднего течения Эльбы – Лабы до Днепра у устья Припяти с «коридором» на юг, к нижнему Дунаю) и пражско-пеньковский тип (от среднего и нижнего Дуная с выходом в нижнем течении на правобережье Дуная, через причерноморские степи (кроме самого берега), через Днестр, Днепр, к Деене, Сейму, истокам Северного Донца). Пражскую культуру считают славянской и прослеживают преемственность ее с позднейшими славянскими культурами. Это, разумеется, не исключает наличия среди носителей пражской археологической культуры неславянских (иногда славянизуемых) элементов.

Суммируя итоги археологических исследований славянства, видный советский археолог В. В. Седов пишет: «Славянские древности V–VII вв. известны на обширной территории Средней и Восточной Европы – от Эльбы на западе до Днепра и Волхова на востоке и от побережья Балтийского моря на севере до Балканского полуострова и Пелопоннеса на юге. Важнейшими этнографическими признаками культуры славян того времени являются лепная глиняная посуда, домостроительство и погребальная обрядность». В. В. Седов выделяет три крупные группировки славянства. Первая характерна для территории от

Эльбы до Припятского Полесья. Она связана с пражско-корчаковской археологической культурой. Здесь типичны находки высоких горшков усеченно-конической формы, слегка суженным горлом и коротким венчиком; горшки коричневатые, обычно без орнамента, изготовлены без гончарного круга. Дома были наземные, срубные и полуземлянки с печами-каменками. Захоронения по обряду кремации в грунтовых могильниках, постепенно вытесняемых курганными захоронениями. Вторая группировка относится к югу (лесостепные земли междуречья Днепра и Дуная, среднее и нижнее Подунавье и Балканский полуостров) и связана с пражско-пеньковской культурой. Керамика здесь, как правило, толстостенная, в составе глины дресва, поверхность неровная, орнамента обычно нет. Жилища полуземляночные. Захоронения большей частью по обряду кремации, но появились и труположения в грунтовых могильниках без курганов. В северо-западной части выделяется третья группировка, принадлежащая к суковской и дзедзицкой культурам. Керамика здесь ручная, без украшений, обычны выпуклые невысокие горшки с кромкой. Домостроительство наземное. Вплоть до X в. покойников сжигали, а остатки кремации разбрасывали по земле.

Таким образом, археологические данные указывают на некоторые славянские ареалы, однако указания эти не имеют бесспорного характера и нуждаются для своей интерпретации в сравнении с другими данными.

1.4. ДАННЫЕ ТОПОНИМИКИ

Наиболее информативными применительно к древнейшему периоду среди данных топонимики считают водные названия (гидронимы), так как названия населенных пунктов (ойконимы) многократно менялись, как, впрочем, и сами населенные пункты, а древнейшая славянская территория едва ли охватывала горы, и потому названия отдельных вершин или хребтов просто малочисленны. Однако и данные гидронимии, которыми, в частности, серьезно занимались польский ученый Я. Розвадовский, советские слависты О. Н. Трубочев и В. Н. Топоров и ряд других, не очень показательны.

На значительной территории к северу от Десны и Припяти, включая бассейн Немана, до Балтийского моря, Западной Двины и верховьев Волги распространены балтские названия рек. В бассейне нижнего Днепра, Дона и за Волгой отмечается много иранских гидронимов. Славянская гидронимия вперемешку с балтской встречается в правой части бассейна Припяти, причем здесь имеются архаичные славянские названия рек. С другой стороны, славянская гидронимия распространена в междуречье верхнего Днепра и Десны.

Следует учитывать и то обстоятельство, что достоверность топонимических данных прямо связана с достоверностью их этимологизирования: установле-

ния корней, к которым восходят топонимы, их этнической принадлежности и словообразовательной истории. Но для древних топонимов получить достоверные этимологии особо затруднительно: неясно, какие могут быть применены звуковые соответствия; велики колебания в определении первичной семантики названий рек; неясна этническая принадлежность корневых морфем в составе ряда названий рек, а суффиксация, как правило более поздняя, зачастую тоже не имеет безоговорочно признанной языковой принадлежности. Вот и получается, что многие названия водных объектов имеют различные, нередко противоречивые объяснения. Так, например, Балтик объясняется как германский, балтский или славянский гидроним; Днепр – как фракийский или иранский (или иранский, но принятый славянами через дако-фракийский язык); Одра – как кельтский, иллирийский, славянский, германский, венетский; Ока – как иранский, индоевропейский или угро-финский; Шпрева (Шпрее) – как германский или славянский; Висла – как кельтский, индоевропейский или славянский; Волга – угро-финский или славянский, Сава – кельтский, иллирийский или славянский. Поэтому приходится признать, что в вопросе о славянской прародине сведения топонимического характера недостаточно убедительны, а потому и не общеприняты.

1.5. ВЕРСИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И РАЗЛИЧНАЯ ОЦЕНКА ЕЕ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Автор древнейшей славянской летописи – древнерусской «Повести временных лет», составленной в начале XII в. на основе ряда более древних источников, был одним из первых, кто пытался изложить историю происхождения славян. Сначала летописец (вероятно, это был монах Киево-Печерского монастыря Нестор) пересказал библейскую легенду о Вавилонском столпотворении. Согласно этой легенде, изложенной в главе 11 библейской книги Бытия, после всемирного потопа люди в стране Сennaар решили построить (сотворить) город и башню (столп) до небес. Бог, опасаясь, как бы люди не добрались до его небесной обители, сказал: «Вот один народ и один у всех язык; и вот что начали они делать и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речь другого». И строители города, получившего имя Вавилон, были рассеяны по всей Земле. Сыновья уцелевшего по божьей воле во время потопа Ноя и их потомки разошлись в разные стороны: Сим – на Восток, Хам – на Юг, Иафет (Яфет) – на Север и Запад. Славяне, по представлению Нестора, являются потомками Иафета.

«Спустя много времени (после Вавилонского столпотворения), – записано далее в «Повести временных лет», – сели славяне по Дунаю, где теперь зем-

ля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими, где кто сел на каком месте. Так, например, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волюхи напали на славян на дунайских и поселились среди них и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и носит название Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Семи, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ».

Версия Нестора о дунайско-тисском сидении славян основывается скорее всего на имевших большее или меньшее распространение среди его современников представлениях. Возможно, что встречающееся в песнях славян, не живших на Дунае, например белорусов, название этой реки представляет собой отражение памяти народа об одной из прародин славянства. Ученые прошлого отнесли к сообщению «Повести временных лет» с доверием. Крупнейшие русские дореволюционные историки не сомневались в нем. С. М. Соловьев (1820–1879) писал в своей многотомной «Истории России с древнейших времен»: «Это предание включает в себе факт, не подлежащий никакому сомнению». Пересказывает начальную русскую летопись по вопросу о сидении славян на Дунае и В. О. Ключевский (1841–1911) в «Курсе русской истории». Однако большинство славянских ученых XX в. отнесли к версии древнерусского летописца как к фантастическому преданию, развивающему библейские мифы. Лишь в последние десятилетия вновь раздались голоса в пользу дунайско-балканской прародины славян. Югославский археолог В. Трбухович пробует отождествить со славянами описываемых Дионом Кассием паннонцев I в. н. э. Видный советский специалист по славянской этимологии О. Н. Трубачев активно поддерживает мысль о приходе славян с Дуная, ссылаясь, с одной стороны, на сведения, изложенные так называемым Равенским Анонимом в «Космографии» VII в., а с другой, – опираясь на некоторые данные лексики. Он пишет: «Для реабилитации несторовского предания делается и уже сделано <...> много, но, конечно, многое предстоит сделать, чтобы преодолеть бесплодный скептицизм» (по отношению к данному историческому источнику). Таким образом, летописные предания о расселении славян на земли, ныне ими занимаемые, находят поддержку у современных специалистов. Однако многие историки и лингвисты считают их не более чем преданиями.

1.6. СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ

В решении вопроса о происхождении славян всегда значительную роль играли собственно языковые, а также и внелингвистические данные о соседях славян на различных этапах их раннего развития. Одно из первых делений индоевропейских племен на группы, по которому могут быть выявлены более близкие и более отдаленные носители индоевропейских диалектов, – это деление по наличию или отсутствию перехода смягченных заднеязычных в свистящие или шипящие, так называемое выделение групп языков *kentum* и *satom*. Кроме славянских, к группе *satom* относятся балтские, индийские, иранские, армянский, албанский языки. Это членение индоевропейской языковой области не явилось, однако, окончательным и перекрывалось другими делениями и объединениями в пору более поздних миграций индоевропейцев.

По совокупности многих других данных считают, что наряду с ближайше родственными славянским балтскими языками сравнительно близки со славянскими германские языки. Несмотря на то, что последние относятся к языкам группы *kentum*, следует предположить довольно длительный период совместного существования славянских и германских диалектов, в ходе которого выработались некоторые общие черты, прослеживаемые в лексике и грамматике, хотя этих черт меньше, чем черт сходства славянских и балтских языков.

В определенный период германцы были соседями славян. Так, во II–IV вв. н. э. готы обитали к северу от Черного моря и в процессе своих перемещений имели контакты со славянами. Другой ряд контактов славян и германцев относится к V–VI вв., когда территория контактов должна быть отнесена на Запад. В результате этих контактов в славянские языки проникли слова германского происхождения **xľbьbь* ‘хлеб’, **тець* ‘меч’, **ropь* ‘поп’, **šelmь* ‘шлем’, **bljudo* ‘блюдо’, а в германские – некоторые славянские слова, например **skot* > ‘скот’. Балты, как уже отмечалось, были в течение многих веков ближайшими соседями славян, балтские и славянские языки обладают исключительной близостью. Общими являются, в частности, многие слова, не отмечаемые в других индоевропейских языках, в том числе **ręka* ‘рука’, **golva* ‘голова’, **lipa* ‘липа’, **gvęzda* ‘звезда’ и др. Некоторые слова, присущие славянским и германским языкам, охватывают также балтские, например: **gladьkь(jь)* ‘гладкий’ (разумеется, с иным суффиксальным оформлением). Индоевропейская этимология стремится найти соответствия славяно-балтским (или балто-славяно-германским) лексическим параллелям и в других индоевропейских языках. Вопрос о древнейших балтских заимствованиях в

славянских языках и, напротив, славянских заимствований у балтов очень сложен, так как затруднительно отличить такие древние заимствования от родственных (общих по происхождению слов).

Соседями славян были иранцы, располагавшиеся в исторические времена (т. е. после письменной фиксации сведений о славянах) или незадолго до этого к юго-востоку от славян. Иранские племена скифов кочевали в Северном Причерноморье. Близость славянских и иранских народов отразилась в их языках. Так, слова **bogъ*, **nebo*, **slovo*, **xvorъ*, **sormъ* ‘стыд’ имеют в иранском те же значения, которые характерны для этих слов в праславянском языке, в то время как в других индоевропейских языках соответствующие слова зафиксированы в иных значениях. Некоторые славянские слова считают заимствованиями из иранских языков. К таким словам нередко относят **rajъ*, **mѣdbъ*.

На северо-востоке славяне в исторические времена соседствовали с финно-угорскими племенами. Следы этого соседства отразились в некоторых древних восточнославянских заимствованиях в диалектах финно-угорских языков. В числе прочих были заимствованы славянские слова *окно*, *пакля*, *бердо*, *кудель*, *серп*, *тоска* и др.

Еще в древний период славяне имели контакты с греками. Общеславянский характер имеют заимствования из греческого, такие, как **korabjъ* ‘корабль’, **koliba* ‘пастушеский шалаш’, возможно **kadъ*, **termъ* ‘терем’ и некоторые другие. Некоторые древние заимствования произошли и из иных языков. Так, средиземноморский характер имеет слово **vino* ‘вино’, попавшее в славянский, возможно, из латыни (если не считать его славянским отражением индоевропейского слова, связанного с корнем слова **viti* ‘вить’, что, однако, сомнительно). Обсуждение вопроса о славяно-кельтских языковых контактах дало немного; возможно, кельтское происхождение имеют слова **sluga*, **braga*.

Надо сказать, что почти о всех словах, которые считают заимствованиями древнего периода, идут споры: одни ученые полагают, что такое-то слово пришло в славянский не из того языка, из которого выводят его другие ученые; третьи предполагают, что это слово общего происхождения, а не заимствованное; четвертые высказывают мысль об обратном ходе заимствования; пятые вообще ставят под сомнение связь данных слов; шестые высказываются за иную (нередко существенно более новую) датировку заимствования. Поэтому вопросы о древнейших славяно-неславянских языковых контактах наталкиваются при своем решении на серьезные затруднения. И твердо основываться на данных о языковых контактах при решении вопроса о происхождении и древнейшем размещении (локализации) славян не удастся: предположения одних опровергаются или ставятся под сомнение другими.

1.7. СОВРЕМЕННЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРАРОДИНУ СЛАВЯН

Как можно было убедиться, взятые в отдельности различные сведения о славянах в древнейший период – и данные истории, и данные археологии, и данные топонимики, и данные языковых контактов – не могут обеспечить достоверных оснований для решения вопроса о времени и месте формирования праславянского языка, т. е. об этногенезе славян. В связи с этим нельзя до сих пор сказать, что вопрос этот решен.

Более или менее ясным и не вызывающим споров является то, что славянские племена выделились из других индоевропейских племен. Но вопрос о месте уже вызывает трудности и при характеристике абсолютного места, и при характеристике относительного места (т. е. выяснения ближайших соседей славян); не решается однозначно и проблема времени вычленения славянских диалектов из других индоевропейских: разрыв между точками зрения охватывает здесь, пожалуй, около тысячелетия. В этих условиях приходится характеризовать имеющиеся взгляды как гипотезы, предположения, точки зрения. Более того: приходится высказать мысль, что это вопрос не только еще не разрешенный, но, быть может, и вообще неразрешимый (во всяком случае без добавки существенно новых фактов в наши знания об этом периоде). И вместе с тем нельзя не отметить огромный интерес к проблеме со стороны достаточно широкого круга ученых, подогреваемый интересом общественности. Пути решения происхождения и первичного поселения славянства видят обычно в комплексном подходе, который бы учитывал все возможные сведения о славянстве. Это, конечно, совершенно верно. Однако крайне сложно найти прочные узлы, которые бы связывали разнообразные и трудно сопоставимые данные воедино, тем более что и решения, которые могли бы быть подсказаны каждым из материалов, очень далеки от однозначности и определенности. Приходится составлять определенное решение из ряда неопределенностей.

Укажем, однако, хотя бы бегло некоторые бытующие в науке представления о древней прародине славян (или древних прародинах, сменявших друг друга в ходе исторического развития) и о времени вычленения славян и поселения их на тех или иных территориях.

Согласно мнению некоторых историков и лингвистов, прародина славян находилась на Востоке, в Азии (В. М. Флоринский, К. Мошинский, Э. Гаспарини), или на Востоке Европы – на Оке и Волге (Х. Ловмянский). В бассейне Немана и Западной Двины искал прародину славян А. А. Шахматов. Отсюда, по его мнению, пришли славяне на нынешние места обитания, причем для многих ученых вполне возможны и даже очевидны промежуточные остановки славян

на тех или иных территориях. Так, например, по мнению А. А. Шахматова, «некогда славяне были жителями севера и притом сидели севернее германцев, ибо только движения последних на юг очистили пути в Южную Европу и славянам». Шахматов вообще утверждал, что все европейские племена тянулись к более благоприятному в смысле жизненных условий Югу. По Шахматову, «исконною территорией восточных индоевропейских племен, в том числе и предков славян, был северо-запад России, бассейн Балтийского моря». Балты и славяне оставались на месте. Это мотивируется значительными славяно-германскими контактами и тем, что многие элементы средиземноморской и кельтской культур пришли к славянам через германцев, которые были юго-западными соседями славян. Во II–IV вв. н. э. готы покинули Повисленье, двинувшись на юг к Нижнему Дунаю. Славяне, по Шахматову, заняли – еще до нашествия гуннов – Повисленье (северное Повисленье было захвачено балтами – прусами), а после падения гуннского владычества продолжили движение к устью Дуная. При этом западные славяне двинулись на запад в Германию с разреженным в то время из-за передвижения народных масс населением. Здесь они были остановлены и частью отброшены на восток, в нынешнюю Беларусь, а может быть, и далее. На Нижнем Дунае, по Шахматову, славяне оказались на рубеже V–VI вв. Шахматов считал, что упоминаемые Прокопием из Кесарии склавены – это южные славяне, а анты – восточные славяне. Эта точка зрения, как, впрочем, и другие элементы концепции Шахматова о славянской прародине, вызывали в научной литературе возражения и со стороны современников ученого, и в наши дни.

Как уже отмечалось, в современной науке имеются сторонники версии о дунайской прародине славян, выдвинутой Нестором в «Повести временных лет», хотя многие продолжают относиться к ней скептически.

Большая часть современных историков и лингвистов, занимающихся вопросом о прародине славян, помещают ее на территории между Днепром и Одером (Одрой), в лесостепной и лесной зонах, т. е. к северу примерно от 50° и к югу от 55 или 54° северной широты, т. е. между Балтийским морем, Неманом на севере и Карпатами на юге. Однако в решении вопроса о размещении славян внутри этой значительной территории тоже нет единства. Многие ученые видят прародину славян на Полесье и на смежных территориях (М. Фасмер, Г. Гирт, Я. Ростафинский), между Одрой и Вислой (многие польские ученые: Я. Чекановский, М. Рудницкий, К. Яжджевский, Т. Лер-Сплавинский, Т. Милевский; из советских лингвистов – В. В. Мартынов), между Днепром и Вислой (советские археологи М. И. Артамонов, А. В. Арциховский, польский историк Г. Лабуда). Ряд ученых указывает уже названные более широкие границы, иногда с некоторыми уточнениями и мотивациями (чехословацкий историк и этнограф Л. Нидерле, советский историк П. Н. Третьяков, польский лингвист Я. Розвадовский, польский историк В. Хенсель, чехословацкий архео-

лог и историк З. Ваня, польский лингвист В. Маньчак и др.). Следует сказать, что и принятие за истину сообщения «Повести временных лет» не исключает позднейшее поселение славян на территории между Днестром и Одрой.

Так или иначе, к середине I тысячелетия н. э. славяне занимали указанную территорию между 50 и 55° северной широты, между Днестром и Одрой. Поскольку ранний праславянский язык отличался единством, диалектное членение его было не очень значительным, надо полагать, что первичная территория, на которой праславянский язык существовал, была более ограниченной. Но уже расселение на территории между Днестром и Одрой, имевшей значительную протяженность в условиях отсутствия транспортных артерий – рек, которые бы текли вдоль всей этой территории с запада на восток или обратно, вело к усилению диалектной раздробленности.

В бассейне Днестра, включая Припять, формируется восточнославянская диалектная область, а в бассейне Вислы (с границей по Западному Бугу в его среднем течении на востоке и по Одре и Нисе на западе) – область западнославянских диалектов. В сочетаниях **il*, **dl* на востоке утрачивается смычный, а на западе он сохраняется; в сочетаниях **kv*, **gv* перед **ě* и **i*, происходившими из дифтонгов, на востоке заднеязычные превращаются в *c* и *z*, а на западе они сохраняются; в сочетаниях губных согласных с **j* на стыке морфем на востоке развился согласный **l* на месте **j*, а на западе **l* не получил развития; долгие мягкие **l'*, **d'*, возникшие из сочетаний **lj*, **kt* (перед **i*) и **dj*, превращаются на востоке в шипящие (**č*, **dž*), а на западе – в свистящие (**c*, **dz*).

К этому времени в составе западных говоров уже выделились подгруппы северная (пралехитская) и южная (прачешско-словацкая). Восточная группа диалектов также имела диалектное членение. С одной стороны, здесь выделяется подгруппа, которую можно было бы охарактеризовать как восточную или северо-восточную, – она легла в основу современных восточнославянских языков. С другой стороны, вскоре после формирования различий восточных и западных диалектов начала формироваться группа южнославянских диалектов, основой которой стали, видимо, диалекты центральной подгруппы восточнославянской группы. Часть этих говоров продолжала еще взаимодействовать с западнославянскими. Внутри складывавшейся южнославянской группы выделились две подгруппы, на базе которых в будущем сложились, с одной стороны, словенский и сербско-хорватский языки, а с другой – болгарский и македонский. В результате упомянутых взаимодействий формировавшейся группы южнославянских диалектов с западнославянскими и восточнославянскими сложился целый ряд изоглосс – линий, соединяющих одинаковые черты диалектов, например словенско-словацкие изоглоссы. Окончательное формирование южнославянской диалектной группы происходило в результате заселения славянами значительных территорий на Балканах, видимо в основном в VII–VIII вв. н. э.,

хотя отдельные славянские поселенцы могли проникнуть на Балканы и ранее, в частности в VI в. Для южнославянских диалектов характерны уже названные отличия от западнославянских, общие с восточнославянскими. В отличие от восточнославянских (и в соответствии с западнославянскими) южнославянские сохраняют начальное **e*- перед мягким слогом при восточнославянском **o*-.

В южнославянских диалектах начальные сочетания **ort*-, **olt*- всегда дают **rat*-, **lat*-, в то время как в восточно- и западнославянских диалектах в некоторых случаях (определяемых старым музыкальным ударением) здесь выступает или **rot*-, **lot*-, или такой же рефлекс, как в южнославянских. По-разному отразились у славян бывшие сочетания типа **-tort*-, где *t* – любой согласный, на месте *r* может быть и *l*, а на месте *o* также *e*. В западнославянской лехитской группе здесь **-trot*-, в южнославянских диалектах и в чешско-словацкой группе – **-trat*- (при исходном *e* на месте *a* здесь *ě*), а в восточнославянских диалектах здесь полногласное сочетание типа **torot*-.

Примерно в VII в. н. э. славяне заселили значительные территории Восточной Европы, включая Балканы, на западе дошли до Эльбы и вышли за нее, на севере вышли к Балтийскому морю, а на востоке продвинулись за Днепр. В дальнейшем продвижение славян было направлено главным образом на восток, вероятно не в последнюю очередь из-за того, что здесь территории оказывались малозаселенными, а подчас и незаселенными. На западе в первых веках II тысячелетия н. э. славяне также передвинулись восточнее, в основном к рубежу Одры и Нисы, лишь сравнительно небольшие группы славян оставались западнее этих рек. На юго-востоке славяне вышли в конце I тысячелетия н. э. к Черному морю, на северо-востоке славянская колонизация в первых веках II тысячелетия н. э. дошла до Белого моря.

Список литературы

Дуличенко, А. Д. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие / А. Д. Дуличенко. – М. : Флинта ; Наука, 2015. – 715 с.

Иванов, Вяч. Вс. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В. В. Иванов, В. Н. Топоров ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1974. – 342 с.

Иванов, Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов / Вяч. Вс. Иванов. – М. : Наука, 1983. – 197 с.

История южных и западных славян : учеб. для высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Г. Ф. Матвеева, З. С. Ненашевой. – 3-е изд. – М. : МГУ ; Печат. традиции, 2008. – 2 т.

Клепикова, Г. П. Славянская пастушеская терминология: ее генезис и распространение в языках карпатского ареала / Г. П. Клепикова ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1974. – 256 с.

Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов ; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л. : ЛГУ, 1986. – 311 с.

Коломиец, В. Т. Происхождение общеславянских названий рыб : к IX Междунар. съезду славистов / В. Т. Коломиец. – Киев : Наук. думка, 1983. – 159 с.

Мартынов, В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры: к проблеме прародины славян / В. В. Мартынов. – Минск : Акад. наук БССР, 1963. – 248 с.

Минералов, Ю. И. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие / Ю. И. Минералов. – Москва : Высш. шк., 2009. – 319 с.

Нидерле, Л. Славянские древности / Л. Нидерле ; пер. с чеш. Т. Ковалевой и М. Хазанова ; ред. А. Л. Монгайт. – М. : Иностр. лит., 1956. – 450 с.

Очерки истории культуры славян / редкол.: В. К. Волков [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Индрик, 1996. – 463 с.

Попович, М. В. Мироззрение древних славян / М. В. Попович. – Киев : Наук. думка, 1985. – 167 с.

Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1981. – 607 с.

Седов, В. В. Происхождение и ранняя история славян / В. В. Седов. – М. : Наука, 1979. – 156 с.

Славянская мифология : энцикл. словарь / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Эллис Лак, 1995. – 414 с.

Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: Т. А. Агапкина [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – 5 т.

Соколянский, А. А. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие / А. А. Соколянский. – М. : Академия, 2004. – 397 с.

Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды / Н. И. Толстой ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1969. – 262 с.

Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 510 с.

Третьяков, П. Н. Восточнославянские племена / П. Н. Третьяков. – 2-е изд., перераб. и расшир. – М. : АН СССР, 1953. – 312 с.

Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. – М. : АН СССР, 1959. – 212 с.

Трубачев, О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: этимологические исследования / О. Н. Трубачев ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. – М. : Акад. наук СССР, 1960. – 115 с.

Трубачев, О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках: этимология и опыт групповой реконструкции / О. Н. Трубачев ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1966. – 416 с.

Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: реликты языка в восточнославянском культе Николая Мирликийского / Б. А. Успенский. – М. : МГУ, 1982. – 245 с.

Шахматов, А. А. Введение в курс истории русского языка / А. А. Шахматов ; Студен. издат. ком. при историко-филолог. фак. Петрогр. ун-та. – Петербург : Науч. дело, 1916. – 146 с.

Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – Москва : Академия, 2005. – 641 с.

Czekanowski, J. Wstęp do historii słowian: perspektywy antropologiczne, etnograficzne, archeologiczne i językowe / J. Czekanowski. – 2-e, na nowo opracowane wyd. – Poznań : In-t Zachodni, 1957. – 514 с. – (Prace Instytutu Zachodniego ; № 21).

Lehr-Splawiński, T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian / T. Lehr-Splawiński. – Poznań : In-t Zachodni, 1946. – 237 с. – (Prace Instytutu Zachodniego ; № 2).

Lehr-Splawiński, T. Rozprawy i szkice z dziejów kultury słowian / T. Lehr-Splawiński. – Warszawa : PAX, 1954. – 309 s.

Vaňa, Z. Die Welt der alten Slawen / Z. Vaňa. – Prag : Artia, 1983. – 239 s.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ У СЛАВЯН

Е. С. Суркова

2.1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ: ВОПРОС О КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Центральное место в современной *палеославистике* (греч. *παλαιός* – ‘древний’) – науке о славянских древностях – занимает кирилло-мефодиевская проблематика – комплекс вопросов, связанных с реконструкцией обстоятельств возникновения славянской письменности и старославянского языка¹.

Восстановление событий, относящихся к началу письменной традиции у славян, методологически опирается на отделение исторически достоверных сведений от легендарных в памятниках кирилло-мефодиевского корпуса². Этот корпус составляют славянские, греческие и латинские письменные источники, которые возникли в период деятельности славянских просветителей и их учеников.

Основными источниками считаются агиографические памятники³ (греч. *ἅγιος* – ‘святой, благочестивый’ и *γράφω* – ‘пишу’) – жития первоучителей и их последователей, а также службы и похвальные слова.

¹ Общее количество работ по кирилло-мефодиевской проблематике насчитывает несколько тысяч. Сведения о них собраны в четырех больших библиографических изданиях: *Ильинский Г. А.* Опыт систематической Кирилло-Мефодиевской библиографии. София, 1934 ; *Попруженко М. Г., Романски Ст.* Кирило-Методиевска библиография за 1934–1940 гг. София, 1942 ; *Можалева И. Е.* Библиография по Кирилло-Мефодиевской проблематике. 1945–1974. М., 1980 ; *Дуйчев И., Кирмагова А., Паунова А.* Кирило-Методиевска библиография. 1940–1980. София, 1983.

² Сегодня кирилло-мефодиевский корпус полностью представлен в трех изданиях: *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности Л., 1930 ; *Теодоров-Балан А.* Кирил и Методи : в 2 т. София, 1920, 1934 ; *Magna Moraviae Fontes Historici* : in 5 p. Brno, 1966–1977.

³ Впервые агиографические источники, связанные с именами славянских апостолов, стали объектом пристального внимания после выхода в свет двух исследований: *Dobrovsky J.* Cyrill und Method, der Slawen Apostel. Prague, 1823 ; *Горский А. В.* О св. Кирилле и Мефодии // Москвитянин. 1843. Ч. 3, № 6.

Исходные тексты в кругу агиографических памятников представляют написанные по-славянски пространные жития Кирилла и Мефодия. Пространные (т. е. подробные, обширные) жития были источниками для проложных (кратких) житий, служб и похвальных слов, которые создавались специально для канонизации святых и распространения их культа.

«Пространное Житие Константина» (в монашестве – Кирилла), созданное между 869–880 гг., и «Пространное Житие Мефодия» (мирское имя доподлинно неизвестно)¹, написанное после 885 г., можно рассматривать как достоверные тексты, содержащие подлинные факты биографии первоучителей, а также сведения об историческом контексте возникновения славянской письменности.

Как и большинство средневековых памятников, Пространные Жития Константина-Кирилла и Мефодия анонимны, поэтому их атрибуция (установление авторства, времени и места создания) представляет самую сложную задачу для исследователей.

Чаще всего среди возможных авторов обоих пространных житий называют ближайшего ученика славянских просветителей Климента Охридского (ок. 840 – 17.07.916) – очевидца многих описываемых в житиях событий, крупнейшего славянского писателя того времени, основателя Охридской книжной школы. Согласно другой версии, «Пространное Житие Константина» (далее – ПЖК) было создано в кругу его учеников при участии Мефодия, сообщавшего сведения о детстве и юности младшего брата, а также об их совместной миссионерской деятельности. Наконец, исключительность этого первого в истории славянской агиографической литературы текста, написанного по-славянски, его высокий литературный уровень позволяют предположить, что автором жития Константина-Кирилла был сам Мефодий. При этом, составляя житие, Мефодий использовал фрагменты подлинных сочинений Константина-Кирилла, о чем есть свидетельство в самом тексте. Так, в X главе ПЖК говорится о том, что реальные события изложены здесь **ꙋкращѣше** (т. е. в сокращении), **памети ради**. И далее читатель отсылается к книгам: **єанко прѣложи оучитель наш архієпѣ Мѣѡдїє, раздѣль є на осмь словєсь** (ПЖК, X гл.)².

Современные исследователи биографии Константина-Кирилла традиционно используют данные ПЖК об образовании Константина, содержании его диспутов с патриархом Иоанном VII Грамматиком, арабами и хазарами, а также с папскими легатами в Венеции.

Следует отметить, что ПЖК представляет Константина-Кирилла единственным создателем письменности для славян и переводчиком Св. Писания.

¹ Версию о том, что до пострижения Мефодий носил имя Михаил, впервые выдвинул Ф. Гривец (см. *Grivec F. Konstantin und Method, Lehrer der Slaven*. Wiesbaden, 1960).

² Здесь и далее «Пространное Житие Константина» цит. по: *Охридски К. Събрани съчинения* / под ред. Б. Ангелов и Хр. Кодов. София, 1973. Т. 3. С. 30–159.

Это означает, что такая оценка утверждалась в то время, когда еще был жив Мефодий, который ратовал за канонизацию своего младшего брата и умалял собственные заслуги в миссии славянского просвещения. Только после смерти Мефодия его имя приобрело огромный авторитет, в том числе в связи с его саном: Мефодий был первым архиепископом славянской церкви.

«Пространное Житие Мефодия» (далее – *ПЖМ*) повествует о нем как о выдающемся человеке, который взял на себя попечение о просветительской миссии среди славян после смерти брата. Это житие тематически и композиционно связано с житием Константина-Кирилла, на что указывает целый ряд параллельных мест, общие источники заимствованных текстов («Послания апостола Павла», книги ветхозаветных пророков, панегирики Григория Богослова и др.). Текстологическое единство двух житий является одним из факторов, позволяющих рассматривать пространные жития первоучителей как своего рода диптих, основанный на общности идеологического порядка.

Эти жития часто называют *Паннонскими*, как определил их во второй половине XIX в. Фр. Миклошич – создатель паннонской теории происхождения старославянского языка. Написаны были *Паннонские легенды* на западнославянских землях (во всяком случае, анализ словаря этих памятников свидетельствует о наличии слов и оборотов, отражающих особенности западнославянских говоров).

Важные свидетельства о характере миссии среди славян содержат похвальные слова и службы первоучителям. Тексты, написанные ближайшими учениками Константина-Кирилла и Мефодия, использовались с целью создания и распространения культа просветителей в славянской церкви. В основном соответствуя канону жанра, эти тексты отличаются большей содержательностью и стремлением сохранить в сознании потомков представление о подлинном масштабе миссии, в результате которой славяне получили священные книги и весь церковный чин на родном языке.

Главным кирилло-мефодиевским источником на греческом языке является «Пространное Житие Климента Охридского» (или *Болгарская легенда*). Памятник, который содержит сведения о судьбе учеников Кирилла и Мефодия, взявших на себя попечение о славянской письменности после смерти первоучителей, дошел до нас в обработке византийского автора Феофилакта Охридского (ок. 1085 – ок. 1107). Исследователи полагают, что основным источником для Феофилакта было славянское житие Климента, написанное в X в., которое, однако, не сохранилось. Создав житие Климента на основании первоначального старославянского текста и достоверных устных преданий, Феофилакт Охридский оставил в греческой агиографической традиции уникальный памятник, повествующий об истории просвещения славян.

Сведения из жития Климента служат подтверждением информации, представленной в других источниках, передающих данные об эпохе раннего славянского Средневековья. Кроме того, «Пространное Житие Климента Охридского» является наиболее значительным памятником, сохранившим сведения о деятельности Охридской книжной школы (основана Климентом в 886 г.).

Болгарская легенда послужила источником для греческого «Краткого Жития Климента Охридского» (или *Охридской легенды*), написанного в XIII в. Дмитрием Хоматианом, архиепископом Охридским (1216–1234), с целью упрощения культа св. Климента на болгарских землях.

Важное место среди агиографических текстов занимает латиноязычная *Итальянская легенда* (*Legenda Italica. Vita cum translatione S. Clementis*) – сочинение Гаудериха, епископа Веллетрийского, о жизни Константина и обретении мощей св. Климента Римского (к. I в.), ученика апостола Павла, третьего епископа Рима. Посвящение Гаудерихом своего сочинения папе Иоанну VIII (872–882) позволяет сделать вывод, что *Legenda Italica* была составлена не позднее 882 г.

В контексте исторического повествования об обретении мощей св. Климента Римского в VII главе Итальянской легенды Гаудерих оставил важное сообщение о том, что на славянские земли Константин и Мефодий «...принесли с собой мощи св. Климента и Евангелие, переведенное на их собственный язык упомянутым Философом» (*cum reliquias beati Clementis secum eos ferre audierant, et evvangelium in eorum lingua a Philosopho praedicto translatum*) (FL, VII, с. 295)¹. Это означает, что внимание, которое один из иерархов римской церкви уделил факту возникновения славянского Евангелия, свидетельствует о несомненном интересе представителей папской курии к переводческой деятельности первоучителей.

Особое значение Итальянская легенда имеет для атрибуции пространных житий Константина-Кирилла и Мефодия, поскольку содержит текстовые реминисценции, отсылающие к житиям как к источникам, использованным при составлении легенды.

Кроме агиографических текстов, подлинные данные об истории славянской письменности содержат древнейшие памятники филологического содержания: два трактата («О письменах» Черноризца Храбра и фрагменты из Македонского кириллического листка), а также *Пролог* Иоанна Экзарха Болгарского (нач. X в.) к его переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина.

Важнейшим среди старославянских памятников, которыми располагают исследователи кирилло-мефодиевской проблематики, является сказание

¹ Итальянская легенда цит. по: Латински извори за българската история (*Fontes Latini historiae Bulgariae*) / съст. и ред. И. Дуйчев [и др.]. София, 1960. Т. 7. Ч. 2. С. 294–302.

«О письменах» Черноризца Храбра – достоверное древнее свидетельство истории становления славянской письменности в Болгарии. Небольшой по объему (около 85 строк) трактат Храбра был объектом специальных изысканий, благодаря которым систематизированы и изданы основные списки памятника, составлен подробный исторический комментарий к тексту, предприняты исследования в области атрибуции и историко-лингвистического истолкования, реконструирован возможный первоначальный текст.

Сочинение Черноризца Храбра дошло до нас в составе довольно поздних списков XIV–XVIII вв. (всего 91), написанных кириллицей, с многочисленными расхождениями в содержании. Ключевыми моментами памятника считаются:

1) сообщение о точной дате создания письма для славян: 863 год – время возникновения славянской письменности и старославянского книжно-письменного языка;

2) фиксация исходного состава созданного Константином-Кириллом алфавита: приводится точный перечень из 38 графем, что отражает реальную ситуацию, сложившуюся в славянской письменной культуре в последние десятилетия IX в. Автор трактата понимает алфавит в качестве абстрактной системы, которая может быть представлена как набор графем, имеющих звуковое и числовое значение, а также название. Буквы могут ассоциироваться с отдельными словами (**азъ, животъ, сѣло, азъкъ** и др.) либо восприниматься как последовательность элементов, расположенных в горизонтальном (либо вертикальном) измерении;

3) свидетельство о попытках славян-язычников писать **чрътами** и **рѣзми**, а затем приспособить греческие (**єллин'скы**) и латинские (**рим'скы**) письмена для фиксации славянской речи **вєзъ оустроєніа**¹.

Варианты атрибуции представлены в заглавии памятника, отражающем жанр и авторство текста (**сказаніє; чрьноризьца Храбѣра штъвъѣти; слово**). Большинство списков транслирует имя **чрьноризьца Храбра**, однако есть случаи приписывания авторства трактата Константину-Кириллу: **слово свѣтаго Кѳрила Философа. Ѹчитєла словѣньскоу азъкоу**.

В первом случае исследователи интерпретируют имя **Храбръ** как личное (будучи языческим, оно, однако, вступает в противоречие с понятием **чрьноризьць** — ‘монах’) либо как эпитет (т. е. ‘храбрый черноризец’, который открыто и решительно полемизировал со своими противниками). Таким образом, **Храбръ** — своего рода псевдоним, скрывающий подлинное имя автора апологии славянской письменности, идентификация которого с кем-то из исторических личностей кирилло-мефодиевского круга представляет собой трудноразрешимую задачу. Но на принадлежность Храбра к этому кругу ука-

¹ Сказание «О письменах» цит. по: *Кув К. М.* Черноризец Храбръ. София, 1967.

зывают слова о том, что **сѣть бѣ юще живи иже сѣть видѣли и^х** (еще живы те, кто их (т. е. первоучителей) видел).

Памятником, имеющим принципиальную важность для реконструкции древнеславянской теории перевода, является дошедший до нас с большими утратами текст в составе рукописи конца XI в., известной под названием *Македонский кириллический листок* (или *Лист Гильфердинга*). Еще А. Вайан высказал предположение, что в этой рукописи представлена часть предисловия Константина-Кирилла к его славянскому переводу Евангелия. Сохранившийся фрагмент этого трактата передает основные принципы официальной переводческой практики древнеславянской церкви. Главное в этом процессе – предпочтение семантического принципа, поскольку при переводе Св. Писания целью является смысл (**разумѣ**), а не форма. Если бы славянские первоучители и их ученики приняли принцип буквального перевода, они просто не смогли бы осуществить его, так как даже в глубокой древности переводчики осознавали необходимость сохранять лингвистические нормы воспринимающего языка.

С этим памятником тематически и текстологически связан Пролог к «Богословию» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского. Автор Пролога размышляет о том, что языки различаются грамматическим строем, поэтому при переводе с одного языка на другой невозможно сохранить оригинал без его неизбежной грамматической трансформации. В этом случае необходимо стремиться избегать существенных искажений смысла, семантика оригинала должна стать той целью, ради которой делается перевод.

Помимо агиографических и научных сочинений на славянском и греческом языках, важную и достоверную информацию о первоучителях передают памятники исторического содержания. К ним относятся написанные на латыни документы папской канцелярии, личная переписка Анастасия Библиотекаря, а также исторический меморандум под названием «*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*» («Обращение баварцев и каринтийцев»). Эти документальные материалы содержат бесценные сведения о славянских первоучителях со времени их появления в Риме (рубеж 867–868) и вплоть до последних лет подвижнической деятельности Мефодия в качестве иерарха славянской церкви. По словам В. А. Бильбасова, одним из первых издавшего латинские документы в сборнике «Кирилл и Мефодий» (1868), это те источники, которые «...не рассказывают о каком-либо историческом событии, но сами являются частью этого события».

Основными памятниками на латинском языке являются буллы (послания, содержащие указ или акт) римских пап Адриана II (867–872) и Иоанна VIII (872–882).

Важным (и единственным среди латинских и византийских источников) свидетельством, подтверждающим историчность обращения великоморавско-

го князя Ростислава к императору Михаилу в 862 г. с просьбой о миссионерах, является дошедшая до нас лишь в старославянском переводе булла папы Адриана II от 896 г., сохранившаяся в составе «Пространного Жития Мефодия» (ПЖМ, VIII гл.). Аутентичность этого документа не подвергается сомнению благодаря текстологическим исследованиям одного из крупнейших знатоков кирилло-мефодиевского наследия Ф. Гривеца. Текст буллы папы Адриана передан также в «Похвальном слове Кириллу и Мефодию».

Булла папы Иоанна VIII под названием «*Industriae tuae*», датированная июнем 880 г., важна не только как юридический документ, предписывающий славянам использование созданного для них письма и литургического языка. Из контекста буллы понятно, что Рим не был против использования славянского языка в церкви: «...*Litteras denique sclaviniscas a Constantino quondam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, iure laudemus*» («...И в конце по праву воздадим хвалу славянскому письму, обретенному некогда Константином Философом. Пусть прозвучат на нем посвященные Богу молитвы») (FL, VII, с. 175)¹. Далее Иоанн VIII пишет: «...*neque enim tribus tantum, sed omnibus linguis Dominum laudare auctoritate sacra monemur*» («...так как славим Бога не только на трех, но на всех языках, данных нам священной властью») (FL, VII, с. 176).

А в «*Commonitorium*» папского посланника к славянам отражен основной принцип использования славянского языка в церкви: «каждый, в том числе тот, кто не знает латыни, должен понимать проповедь» («*ad edificationem eorum qui non intelligunt*»).

Следует также упомянуть письмо папы Иоанна X (860–929) к сплитскому архиепископу, в котором Иоанн говорит об учении Мефодия («*Methodii doctrina*»), у которого, на удивление папы, есть последователи. Из этого письма следует, что еще долгое время славянское богослужение воспринималось как результат деятельности Мефодия. Даже спустя почти два столетия после смерти первоучителя, когда на Сплитском соборе 1061 г. было принято решение запретить богослужебное использование славянского языка, вновь обсуждалось учение Мефодия, которого собор признал еретиком.

В истории римско-византийских культурных контактов в IX в. заметной фигурой был Анастасий Библиотекарь (ум. в 897 г.), некогда пресвитер-кардинал и посол короля Франции к императору Византии, впоследствии библиотекарь папы Адриана II, заведующий папским архивом и канцелярией.

Анастасий и Константин-Кирилл встретились в Риме в 868 г. Более того, имя Анастасия Библиотекаря вместе с именем его дяди, епископа Арсения, упоминается в связи с проведением славянской литургии в церкви Апостола

¹ «*Industriae tuae*» цит. по: Латински извори за българската история (Fontes Latini historiae Bulgaricae). Т. 7. Ч. 2. С. 136–181.

Павла в Риме: и въсоу нѣше, славословеце словен'скы; и на Ѹтрѣи паки литургию на^а стѣн^м гробо^м его, имоуще на помощь Арсеніа еп'кпа, єдиногo соуца Ѡ седмь еп'кпъ, и Анастасіа вивлотника (ПЖК, XVII гл.).

В посланиях папе Адриану II и Гаудериху, епископу Веллетрийскому, Анастасий отзывается о Константине как о «муже апостольской жизни» («vir apostolicae vitae»), «мудрейшем человеке» («sapiientissimus vir»), «необыкновенном, достойном истинного удивления философе» («mirabilis vere philosophus»), «великом равноапостольном наставнике» («vir magnus et apostolicae praceptor»). Ценным также является свидетельство Анастасия о Философе как человеке смиренном, который не подписывал свои сочинения и не афишировал своих заслуг: «...tacito nomine suo; quae praedictus philosophus fugiens arrogantiae natam referre non passus est» (FL, VII, с. 202)¹. Письма Анастасия Библиотекаря предоставляют важные сведения из первых рук, а потому служат мерилom достоверности других источников.

Особо показательно свидетельство анонимного автора, содержащееся в историческом меморандуме 873 г. «Conversio Bagoariorum et Carantanorum» («Обращение баварцев и каринтийцев»), в котором отстаиваются «исторические» права Зальцбургской епархии на западные славянские земли, поскольку население этих земель было впервые приобщено к христианской вере миссионерами этой епархии. В «Обращении...» подробно излагается история христианизации баварцев, а затем и их соседей-славян.

Таким образом, при том, что не сохранилось ни одного письменного памятника ни на греческом, ни на старославянском языке, авторство которого можно было бы без сомнения приписать Константину-Кириллу или Мефодию, о деятельности славянских первоучителей мы можем судить на основании целого ряда текстов, являющихся источниками как легендарных, так и достоверных сведений о миссии среди славян.

2.2. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ: ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Несмотря на то, что в источниках о Константине-Кирилле и Мефодии еще есть «темные» места, мы имеем довольно точное представление об основных эпизодах биографии и главном деле всей их жизни – создании славянской письменности.

¹ Фрагменты писем Анастасия Библиотекаря цит. по: Латински извори за българската история (Fontes Latini historiae Bulgaricae). Т. 7. Ч. 2. С. 195–208.

Константин (ок. 827 – 14.02.869) и Мефодий (ок. 815 – 06.04.885) родились в византийском городе Солуни (ныне – Фессалоники в Греции), в связи с чем их часто называют *солунскими братьями*. Их отец Лев был крупным военачальником (*друнгарием*; славян. **сѣтъникъ**), принадлежавшим к византийской аристократии. Мать братьев Мария, по свидетельству некоторых поздних источников, была славянкой, что, однако, не находит достаточного подтверждения. Положение отца в военно-административной иерархии Византийской империи, а также покровительство логофета Феоктиста, высшего чиновника в царской канцелярии и регента при малолетнем императоре Михаиле III (840–867), позволили братьям получить лучшее по тем временам образование, а затем высокие назначения.

Мефодий после домашнего обучения в течение десяти лет служил воеводой (*архонтом*; славян. **кѣнѣзь**) в одной из славянских областей на границе с Болгарским царством (в пределах Стримона – Брегалници). «Княжение» **въ словѣнѣхъ** позволило ему углубить знание славянского языка и славянских традиций. Затем около 840 г. Мефодий принял монашеский постриг и удалился на гору Олимп (в Вифинии, на берегу Мраморного моря), где **бѣ съвършата всь испѣл'нь мьнишьскыи чинъ, а книгахъ прилежа** (ПЖМ, III гл.). Он был поставлен игуменом монастыря Полихрон, в котором прожил не менее 20 лет.

Константин получил начальное образование в Солуни. В семилетнем возрасте, занимаясь самообразованием, он изучал творения Григория Богослова (Назианзина), одного из Вселенских учителей церкви IV в., и мог цитировать его наизусть. О незаурядных способностях, которые Константин с раннего детства проявлял в сфере интеллектуальной деятельности, упоминает автор Итальянской легенды: «...qui ob mirabile ingenium, quo ab ineunte infantia mirabiliter claruit» («...удивительный талант, хорошо известный с раннего детства») (FL, VII, с. 295).

В четырнадцать лет Константин отправляется в Константинополь и поступает в основанную еще в V в. и просуществовавшую вплоть до падения Византийской империи Магнаврскую школу (ее также называют Константинопольским университетом). Высшая школа в Константинополе упоминается в византийских источниках начиная с VII в. как влиятельное учебное заведение, в котором преподавались как богословские, так и светские дисциплины. Ректором и профессором философии был Лев Философ (или Математик; ум. после 869), человек энциклопедической образованности, чьи интересы помимо математики распространялись на область естествознания, механики, медицины, философии и поэзии.

Другой выдающийся наставник Константина – известный византийский интеллектуал и будущий патриарх Фотий (ок. 810 – 892 (?)), чье имя вписано не только в историю Церкви, политическую историю Византии, но также в

историю науки. Фотий оставил после себя значительное литературное наследие, включающее библейские комментарии, гомилии, труды по догматике, гимны, обширную переписку и др. В историю науки Фотий вошел как автор двух сочинений, до сих пор сохранивших научную ценность. Это *Λεξικόν* («Лексикон») – первый в византийской лексикографии исторический словарь, а также *Βιβλιοθήκη* («Библиотека») – настоящая филологическая энциклопедия, содержащая описание 386 книг различной тематики, в том числе античных авторов. Именно Фотия исследователи считают организатором просветительской миссии к славянам.

В Магнаврской школе Константин **въ три мѣце навькъ граматкию и прочиухъ къ се оучени** (ПЖК, IV гл.). Среди «прочих учений», помимо грамматики, были семь свободных искусств, необходимых для получения философского знания о мире: диалектика (логика), риторика, геометрия, арифметика, астрономия, музыка.

Таким образом, обширные познания в области современной ему науки, собственные лингвистические изыскания позволили Константину-Кириллу войти в историю византийской образованности как знатоку средневековой философии, истории письменных культур многих народов и полиглоту.

Знание нескольких языков давало Константину возможность профессионально подходить к изучению новых языковых систем. Помимо греческого и славянского, которые он знал с детства, Константин владел латынью, сирийским, древнееврейским, самаритянским, арабским и, возможно, некоторыми другими восточными языками. В истории становления европейской грамматической науки имя Константина-Кирилла может быть упомянуто в связи с выполненным им переводом на греческий грамматики древнееврейского языка: **наоучи се тоу жидовскон бесѣдѣ и книгамь, и осемь чести прѣложи граматкиѣ** (ПЖК, VIII гл.).

После окончания Магнаврской школы Константин некоторое время был библиотекарем (*хартофилаксом*) Патриаршей библиотеки при церкви св. Софии в годы первого патриаршества Фотия. Затем он **в цркви светихъ апостоловъ сѣде** (ПЖК, XIII гл.), т. е. занял должность преподавателя философии в церкви Петра и Павла, где размещалась Патриаршая школа. В это время Константин получил прозвище *Философ*, с которым он и известен в источниках. Это означает, что современники создателя славянской письменности воспринимали его как высокообразованного миссионера, обладавшего обширными познаниями как в области богословия, так и в сфере классической философии и науки.

Восстанавливая факты биографии Константина Философа, следует также вспомнить две византийские дипломатические миссии второй половины IX в., сопровождаемые богословскими диспутами, в которых он принимал участие. Согласно славянским источникам, сохранившим сведения о миссиях, успех

Константина в прениях с оппонентами был обусловлен той основательной предварительной подготовкой, которая предшествовала этим важным государственно-церковным поручениям. Так, в диспуте с арабами, сторонниками ислама (миссия 851–852 гг.), Константину противостояли агарани, **моудраа чедь, наказана книжнымь наказаниємь доволнѣ, гкммитрои и астрономин и прочимь оучениємь**, которые испытывали Философа, **искоушающе о вѣстѣх хоуждъствин^х, таже и сами оумѣах^х** (ПЖК, VI гл.). А в Хазарии, готовясь к диспутам со сторонниками иудаизма (миссия 860–861 гг.), будущий славянский первоучитель занимался изучением древнееврейского и самаритянского, чтобы использовать понятный его противникам язык, приводя в оригинале цитаты из Св. Писания (ПЖК, VIII гл.).

Пребывание в Хазарском каганате (крупном средневековом государстве (650–969), объединявшем исповедовавшие иудаизм тюркские и финно-угорские племена), который соседствовал с византийскими владениями на Крымском полуострове, было ознаменовано двумя важными событиями, описанными в кирилло-мефодиевских источниках.

Первый эпизод, вызвавший активную дискуссию среди исследователей, сохранен в VIII главе ПЖК, где повествуется о том, как Константин Философ, остановившись в Корсуни (античный Херсонес, территориями нынешнего Севастополя), «...нашел здесь Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами» (**и обреть же тоу еѿліе и ѿалтирь, роуш'кы^м писмене^м писано**). Это свидетельство пространного жития было воспринято как доказательство существования у восточных славян докирилловского письма и христианских книг на «русском» языке за полтора столетия до официального крещения Руси (988). Однако следов «русской» письменности на восточнославянской территории обнаружено не было (самые ранние найденные на восточнославянских землях записи, датируемые IX – первой половиной X в., – это скандинавские рунические надписи, арабская надпись на литейной формочке и греческая надпись на арабской серебряной монете). В связи с этим «русский» эпизод из ПЖК рассматривается либо как позднейшая вставка, сделанная при редактировании, либо как текст, содержащий ошибку, допущенную переписчиками (прилагательное **роуш'кын** — это искаженное **соурьскын, сурьскын**, т. е. 'сирийский'; также возможно прочтение **фроуш'кын**, т. е. 'фряжский, франкский', для обозначения готских письмен).

Второй сюжет описан в ПЖК и Итальянской легенде, а также документально подтвержден в письме Анастасия Библиотекаря епископу Гаудериху Веллетрийскому. Речь идет о чудесном обретении мощей св. Климента Римского, третьего после апостола Петра римского епископа, мученически погибшего в Херсонесе во время правления императора Траяна (97–117). Тело Климента было брошено в море, но, по преданию, в течение семи веков, в день

памяти святого, вода отступала, открывая для поклонения его чудотворные мощи. **Слышавъ же, яко стѣны Климентъ еще въ мори лежить**, Константин Философ и сопровождавший его во время хазарской миссии Мефодий обнаружили мощи и перенесли их в церковь Петра и Павла в Херсонесе, **также пишетъ въ ообрѣтении его** (ПЖК, VIII гл.).

Упомянутое здесь **ообрѣтеник** – это, по мнению Ф. Гривеца, одно из трех сочинений по случаю обретения мощей св. Климента, написанных Константином-Кириллом по-гречески, вероятно, с целью богослужебного использования и переведенных на старославянский язык. Эти тексты упоминает Анастасий Библиотекарь в письме к Гаудериху, определяя их как краткую историю («*historia brevis*»), похвальное слово («*sermo declamatorius*») и гимн «о прославлении Бога и блаженного Климента» (FL VII, с. 206–207). Первые два сочинения Анастасий сам перевел с греческого на латинский язык.

Анастасий также пишет о том, что сам Константин Философ отказался рассказать об этом эпизоде своей хазарской миссии. Эту историю Анастасий услышал от Митрофана, епископа Смирны, который, будучи сосланным патриархом Фотием в Херсонес, оказался свидетелем открытия мощей (FL, VII, с. 206–207).

Затем мощи св. Климента были вывезены Константином и Мефодием из Херсонеса, и с тех пор Климент Римский стал особо чтимым святым, а в будущем – покровителем кирилло-мефодиевской миссии.

Собственно история просвещения славян начинается с эпизода, когда в 863 г. в Константинополь к императору Михаилу прибыло посольство из Великой Моравии от князя Ростислава (ум. в 870 г.), который, устанавливая контакт и затем союз с Византией, стремился создать самостоятельную церковную организацию и укрепить свои позиции в противостоянии с Восточно-Франкским королевством. Ключевыми датами в истории моравской миссии следует считать 863 – (869) – 885 гг.

Великоморавское государство со столицей в Велеграде возникло в 833 г. в результате объединения Нитранского и Моравского княжеств и занимало обширные территории современных Чехии и Западной Словакии, а впоследствии (к 890 г.) – земли полабских сорбов, Юго-Западную Польшу и нижнюю Паннонию. Население Великой Моравии численностью около 250 тыс. человек уже было христианизировано в 30-е гг. IX в. баварскими миссионерами из епископатов Зальцбурга и Пассау, что означало распространение на эту страну юрисдикции баварской церкви. Есть свидетельства об участии в христианизации моравян и других миссионеров. Например, в ПЖК приводится фрагмент послания князя Ростислава византийскому императору, в котором говорится, что среди моравян проповедовали священники «из влах» (миссионеры Аквилейского или Венецианского патриархата), «из грек» (греческие священники из Первого Болгарского царства либо проповедники из Далмации, которые

подчинялись византийскому императору) и «из немец» (баварское духовенство): **оучителе мнози кръстниани из влахъ и из гркътъ, и из нѣмьць, оучаще ны разлнчъ** (ПЖМ, V гл.). Однако все они «учили по-своему», искажая истинную веру. Поэтому из письма Ростислава следует, что основной проблемой новообращенных моравян было отсутствие учителей, которые проповедовали христианскую веру «истинно». В поздних списках ПЖК тезис об «истинной» проповеди дополнен выражением **въ свои языкъ (оучителѧ не имамы таковаго, иже би ны въ свои языкъ истиннѧю вѣрѧ христѧн'скою сказаль** (ПЖК, XIV гл.). Так начала складываться концепция «своего слова», дающего возможность миссионерам проповедовать на родном языке паствы. Безусловно, обрести истинную веру славянам было бы легче на доступном языке, потому идея «своего слова» была соотнесена именно с инициативой Ростислава.

Откликнувшись на просьбу великоморавского князя, император Михаил и патриарх Фотий направили к славянам миссию, которую возглавили Константин Философ и Мефодий. Одна из причин выбора именно солунских братьев сформулирована в ПЖМ. И эта причина – владение славянским языком, который хорошо знали жители Солуни: **вы бо кста селоуцнанина, да селоуцнѧне въси чисто словѣньскы бесѣдоують** (ПЖМ, V гл.).

До отправления в Великую Моравию состоялся упоминаемый в ПЖК разговор с византийским императором, во время которого Константин соглашался возглавить миссию к моравским славянам только в том случае, если они располагают своей письменностью (**аще имаютъ боуквы въ языкъ свои**). В противном случае Философ сравнивал свое положение с тем, **кто можетъ на вѣдѧ бесѣдѧ писати и неретичьско имѧ себѣ обрѣсти** (ПЖК, XIV гл.). Использование неизвестных систем письма для записи священных текстов расценивалось в Средние века как ересь. Тогда император Михаил, сославшись на то, что все прежние попытки создать письмо для славян были безуспешными (**дѣдѧ мои и ѡцѧ мои, и нѧни мнози, искавши того, нѣсоутъ обрѣли**), предложил Константину самому составить алфавит и перевести на славянский язык богослужебные книги.

Процесс создания славянской азбуки и первых переводов описан в XIV главе ПЖК: **шь^А же фѧлософъ, по прьвомѧ въбичаю на мѧлтвоу се вѣдасть, и съ нѧмѧи поспѣшники. въскорѣ же бѣ емоу гави, послоушае мѧлтвы свои^Х рабѧ, и авѧе сложи писмена, и начеть бесѣдѧ писати е^Ул'скоу, еже: искони бѣ слво, и слво бѣ ѡ бѧ, и бѣ бѣ слво и прочее** («Пошел же Философ по старому обычаю на молитву и с иными помощниками. И вскоре открыл ему их Бог, что внимает молитвам рабов своих, и тогда сложил писмена, и начал писать слова Евангелия: “Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог” и прочее»). Для автора жития обретение славянской письменности – чудо, явленное Богом. Реальный процесс создания новой ал-

фавитной системы и переводов богослужебных текстов, безусловно, занимал продолжительное время, и начало ему было положено задолго до прибытия в Константинополь великоморавского посольства.

В VII главе ПЖК есть упоминание о том, что Константин Философ, вернувшись после дипломатической миссии к арабам, ушел к Мефодию на Олимп, где в течение шести месяцев пребывал «в отлучении от всего мира», **тѣмко кнїгами бесѣдоує. ношѣ ѡбо и днѣ выноу съ братѡмъ своимъ въ си^х ѡпражняаше се.** Выражение **оупражнѣтисѧ въ книгахѣхъ** можно интерпретировать здесь как ‘заниматься чтением, писанием’ (письменностью в широком понимании). Занятия Константина вполне согласуются с трудами Мефодия, который, «исполняя полностью весь монашеский чин», в **книгахѣхъ прилежа** (ПЖМ, III гл.). По мнению исследователей, именно в монастыре Полихрон Константин и Мефодий начали свою книжно-лингвистическую деятельность, связанную с созданием новой системы письма и переводами библейских книг на славянский язык.

Свидетельство ПЖК о том, что первым текстом, переведенным и записанным по-славянски, был Пролог к Евангелию от Иоанна (**искони бѣ слово, и слово бѣ ѡ бѧ, и бѣ бѣ слово и прочее**), дает основание предполагать, что еще до моравской миссии был создан перевод Евангелия-*апракос* – служебного Евангелия, которое содержит отдельные фрагменты, расположенные в порядке годовых церковных чтений. Вероятно, именно о нем упоминает автор Итальянской легенды Гаудерих Веллетрийский как о «...Евангелии, переведенном на их собственный язык упомянутым Философом» («...evangelium in eorum lingua a Philosopho praedicto translatum») (FL, VII, с. 295).

В Моравии солунские братья были приняты **съ великою чѣстїю** и прожили здесь не менее трех лет (863–866). За это время они перевели **въсь цѣрквнын чинь, наоучи к ѡтрьници, и часовомь, и веѣрни, и павеѣрници, и таниѣи слоужбѣ** («...весь церковный чин и научили их утрене, и часам обедни, и вечерни, и повечерию, и тайной молитве (литургии)») (ПЖК, XV гл.). Благодаря этим переводам был заложен фундамент для создания нового книжно-письменного языка, основанного на диалекте македонских (солунских) славян и смоделированного по греческому образцу. Несмотря на это, тексты на старославянском языке были понятны западным славянам, поскольку в IX в. славянские наречия еще были структурно и семантически близки друг другу, сохраняя общее состояние праславянского языка позднего периода.

Одновременно закладывалось основание славянской церкви: были подготовлены ученики, которые научились читать вновь переведенные книги и использовать их в литургической практике. Однако рукоположить их в сан священнослужителей мог лишь церковный иерарх тогда еще единой Церкви (разделение произойдет лишь в 1054 г.). Поскольку баварские епископы от-

крыто противостояли византийским миссионерам, получить поддержку было возможно только у римского папы или константинопольского патриарха. В связи с тем, что в 867 г. патриарх Фотий, которого считают главным вдохновителем великоморавской миссии, был низложен и заключен в монастырь под стражу, а патриарший престол занял его противник Игнатий, рассчитывать на благосклонность предстоятеля Восточной церкви было сложно. Поэтому славянские первоучители вместе с учениками отправились к первосвященникам Западной церкви. Это было оправдано еще и тем, что как часть диоцеза Зальцбурга и Пассау Великая Моравия подчинялась римскому папе.

На пути в Рим миссия остановилась в Паннонии, в Блатенском княжестве (на территории современной Юго-Западной Венгрии) – небольшом славянском государстве, история которого насчитывает всего несколько десятилетий (ок. 840 – нач. X в.). Паннонский князь Коцел (833–876), узнав, что в соседней Моравии организуется богослужение на славянском языке, лично пригласил первоучителей к себе, чтобы познакомиться с переведенными литургическими книгами, поскольку также был заинтересован в создании независимой от Зальцбурга церкви. Константин и Мефодий задержались в Паннонии почти на год, чтобы обучить 50 учеников и самого Коцела славянской грамоте. Коцел, **вѣзлюбѣлъ велми словен'скыѣ кнѣгы** («очень возлюбил славянские буквы») (ПЖК, XV гл.), обучился им, а впоследствии сыграл важную роль в истории становления славянской церкви.

Из Паннонии миссия переехала в Венецию (867), рассчитывая обратиться за поддержкой к патриарху Аквилей-Градо Виталу, резиденция которого находилась в этом городе. Градская патриархия, находясь в подчинении римскому папе, сохраняла связи с Византией, а в начале IX в. аквилейские миссионеры проповедовали среди славян в хорватской Далмации, а также, возможно, Моравии и Паннонии.

Однако вместо поддержки солунские братья предстали перед церковным синодом, на котором собрались противники нововведений славянских первоучителей. Константин Философ принял участие в диспуте против латинских клириков, которые предъявили братьям обвинение в том, что те используют для богослужения неканонический язык.

В ответ Философ произнес знаменитую речь, часть текста которой представлена во всех известных полных списках ПЖК практически без изменений: **не идеть ли дѣжъ ѿ бѣа на вѣсе равно или слнѣце такожъ не сияетъ ли на вѣсе. ни ли не дыхаетъ на аіерь равно вѣси? и како вы не стыдите се, три езыки мѣнше тѣчю, а прочіимъ вѣсѣмъ езыкѣмъ и племенѣмъ слѣпѣмъ велеце и глухѣмъ быти** («Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы

не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими?») (ПЖК, XVI гл.).

Имеются в виду три канонических языка, единственно допустимые для богослужения с точки зрения «учения о триязычии». Это учение (признанное впоследствии еретическим) возникло в VII в. под влиянием идей Исидора Севильского (ок. 570–636), назвавшего древнееврейский, греческий и латинский языки сакральными («*Sacrae legis lingua triplex est, hebraea, graeca et latina*») со ссылкой на эпизод о Кресте распятия по Евангелию от Луки (23:38): «И была над ним надпись, написанная словами греческими, римскими и еврейскими: Сей есть царь Иудейский». С тех пор на западе Римской империи стало распространяться убеждение, что сам Христос указал на три «истинных» языка, достойных быть литургическими, тогда как всем остальным языкам в таком праве отказывалось. Впрочем, «триязычная ересь» так и не была возведена на уровень официальной церковной доктрины.

Речь в Венеции – фрагмент написанной Константином Философом апологии в защиту богослужения и книг на вновь созданном славянском языке. С помощью цитат из Псалтири (о том, что все народы должны славить Бога) и из Евангелий (о том, что апостолы призваны нести христианскую веру всем народам, для чего Христос наделил их даром говорить на всех языках) Константин аргументирует свою мысль: если все народы признаны достойными воспринять учение Христа, они достойны и того, чтобы иметь право обращаться к Богу на понятном им языке. Так было обосновано историческое право славянских народов иметь богослужение на родном языке.

Вести о византийских миссионерах, славянских книгах и особенно обретенных мощах св. Климента Римского достигли Рима. Солунские братья получили приглашение от папы Николая I прибыть в папскую столицу, однако когда первоучители были еще в Венеции, папа Николай скончался. Его преемник Адриан II лично встретил Константина и Мефодия с большими почестями. Он принял мощи св. Климента – покровителя Рима, первого епископа, канонизированного Западной церковью, – и передал их в храм, освященный его именем. Благодаря этому дару папа Адриан II одобрил и ввел сначала в Моравии, а затем и в остальных славянских землях письменность и богослужение на родном языке. Это обеспечивало относительную независимость местных славянских церквей (и в конечном итоге государств) от Рима и Константинополя, а также позволяло развивать собственную культуру.

Документальным подтверждением влияния принесенной в дар священной реликвии на решение римского папы являются сведения, содержащиеся в переданном в ПЖК послании папы Адриана II к славянским князьям. Адриан II, в частности, пишет о том, что создание славянской письменности было возможно благодаря заступничеству св. Климента, который почитался как покровитель

великоморавской миссии: мы же оумьслихомъ, испытывъше, послѣлати Мефодиа, да вы оучить, <...> такоже ксть философъ началъ Костлнтинъ бжню блгодатью и з[а] мѣтвы стго Климента («Мы же замыслили, испытав, послать Мефодия, чтобы учил вас <...> как начал Константин милостью Божией и молитвами св. Климента») (ПЖМ, VIII гл.).

С тех пор почитание св. Климента Римского стало в средневековой славянской церкви своеобразным «богослужебным моравизмом», сохранившимся в литургической практике (его имя было включено в молитвенные возгласы наряду с особо чтимыми восточными и западными святыми).

Пріемъ же папа кнѣгы словенскыє, [свети к] и положи к въ цркви стые Маріє, иже нарицает се Фотида, и пѣше на^а ними стую литургиѣ («Папа же, приняв славянские книги, освятил и положил их в церкви святой Марии, что называется Фатне. Пели же над ними святую литургию») (ПЖК, XVII гл.). Затем славянские литургии прошли во всех главных храмах Рима – соборах апостолов Петра, Павла и церквях апостола Андрея (покровителя Византии) и св. Петрониллы. Во время одного из богослужений ученики Константина и Мефодия были рукоположены в священники и диаконы. На хиротонии присутствовали епископы Гаудерих Веллетрийский и Формоз Портуанский (папский легат в Болгарии и будущий папа римский).

Спустя несколько месяцев Константин тяжело заболел и, предчувствуя приближение кончины, в декабре 868 г. принял монашеский постриг с именем Кирилл. С этим именем он прожил 50 дней. В прощальной молитве Константин-Кирилл просил Бога сохранить и преумножить славянскую церковь, избавив ее от врагов. А Мефодию завещал: се, брате, въ соупроуга вѣховѣ, єдиноу враздоу тѣжѣща, и азъ на лѣсѣ падаю свон днь съкончавъ. а ты любинши гороу вельми; то не мози, горы ради вставити оучениа своєго. паче во можеши кымь спсєнь быти («Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну (и ту же) борозду, и я на поле падаю, окончив день свой. Ты же очень возлюбил гору (Олимп), но не смей ради горы оставить учительство свое, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?») (ПЖМ, VII гл.).

14 февраля 869 г. Константин-Кирилл скончался в возрасте 42 лет. Мефодий собирался перевезти тело брата в Византию, однако почитатели великого первоучителя настояли на том, чтобы он был погребен в Риме. Папа Адриан II хотел похоронить Константина-Кирилла в базилике римских пап, но Мефодий предложил поместить раку с мощами в церковь св. Климента Римского. По сей день базилика св. Климента (*Basilica di San Clemente*) в Риме является местом поклонения выдающемуся просветителю славянства, которого Ф. Дворник назвал одним из крупнейших полиглотов и грамматистов Средневековья.

Вскоре после смерти Константина-Кирилла в Рим прибыли посланники паннонского князя Коцела, который просил отпустить к нему Мефодия. Папа Адриан II выполнил просьбу Коцела и направил первоучителя в славянские земли продолжать начатое дело, снабдив его письменным распоряжением, чтобы **на мѣши пьрвѣк чьтоутъ аплъ и евангѣлк римскы, таче словѣньскы** («...во время мессы читали Апостол и Евангелие сначала по-латыни, а потом по-славянски») (ПЖМ, VIII гл.). Разрешив проводить богослужение на славянском языке, римский папа, однако, не сделал другого важного шага: не возвел Мефодия в сан епископа. Славянская церковь, таким образом, все еще оставалась без первосвященника. Тогда князь Коцел снова отправил Мефодия к папе Адриану II, который, испытав правоверность просветителя славян, посвятил его в епископы и назначил архиепископом Паннонским.

В мае 870 г. Мефодий возглавил вновь восстановленную митрополию в Сирмии (*Sirmium*, некогда главный город Нижней Паннонии, ныне Сремска Митровица в Сербии), известную как «стол святого Андроника апостола». Территориально митрополия охватывала Блатенское княжество, а также собственно Моравию: **въ роукоу юго соутъ Ѡ ба и Ѡ апъскаго стола вса словѣньскыа страны** («...в руках его от Бога и от престола апостольского все славянские земли») (ПЖМ, XII гл.). Кроме того, престол апостола Андроника, одного из семидесяти учеников Христа, родственника и сподвижника апостола Павла, исторически обладал определенными привилегиями, поэтому диоцез архиепископа Мефодия, безусловно, стал соперничать с таким крупным архиепископством, как Зальцбургское.

Баварское духовенство вступило в полемику с Римом, пытаясь доказать неправомочность восстановления Паннонской (Сирмийской) митрополии, а также предъявить свои права на созданную ими ранее церковную организацию на землях славян. С этой целью в Рим был направлен исторический меморандум «*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*» («Обращение баварцев и каринтийцев»), на основании которого послы зальцбургского архиепископа должны были ходатайствовать перед папой о возвращении Моравии и Паннонии под церковную юрисдикцию Зальцбурга.

Автор этого сочинения подробно рассказывает о епископах, возглавлявших в разное время епархию в Зальцбурге и окормлявших в том числе и славянские территории. В XII главе он сообщает, что Рихвальд, назначенный зальцбургским архиепископом в качестве архипресвитера Паннонии, успешно исполнял свои обязанности, «...пока некий грек по имени Мефодий не изобрел славянские буквы и стал философски подрывать латинский язык и учение римской церкви и почтенные латинские книги и при всем народе пренебрегал мессами, евангельскими чтениями и церковными службами тех, кто вел их по-латыни» («...usque dun quidam Graecus Methodius nomine noviter inventis Sclavinis litteris linguam Latinam doctrinamque Romanam atque litteras auctorales Latinas

philosophice superducens vilesocere fecit cuncto populo ex parte missas et euangelia ecclesiasticumque officium illorum qui hoc Latine celebraverunt» (FL, с. 134)). Меморандум стал важнейшим свидетельством о длительном конфликте между баварским и славянским духовенством. Все перипетии этого противостояния неизвестны, однако игнорирование архиепископского сана Мефодия (в тексте Мефодий назван «неким греком») демонстрирует нежелание Зальцбурга признавать данный факт.

Уже новый папа Иоанн VIII (872–882) в своих посланиях разъяснял восточнофранкскому королю Людовику II Немецкому (804/805–876) и баварским епископам, что митрополия в Сирмии исконно подчинялась напрямую папскому престолу, а действия архиепископа Мефодия не идут вразрез с интересами Рима.

Однако изменившаяся политическая обстановка в западнославянских государствах сыграла на руку противникам Мефодия. Племянник Ростислава Святополк (Святоплек, ум. в 894 г.), который правил Нитранским княжеством, входившим в состав Великой Моравии, объявил себя вассалом восточнофранкского короля и выступил с оружием против великоморавского князя. Ростислав был пленен и передан франкам, которые отправили его в монастырь в Баварии, где он был ослеплен и прожил там до конца своих дней. Паннонский князь Коцел вслед за новым правителем Великой Моравии Святополком перестал поддерживать Мефодия. И архиепископ Паннонский предстал перед судом баварских епископов, обвинивших его в самовольном управлении церковью на подвластных им землях. Мефодий был осужден на пожизненное заточение в одном из монастырей в Швабии (**въ Бъвабъчѣ**). Только через два с половиной года благодаря вмешательству папы Иоанна VIII Мефодий был освобожден и смог вернуться в Моравию.

Святополк, расширяя территориальные границы Великой Моравии, решил привлечь моравское духовенство к обращению в христианство завоеванных языческих племен. Все церкви и монастыри были переданы в распоряжение архиепископа Мефодия. Так попечение о церковных приходах, подготовка новых священников, проповедь среди славян-язычников надолго стали главным делом первоучителя. Его твердая позиция в отношении христианских норм гражданского и семейного права вызывала недовольство князя Святополка и его дружины, часто эти нормы нарушавших. Разногласиями между князем и архиепископом воспользовались баварские клирики, которые, добиваясь влияния на Святополка, прощали языческие нравы моравской знати.

В конце 70-х гг. IX в. немецкие священники вновь стали обвинять Мефодия в том, что он служит литургию по-славянски и распространяет византийские церковные каноны. Оппонентом Мефодия на этот раз стал глава баварского духовенства Вихинг (Wiching, ум. в 912 г.). Завоевав благосклонность князя Святополка, который ходатайствовал о поставлении его епископом Нитры, Вихинг направил жалобу на Мефодия римскому папе.

Мефодий был вызван в Рим, где папа Иоанн VIII лично испытал его правоверие. В июне 880 г. папской буллой «*Industriae tuae*» были подтверждены полномочия архиепископа Мефодия и официально разрешено богослужение на славянском языке. Фрагмент буллы сохранен в ПЖМ: **братъ нашъ Мефодии стѣи и правовернѣ къ стѣи и аплько дѣянникъ дѣлактѣ. <...> да кгоже прокльнетѣ, проклатѣ, а кгоже стѣитѣ, тѣ стѣи да боуди** («Брат наш Мефодий свят и правоверен и апостольское дело делает. <...> И кого он проклянет, да будет проклят, а кого он благословит, да будет благословен») (ПЖМ, XII гл.). Положение первоучителя упрочилось и благодаря распоряжению Иоанна VIII о том, чтобы все священство Великой Моравии (в том числе баварское) подчинялось архиепископу Мефодию и не предпринимало ничего без его ведома («*ut nihil omnino praeter eius conscientiam agant*»).

Однако в 884 г. конфликт между немецким клиром и архиепископом разгорелся вновь. На сей раз Мефодия обвинили в том, что он не исповедует принятый еще в VIII в. в империи Каролингов Символ веры (по которому Св. Дух исходит от Бога Отца и от Сына (*Filioque*)), а также распространяет византийскую систему постов. По свидетельствам «Пространного Жития Климента Охридского» и послания нового папы Стефана V Святополку (булла датирована 885 г.), противостояние завершилось тем, что Мефодий отлучил епископа Вихинга от церкви, однако тот вскоре смог добиться восстановления в сане.

Несмотря на постоянные конфликты с немецким духовенством и государственной властью, необходимость доказывать свое правоверие перед римским папой и сохранять единство Церкви, Мефодий не оставлял свою просветительскую деятельность, как завещал ему Константин-Кирилл. Он обучал новых учеников и продолжал заниматься переводами на славянский язык. В XV главе ПЖМ есть сообщение о том, что незадолго до смерти Мефодий перевел весь Ветхий Завет (кроме Книги Маккавеев), а также Номоканон (византийский сборник церковных правил) и святоотеческие книги: **прѣже же ѿ оученикъ своихъ посажь дѣва попы скорописьца зѣло, прѣложи въ бѣрзѣ всѣ книги, всѣ испл'нь, развѣ Макавѣи, ѿ гръческа языка въ словѣнскѣ <...> псалтырь бо въ тѣктѣмо и евангѣлиѣ съ апльмѣи и избранными слоужьбами цркъвными съ философѣмъ прѣложи пьрвѣк. тѣгда же и Номоканонъ, рекъше законоу правило, и бѣчьска книги прѣложи** («Раньше же (еще), посадив из учеников своих двух попов скорописцев, перевел быстро и полностью все книги (библейские) кроме Маккавеев, с греческого языка на славянский. <...> Ведь только Псалтырь и Евангелие с Апостолом и избранными службами церковными перевел сначала с Философом. Тогда же и Номоканон, что значит правило закона, и книги отцов перевел»).

Свои труды Мефодий не оставлял до самой смерти. Перед кончиной он указал на преемника – одного из ближайших учеников моравянина

Горазда, который был оученъ же доврѣ въ латиньскыя книги, правовѣрнъ («...хорошо знает латинские книги, правоверен») (ПЖМ, XVII гл.).

6 апреля 885 г. Мефодий скончался. Его отпевали на трех языках – латинском, греческом и славянском – и похоронили в одной из моравских соборных церквей (вероятно, в Велеграде либо Сирмии, где находились епископские кафедры Мефодия).

Культ св. Мефодия, как и культ его младшего брата, начал складываться сразу же после кончины. Константин-Кирилл и Мефодий причислены к лику равноапостольных. Их почитают все славянские народы, для которых Кирилл и Мефодий стали тем же, чем апостолы Петр и Павел для всего христианского мира. В конце XIX в. изучение наследия первоучителей, их «славянский универсализм» утвердили Ф. Гривеца в мысли, что именно славянским народам уготована историческая миссия примирения и воссоединения католического Запада и православного Востока.

Деятельность апостолов славян в Моравии и Паннонии была на несколько порядков выше любой другой миссии в истории византийской церкви. Учитывая тот факт, что великоморавская миссия предназначалась для уже христианизированного народа, следует принять во внимание субъективный фактор – масштаб личности солунских братьев, которые уровнем образованности и личностными качествами превосходили многих своих соотечественников и современников. То же самое можно сказать о славянских учениках Константина-Кирилла и Мефодия, которые оказались достойными преемниками первоучителей, способными развивать просветительские идеи своих наставников в новом качестве.

2.3. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Осенью 885 г. папа Стефан V (885–891) в своем послании князю Святополку наложил запрет на проведение богослужения на славянском языке, а в качестве наказания грозил отлучением: «*Divina autem officia et sacra misteria ac missarium sollemnia, quae idem Methodius Sclavorum lingua celebrare praesumptis, quod, ne ulteris faceret... Contumaces autem et inoboedientes contentioni et scandalo insistentes post primam et secundam admonitionem si se minime correxerint, quasi zizaniorum seminatores ab ecclesiae gremio abici sancimus et, ne una ovis morvida totum gregem contaminet, nostro vigore refrenari et a vestris finibus procul excludi praecipimus*» («А те божественные службы и святыя таинства и торжественные литургии, которые этот Мефодий осмеливался служить на славянском языке, в дальнейшем прекратить... А упорствующих и непокорных, которые будут настаивать и сопротивляться после первого и второго напоминания, как сеятелей

плевел, приказываем изгнать из лона церкви и, дабы одна паршивая овца не заразила все ваше стадо, повелеваем силой обуздать их и изгнать подальше от ваших мест») (FL, VII, с. 189).

Во главе Моравской церкви теперь стоял епископ Вихинг, получивший от папы полномочия изгонять из страны тех, кто не соблюдает распоряжения Рима. Князь Святополк, который предпочитал латинскую мессу (в булле «*Industriae tuae*» 880 г. упоминается его просьба к папе, чтобы для него совершалось богослужение на латыни) и Символ веры с *Filioque*, предоставил своему фавориту Вихингу полную свободу действий.

Вихинг воспользовался своим правом, и в 886 г. ученики Константина-Кирилла и Мефодия были изгнаны из Великой Моравии. Баварские клирики понимали, что пока последователи первоучителей находятся в стране и остаются верными славянской церкви, «...Мефодий окажется... воскресшим <...> и иных бесчеловечно пытали, дома других подвергались разграблению со стороны тех, кто соединил в себе нечестие с алчностью, третьих нагими владели по терниям, причем творили это с людьми старыми» («Пространное Житие Климента Охридского», X гл.). Около двухсот молодых священников и диаконов были проданы в рабство и вывезены в Венецию. Узнав об этих невольниках, их выкупил посол византийского императора Василия I Македонянина и отправил в Византию.

Ближайшие ученики первоучителей, известные как Горазд, Климент, Наум, Ангеларий и Савва (в некоторых источниках вместо последнего упоминается Лаврентий), были объявлены еретиками и осуждены на вечное изгнание из Великой Моравии. Горазд как преемник Мефодия на епископской кафедре представлял для баварского духовенства наибольшую опасность, однако его не изгнали и не казнили (несмотря на угрозы), а оставили в заточении. Горазд умер в Великой Моравии после 886 г. Остальных под конвоем солдат, истязавших их мечами и копьями, без одежды вывели за пределы Велеграда. С большим трудом изгнанники добрались до Сирмии, а потом на трех связанных бревнах спустились по Дунаю до Белграда, который находился тогда на территории Первого Болгарского царства у границ Паннонии. Так начался новый этап в истории славянской письменности и славянского богослужения, который следует датировать 886 – (893) – 927 гг.

Наместник Белграда встретил Климента, Наума и Ангелария с большим почетом и проводил их в столицу Болгарского царства Плиску. Там их ждал князь Борис (пер. пол. IX в. – 907), который «крестил болгар» осенью 865 г. и с тех пор живо интересовался опытом Великой Моравии по созданию самостоятельной церкви. Усилия Бориса были направлены на организацию болгарского диоцеза, независимого от Византии. Этому, по мнению болгарского князя, должны были способствовать славянское богослужение и славянский язык, функции которого

в государстве предполагалось значительно расширить. Появление в Болгарии учеников Константина-Кирилла и Мефодия открывало новые перспективы в реализации этих планов.

Климент (840 – 17.07.916) и его брат Наум (830-е – 23.12.910) были направлены в юго-западные пределы Болгарского царства возле Охридского озера – область, которая была частью исторического Иллирика и епархии апостола Андроника (чью епископскую кафедру возглавлял Мефодий). С целью подготовки будущих болгарских священнослужителей в Охриде был организован центр книжности («школа»), в котором велось обучение славянской грамоте (за несколько лет учительской деятельности Климента было обучено 3500 человек), продолжалась работа по переводу христианских текстов, создавались оригинальные произведения на старославянском языке, было налажено переписывание книг. Именно в Охридской книжной школе возник корпус памятников, сохранивших систему норм кирилло-мефодиевского языка. С ранним этапом книжной деятельности в Охриде следует связывать появление древнейших из дошедших до нашего времени *Зографского* и *Мариинского* евангелий, отражающих основные черты языка первоучителей.

В 889 г. князь Борис отрекся от престола в пользу своего сына Владимира (Расате), который три года спустя предпринял попытку восстановить в Болгарии язычество. И хотя внешнеполитическая и внутрицерковная деятельность Владимира (союз с Римом и Восточно-Франкским королевством, попытки ослабить влияние Византийской церкви через возвращение языческих культов своих предков) была направлена на укрепление позиций Болгарии в ее противостоянии с Византией, он был низложен, ослеплен и заключен в тюрьму. На время вернувшийся из монастыря Борис перенес столицу Болгарского царства из Плиски в Преслав (в Восточной Болгарии), где в 893 г. был созван собор, постановлениями которого новым правителем Болгарии был объявлен третий сын Бориса Симеон, а также утвержден приоритет старославянского языка и славянской книжности. Именно при Симеоне I Великом (864–927) начался «золотой век» славянской письменности.

Будущий болгарский князь, а с 919 г. царь, Симеон получил образование в константинопольской Магнаврской школе (той самой, которую закончил Константин Философ). В византийских хрониках он упоминается как «полу-грек», в совершенстве овладевший греческим языком, арифметикой, астрономией, музыкой и искусством дипломатии. Он принял монашеский постриг и должен был, по замыслу своего отца князя Бориса, стать иерархом автокефальной Болгарской церкви. Вместо этого просвещенный книжник встал во главе государства.

Симеон смог реализовать концепцию государственного строительства, в основу которой были положены идеи создания сильного христианского

государства, независимой национальной церкви и значимых религиозных и культурных центров. Первый важный шаг к автокефалии Болгарской церкви – рукоположение Климента Охридского в епископы (893). В это же время в Преслав из Плиски был перенесен второй крупный центр книжности, он работал параллельно с возглавляемой Климентом книжной школой в Охриде. Преславская книжная школа, которую курировал один из младших учеников Мефодия Константин Преславский (ум. ок. 910), являлась центром активной литературной и переводческой деятельности, продолжая и развивая традиции первоучителей. Охридская и Преславская книжные школы определили облик славянской литературы IX–X вв., ее «золотой век», на протяжении которого создавались такие памятники, как «Учительное Евангелие» Константина Преславского, «О письменах» Черноризца Храбра, «Небеса» и «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, ораторская проза Климента Охридского, гимнографические сочинения Константина Преславского и Наума Охридского и др. С тех пор созданная в течение почти сорока лет многожанровая оригинальная и переводная литература начала распространяться среди других славянских народов, что оказало существенное влияние на дальнейшую историю старославянского языка.

В западнославянском ареале (*Slavia Latina*) традиции славянской письменности развивались в Чехии, начиная с 80-х гг. IX в., когда Мефодий крестил чешского князя Борживоя, о чем свидетельствует созданная в Праге в конце X в. «Легенда Кристиана» («*Legenda Christiani*»). В X–XI вв. здесь велась работа над переводами латинских памятников (например, «Бесед на Евангелия» папы Григория Великого, жития св. Бенедикта), а также было составлено оригинальное житие первых славянских мучеников свв. Вацлава и Людмилы. К этому периоду относится создание древних духовных песнопений (в частности, «*Nospodine, romilj nu!*»), и это подтверждает, что чешская письменность, исторически связанная с великоморавской миссией, сохраняла и транслировала кирилло-мефодиевское культурное наследие (следует упомянуть также факт возрождения славянского богослужения в пражском Эмаусском монастыре в 1344 г. при Карле IV). Древнейшим старославянским памятником чешско-моравского происхождения являются *Киевские листки*, датируемые X в. и содержащие отрывки славянского перевода латинской мессы. По мнению Н. Н. Дурново, язык Киевских листков – это «...чистый, строго выдержанный образчик чешско-моравского варианта старославянского языка»¹.

В Польше славянская литургия официально существовала в Кракове до 1079 г., а в известной своим хранилищем кирилло-мефодиевских рукописей

¹ Дурново Н. Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 569.

Вислице (основанной князем вислян Вислимиром, который, по свидетельству ПЖМ, был принудительно крещен архиепископом Паннонским) – до 1180 г. Но и впоследствии, даже после перевода богослужения на латинский язык, польское духовенство продолжало чтить и распространять культ свв. Кирилла и Мефодия, которые на синоде 1439 г. были объявлены покровителями и апостолами Польши. А созданный в конце XIII в. гимн «*Bogurodzica*» («Богородица») – древнейший поэтический текст на польском языке – демонстрирует генетическую связь с образцами византийской гимнографии (тропарями), а также старославянскими языковыми моделями.

Угасание кирилло-мефодиевской традиции в западной части южнославянского ареала стало причиной длительного перерыва в развитии славянского книжного языка, основные черты которого отражены в древнейшей записанной латиницей славянской рукописи – *Фрейзингенских отрывках* (словен. *Brižinski spomeniki*), датируемых второй половиной X в. Анализ языковых данных и установление оригиналов, с которых переводились славянские тексты, показывает, что Фрейзингенские отрывки списаны с прототекстов, возникших, по-видимому, еще в Моравии в первой половине IX в. Этими прототекстами были баварские исповеди на древневерхненемецком языке.

Еще в IX в. славянская письменность из Великой Моравии проникла на земли хорватов. Исследование фрагментов Св. Писания из хорватских миссалов и бревиариев (богослужебных книг, содержащих чинопоследование мессы и литургических часов) XIV–XV вв. показало, что часть этих текстов восходит к переводам, выполненным еще в эпоху деятельности первоучителей. Литургия на славянском языке была распространена здесь на протяжении X–XI вв., пока ее не запретили соборы латинского духовенства. Однако этот запрет не помешал стойким хорватам-«глаголяшам» Далмации использовать древнюю славянскую азбуку в письменности и славянский язык в богослужении вплоть до начала XX в.

Ситуация, сложившаяся в ареале *Slavia Latina* после его вхождения в западно-христианский конфессиональный и культурный круг, не означает, однако, что западные и часть южных славян потеряли возможность развивать собственную культуру. Теперь это развитие продолжалось в контексте истории западноевропейской средневековой культурной традиции, выражающей себя исключительно на латыни – языке церкви, науки и образования, права и делопроизводства, литературы и искусства.

В восточнославянском ареале (*Slavia Orthodoxa*), объединившем южных и восточных славян, ориентировавшихся на традиции византийского православия, кирилло-мефодиевские традиции не прерывались, а канонический язык славянской церкви стал единым языком православных славян. Его непрерывное и постепенное развитие сопровождалось консервативными реформами («правкой» или «книжной справой»), целью которых было сохранение и воз-

рождение норм первого славянского книжно-письменного языка, носившего наднациональный характер.

Использование книжно-славянского языка предполагало политическую независимость славянских государств и автономию их церквей, что было особенно актуально для южных славян, подверженных постоянной активной экспансии со стороны Византии. В конце X – начале XI в. и вплоть до конца XII в. территории южных славян вновь вошли в состав Восточной Римской империи. На фоне насильственной эллинизации славянский язык стал фактором, определявшим этническое и культурное самосознание южнославянских народов. Та же ситуация повторилась позже, уже в условиях исламизации, когда сербы, болгары и македонцы попали под власть Османской империи.

У восточных славян приобщение к кирилло-мефодиевскому наследию, утвердившемуся на Балканах, началось через усвоение болгарской письменности. Через Болгарию Древняя Русь получила переводы текстов Св. Писания и их толкования, литургические книги, «учительную» литературу в виде сборников фрагментов из византийских богословских сочинений («Златоструй»), жития святых, гомилетику (проповеди) и гимнографию, философские труды («Шестоднев», «Изборники»), естественнонаучные сочинения («Физиолог» и «Бестиарий») и др. С XI в. Древняя Русь сама становится крупнейшим центром книжно-письменной культуры, транслируя собственный опыт переводческой деятельности и создания оригинальных произведений.

Точкой отсчета в истории восточнославянской книжности считается создание *Остромирова Евангелия*, переписанного дьяконом Григорием в 1056–1057 гг. по заказу новгородского посадника Остромира, родственника киевского князя Владимира. Это одна из 40 сохранившихся славянских рукописей XI в., списанная (как установил А. Х. Востоков) с болгарского оригинала, относящегося к раннему этапу развития славянской письменности IX–X вв. Совершенство оформления *Остромирова Евангелия* позволяет считать этот памятник одной из вершин в предшествующей византийской и последующей славянской рукописной традиции новозаветных текстов.

В истории книжной культуры Беларуси распространение кирилло-мефодиевских традиций связано с появлением *Туровского Евангелия*, переписанного около 1050 г. неизвестным книжником и сохранившегося лишь в десяти страничных фрагментах (отсюда другое название памятника – *Туровские листки*). Однако даже небольшой объем рукописного текста позволяет обнаружить в Туровском Евангелии общие закономерности, свойственные самым ранним памятникам восточнославянской книжности. XI в. датируется *Слуцкая псалтирь* – одна из четырех известных древнейших псалтирей восточнославянского происхождения. Введенная в научный обиход в 1868 г., Слуцкая псалтирь впоследствии была утеряна, сохранилось лишь ее описание, выполненное И. И. Срезневским. К XII в. относится другой значимый памятник, отражающий

элементы диалекта полоцких кривичей, – *Полоцкое Евангелие*, созданное, согласно легенде, при участии Евфросинии Полоцкой. К полоцкому скрипторию, скорее всего, восходит *Оршанское Евангелие* XIII в. Следовательно, непрерывность кирилло-мефодиевской традиции на землях этнографической Беларуси подтверждается фактом распространения здесь ранних рукописных памятников, общих для христиан ареала *Slavia Orthodoxa*.

Таким образом, исторический контекст просветительской деятельности Константина-Кирилла и Мефодия среди славян свидетельствует, что их миссия предполагала решение целого комплекса специфических задач, которые в таком масштабе не ставила перед собой и не решала ни одна другая миссия, когда-либо действовавшая в Европе. Славянские просветители и их ученики смогли не только создать новую алфавитную систему, заложить основы нового книжно-письменного языка, выполнить перевод обширного корпуса христианской литературы, организовать школу как условие воспроизведения и сохранения этнокультурной традиции славян, но и сформировать единое культурное пространство славянских народов. В этом уникальность событий, которые происходили одиннадцать столетий назад на территории Великой Моравии, а также непостижимая высота того духовного подвига, который совершили апостолы славян Константин-Кирилл и Мефодий.

2.4. СЛАВЯНСКИЕ АЗБУКИ

Древнейшие из сохранившихся до нашего времени старославянских памятников X–XI вв. записаны двумя разновидностями письма: *кириллическое* – основа письменных систем более ста естественных языков; *глаголическое* – феномен, до сих пор являющийся предметом научных дискуссий. Сам факт существования двух алфавитов на раннем этапе развития славянской письменности представляет собой одну из самых интересных проблем современной палеославистики.

Исследование этой проблемы определяется следующими вопросами:

1. Какая из двух азбук была изобретена Константином-Кириллом, а следовательно, более древняя?
2. Какова причина появления второй азбучной системы, и существовала ли конкуренция между ними?
3. Каков был первоначальный состав древних славянских азбук, и на какой основе они были созданы?

И хотя окончательно не решен ни один из этих вопросов, наиболее вероятной (хоть и не общепризнанной) является следующая версия истории происхождения славянских азбук.

До весны 863 г. (времени начала великоморавской миссии) в Византии было создано *глаголическое письмо* для записи славянской речи. Его создателем был Константин-Кирилл, возможно, при участии Мефодия, о чем свидетельствуют кирилло-мефодиевские источники – ПЖК (шь^А же филосоуфь <...> и авие сложи писмена («...пошел же Философ <...> и тотчас сложил письмена»)) (ПЖК, XIV гл.), ПЖМ (да тоу ави бѣ философу словѣньскы книгы. и авие оустрои въ писмена и вѣсѣдоу съставль, поути сѧ патъ Моравьскаго («...и здесь явил Бог Философу славянское письмо. И тот, быстро создав письмена и составив (из них) беседу (евангельскую), отправился в Моравию»)) (ПЖМ, V гл.), трактат «О письменах» Черноризца Храбра (и сътвори нмъ •Ѡ• писмена и осмь («...и создал он для них тридцать письмен и восемь»)) (Хр, III гл.). При этом апологет славянской письменности Храбр утверждает, что создание Константином-Кириллом азбуки – общеизвестный факт: **аще бо въпросиши книгъчнѧ гръчьскаѧ глагола. кто вы естъ писмена створи нъ, или книгы прѣложи нъ, или въ кое врѣмѧ? то рѣдци ѡт нихъ вѣдѧть. аще ли въпросиши словѣньскыѧ боукѧ глагола. кто вы писмена створи нъ естъ, или книгы прѣложи нъ, то въси вѣдѧть и ѡтвѣщавше рѣкънъ. свѧти Кѡнстантинъ Философъ нарицаемѧ Кирил. тѣ нам писмена створи и книгы прѣложи и Мефодие братъ его** («Ведь если спросишь книжников греческих, говоря: кто создал вам письмена или книги перевел и в какое время, то мало кто среди них знает. Если же спросишь славянских книжников, кто вам письмена создал или книги перевел, то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом, он и письмена создал, и книги перевел, и Мефодий, брат его») (Хр, IX гл.).

Свое название *глаголица* получила от лексем **глаголъ** ‘слово, речь’, **глаголати** ‘говорить’. Возможную первоначальную форму – *глаголѣница* – сохранило древнерусское прибавление к Толковой Палее XIII (?) в. в искаженном варианте **глемѣ лѣнцию** < **глемѣ глѣнцию** (т. е. **глаголемѣ глаголѣнцию**). Термин *глаголица* (*glagolica*) встречается в хорватской письменности не ранее XVI в., но в латинских документах формы *glagola*, *glagolita* ‘служащий по глаголическим церковным книгам’ отмечены уже в XIV в. (В. Н. Щепкин). Этот термин отражен и в научных трактатах на латинском языке – *alphabetum glagoloticum*, *scriptura glagolitica*.

Вопросу о происхождении глаголического письма посвящено значительное количество исследований, начало которым положил Й. Добровский в книге «Glagolitica» (Прага, 1807). Основные теории группируются вокруг двух принципов: принципа *естественного* происхождения в процессе адаптации знаков из других графических систем и принципа *искусственного* происхождения в результате самостоятельного творчества просветителя славян.

Первый принцип лежит в основе теории Тэйлора-Ягича, которая была выдвинута в конце XIX – начале XX в. и возводила глаголицу к греко-византийскому минускулу IX в. *Минускул* (от лат. *minusculus* – ‘очень маленький’) – тип письма, состоящего из одних строчных букв, который возник в конце VIII в. во Франции на основе латинского алфавита. В начале IX в. минускул получил широкое распространение в Византии. Его введение в обиход по своей общекультурной значимости было сродни изобретению книгопечатания. Использование минускула в качестве нового стандарта письма позволило не только существенно снизить затраты на материал и сократить время переписывания книги, но также осуществить важные преобразования в самом подходе к созданию письменного текста. В частности, минускул давал возможность комбинирования ряда букв, избавляя переписчика от необходимости выписывать каждый графический знак по отдельности. Кроме того, создатели большинства античных и раннесредневековых книг использовали рудиментарную систему пунктуации, что было обусловлено отсутствием пробелов между словами. Можно констатировать, что регулярное введение пробелов и расстановка диакритических знаков стали неотъемлемой частью минускульного рукописного текста приблизительно с конца IX в.

Однако попытка возведения славянской глаголицы к греческому минускульному письму как источнику, до сих пор предпринимаемая рядом исследователей (В. Ткадличик, П. Илчев и др.), противоречит природе глаголической азбуки. С точки зрения техники использования минускул представляет собой вариант греческой скорописи, в которой отдельные буквы частично связаны между собой, выходят за пределы строки (что не свойственно глаголическим почеркам). Глаголические буквы характеризуются завершенностью, графической самостоятельностью, все знаки образуют единую систему и соответствуют определенному канону начертания (табл. 1).

Таблица 1

**Сопоставление греческой скорописи,
глаголических и кириллических букв**

Греческая скоропись	Глаголица	Кириллица
α	ⴗ	А
γ	ⴚ	Г
δ	ⴛ	Д
ι	ⴑⴒ	И
λ	ⴞ	Л
υ	ⴝ	У

Греческая скоропись	Глаголица	Кириллица
Γ Δ Χ Ϝ Ϛ Ο Ϙ Ξ	Ѡ Ѣ Ѥ Ѧ Ѩ Ѭ Ѯ Ѱ Ѳ Ѵ Ѷ Ѹ Ѻ Ѽ Ѿ ѿ ѿѿ ѿѿѿ	Т С Х Н Ю О Ё Б Ч Ц З С У Ж Ш Щ Ж, Ж А, А А Ъ Ы Ь

Глаголическую азбуку, вероятно всего, следует считать самостоятельной графической системой, которая возникла в результате индивидуального творчества Константина-Кирилла. Однако это не означает, что при ее создании не учитывался многовековой опыт развития других систем письма, и прежде всего греческого. Например, греческая буква Θ (*theta*) в измененном виде просматривается в двух глаголических графемах – Ѧ (земля) и Ѧ (ферт). Греческим влиянием следует объяснить наличие в глаголице дублетных букв, которые обозначали один и тот же звук славянской речи: ѡ (он) и Ѧ (от) для [о], Ѣ (уже) и Ѥ (и) для [и].

Бесспорно также семитское влияние на автора глаголицы (на что указывали П. Шафарик, Ф. Ф. Фортунатов, В. Вондрак, А. М. Селищев). Так, буква ѡ (*šin*) использована в глаголице в той же форме и с тем же значением для передачи славянского звука [ш] – Ш (*ша*). Глаголическая Ш вошла впоследствии в состав кириллицы, и это факт, свидетельствующий о вторичности кириллического

письма относительно глаголицы. Кроме того, семитские знаки можно распознать в начертаниях глаголических букв **Ѵ** (*цы*) – **𐤆** (*šade*) и **𐤅** (*како*) – **𐤑** (*qōp*) или **𐤌** (*lamed*).

Предметом научных дискуссий также является вопрос, какая из двух славянских азбук древнее. На фоне обсуждаемых гипотез о древности кириллицы, которая якобы возникла в результате эволюции греческого письма, возможно, еще в VII в., ряд положений, подтверждающих первичность глаголицы, определен с высокой степенью достоверности.

Так, древнейшие из сохранившихся старославянских памятников X–XI вв. – *Киевские листки* и *Пражские отрывки*, *Зографское*, *Мариинское*, *Ассеманиево* евангелия, *Синайская псалтирь*, *Синайский евхологий* и др. – написаны глаголицей. Локализация этих памятников (Киевские листки и Пражские отрывки созданы в Моравии, остальные книги переписаны в скриптории Охридской книжной школы в Юго-Западной Болгарии, где продолжались традиции первоучителей и культивировалось глаголическое письмо), а также архаичный язык глаголических рукописей со значительным количеством моравизмов дают основание считать глаголицу более древней системой письма.

В кириллических рукописях XI–XIII вв., переписанных с глаголических, встречаются элементы глаголицы. Например, в *Евгеньевской псалтири* XI в. глаголические буквы использованы в качестве инициалов – заглавных букв в начале разделов, а в *Болонской псалтири* XIII в. отмечены слова и целые строки на глаголице. Кириллические приписки в глаголических книгах сделаны в более позднее время (например, разметки богослужебных чтений в Мариинском и Зографском евангелиях).

Важным свидетельством первичности глаголицы являются *палимпсесты* (от греч. *πάλιν* ‘опять’ и *ψηστός* ‘соскобленный’) – рукописи, записанные поверх смытого или выскобленного более раннего текста (такой текст называют «угасшим»). Причина появления палимпсестов – дороговизна и нехватка писчего материала (как правило, пергамена, хотя сохранились греческие палимпсесты и на папирусе), а большинство смытых текстов – это библейские, житийные, богословские сочинения. В среднеболгарском *Боянском Евангелии-апракос* XIII в. сорок листов представляют собой палимпсест, в котором поверх нижнего смытого глаголического Евангелия конца XI в. записаны кириллические евангельские чтения. А древнейшее Зографское Евангелие на листах 41–57 содержит палимпсест с текстом глаголического четвероевангелия конца XI в. на нижнем слое, поверх которого более поздней угловатой глаголицей с вкраплениями кириллических букв записан новый текст, датируемый XII в. Случаи, когда глаголический текст нанесен вместо смытого кириллического, ученым не известны.

Внимание исследователей привлекли идеографические элементы в глаголическом алфавите, созданном в Византии в период борьбы с иконоборче-

ством – движением, направленным против почитания икон. После возвращения иконопочитания (в 843 г.) наблюдается стремление к иконичному выражению абстрактных понятий. С этим стремлением может быть связан и символизм знаков глаголицы, которая интерпретируется как идеографическое выражение Св. Писания.

Согласно теории Г. Чернохвостова, поддержанной его учителем В. Кипарским, основу начертания большинства глаголических букв составляют три главных христианских символа – крест, треугольник и круг.

Крест (или *хризмон* – монограмма имени Иисуса Христа) наиболее отчетливо виден в первой букве глаголического алфавита – **Ѡ** (*аз*). Как начальный элемент алфавитной системы этот знак освящает всю последующую совокупность букв, образующих единое пространство, в котором крест проявляется неоднократно (так, элементы креста находим в начертании букв **Ѣ** (*буки*), **Ѧ** (*наш*), **Ѧ** (*покой*) и др.). Создатель глаголицы таким образом указывал, что изучение и использование славянской азбуки – богоугодное дело.

Не менее значим треугольник – символ Св. Троицы, основного догмата христианского вероучения. Типичными треугольниками являются буквы **Ѧ** (*ять*), **Ѣ** (*и*).

Комбинации из кругов, обозначающих божественные свойства – бесконечность и совершенство, – представляют собой **ѠѢ** (*добро*), **ѠѢ** (*веди*), **ѠѢ** (*живете*), **ѠѢ** (*людие*), **ѠѢ** (*мыслете*), **ѠѢ** (*твердо*).

Сочетания треугольников с кругами представляют собой буквы **ѢѢ** (*иже*), **ѢѢ** (*слово*), **ѢѢ** (*ю*) и др.

Кроме того, Г. Чернохвостов обратил внимание на явно преднамеренную симметрию букв **ѢѢ** (*иже*) и **ѢѢ** (*слово*), обусловленную тем, что именно эти две буквы составляют сокращенный вариант имени *Иисус*, которое наиболее часто употребляется в новозаветных текстах: **ѢѢ** (**ІѢѢ**). Такую тонкость мог реализовать в своем алфавите только человек, создававший письмо с миссионерскими целями. А в славянском глаголическом написании имени Христа прочитывается, таким образом, особый богословский смысл (отсутствующий, например, в греческой или латинской форме). Имя Христа образует здесь цикл, законченный круг, что соответствует словам из Апокалипсиса: «Азъ есмь альфа и омега, начатокъ и конецъ» (Откр., 1:8). Теорию Чернохвостова-Кипарского далее развил Б. А. Успенский, который истолковал симметрично ориентированные буквы **ѠѢ** (*добро*) и **ѠѢ** (*веди*) как знаки, находящиеся в тех же отношениях, что и **ѢѢ** (*иже*) и **ѢѢ** (*слово*). Отраженное в древнейших глаголических памятниках (Мариинском Евангелии и Синайской псалтири) начертание **ѠѢѠѢ** означало сокращение имени *Давид* – ветхозаветного прообраза Христа.

Такой вариант прочтения глаголицы вызвал критику со стороны ряда палеографов (В. Ткадлчик, П. Илчев и др.), которые указывали на то, что многие

знаки глаголицы не восходят к христианским символам, но представляют собой четырехугольники (**Ѡ** (*ферт*), **ѡ** (*червь*)), а также овальные и полукружные формы (**Ѣ** (*земля*), **Ѥ** (*есть*), **Ѧ** (*он*), **Ѩ** (*ук*)).

Прототипы иного характера видела в буквах глаголицы Е. Э. Гранстрем, которая возводила формы глаголических знаков к вариантам специальных систем письма, унаследованных от античной культуры. Такие графические системы употреблялись для скорописи, при сокращении слов, для обозначения терминов в научных текстах, а также в криптографии (тайнописи). Например, знак, подобный глаголической букве **Ѣ** (*слово*), встречается в сочинениях Галена, где обозначает *acetum* ‘уксус’, а начертание, похожее на букву **Ѥ** (*како*), употреблялось в греческих рукописях для скорописного написания союза *καί* ‘и’ и слогов с буквой *κ* (*κόν*, *κοσ* и др.). Е. Э. Гранстрем обнаружила гипотетические прототипы для 31 из 38 букв глаголицы.

Теории возникновения знаков глаголицы, основанные либо на ее сакральном характере, либо на зависимости от особых греческих систем письма, так или иначе подтверждают версию об искусственном происхождении глаголического алфавита. Глаголица была создана с опорой на многовековой опыт функционирования других письменных систем, но с учетом специфики славянской фонетики (в алфавит были включены буквы для обозначения шипящих согласных, носовых и редуцированных гласных и др.). Возникшая в греко-византийской культурной среде глаголическая азбука, несомненно, сохранила следы влияния греческой графики, однако это влияние было творчески переосмыслено. Создатель славянского письма изменил формы греческих букв в духе христианской идеологии, добавил новые знаки для передачи специфических славянских звуков и в результате изобрел оригинальную графическую систему, которая соответствовала структуре славянской речи и отражала особенности славянского фонологического мышления.

Названия букв глаголицы оригинальны и разнообразны. Если в греческом алфавите в качестве наименований букв использованы заимствованные семитские (финикийские) имена в форме номинатива (например, греч. *alpha* (Α) < финик. *ālep* (𐤀) < др.-егип. иероглиф, обозначающий голову быка (𐦏)), то буквы глаголицы именуются славянскими лексемами, среди которых есть существительные (**Ѣ** (*буки*), **Ѧ** (*людие*), **Ѣ** (*слово*)), местоимения (**Ѡ** (*аз*), **Ѥ** (*иже*), **Ѧ** (*наш*)), глаголы (**Ѣ** (*веди*), **Ѥ** (*мыслете*)), наречия (**Ѥ** (*зело*)) и др. Как и названия букв древнееврейского алфавита, славянские слова могут быть сложены в краткий связный текст (**азъ боꙋки вѣди**... ‘я знаю буквы’ и т. д.). По замыслу первоучителя, знакомство с письмом, даже на начальном этапе заучивания алфавита, должно было направить человека к вершинам нравственного совершенства.

евского языка графико-фонетические соответствия. Самая известная Азбучная молитва (**азъ словомъ симъ молю сѧ богоу**), сохранившаяся в 38 кириллических рукописных списках XII–XVIII вв., принадлежит перу Константина Преславского (ученика Мефодия и крупнейшего представителя Преславской книжной школы):

- “. **Азъ словомъ симъ молю сѧ богоу.**
- “. **Боже всен твари и сиждителяю.**
- “. **Видимымъ и невидимымъ.**
- “. **Господа доуха послѣ живѣцѣакго.**
- “. **Да въдъхнѣтъ въ срѣдѣце ми слово. <...>**

Имеющиеся в нашем распоряжении памятники глаголического письма, а также реконструкции исходных глаголических текстов, которые были транслитерированы кириллицей и сохранились только в более поздних кириллических списках, позволяют утверждать, что глаголица была создана как миссионерский алфавит для славян и получила широкое распространение на славянских землях. Об этом свидетельствуют рукописные и эпиграфические (от греч. ἐπιγραφή – ‘надпись’) тексты на глаголице, связанные с историей западных (Моравия, Богемия), южных (Охрид, Преслав, территория Хорватии) и восточных (Киев, Новгород) славян. Эта история обусловила эволюцию глаголического письма и в фонетико-графических соответствиях, и в начертании букв.

Так, «первая реформа» глаголицы (В. Ткадлчик, Ф. Мареш) была осуществлена в Моравии, когда Константин-Кирилл и Мефодий доработали созданный в Византии на основе говора солунских славян алфавит с целью его применения в иной (западнославянской) диалектной среде. В частности, диалектные фонетические различия отражены в произнесении глаголических букв **щ** (*шта*) и **ѣ** (*гервь*). Как знаки для рефлексов праславянских сочетаний *tj и *dj буквы **щ** (*шта*) и **ѣ** (*гервь*) изначально имели звуковое значение [шч] и [tʲ] (подобно тому, как эти рефлексы представлены в современных южномакедонских говорах). Моравские славяне произносили на месте этих рефлексов соответственно [ц] и [з] (< dz), например, **помощь**, **дазь** (Киевские листки), **розьство** (Мариинское евангелие).

Изменялись и начертания глаголических букв. Даже в одном регионе можно обнаружить надписи, сделанные несколькими разновидностями глаголицы (например, в баптистерии Круглой церкви в Преславе сохранилось несколько слоев с надписями конца IX – X в., отражающими значительные изменения в форме букв, а также составе алфавита). Эволюция формы глаголических букв проходила в четыре этапа, которым соответствуют четыре типа начертания (по А. А. Турилову):

- 1) не вполне округлая (Киевские листки и древнейшие абecedарии);
- 2) округлая (большинство памятников XI в.);
- 3) переходный тип (ранние хорватские рукописи и надписи);
- 4) угловатая (хорватские памятники с XIII в.) (табл. 2).

Таблица 2

Эволюция формы глаголических букв

Текст	Источник
	Ассеманиево Евангелие, сер. XI в.
	Киевские листки, X в.
	Охридский апостол, XII в.
	Веќи листки, XII в.
	Бащанские отрывки, XII в.
	Люблянский гомиляр, XII в.
	Правила св. Бенедикта, XIV в.
	Blagdanar popa Andrije, 1506 г.
	Bribirska matica, 1604 г.
	«Об исповедании», XVIII в.
	«Диалоги» Григория Великого, XVI в.

Самой значительной переменной в истории глаголического письма была его замена на кириллическое; как единственная славянская азбука глаголица просуществовала около тридцати лет. Уже в конце IX в. в Северо-Восточной Болгарии во время правления царя Симеона возникла альтернативная система письма, которая впоследствии была названа *кириллицей* (**коуѣрловица**, **кѣрнлоца**) в память о создателе первого славянского алфавита. До XII в. две азбуки сосуществовали, пока кириллица не вытеснила глаголицу во всем ареале

распространения славянской письменности, кроме Хорватии (где глаголица использовалась для переписывания богослужебных книг монахами-бенедиктинцами, а также в деловой письменности до начала XX в.).

В отличие от глаголицы, которая была оригинальной, вновь созданной системой письма, кириллица представляет собой вариант адаптации чужого алфавита для письменной фиксации славянской речи. Об этом упоминает Черноризец Храбр, когда пишет об использовании славянами греческого письма **везъ оустроенїа** (Хр, гл. II).

В состав кириллицы вошли 24 буквы греческого *унциального* письма (от лат. uncialis ‘равный по длине одной унции (двенадцатой части римского фунта)’ – особого каллиграфического типа почерка, применяемого в эпоху Средневековья для переписывания книг Св. Писания. К греческим буквам были добавлены 14 графических знаков для обозначения специфических славянских звуков, которые не могли передаваться на письме по-гречески. По всей вероятности, некоторые из новых славянских букв восходили к глаголическим прототипам (например, **Ш** (*ша*) имеет идентичное начертание и в глаголице, и в кириллице; а славянские гласные буквы **ь** (*ерь*), **ѣ** (*ер*), **ѣ** (*ять*), **ѡ** (*юс малый*) и **ѣ** (*юс большой*) напоминают глаголические буквы с элементами треугольника и креста, видоизмененные в соответствии с характером кириллического унциального письма). Такие заимствованные из глаголицы либо созданные по ее образцам буквы составляют 45 % кириллической азбуки (Г. А. Хабургаев). Кроме того, у кириллицы и глаголицы одинаковые наименования букв.

Порядок следования букв кириллического алфавита в основном повторяет глаголический, однако числовые значения букв в кириллице и глаголице расходятся. Так, глаголические буквы имели числовые значения в соответствии с порядком их следования вплоть до буквы **Ѡ** (*червь*). В кириллице последовательность чисел и порядок букв не совпадают, поскольку значением числа здесь обладали только греческие знаки, а специфические славянские буквы числового значения не имели (например, занимающая вторую позицию в кириллическом алфавите буква **Ѣ** (*буки*) не обозначала число 2. Это числовое значение было приписано **Ѣ** (*веди*) < греч. **Β** (*бета*)). С другой стороны, в состав кириллицы вошли греческие буквы, обозначавшие звуки, которых не было в славянской фонетико-фонологической системе: **Ϟ** (*фита*), **ϙ** (*кси*), **Ϙ** (*пси*), **ω** (*омега*). Помимо того, что эти знаки встречались в словах греческого происхождения (как правило, именах собственных и терминах), они использовались для передачи чисел (**Ϟ** = 9, **ϙ** = 60, **Ϙ** = 700, **ω** = 800) (табл. 3).

Числовое значение греческих букв

Кириллица		Греческое уставное письмо	Кириллица		Греческое уставное письмо
Буква и ее назначение	Цифровое значение		Буква и ее назначение	Цифровое значение	
А – аз	1	Α	Х – хер	600	Χ
Б – буки			Ω – омега*	800	Ω
В – веди	2	Β	Ц – цы	900	
Г – глаголь	3	Γ	Ч – червь	90	
Д – добро	4	Δ	Ш – ша		
Е – есть**	5	Ε	Щ – ща		
Ж – живете			Ъ – ер		
З – зело*	6	Ζ	Ы – еры		
З – земля**	7	Ζ	Ь – ерь		
И – и*	10		Ѣ – ять*		
И – иже**	8	Η	Ю – ю		
К – како	20	Κ	Ѧ – и(я)**		
Л – люди	30	Λ	Ѧ – и(е)**		
М – мыслете	40	Μ	Ϝ – юс малый*		
Н – наш**	50	Ν	Ϟ – юс большой*		
О – он	70	Ο	Ϡ – йотов, юс малый*		
П – покой	80	Π	Ϡ – йотов, юс большой*		
Р – рцы	100	Ρ	Ξ – кси*	60	Ξ
С – слово	200	Σ	Ψ – пси*	700	Ψ
Т – твердо	300	Τ	Ϡ – фита*	9	Ϡ
У – ук**	400		Ϝ – ижица*		Ϝ
Ф – ферт	500	Φ			

*Буквы, исключенные впоследствии из русского алфавита.

**Буквы, у которых изменилось начертание.

Расхождения в системе числообозначений в глаголице и кириллице обусловили появление значительного количества ошибок при передаче чисел и дат, которые допускали переписчики, транслитерируя глаголический текст в кириллический (часто такие ошибки позволяют исследователям утверждать, что та или иная кириллическая рукопись имела глаголический протограф).

История не сохранила имен реформаторов письма, заменивших глаголицу кириллицей. По версии автора «Краткого Жития Климента Охридского» Д. Хоматиана, новую азбуку для славян изобрел ближайший ученик и последователь первоучителей Климент. Однако представляется маловероятным, что основатель Охридской книжной школы, в которой продолжались традиции глаголической письменности, был инициатором замены глаголических книг кириллическими. А потому свидетельство его агиографа можно объяснить лишь стремлением приписать Клименту Охридскому большие заслуги.

Вероятнее всего, кириллицу создали книжники, близкие кругу царя Симеона. Активное участие в этой реформе принимал Константин Преславский. Такая гипотеза может быть подтверждена тем, что именно Симеон ратовал за распространение в Болгарии византийских культурных традиций, которые транслировались в первую очередь посредством греческой системы письма.

Кроме того, по мнению Г. А. Ильинского, историческая ситуация, сложившаяся в Болгарии к концу IX в., предполагала компромисс: официальным языком государства и церкви был провозглашен старославянский (Преславский собор 893 г.), но письмо осталось греческим в своей основе. С одной стороны, такое решение было уступкой греческому духовенству, которое в численном отношении преобладало над славянским (подготовка славянского клира, владеющего навыками использования глаголических богослужебных книг, требовала длительного времени). С другой стороны, последние археографические открытия подтверждают, что примитивное кириллическое письмо (т. е. тот самый комбинированный греко-славянский алфавит, которым славяне пользовались *вѣзь оустроеніа*) предназначалось для мирских нужд (Г. А. Хабургаев). Именно кириллические надписи оригинального (непереводного) содержания, найденные в Преславе, Плиске, Равне и др., являются старейшими из известных на сегодня памятников славянской письменности (поскольку от великоморавского периода (863–885) не сохранилось ни одного памятника либо фрагмента граффити). С конца IX в. в Восточной Болгарии эти надписи приходят на смену другим надписям, выполненным греческим письмом, – текстам на протобулгарском языке VII–IX вв. Это был язык тюркских племен, предков болгар, сохранявшийся в среде болгарской элиты до эпохи царя Симеона.

Таким образом, многовековая практика использования греческой графики на территории Болгарского царства (по словам Чернорица Храбра, *тако вѣшж*

многа азѣта (Хр, гл. II)) стала одним из основных факторов создания второй славянской азбуки, которая постепенно вытеснила глаголическую систему письма, изначально применявшуюся для переписывания богослужебных книг со списков, доставленных в Болгарию из Моравии учениками Константина-Кирилла и Мефодия. Действительно, древнейшие рукописи (в том числе палимпсесты) – Ассеманиево, Зографское и Мариинское евангелия, Синайская псалтирь и Синайский евхологий, сборник Клоца и др. – это памятники глаголического письма, переписанные в скрипториях Охридской книжной школы, где кирилло-мефодиевские традиции были наиболее сильны. Активное использование глаголицы прервалось здесь во второй половине XII в., а глаголические тексты были транслитерированы кириллицей. Начиная с этого времени, кириллица приобрела статус официального письма православных славян на Балканах, в Древней Руси, а также Валахии и Молдавии. Система кириллического письма отражала проникновение в старославянский язык диалектных элементов, но в своей основе оставалась неизменной вплоть до XVIII в.

Традиции глаголической письменности долгое время сохранялись у хорватов, к которым, как считает И. Петрович, первая славянская азбука пришла, вероятно, еще при жизни Мефодия. Древнейшие глаголические рукописи хорватского происхождения – *Венские листки* и *Будапештский отрывок* – датируются XII в. Широкое распространение хорватская глаголица получила в бытовой эпиграфике – сохранились сотни надписей XI–XVI вв. В эпоху Средневековья глаголица использовалась в Хорватии как книжное, а также деловое письмо. В 1483 г. в Истре глаголицей был напечатан Миссал, и с тех пор до 1812 г. было издано не менее 71 наименования глаголических книг и брошюр. Однако с XIV в. конкуренцию глаголице создает латинографичное письмо, и с середины XIX в. хорватская латиница Людевита Гая (*гаевича*) используется как единственный алфавит для хорватского языка.

Остальная часть южных, а также восточные славяне развивали традиции кириллического письма, вследствие чего видоизмененные варианты кириллицы стали основой современных алфавитных систем русских, белорусов, украинцев, русинов, болгар, македонцев, сербов и черногорцев.

В России кириллица пережила ряд реформ, важнейшими из которых были две: реформа Петра I в 1708–1711 гг., а также орфографическая реформа 1917–1918 гг. Целью реформирования алфавита было его упрощение – исключение «лишних букв». Так, Петр I ввел для светских печатных изданий новый гражданский шрифт (*гражданку*, или амстердамскую азбуку) из 36 знаков, приближенный к западноевропейскому. В результате реформы 1917–1918 гг., подготовленной Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Шахматовым, появился современный русский алфавит, состоящий из 33 букв.

На основе кириллицы в первой четверти XIX в. была создана сербская *вуковица* (названа по имени ее автора Вука Караджича, впервые реализовавшего в своей азбуке фонетический принцип орфографии). Сербская кириллица является официальным письмом в Сербии, но вне официальной сферы здесь также используется латиница (*заевица*). Равноправный статус имеют кириллическая и латинская графика в Черногории. Сербский вариант кириллицы положен в основу современного македонского алфавита.

Западные славяне (чехи, словаки, поляки, кашубы, лужичане) заимствовали латинское письмо с добавлением знаков для обозначения специфических славянских звуков (в том числе палатальных и аффрикат). Распространению латиницы, которая была символом письменной культуры *Pax Latina*, способствовала римская курия посредством утверждения на западнославянских землях латинского языка в богослужении и латинографичных традиций во всех сферах религиозной и светской жизни.

Однако древнейшие образцы применения латиницы для письменной фиксации славянской речи демонстрируют орфографическую (и часто орфоэпическую) нестабильность. Так, при передаче аффрикаты [ч] во Фрейзингенских отрывках (вторая половина X в.) было использовано шесть различных графических вариантов (Л. Матейка): *ſ, z, c, cſ, ts, tz*. А старочешские памятники XIII–XIV вв. фиксируют около двадцати диграфов и триграфов для этого звука (*cc, cſ, ch, chz, chs, ſch, tſſ, czi* и др.). Преодолеть нестабильность помогла реформа чешской графики, проведенная Яном Гусом в 1411 г. В результате чешский алфавит, в котором к исходным элементам латинской графики добавлены диакритические знаки (*ž, š, č, ě, d', t', á, í* и др.), стал наиболее удачным алфавитом на основе латиницы. А знаки *ž, š, č* вошли в алфавитные системы словацкого, словенского, хорватского, ниже- и верхнелужицкого языков, а также современного латинографичного варианта белорусского письма. Современный чешский алфавит точно передает фонетические особенности славянских языков, поэтому используется как основа для фонетической транскрипции и исторических реконструкций (в частности, праславянских).

Таким образом, существующая уже более чем 1150 лет славянская письменность демонстрирует опыт использования двух близкородственных азбук – глаголицы и кириллицы, различающихся отношением к греческой основе (кириллица стилистически максимально к ней приближена, глаголица осознанно удалена). Обе азбучные системы созданы по принципу однозначного графического соответствия (один знак – один звук), что позволяет адекватно передавать специфику славянской речи. Однако альтернативой исконному славянскому письму стала латинская графика, которая была и остается фактором, влияющим на историю славянской письменности (табл. 4).

Таблица 4

Синопис глаголицы, кириллицы и латиницы

Глаголица	Числовое значение	Кириллица	Числовое значение	Название буквы	Латиница	Глаголица	Числовое значение	Кириллица	Числовое значение	Название буквы	Латиница
Ⲁ	1	а	1	азъ	a	Ⲁ	500	ф	500	фрѣтъ	f
Ⲃ	2	в	–	воукы	b	Ⲃ	600	х	600	хѣръ	ch
Ⲅ	3	в	2	вѣдѣ	v	Ⲅ	700	ω	800	ωтъ	o
Ⲇ	4	г	3	глаголи	g	Ⲇ	800	ц	–	ца	št
Ⲉ	5	д	4	добро	d	Ⲉ	900	ц	900	ци	c
Ⲋ	6	е	5	кестъ	e	Ⲋ	1000	ч	90	чръвь	č
Ⲍ	7	ж	–	живѣтѣ	ž	Ⲍ	–	ш	–	ша	š
Ⲏ	8	з	6	зѣло	(d)z	Ⲏ	–	ъ	–	кръ	ъ
Ⲑ	9	з	7	земла	z	Ⲑ	–	ы	–	кры	у
Ⲓ	20	и	8	иже	i	Ⲓ	–	ъи	–		у
Ⲕ	10	і	10	и	i	Ⲕ	–	ы	–		у
Ⲗ					i	Ⲗ	–	ь	–	кръ	ь
Ⲙ	30	ћ	–	ћервь	ǵ	Ⲙ	–	ѣ	–	гать	č
Ⲛ	40	к	20	како	k	Ⲛ	–	ю	–		ju
Ⲝ	50	л	30	людик	l	–	–	па			ja
Ⲟ	60	м	40	мыслѣтѣ	m	–	–	к	–		je
Ⲑ	70	н	50	нашь	n	Ⲑ	–	ѧ	–		ę
Ⲓ	80	о	70	онъ	o	Ⲓ	–	ѧ	–		o
Ⲕ	90	п	80	покон	p	Ⲕ	–	ѧ	–		ję
Ⲗ	100	р	100	ръци	r	Ⲗ	–	ѧ	–		jo
Ⲙ	200	с	200	слово	s	–	–	ѧ	60	ѧи	x
Ⲛ	300	т	300	тврѣдо	t	–	–	ѧ	700	ѧи	ps
Ⲝ	400	оу	400	оукъ	u	Ⲝ	–	ѧ	9	ѧнта	f
–	–	ѧ	400		u	Ⲟ	–	v	400	vжица	v

Список литературы

Бернштейн, С. Б. Константин-философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности / С. Б. Бернштейн. – М. : МГУ, 1984. – 167 с.

Дуйчев, И. Кириллометодиевска библиография. 1940–1980 / И. Дуйчев, А. Кирмагова, А. Паунова. – София : Соф. ун-т «Климент Охридски», 1983. – 723 с.

Извори за българската история / Българ. акад. на науките, Ин-т за история. – София : БАН, 1958– . – Т. 7 : Латински извори за българската история. – Ч. 2 / съст. и ред.: И. Дуйчев [и др.]. – 1960. – 410 с.

Ильинский, Г. А. Опыт систематической кирилло-мефодьевской библиографии / Г. А. Ильинский ; подъ ред. и с доп. М. Г. Попруженка, Ст. М. Романского. – София : БАН, 1934. – 303 с.

Истрин, В. А. 1100 лет славянской азбуки / В. А. Истрин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 189 с.

Кондрашов, Н. А. Славянские языки : учеб. пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов / Н. А. Кондрашов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1986. – 237 с.

Кувев, К. М. Черноризец Храбър / К. М. Кувев ; Българ. акад. на науките, Ин-т за лит. – София : БАН, 1967. – 158 с.

Можасева, И. Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945–1974 / И. Е. Можасева ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1980. – 223 с.

Охридски, К. Събрани съчинения : в 3 т. / К. Охридски ; Българ. акад. на науките, Ин-т за лит. ; съст. и ред.: Б. Ст. Ангелов, Х. Кодов. – София : БАН, 1970–1977. – Т. 3 : Пространни жития на Кирил и Методий. – 1973. – 262 с.

Попруженко М. Г. Кирилло-мефодиевска библиография за 1934–1940 гг. / М. Г. Попруженко, С. Романский ; Българ. акад. на науките, Ин-т за лит. – София : БАН, 1942. – 134 с.

3. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

3.1. ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК¹

А. Е. Супрун

Термин «праславянский язык» используется для обозначения языка древних славянских племен, на базе которого возникли в результате ряда преобразований отдельные славянские языки. Термин «праславянский» соотносителен с немецким термином *«urslavisch»*. Во французской литературе принят другой термин – *«slave commune»*, который у нас принято переводить как «общеславянский». Для нас этот термин представляется менее удачным, потому что он не содержит указания на происхождение: явление может быть общеславянским по распространению, но не по происхождению. В английской литературе иногда употребляется термин *«proto-slavic»*; в соответствии с нашей практикой этот термин следовало бы использовать для обозначения дославянского состояния. Используемый у нас в 1950-х гг. термин «славянский язык-основа» неудобен из-за громоздкости и невозможности образования от него прилагательного для обозначения принадлежащих этому языку фактов, а потому и не принят в научной практике. Термин «праславянский язык» равнозначен сочетанию «славянский праязык».

Древние славяне составляли определенную историческую общность. Показателем общности славянских племен была относительная общность диалектов, которыми пользовались эти племена, что в какой-то степени сохранилось и в более позднюю пору, когда отдельные группы славян оказались достаточно далеко друг от друга территориально, в рамках разных государственных образований. Однако следует отдавать себе отчет также в том, что праславянский язык никогда не был абсолютно единым: диалектное членение в нем ощущалось достаточно сильно. Так, к числу довольно древних диалектных различий в праславянском языке можно отнести качество *z* – взрывной (как в северно великорусских говорах, польском, кашубском, нижнелужицком, а также в южных славянских языках) или фрикативный (как в южновеликорусских говорах, украинском, белорусском, чешском, словацком, верхнелужицком языках). С течением времени, по мере расселения славян на все больших территориях, возникали новые диалектные черты и усиливалась обособленность отдельных праславянских диалектов.

¹ Текст приводится по изданию: Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. С. 16–25.

Сведения о праславянском языке мы черпаем прежде всего путем сравнения славянских языков между собой, а также путем сравнения с другими родственными индоевропейскими языками. Те факты, которые засвидетельствованы различными славянскими языками, могут отражать древние славянские явления, особенно если это подтверждается явлениями других индоевропейских языков. Так, например, русскому и белорусскому *e* в слове *лето* и подобных в украинском соответствует *i* (*limo*), в болгарском – *'a* (*лято*), в польском – тоже (*lato*), в то же время в других случаях во всех этих языках выступает *e* или *o*: рус. и укр. *озеро*, пол. *jezioro*, болг. *ezero* и т. д. Отсюда делается вывод, что на месте этих звуков, теперь совпавших в части славянских языков в звуке *e*, были две разные праславянские фонемы **e* и **ě*; сравнение с другими индоевропейскими языками подтверждает такое предположение, поскольку на месте **e* там выступает краткий гласный или его нынешнее отражение (рефлекс), а на месте **ě* – долгий гласный или его рефлекс.

Некоторые сведения о праславянском языке выявляются в процессе внутренней реконструкции на основании структурного анализа такого языкового состояния, которое характеризуется как праславянское. Если собственно славянские факты скорее указывают на поздний праславянский язык, а сравнение с другими индоевропейскими – на ранний праславянский, то его история в значительной мере восстанавливается путем установления относительной хронологии: такое-то явление *A* произошло после такого-то явления *B*, так как лишь условия, возникшие после явления *B*, обеспечивали возможность явления *A*: так, например, вторая палатализация заднеязычных, т. е. переход *g, k, x* в *z, c, s* перед передними гласными дифтонгического происхождения, могла произойти только после того, как дифтонг **oi* превратился в передний гласный *ě* или *i*. Вспомогательные данные о праславянском языке можно почерпнуть в словах, заимствованных из праславянского и в праславянский, в некоторых местных названиях (топонимах), изредка – в прямых сообщениях представителей других народов о жизни древних славян.

Исследования праславянского языка занимали славяноведение на протяжении всей его истории. По сути дела, восстановление праславянского языка составляет одну из центральных задач сравнительной грамматики славянских языков. Эта проблематика исследовалась в трудах А. Х. Востокова и Й. Добровского, А. Шлейхера и Ф. Миклошича, Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, Я. Розвадовского и А. И. Велича, Й. Зубатого и В. Поржезинского, Э. Бернекера и М. Фасмера. Из ученых нашего столетия, создавших обобщающие труды по проблемам праславянского языка, следует назвать А. Мейе, Р. Нахтигала, Н. Ван-Вейка, Р. Якобсона, Т. Лера-Сплавинского, Г. А. Ильинского, Л. А. Булаховского, В. Вондрака, Й. Микколу, Й. Коржинека, К. Горалека, И. Лекова, В. Георгиева, В. Махека, С. Б. Бернштейна, А. Вайана, З. Штибера, О. Н. Трубочева, Г. Бройера, Х. Бирнбаума и др.

Праславянский язык не был зафиксирован на письме. В памятниках первого славянского письменного языка – старославянского – отразились многие черты звукового и особенно грамматического строя праславянского языка позднего периода его существования, хотя некоторые языковые явления в старославянском не совпадают с праславянскими: от времени расселения славян и распада праславянского языка (середина I тысячелетия н. э.) до возникновения старославянского языка (IX в.) и создания на нем дошедших до нас письменных памятников прошло несколько столетий.

Для передачи звуков, форм слов праславянского языка в науке выработана транскрипция, в основу которой положен латинский алфавит с внесенными в него дополнительными знаками, передающими специфические славянские звуки. В табл. 5 представлены знаки праславянской транскрипции и русские обозначения или описания звуков, передающихся этими знаками. В скобках приводятся некоторые встречающиеся в практике варианты обозначений. Встречаются и некоторые другие обозначения, которые, однако, обычно специально объясняются. Для того чтобы обозначить гипотетический характер восстанавливаемых звуков, форм, слов, перед ними ставят астериск (звездочку: от греч. *αστήρ* ‘звезда’). Иногда бывает целесообразным передать не целое слово, а только его часть, например корень или основу, тогда после нее ставится дефис, чтобы обозначить незаконченность слова.

Когда речь идет о происхождении праславянских звуков, форм или слов, приходится использовать также индоевропейскую транскрипцию. В этом случае знаки обычно используются в том же значении, что и в праславянской транскрипции, однако существуют некоторые дополнительные обозначения. Долгота гласных обозначается черточкой над буквой, а краткость – дужкой. Дужка под буквой обозначает ее неслоговой характер, а кружок (под знаками сонорных) – их слоговой характер. Мягкий характер заднеязычных обозначается апострофом (или его видоизменением) после знака согласного: лабиализованный характер этих согласных передается малой надстрочной буквой *w* или *u*, например: *k^w* или придыхательный характер согласного обозначается постановкой *h* после знака соответствующего согласного (например, *dh*).

Таблица 5

Праславянская транскрипция

Знак	Русское обозначение или толкование	Знак	Русское обозначение или толкование
a	a	o	o
b	б	q (õ)	o носовое
c (ć)	ц (мягкое)	p	п
č (č)	ч (мягкое)	r	р

Знак	Русское обозначение или толкование	Знак	Русское обозначение или толкование
d	д	ǰ	р мягкое
e	э (краткое)	ɛ	р слоговое
ě (ä)	«ять» (долгий передний открытый)	s	с
ę (ĕ)	э (носовое)	ś	с мягкое
(f)	ф (в заимствованиях)	š (ṧ)	ш (мягкое)
g	г (взрывное)	t	т
(h)	г (фрикативное, диалектное)	u	у
i	и	v (w, u)	в (в скобках даны знаки, подчеркивающие билабиальность)
j	й («йот»)	x (ch)	х
k	к	y	ы
l (ł)	л (указывающий на твердость знак)	z	з
l'	л мягкое	ź	з мягкое
l̥	л слоговое	ż (ż̇)	ж (мягкое)
m	м	ь (ĩ)	краткий гласный и
n	н	ъ (ũ)	краткий гласный у
ń	н мягкое		

Хронологические рамки существования праславянского языка определяются не очень точно. По-видимому, около рубежа III и II тысячелетий до н. э. уже происходили процессы, ведущие к формированию праславянской языковой общности, к выделению ее среди других индоевропейских племен. Есть основания полагать, что в особо близких отношениях были носители славянских диалектов с носителями балтийских. Возможно, что в течение некоторого, скорее не очень продолжительного, времени существовало такое их единство, которое позволяет говорить о балто-славянском праязыке или балто-славянском периоде в развитии славянских и балтийских языков; этот вопрос, однако, еще требует дальнейших исследований.

Общими балто-славянскими языковыми процессами являются:

1) переход индоевропейских смягченных заднеязычных **g'***k'* в славянские свистящие **ž**, **ś** (балт. *ž*, *ś*): греч. *δεκα*, славян. *desęty* (рус. *десять*), балт. *dešimt* (процесс этот происходил также в других индоевропейских языках);

2) совпадение, как и в некоторых других индоевропейских языках, придыхательных звонких (или по другой точке зрения – придыхательных глухих) и непридыхательных взрывных звонких согласных (ср. рус. *дом* и *дым* из и.-е. **dōm-* и **dhūm-* при лат. *domus* и *fumus*);

3) некоторые сходства в изменениях морфологии (в частности, в спряжении) и словообразования, а также в лексике.

К концу II тысячелетия до н. э. происходит формирование собственно праславянских языковых черт. К этим чертам относятся:

1) преобразования в соотношении **o* и **a*, связанные с утратой их противопоставления по лабиальности (с этим связана и особенность, указанная в п. 3: совпадение долгих **ō*, **ā* в звуке **a*, который в большинстве славянских языков отражен в виде *a*, а кратких **ǫ*, **ǭ* в звуке **o*, который отражен в большинстве славянских языков в виде *o*, например: лат. *dō(num)*, праславян. **da(rь)* ‘дар’, лат. *māter*, праславян. **mati* ‘мать’, лат. *hōstis* ‘чужеземец’, праславян. **gostь* ‘гость’, лат. *māre*, праславян. **morje* ‘море’;

2) сокращение (редукция) индоевропейских кратких закрытых гласных **i*, **i̥* превращение их в праславян. **ь*, **ь̆*: греч. *λίον*, лит. *linai*, праславян. **lьnь* ‘лен’; лат. *muscus*, лит. *musai*, праславян. **mьхь* ‘мох’;

3) утрата лабиализации губным гласным **i̥* и превращение его в **y*: санскр. *sūnūś*, лит. *sūnūs*, праславян. **synь* ‘сын’;

4) переход **s* после **i*, **u*, **r*, **k* в **x*: лит. *teisūs*, праславян. **tixь* ‘тихий’;

5) постепенное преобразование глагольной системы, приведшее к выработке нового славянского имперфекта.

Важнейшими процессами, которые происходили в системе праславянского языка, были звуковые изменения, связанные с тенденцией к превращению слога в основную звуковую единицу языка. Эта тенденция так и не осуществилась до конца. Она конкретизировалась в тенденции к восходящей звучности слога и тенденции к гармонии (сингармонизму) слога. Первая из названных тенденций проявилась в утрате конечных шумных согласных в слогах и преобразованиях в слоговой структуре, направленных на то, чтобы звуки в слоге располагались в направлении от менее звучных к более звучным (установились четыре ступени звучности: проточные, смычные, сонорные и гласные), в монофтонгизации закрытых дифтонгов, в появлении носовых гласных вместо нарушавших указанную тенденцию сочетаний гласных с носовыми согласными, в преобразованиях сочетаний типа **tort* и др. Вторая тенденция проявилась в изменениях передних гласных после **j* в передние, в смягчении (палатализации) заднеязычных согласных перед передними гласными, в преобразованиях согласных в сочетаниях с **j* и других явлениях.

Изменения в звуковой системе привели к перестройке в системе склонения: вместо единых окончаний, которые присоединялись к разным типам основ

имен, путем переразложения основ и окончаний выработались различные типы окончаний, а следовательно, различные типы склонения. Этот процесс протекал параллельно с процессом формирования трехродовой системы имен. В праславянском языке имена постепенно разделялись на два типа – существительные и прилагательные, окончательно выделившиеся в связи с развитием местоименного (членного) склонения, семантическая база которого закладывалась еще в балто-славянскую эпоху. В глагольной системе происходило формирование категории вида, одной из наиболее характерных для славянского глагола, при преобразовании залоговых отношений. Получило большое развитие префиксальное словообразование у глаголов, в то время как у имен развивалась система словообразовательных суффиксов. Закладывались семантические основы и возникали грамматические противоречия, обусловившие в будущем выделение числительных как особой части речи. Формировался и обогащался лексический фонд наречий, а семантическая структура местоимений подверглась преобразованиям. Закреплялись основные присущие славянским языкам модели простых предложений действительного (активного) типа и создавались предпосылки для развития сложного предложения.

Не все процессы, начинавшиеся в праславянскую эпоху, завершились в рамках праславянского языка. Некоторые из них протекали уже в отдельных группах славянских диалектов, хотя толчок для их развития был дан именно в праславянском языке. В области фонетики первым таким звуковым процессом, захватившим своими преобразованиями и последствиями всю звуковую систему, был процесс падения *ъ, *ь: их утраты в слабой позиции и преобразований в нормальные гласные в сильной. Этот процесс протекал уже по-разному в разных славянских языках. С ним коррелируют и другие преобразования в системе гласных: утрата во многих языках противопоставления долгих и кратких гласных, имевшихся в индоевропейском и сохранившихся в праславянском, утрата в большинстве языков носовых гласных, сокращение числа элементов в системе гласных, развитие во многих языках мягкости согласных и т. п. Для многих славянских языков оказался характерным путь преобразования трехчленной системы числа в двучленную (утрата двойственного числа), упрощение в системе прошедших времен, связанное с развитием категории вида, кристаллизация в особую часть речи числительных, развитие гипотаксиса (сложноподчиненных предложений) и некоторые другие грамматические процессы, хотя конкретные их формы неодинаковы в различных славянских языках.

Если первоначально праславянский язык был распространен на сравнительно ограниченной территории (крайние границы – между Одером и Днестром по 50–55 параллелям), то постепенно в I тысячелетии н. э. происходит расселение славян по более обширному пространству Восточной Европы и Балканского полуострова, завершившееся в основном к VI–VII вв. Эту дату и следует при-

знать верхней хронологической границей существования праславянского языка. Уже в последние столетия существования относительно единого праславянского языка некоторые звуковые и грамматические процессы протекали по-разному в различных диалектных зонах. Наиболее яркими показателями древнейших различий славянских диалектно-языковых зон являются преобразования в звуковой системе. Совокупность различий в преобразованиях звуковой системы славянских языков позволяет наметить три группы будущих славянских языков, возникших на базе древних диалектов: восточную, западную и южную. По результатам изменений древних сочетаний **bj* и подобных; **dl*, **tl*; **gv-*, **kv-*; второй палатализации *x* праславянский язык делят на две диалектные области: западную и восточную, которая затем разделяется на собственно восточную и южную. С другой стороны, некоторые явления, например судьба начальных сочетаний **ort-*, **olt-*, объединяют восточные и западные славянские языки в северную подгруппу, противопоставляемую южной. Для обзорности некоторые древние звуковые различия представлены в табл. 6, которая, таким образом, дает характеристику древнейших звуковых различий групп славянских языков и некоторых позднейших звуковых инноваций (нововведений).

Таблица 6

Основные фонетические различия между славянскими языками

Праславянские формы	Восточнославянские формы	Западнославянские формы	Южнославянские формы
<i>*dl</i> , <i>*tl</i>	l	dl, tl	l
<i>*e-</i>	o-	je-	e-
<i>*bj</i> , <i>*pj</i>	bl', pl'	b', p'	bl', pl', b', p'
<i>*gvě-</i> , <i>*kvě-</i>	zvě-, cvě-, kvě-	gvě-, kvě-	zvě-, cvě-
<i>*tort</i> , ...	torot, ...	trot, trat, tort, ...	trat, ...
<i>*dj</i> , <i>*tj</i> (<i>*kt</i>)	ž, č	dz/z, c	žd, dž, g, j, št, č, k'
<i>*ъ</i> , <i>*ь</i> (сильн.)	o, e	e	ъ, o, a, e
<i>*o</i>	u	u, o, e	a, ъ, o, u
<i>*e</i>	'a	e, o, e	e
<i>*ě</i>	e, ě, ie, i	e, 'a	e, 'a, ije
<i>*x</i> (ċ ₂)	s (ċ ₂)	š (ċ ₂)	s (ċ ₂)
<i>*ort-</i> , <i>olt-</i>	rot-, rat-, lot-, lat-	rot-, rat-, lot-, lat-	rat-, lat-

Список литературы

Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков / С. Б. Бернштейн ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. – М. : Акад. наук СССР, 1961. – 350 с.

Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы / С. Б. Бернштейн ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1974. – 378 с.

Бирнбаум, Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции : пер. с англ. / Х. Бирнбаум ; под общ. ред. В. А. Дыбо, В. К. Журавлева. – М. : Прогресс, 1987. – 511 с.

Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / Акад. наук УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – Київ : Наук. думка, 1966. – 595 с.

Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 ч. / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси : Тбил. ун-т, 1984. – 2 ч.

Гаспаров, Б. М. Сравнительная грамматика славянских языков : пособие для студентов : в 2 т. / Б. М. Гаспаров, П. С. Сигалов. – Тарту, 1974. – Т. 1–2.

Дыбо, В. А. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском / В. А. Дыбо ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1981. – 272 с.

Кузнецов, П. С. Очерки по морфологии праславянского языка / П. С. Кузнецов. – М. : Акад. наук СССР, 1961. – 144 с.

Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе ; пер. с фр. Д. Кудрявского ; Акад. наук СССР, Всесоюз. ком. по делам высш. шк. при СНК СССР ; под ред. Р. Шор. – 3-е изд., перераб. и доп. – Л. : М. : Соцэкгиз, 1938. – 511 с.

Мейе, А. Общеславянский язык: / А. Мейе ; пер. с франц. и примеч. П. С. Кузнецова ; под ред. проф. С. Б. Бернштейна. – М. : Иностр. лит., 1951. – 492 с.

Нахтигал, Р. Славянские языки / Р. Нахтигал ; пер. со словен. Н. М. Елкиной ; под ред. С. Б. Бернштейна. – М. : Иностр. лит., 1963. – 342 с.

Нидерле, Л. Славянские древности / Л. Нидерле ; пер. с чеш. Т. Ковалевой и М. Хазанова ; под ред. А. Л. Монгайта. – М. : Иностр. лит., 1956. – 450 с.

Савченко, А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / А. Н. Савченко. – М. : Высш. шк., 1974. – 410 с.

Семереньи, О. Введение в сравнительное языкознание / О. Семереньи ; пер. с нем. Б. А. Абрамова ; под ред. и с предисл. Н. С. Чемоданова. – М. : Прогресс, 1980. – 407 с.

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под. ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974– .

Berneker, E. Slavisches etymologisches Wörterbuch / E. Berneker. – Heidelberg : Winter, 1908–1914. [Издание не завершено].

Bräuer, H. Slavische Sprachwissenschaft : in 3 t. / H. Bräuer. – Berlin : Gruyter & Co, 1961–1969. – 3 t.

Etymologický slovník slovanských jazyků : v 2 sv. / sest. F. Kopečný, V. Šaur, V. Polák. – Praha : Academia, 1973, 1980. – 2 sv.

Mały słownik kultury dawnych słowian / pod red. L. Leciejewicza. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1972. – 674 s.

Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch : in 2 vol. / J. Pokorny. – Bern ; München : A. Francke, 1959–1969. – 2 vol.

Stieber, Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich : w 2 cz. / Z. Stieber. – Warszawa : PWN, 1969–1973. – 2 cz.

Słownik prasłowiański : w 8 t. / Zakład Słowianoznawstwa PAN ; pod red. F. Sławskiego. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Ossolineum, 1974–2001. – 8 t.

Słownik starożytności słowiańskich: encyklopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII : w 8 t. / pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Spławińskiego. – Wrocław ; Kraków : Ossolineum ; Warszawa : PAN, 1961–1996. – 8 t.

Trautmann, R. Baltisch-slavisches Wörterbuch / R. Trautmann. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1970. – 383 s.

Vaillant, A. Grammaire comparée des langues slaves : en 5 t. / A. Vaillant. – Lyon : IAC ; Paris : Klincksieck, 1950–1978. – 5 t.

3.2. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

3.2.1. ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Е. Н. Руденко

Современные восточнославянские языки – белорусский, русский и украинский. Четвертым живым языком восточнославянской группы называют русинский язык, который сочетает черты восточно-, западно- и южнославянских языков. А. Д. Дуличенко выделяет восточнославянские микроязыки, например западнополесский.

Праславянский язык, сохранявший относительное единство до первых веков нашей эры, к VI в. н. э. распался на ряд родственных диалектов. Языковое расслоение сопровождало расселение славянских племен. В течение IV–VIII вв. н. э. они, вовлеченные в масштабные процессы Великого переселения народов, заняли новые обширные территории. В это время из общеславянского единства выделяются три ветви: южные, западные и восточные славяне.

Восточные славяне заняли обширное пространство на востоке Европы между Черным и Балтийским морями. К восточнославянским племенам относятся: поляне, северяне, дреговичи, полочане, радимичи, вятичи, ильменские словене, бужане, или дулебы, белые хорваты, уличи, тиверцы, кривичи, древляне. География расселения восточнославянских племен во второй половине I тыс. н. э. описана в «Повести временных лет»: «Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались *полями*, а другие – *древлянами*, потому что

сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались *дреговичами*, иные сели по Двине и назвались *полочанами*, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название *полочане*. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем – *славянами*, и построили город, и прозвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались *северянами*. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась “славянская”»¹ (перевод на современный русский язык Д. С. Лихачева).

Для защиты от внешнего врага восточные славяне объединились в 12 территориальных союзов: поляне (средний и верхний Днепр), древляне (южнее Припяти), хорваты (верховья Днестра), тиверцы (нижний Днестр), уличи (южный Днестр), северяне (реки Десна и Сейм), радимичи (река Сож), вятичи (Верхняя Ока), дреговичи (между Припятью и Двиной), кривичи (верховья Двины, Днепра и Волги), дулебы (Вольнь), словене (озеро Ильмень).

Племена восточных славян складывались на основе этнической и социальной однородности. В основе объединения было кровное, языковое, территориальное и религиозно-культурное родство. Основной религией восточных славян до конца X в. было язычество. Восточнославянские племена жили в небольших деревнях, их дома представляли собой полуземлянки, оборудованные печами. Они селились в труднодоступных местах, обнося поселения земляным валом.

Основой хозяйственной деятельности восточных славян было пашенное земледелие: они выращивали рожь, пшеницу, ячмень, просо, овес, гречиху, бобы. Важнейшими отраслями хозяйственной деятельности были также скотоводство, охота, рыбная ловля, бортничество (сбор меда). Торговля и ремесло у восточных славян стали культивироваться позже, в городах – укрепленных поселениях, возникших в племенных центрах или вдоль водных торговых путей (например, «из варяг в греки»). Самоуправление начало складываться в племенах постепенно, из племенного совета, военных и гражданских вождей. Образовавшиеся союзы привели к возникновению более крупных общностей.

Древнерусское государство (Киевская Русь) образовалось в IX в. (первоначально со столицей в Новгороде, впоследствии – в Киеве) и было самым ранним и самым крупным государственным образованием восточных славян. Самоназвание *Русь/Рось*, упоминавшееся в «Повести временных лет», применялось как в целом к восточным славянам, так и к территории их проживания.

К XII в. восточнославянские племена вступили в состояние феодальной раздробленности, образовав полтора десятка отдельных княжеств. Монголо-татарское иго, датой начала которого принято считать 1237 г. (битва русских войск с войсками монгольского хана Батые под Коломной), в Северо-Восточной

¹ Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. СПб., 2012. С. 11.

Руси продолжалось до 1480 г. (Стояние на реке Угра – военные действия в 1480 г. между войсками хана Большой Орды Ахмата и московского князя Ивана III). В других русских землях оно ликвидировалось в XIV в. по мере поглощения их Великим княжеством Литовским и Польшей. Великое княжество Литовское стало самым крупным государственным образованием восточных славян к XIV в.

Обособление восточнославянских племен сопровождалось формированием общевосточнославянского, или древнерусского, языка. Общевосточнославянский язык формировался в VI–VII вв. на основе восточнославянских диалектов распадающегося праславянского языка. Важнейшими восточнославянскими фонетическими инновациями, по формулировке А. Е. Супруна, являются:

1) полногласие, т. е. появление на месте праславянских сочетаний типа **tort* сочетаний с двумя гласными: *торот, толот, терет, телет (телот): борода, голова, береза, шелома*;

2) в группах **dl, *tl* выпадает *d* и *t*, остается *l*: *плель, шилю*;

3) носовые гласные *e, o* заменяются на *я/a, у*: *пять, часть, путь*;

4) сочетания **dj, *tj* дали *ж* (укр., бел. также *дж*), *ч*: *межа*, бел. *сяджу*, укр. *роджу* ‘рожу’, *свіча*;

5) сочетания губных согласных с **j* дали их сочетания с *л*: *гублю, ловлю, кормлю, терплю*;

6) в древнерусском языке вплоть до XII в. сохранялись редуцированные *ъ, ь* как особые фонемы, в дальнейшем в слабой позиции *ъ, ь* выпали, а в сильной превратились соответственно в *о* и *е*;

7) начальные сочетания **gvě-, *kvě-* превратились в *зве-, цве-*: *звезда, цветок*; укр. и бел. формы *квітка, кветка* допускают двойное объяснение: и как польское заимствование, и как отражение местных особенностей восточнославянского языка;

8) начальному *e* западнославянских и южнославянских языков соответствует начальное *o* в словах, следующий слог которых содержит *и, е, ь* или *e*: *один, озеро, олень* (при болг. *един, езеро, елен* и т. п.);

9) начальные сочетания **ort-, *olt-* у восточных и западных славян в определенных условиях (под древним нисходящим ударением) превращались в *рот-, лот-*: *рост, лодка*;

10) в древнерусском хорошо сохранялось «ять» (*ě, ѣ-*), которое в дальнейшем в украинском превратилось в *i*, в белорусском и южновеликорусских говорах – в *e*, в северновеликорусских говорах – часто в закрытое *è*: рус. *хлеб, сено*; укр. *хліб, сіно*.

Были также грамматические (морфологические и синтаксические) отличия и лексические новообразования: *кrouживо, хорошии, сорокъ, девяносто* и др.

Общевосточнославянский язык не был единым, а так же, как и праславянский, представлял собой континуум разных диалектов. В XI–XII вв. он

делился на диалектные зоны: юго-западная (киевские и галицко-волинские говоры), западная (смоленские и полоцкие говоры), юго-восточная (рязанские и черниговские говоры), северо-западная (новгородские и псковские говоры), северо-восточная (ростово-суздальские говоры)¹.

Письменность пришла к восточным славянам в X в. из Византии вместе с христианством и конфессиональными текстами на старославянском (древнеболгарском) языке, южнославянском по происхождению (см. разд. 2). В языковом отношении тексты восточных славян представляли собой континуум от написанных на церковнославянском языке (наследнике старославянского) к собственно восточнославянским (древнерусским). Язык текста зависел от стиля: религиозные тексты писались на старославянском языке с разной степенью присутствия восточнославянских черт, в то время как в деловой письменности преобладал древнерусский с теми или иными местными диалектными чертами.

Наиболее ранними памятниками, созданными на территории распространения восточнославянских племен, являются Новгородский кодекс (первая четверть XI в.), Остромирово Евангелие (1056–1057), Изборники Святослава (1073 и 1076).

Новгородский кодекс – это три навощенные дощечки с сохранившимся на воске текстом. Четыре внутренние поверхности, покрытые воском, служат страницами кодекса, две внешние – обложками. Основной текст кодекса (три псалма) сделан на воске. Язык основного текста – старославянский с редкими восточнославянскими вкраплениями – ошибками писца. Помимо основного текста, на дощечках обнаружены гораздо более объемные скрытые тексты (на воске и дереве), многослойные, полустертые и трудно восстанавливаемые, но гораздо более разнообразные по языку и содержанию (см. о Новгородском кодексе в работах А. А. Алексеева; А. А. Зализняка и В. Л. Янина).

Одна из самых древних восточнославянских надписей также сделана в Новгороде и датируется археологически до 980 г. Древнейшая же Гнёздовская надпись сделана на глиняном кувшине (вторая четверть – середина X в.), найденном в одном из Гнёздовских курганов возле села Гнёздово под Смоленском в 1949 г. археологом Д. А. Авдусиным. Надпись выполнена кириллицей и состоит из одного слова.

Остромирово Евангелие – древнейшая точно датированная рукописная книга, написанная дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира. Рукопись особо интересна тем, что в конце переписчик подробно рассказал об обстоятельствах ее изготовления и времени работы. В памятнике, написанном

¹ Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3 т. [Электронный ресурс] / Санкт-Петербург. гос. ун-т, филол. фак. Т. 1 : Древнерусский язык. М., 2002. URL: <https://slovari.yandex.ru/книги/Гуманитарный%20словарь/Древнерусский%20язык>. (дата обращения: 25.08.2015).

на старославянском языке, отражены восточнославянские языковые черты, поэтому его называют восточнославянским изводом Евангелия¹.

Упомянутые выше Изборники были составлены для великого князя Святослава Ярославича. Оригиналом для первого Изборника послужил сборник, переведенный в конце IX – начале X в. с греческого языка на болгарский для болгарского царя Симеона I. В его состав входили преимущественно извлечения из трудов отцов Церкви. В нем также помещена статья византийского писателя Георгия Хёробоскоса «О образех», посвященная вопросам стилистики. Второй Изборник, кроме отрывков из сочинений византийских отцов Церкви, содержит в себе переведенные с греческого отрывки из житийной литературы, библейских книг, сборников изречений и т. п. Изборники являются старославянскими памятниками восточнославянского извода. Несколько статей второго сборника имеют славянское происхождение.

Древнейший сохранившийся в оригинале деловой памятник древнерусского языка – *Мстиславова грамота*. Как и позднейшие деловые тексты, например новгородские берестяные грамоты (XI в.), она написана на собственно восточнославянском языке.

К XIV в. диалектные различия общевосточнославянского языка достигли высшей точки. Это усугублялось образованием на восточнославянских землях нескольких отдельных государств, наиболее обширными из которых были Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское, Новгородская республика. В XIV в. в Великом княжестве Московском и прилегающих территориях формируется собственно русский (великорусский) язык, который называют также старорусским, а в Великом княжестве Литовском – западнорусский письменный язык. Этот язык, который в то время называли «руським», или «простой мовой», впоследствии именовался по-разному: старобелорусский, староукраинский, западнорусский литературно-письменный язык, рутенский язык, южнорусский язык, росский, русинський, славянский язык Великого княжества Литовского, канцелярский язык Великого княжества Литовского и др.

Официальный письменный язык Великого княжества Литовского был неоднороден. Его характеристики зависели от жанровой принадлежности памятника письменности, региона, периода развития. Он представлял собой смешанный книжный язык, который развился из местного варианта восточнославянского языка с постепенным проникновением местных черт (как украинских, так и белорусских) и небольшим (по сравнению со старорусским) влиянием церковнославянского. В отличие от разговорных украинского и белорусского языков,

¹ Более подробно об Остромировом Евангелии см.: *Ульянов О. Г.* Происхождение Остромирова Евангелия: к реконструкции древнейшего Устава на Руси // Кириллица от возникновения до наших дней : материалы междунар. науч. конф., Москва, 6–8 дек. 2007 г. / Рос. ин-т культурологии ; ред. И. А. Савкин. СПб., 2011. С. 164–195.

письменный долгое время был единым для всех западнорусских земель, так что относительно некоторых текстов нельзя сказать, в какой области они написаны. Письменный интердиалект отличался от местных разговорных наречий, однако следует отметить, что и в письменном языке, и, конечно, в устной разговорной речи Великого княжества Литовского, обнаруживались диалектные особенности, в первую очередь раннебелорусские и раннеукраинские, и далее с более дробным диалектным членением. Те же процессы происходили и в старорусском языке, который, тем не менее, сохранил единство в письменной форме и впоследствии развился в национальный язык. При отсутствии жесткого понятия нормы давление письменного языка (*linguistic inhibition*) на диалекты не могло быть последовательным и устойчивым, диалектизмы же, напротив, постоянно проникали в письменные тексты.

В рамках Великого княжества Литовского с самых ранних периодов существования выделялись украинские и белорусские диалекты в живом разговорном языке, и старобелорусский и староукраинский варианты. Отличия между ними и во времена Великого княжества Литовского, и позже обобщены в статье В. Свежинского «О статусе белорусского и украинского языков во времена Великого княжества Литовского». Автор суммирует все отличные белорусско-украинские языковые черты и заключает: «...разные условия и результаты формирования белорусского и украинского языков позволяют утверждать, что под внешне сходными графико-орфографическими оболочками и под одним из общих названий “русский” в Великом княжестве Литовском существовали, в том числе и в качестве официальных, два восточнославянских языка – белорусский и украинский; внешним проявлением этого было существование параллельных текстов, написанных в каждом случае один – в соответствии с белорусской, а другой – в соответствии с украинской письменными традициями»¹. Очевидно, что в письменные тексты проникали и черты более мелких диалектных объединений. Об этом пишет, в частности, исследователь истории украинского языка В. Русанівский: «В деловой язык проникали локальные названия, связанные с особенностями определенных территорий: *верховина* ‘верхнее течение реки’, *грунь* ‘пригорок’, *дидка* ‘мать отца или матери’ ...»².

С течением времени местных элементов в официально-письменном языке Великого княжества Литовского становилось все больше. На их основе формировались национальные украинский и белорусский языки. Однако их фор-

¹ *Свяжынскі У.* Аб статусе беларускай і ўкраінскай моў у часы Вялікага Княства Літоўскага // METRICIANA : Даследаванні і матэрыялы. Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2003. Т. II. С. 134.

² *Русанівський В. М.* Історія української літературної мови : підручник [Електронний ресурс]. Київ : АртЕк, 2001. 392 с. URL: <http://litopys.org.ua/rusaniv/ru.htm> (дата обращения: 25.08.2015).

мирование шло разными путями, и об этом опять-таки пишет В. Свежинский: «По-разному происходило становление новых украинского и белорусского литературных языков. Объединяет их только время: новые как белорусский, так и украинский литературные языки возникли на народной основе и в XVIII в. Однако упадок старого украинского литературного языка и становление нового происходили параллельно. Литературной основой для нового украинского языка стали те стили и жанры, генетические источники которых следует искать в традиционных низком и среднем стилях: фольклорном, песенно-поэтическом, комедийно-драматическом, научно-практическом, частично легендарно-повествовательном, летописно-мемуарном, ораторско-проповедническом, деловом и др. Общей их чертой является светскость»¹.

Далее автор пишет о становлении белорусского литературного языка: «Литературная основа нового белорусского языка ограничивалась комедийно-драматическим стилем, в котором народно-разговорный язык использовался исключительно с целью его натуралистического копирования. Такая узость стилистической основы формирования нового белорусского языка, по-видимому, и явилась фактором перерыва старой и новой языково-литературных традиций, последовательной их заменой во времени, причем с довольно значительным интервалом»².

Самоназванием для всех этих вариантов общевосточнославянского языка, а впоследствии отдельных языков, вплоть до XX в. остается «русский язык». Это название долгое время употреблялось недифференцированно. Во времена Московской Руси и Великого княжества Литовского за ним скрывались три разных языка: упомянутая выше «проста мова» (западнорусский язык), церковнославянский язык и старорусский язык – предшественник современного русского языка. В случае настоятельной необходимости их различить прибегали к дополнительным дефинициям: литовско-русский, московско-русский, книжно-русский.

Хронология развития восточнославянских языков отражена в табл. 7 (по классификации В. Русанивского).

Таблица 7

Хронология развития письменных восточнославянских языков

X–XIII вв.	Общевосточнославянский (древнерусский) язык	
XIV – первая пол. XVII вв.	Старорусский (русский, московско-русский)	Западнорусский (русский, литовско-русский, проста мова) официальный письменный язык в Великом княжестве Литовском

¹ *Свяжынскі У.* Аб статусе беларускай і ўкраінскай моў у часы Вялікага Княства Літоўскага. С. 124.

² Там же. С. 135.

Вторая пол. XVII – XVIII вв.	Становление современного русского литературного языка	Упадок официально-письменного языка Великого княжества Литовского, замена его польским	
		Становление современного украинского литературного языка на основе диалектов	Существование белорусских диалектов в устной форме
С XIX в.	Современный русский литературный язык	Современный украинский литературный язык	Современный белорусский литературный язык

Русский, белорусский и украинский языки сохраняют высокую степень близости, характерную или для всех трех языков, или для какой-либо пары. Например, в фонетике, помимо названных выше общих явлений, развилось аканье, характерное для русского и белорусского языков, в то время как украинский сохранил четкий безударный вокализм. Как отмечал А. Е. Супрун, белорусский и русский языки объединяет значительная степень развития мягкости согласных. Южновеликорусские говоры, белорусский и украинский языки объединяются характерным фрикативным *z*. В украинском и белорусском языках развиваются долгие согласные [л], [н], [с], [з], [ж], [д], [т].

Сходство восточнославянских языков проявляется, в частности, в сходстве лексического состава. Наибольшее подобие характерно для белорусского и украинского лексиконов (более 80 % общей лексики). Общими являются около 70 % слов в белорусском и русском языках и более 60 % – в украинском и русском.

Восточнославянский словарный состав хорошо сохраняет древнейший словарный фонд – индоевропейские и праславянские корни и словообразовательные модели. Как отмечается в работе М. Г. Булахова, М. А. Жовтобрюха, В. И. Кодухова «Восточнославянские языки», это «...названия процессов и орудий земледелия, термины скотоводства, охоты, быта; обозначения природных явлений, диких и культурных растений, животных, птиц, насекомых и т. д.»¹.

Помимо общих исконных слов, в восточнославянских языках есть ряд общих заимствований, относящихся к разным этапам их развития: от древнейших праславянских германизмов (*хлеб*), латинизмов (*баня*) или иранизмов (*бог*) до современных интернационализмов (*ананас*) и терминов (*фонетика*).

¹ Булахов М. Г., Жовтобрюх М. А., Кодухов В. И. Восточнославянские языки : учеб. пособие для пед. ин-тов. М., 1987. С. 87.

В белорусском и украинском языках немало общей лексики с польским языком – 70 %, что обусловлено историческими причинами: существованием трех народов в рамках единого государства Речи Посполитой. Имеется немало белорусско-украинских полонизмов, как, например, старобелорусские (= староукраинские) заимствования из польского языка: *певен* ‘уверен’; *хлопець* ‘мальчик, парень’; *червоний* ‘красный’; *квет* ‘цветок’ и др. В XIV–XVI вв. многие западноевропейские заимствования попадали и в старорусский язык при посредничестве польского.

Общность лексики восточнославянских языков обусловлена также их взаимным влиянием, и в первую очередь влиянием русского языка на украинский и белорусский в период сосуществования русских, украинцев и белорусов в Российской империи, а впоследствии в Советском Союзе.

Общие условия существования привели к созданию общего словарного фонда в основных сферах языкового общения.

Следствием лексического сходства восточнославянских языков является наличие многочисленных ложных друзей переводчика, или межъязыковых омонимов.

Как известно, межъязыковые омонимы появляются или вследствие случайного совпадения, или вследствие разного семантического развития одной и той же лексемы. Второй путь – более частый, особенно характерен для близкородственных языков.

Вот некоторые белорусско- и украинско-русские ложные друзья переводчика: бел. *бракаваць*, укр. *бракувати* ‘недоставать’ – рус. *браковать*; бел. *вяселе*, укр. *весілля* ‘свадьба’ – рус. *веселье*; бел. *карысьць*, укр. *користь* ‘польза’ – рус. *корысть*; бел., укр. *качка* ‘утка’ – рус. *качка*; бел. *нядзеля*, укр. *неділя* ‘воскресенье’ – рус. *неделя*; бел., укр. *плот* ‘забор’ – рус. *плот*; бел. *рацыя*, укр. *рація* ‘правова’ – рус. *рация*; бел. *рэдкі*, укр. *рідкий* ‘жидкий’ – рус. *редкий*; бел., укр. *склад* ‘слог, состав’ – рус. *склад*; бел., укр. *справа* ‘дело’ – рус. *справа*.

Существуют также белорусско-русские ложные друзья переводчика (бел. *адказ* ‘ответ’ – рус. *отказ*; бел. *рог* ‘угол’ – рус. *рог*; бел. *трус* ‘кролик’ – рус. *трус*; бел. *пакой* ‘комната’ – рус. *покой*; бел. *склон* ‘падеж’ – рус. *склон*) и белорусско-украинские (бел. *вадкі* ‘жидкий’ – укр. *вадкий* ‘вредный’; бел. *злыдзень* ‘злодей, преступник’ – укр. *злидень* ‘бедняк, нищий’; бел. *разважыць* ‘обдумать’ – укр. *розважити* ‘насмешить, потешить’; бел. *удача* ‘удача, успех’ – укр. *вдача* ‘характер’).

В грамматике, особенно в синтаксисе восточнославянских языков сходных черт гораздо больше, чем отличий. Специфические черты будут рассмотрены в рамках описаний отдельных языков.

Список литературы

Алексеев, А. А. О новгородских военных дощечках начала XI в. / А. А. Алексеев // Рус. яз. в науч. освещении. – 2004. – № 2 (8). – С. 201–206.

Булахов, М. Г. Восточнославянские языки : учеб. пособие для пед. ин-тов / М. Г. Булахов, М. А. Жовтоброух, В. И. Кодухов. – М. : Просвещение, 1987. – 303 с.

Дуличенко, А. Д. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие [Электронный ресурс] / А. Д. Дуличенко. – 2-е изд. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 720 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Зализняк, А. А. Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси / А. А. Зализняк, В. Л. Янин // Вопр. языкознания. – 2001. – № 5. – С. 3–25.

Нефедов, В. С. Археологический контекст «древнейшей русской надписи» из Гнёздова / В. С. Нефедов // Археолог. сб. : тр. Гос. истор. музея / отв. ред. В. В. Мурашева. – М. : 2001. – Вып. 124 : Гнёздово. 125 лет исследования памятника. – С. 64–67.

Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3 т. [Электронный ресурс] / Санкт-Петербург. гос. ун-т, филол. фак. – Т. 1 : Древнерусский язык. – М., 2002. – Режим доступа: <https://slovari.yandex.ru/книги/Гуманитарный%20словарь/Древнерусский%20язык>. – Дата доступа: 25.08.2015.

Русанівський, В. М. Історія української літературної мови : підручник [Електронний ресурс] / В. М. Русанівський. – Київ : АртЕк, 2001. – 392 с. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/rusaniv/ru.htm>. – Дата доступа: 25.08.2015.

Свяжынскі, У. Аб статусе беларускай і ўкраінскай моў у часы Вялікага Княства Літоўскага / У. Свяжынскі // METRICIANA : Даследаванні і матэрыялы. Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. – Мінск : Ін-т гіст. НАН Беларусі, 2003. – Т. II. – С. 132–163. (ATHENAEUM: Commentarii Historiae et Culturae ; VIII).

Супрун, А. Е. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие для филолог. специальностей ун-тов / А. Е. Супрун. – 2-е изд., перераб. – Минск : Выш. шк., 1989. – 480 с.

Супрун, А. Е. Лексическая типология славянских языков / А. Е. Супрун. – Минск : БГУ, 1983. – 46 с.

Творогов, О. В. Изборник Святослава / О. В. Творогов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, 1987. – Вып. 1 : XI – первая половина XIV в. / Акад. наук СССР, ИРЛИ ; отв. ред. Д. С. Лихачев. – 493 с.

Ульянов, О. Г. Происхождение Остромирова Евангелия: к реконструкции древнейшего Устава на Руси / О. Г. Ульянов // Кириллица от возникновения до наших дней : материалы междунар. науч. конф., Москва, 6–8 дек. 2007 г. / Рос. ин-т культурологии ; ред. И. А. Савкин. – СПб. : Алетейя, 2011. – С. 164–195.

Хабургаев, Г. А. Древнерусский язык / Г. А. Хабургаев // Языки мира : Славянские языки / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – С. 418–437.

Языки мира : Славянские языки / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – 656 с.

3.2.2. БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Л. А. Козловская

Статус языка в современном мире

Белорусский язык является национальным языком этнических белорусов и имеет юридический статус государственного (наряду с русским языком) в Республике Беларусь, расположенной в Восточной Европе на территории 207,6 тыс. км² с численностью населения на 1 января 2018 г. 9,5 млн человек.

В ходе проведенной в 2009 г. переписи населения белорусский язык родным назвали более 5 млн человек, кроме того, 1,3 млн человек указали на свободное владение им в качестве второго, что в итоге составило почти 6,5 млн человек, свободно владеющих белорусским языком.

В настоящее время около 3,5 млн белорусов постоянно проживают за пределами Беларуси, а именно в Российской Федерации (900 тыс.), США и Канаде (по 900 тыс.), Украине (300 тыс.), Израиле (140 тыс.), а также меньшей численностью в странах Европейского союза, Латинской Америки, Азии. По всему миру созданы и активно функционируют международные общественные объединения белорусов, их деятельность направлена на поддержание деловых, образовательных, культурных связей с этнической родиной, а также сохранение родного языка. Белорусский язык преподают в университетах Берлина, Дрездена, Йены, Лейпцига, Ольденбурга (Германия), а также в Варшавском (Польша), Гранадском (Испания), Гарвардском (США), Будапештском (Венгрия), Белградском (Сербия), Карловом (Чехия), Прешевском (Словакия) университетах и др.

Лингвоним и этноним

Лингвоним (наименование языка) *белорусский язык* соотносится с этнонимом (наименование национальности) *белорусы*, который, в свою очередь, происходит от названия территории проживания этноса – *Белая Русь*. Существует несколько версий происхождения этого названия. Первую связывают с внешними признаками жителей земель, именуемых Белой Русью (светлые волосы и цвет кожи), вторую – с независимостью в некоторый период времени от монголо-татарского ига (белая – независимая, свободная), третью – с противопоставлением Черной Руси, где долгое время сохранялось язычество, тогда как население Белой Руси было христианским.

До XVI в. включительно белорусский язык не имел лингвонима, соотносимого с именем этноса, и преимущественно назывался *русским языком*. Одновременно до XVII в. был распространен лингвоним *простой язык* (*проста*

мова), в XVIII в. находят распространение лингвонимы *литовский язык* (*литовская мова*), *литовско-русский язык*. В XIX в. в разных источниках белорусский язык называли, используя термины *русская мова*, *руски езык*, *рус(ь)кий язык*, *русинский язык* (*русинская мова*), *кривичский язык*, *рутенский язык*, *славяно-литовский язык*, *польско-русский язык*. В конце XVIII – начале XIX в. все предшествующие вытесняются лингвонимом *белорусское нарѣчје*, и в XX в. в обиход вводится действующий до нынешнего времени лингвоним *белорусский язык*.

История языка и формирование современного белорусского литературного языка

В генеалогической классификации языков мира белорусский язык относится к индоевропейской языковой семье, славянской группе, восточной подгруппе, включающей также русский и украинский языки.

В истории возникновения и развития белорусского языка выделяется несколько основных периодов.

До середины XIII в. белорусский язык развивался на базе диалектов древнерусского языка Киевской Руси. После распада Киевской Руси ее западные территории вошли в состав Великого княжества Литовского, где государственным языком и стал старобелорусский (или древнебелорусский) язык, который к этому времени имел давние письменные традиции, связанные с именами выдающихся просветителей, проповедников, книжников Евфросинии Полоцкой и Кирилла Туровского. К наиболее значимым письменным памятникам старобелорусского языка относят свод законов «Статут Великого княжества Литовского» (1529, 1566, 1588), летописи Авраамки и Быховца, Баркулабовскую летопись и др. На старобелорусском языке велись дипломатические, административно-хозяйственные и юридические документы, он активно использовался в частной переписке, был языком летописных и художественных текстов, а также языком общения во всех социальных сферах. Интересно, что тексты на старобелорусском языке писались кириллицей, латиницей и даже арабским письмом (так называемые аль-китабы татар-переселенцев).

В 1569 г. состоялось объединение Великого княжества Литовского с Польшей (Люблинская уния) в единое федеративное государство Речь Посполитая, что неизбежно привело к созданию конкурентной польско-белорусской языковой ситуации, по разным (политическим и экономическим) причинам неблагоприятной для дальнейшего развития белорусского языка. Вместе с тем на начало данного периода в истории белорусского языка приходится деятельность знаменитого белорусского первопечатника Франциска Скорины. В 1517 г. в Праге он издает первую белорусскую печатную книгу «Псалтырь», печатает библейские книги. В Бресте, Несвиже, Заславле и других городах появляются

первые печатные станки – безусловный поддерживающий фактор становления, совершенствования и сохранения не только классических форм, но и живых народных элементов старобелорусского языка. В истории белорусского книгопечатания, просвещения, образования остались имена Симона Будного, Василия Тяпинского, Милетия Смотрицкого («Грамматики Славенския правильное синтагма», 1619 г.), Лаврентия Зизания («Грамматика словенска», «Лексис», 1596 г.) и др.

К концу XVI в. белорусский язык в значительной степени теряет свою функциональную мощь в сравнении с польским языком, за которым в 1696 г. постановлением сейма Речи Посполитой был официально закреплён статус государственного с категорически приоритетным правом использования в официальных документах всех уровней и практически во всех сферах коммуникации. Вплоть до конца XVIII в. белорусский язык существовал преимущественно в устной форме как средство общения в народной (крестьянской) среде, что, с одной стороны, способствовало сохранению национальной идентичности белорусов, с другой – сохранению самого языка как символа нации.

В конце XVIII в. в результате нескольких разделов Речи Посполитой территории компактного проживания белорусов вошли в состав Российской империи. Несмотря на доминантный статус русского языка на её территории, в XIX – начале XX в. белорусский язык возрождается и даёт толчок развитию национальной культуры во всех её проявлениях. Данному периоду принадлежит расцвет творчества таких выдающихся литераторов, как Франтишек Богушевич, Элоиза Пашкевич (Тетка), Максим Богданович, Якуб Колас, Янка Купала. Заметной научно-исследовательской вехой в истории белорусской филологии стал трёхтомный труд академика Российской академии наук Е. Ф. Карского «Белорусы» (1906–1922), в котором учёный на материале белорусских памятников письменности и народно-диалектной речи описывает фонетические и грамматические особенности белорусского языка, исследует происхождение белорусского народа и белорусского языка.

После революции 1917 г. белорусский язык вновь приобрёл статус государственного на территории БССР, одной из республик в составе Советского Союза. Данный статус значительно расширил коммуникативные возможности белорусского языка и обеспечил достаточно благоприятные условия для его систематизированного изучения. В 1921 г. был создан Белорусский государственный университет, в 1929 г. – Академия наук БССР, началась разработка норм белорусского литературного языка, систематизация орфографии и грамматики.

В послевоенный период (с 1945 г.), связанный с активными восстановительными процессами, в белорусской культуре также наблюдается значительный подъём. На это время приходится расцвет творчества знаковых белорусских писателей К. Крапивы, И. Мележа, И. Шамякина, М. Танка, В. Быкова и многих

других. Успешно развивается белорусская лингвистика. Завершена многолетняя работа над диалектологическим атласом, создана академическая грамматика белорусского языка, написан цикл работ по истории белорусского языка, изданы разнопрофильные словари. Вместе с тем активные политические, экономические и социальные процессы, в том числе процесс урбанизации, постепенно привели к ослаблению интегрирующей роли белорусского языка, вытесненного коммуникативно более мощным русским языком.

В 80–90-е гг. XX в. на государственном уровне была предпринята попытка возвращения белорусскому языку утраченных позиций. Государственной программой (от 20 сентября 1990 г.) предусматривалось значительное увеличение объема обязательного использования белорусского языка в политической, административной сферах, а также сферах СМИ, образования и др. Однако объективность социально-экономической ситуации, а также излишняя жесткость и несовершенство методов языковой политики стали причинами отсутствия активной поддержки данной программы в обществе. В 1995 г. на республиканском референдуме большинством голосов было признано функциональное и юридическое равенство белорусского и русского языков, закрепленное Конституцией Республики Беларусь.

Современный период функционирования белорусского языка определяется сохранением доминантной коммуникативной позиции русского практически во всех социальных сферах. Эпизодичны факты использования белорусского языка в политике, бизнесе, образовании и повседневном общении. Вместе с тем относительно устойчива его активность в сфере культуры, творчества, СМИ, интернете, что с учетом наличия давней письменной традиции позволяет говорить о сохранении национально-идентификационной функции белорусского языка в современном белорусском обществе.

Диалекты

На территории распространения белорусского языка в качестве основных выделяются северо-восточный и юго-западный диалекты, разделенные переходными среднелитовскими говорами. Юго-западный диалект отличает прежде всего недиссимилятивное аканье, а также отверждение мягкого *p*, утрата флексии *-ць* в 3-м лице единственного числа глаголов первого спряжения (*вядзе, купляе, бярэ*), переход *ы* после губных согласных в *у* (*спутачь-спытаць*) и др. Диалектные особенности северо-восточного наречия связаны с диссимилятивным аканьем и яканьем, сохранением мягкого *p*, наличием в 3-м лице единственного числа глаголов флексии *-ць* (*вядзець, купляець, бярэць*) и др. Переходные говоры распространены также на границе с полесскими, украинскими и южнорусскими говорами.

Современный белорусский литературный язык

Графика и орфография. Первые письменные памятники на белорусском языке в XIV–XVII вв. были записаны кириллицей. В XVIII – начале XX в. для книгопечатания наряду с кириллицей стали использовать и латиницу в ее польском варианте. Латиницей напечатаны первые номера газеты «Наша ніва», книги В. Дунина-Мартинкевича и Ф. Богушевича, первые белорусские азбуки. К концу XIX в. началось активное использование русского гражданского шрифта, приспособленного к белорусскому произношению. В графику были введены неслоговое *ў*, *дз* и *дж*, апостроф вместо *ъ* (апостроф – надстрочный знак, который указывает на раздельное произношение согласного и следующего за ним гласного (*аб'езд* – [*аб-ъ-езд*], *аб'ява* – [*аб-ъ-ява*])). После *ў* перед *е*, *ё*, *ю*, *я*, *і* апостроф отсутствует (*здароўе*). Для обозначения звука [*u*] в белорусской графике закрепился знак *і*. Известен уникальный факт в истории белорусского письма – «китабы», представлявшие собой тексты, написанные на белорусском языке с использованием арабского алфавита татарами, жившими на территории ВКЛ в XIV–XVI вв. Современный белорусский алфавит является преимущественно кириллическим (за исключением *і* и неслогового *ў*) и включает 32 графических элемента. Следует отметить, что в сравнении с русским алфавитом в белорусском нет букв *ц* и *ъ*, для передачи на письме аффрикат используются диграфы *дж* и *дз*. Кроме того, на письме не допускается замена *ё* знаком *е*.

Для белорусской орфографии характерен преимущественно фонетический принцип. Первое системное описание правил белорусской орфографии принадлежит языковеду и политическому деятелю Б. Тарашкевичу, сделанное им в «Белорусской грамматике для школ» (1918). С тех пор орфографические нормы белорусского языка неоднократно реформировались. Так, в 1933 г. была проведена языковая реформа, предусматривающая сближение орфографических норм белорусского и русского языков. Одним из ее заметных результатов стало упразднение мягкого знака для передачи на письме мягкости согласных (*снег* вместо *сьнег*). Незначительные изменения в правила белорусской орфографии и пунктуации были внесены в 1959 г. В 2010 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь «О правилах белорусской орфографии и пунктуации», в котором систематизированы нормы написания, соотнесенные с изменениями, произошедшими в белорусском языке за последние 40 лет. Орфографическая реформа коснулась слов иностранного происхождения в части расширения принципа передачи аканья (*адажыя*, *трыа*, *Токіа*) и *ў* неслогового в заимствованных словах (*ля ўнівермага*, *ва ўніверсітэце*), правил переноса слов, унификации написания заглавной и прописной букв и др.

Фонетика. Белорусский язык в целом является консонантным и характеризуется преобладанием звучания согласных звуков в речевой цепи. Вместе с тем

при наличии 6 гласных и 39 согласных в сравнении с радикально консонантными русским и польским языками белорусский имеет достаточно высокий уровень вокализма. Это связано в первую очередь с наличием в белорусском языке полугласного *й*.

В фонетической системе современного белорусского литературного языка насчитывается шесть гласных звуков: [i], [ы], [у], [э], [о], [а], которые с позиции артикуляции классифицируются в зависимости от места образования по ряду (передний, средний, задний) и подъему (верхний, средний, нижний). В качестве дополнительной артикуляции при классификации гласных учитывается участие ([о], [у]) или неучастие ([ы], [э], [а], [i]) губ в их образовании (табл. 8).

Таблица 8

Система гласных белорусского языка

Подъем	Ряд и участие губ		
	передний	средний	задний
	нелабиализованные		лабиализованные
Верхний	i	у	и
Средний	e		о
Нижний		a	

В современном белорусском литературном языке 39 согласных звуков (табл. 9). Звук [дз] употребляется очень редко, обычно в звукоподражательных словах (*дзын-дзын, дзынкаць*). Редко употребляются и звуки [г], [г'] (взрывные), которые известны только в отдельных заимствованных словах (*ганак, гонта, гузік*), и в сочетании [зг] в словах *мазгі, розгі*.

Таблица 9

Система согласных белорусского языка

Способ образования	Участие голоса и шума	Место образования					
		губно-губные	губно-зубные	переднеязычные зубные	переднеязычные переднебные	среднеязычные среднебные	заднеязычные заднебные
Смычные (взрывные)	Гл. Зв.	p p' b b'		t d			k k' g g'
Щелевые (фрикативные)	Гл. Зв. Сон.		f f' v v'	s z	š s' ž z'	j	x x' h h'

Способ образования	Участие голоса и шума	Место образования					
		губно-губные	губно-зубные	переднеязычные зубные	переднеязычные переднеязычные	среднеязычные среднеязычные	заднеязычные заднеязычные
Смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл. Зв.			с ʒ	ç с' ʒ ʒ'		
Носовые Боковые Дрожжаний (вibrant)	Сон. Сон. Сон.	m m'		n l l' r	n'		

Фонетическая система белорусского языка имеет следующие основные отличительные характеристики:

- 1) передаваемое на письме «аканье» (ср. бел. *горад* – рус. *город*);
- 2) «дзеканье» и «цеканье» – появление аффрикат на месте мягких согласных [д] и [т] (*дзеці, бацька, ходзіць*);
- 3) наличие фрикативного [h], аналогичного такому же в украинском, чешском языках и южнорусских диалектах (*гара, гуляць*);
- 4) наличие неслогового [ц] на месте [v], [l] и [ч] после гласных перед согласным или в конце слова (*нісаў, праўда, поўны*);
- 5) отсутствие звука [š'] (в русском языке обозначаемого буквой *щ*), заменяемое сочетанием двух звуков [šč] (*плошча, шчасце*);
- 6) употребление звука [f] только в некоторых словах, заимствованных из иностранных языков; на месте [f] обычно употребляется [x], [xv] и [p] (*Хведар, Пілін*);
- 7) протетические (приставные) звуки (*Вольга, імгла, аржаны, возера, восень*);
- 8) долгие (двойные) [z], [s], [ʒ], [c], [ž], [č], [š], [l], [n], произносимые в положении перед гласными как один удлинённый звук, вместо сочетания в русском языке этих согласных с [j] (*калоссе, суддзя, смецце, збожжа, ламачча, узвышша, вяселле, уменне*);
- 9) наличие только твердых вариантов [š], [ž], [č], [c], [r] (*жыццё, чорны, парадак*);
- 10) наличие аффрикат [ʒ] и [ʒ], – сложных звуков, произносимых неделимо (*ураджай, дзень, дзівосны*) и др.;
- 11) отвердение согласных на конце слова (*восем, голуб, цяпер*);

12) отсутствие [j] после [y], [i] в конце слова у прилагательных, причастий, порядковых числительных и глаголов в повелительном наклонении (*стары, адчынены, першы, лі*).

Ударение в белорусском языке, как и в русском, является свободным силовым (динамическим) и служит для различения слов (*нара́* ‘пора’ – *на́ра* ‘пар’) и грамматических значений (*насыпа́ць* (несов. вид) – *насы́паць* (сов. вид)). В отличие от русского языка в белорусском предлоги всегда находятся в безударной позиции (ср. рус. *по́ небу* – бел. *па не́бе*).

Морфология. В типологической классификации языков белорусский язык относится к разряду синтетических. Выделяются следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол (формы причастия и деепричастия), наречие, предлог, союз, частица, междометие. Отличительные черты грамматики белорусского языка наиболее очевидны при сопоставлении ее с грамматическими системами других восточнославянских языков, в частности русского. Так, в сравнении с русским языком в белорусском языке имеют место:

- 1) редкое употребление кратких форм прилагательных;
- 2) неупотребительность страдательных причастий настоящего времени и неактивное использование действительных причастий настоящего времени с суффиксами *-уч-*, *-ач-* (*едучы, гаворачы*);
- 3) наличие наряду с простыми (*найшоў*) сложных форм прошедшего времени (*найшоў быў*), сохранившихся в некоторых диалектах;
- 4) отличия в распределении лексики по морфологическим классам (*сабака, боль* – мужского рода, *дзверы* – только множественного числа);
- 5) более частое использование собирательных существительных (*галлё, бяргенне, збожжа*).

Синтаксис. В области синтаксиса белорусский язык отличают:

- 1) использование описательных конструкций вместо причастных оборотов (бел. *чалавек, які бяжыць* – рус. *бегущий человек*);
- 2) участие в образовании сравнительной степени предлогов *за* или *ад* (*маладзейшы за мяне, лепшы ад усіх*);
- 3) глаголы *дзякаваць, дараваць, прабачыць* требуют дательного падежа (*дзякаваць лёсу*);
- 4) глаголы *смяяцца, здзеквацца, рагатаць, цешыцца* употребляются с предлогом *з* и дополнением в родительном падеже (*смяяцца з сябе*);
- 5) глаголы движения сочетаются с винительным падежом и предлогом *на* при обозначении цели движения (*ісці на грыбы, бегчы на дапамогу*).

Лексика. Лексическая система белорусского языка сформировалась под влиянием множества факторов, связанных в первую очередь с историей развития, географическим положением и обширными языковыми контактами.

Основной словарный фонд современного белорусского языка составляет лексика, восходящая к общевосточнославянскому и общеславянскому периодам. Выделяются при этом следующие базовые тематические группы, включающие наименования:

- ◆ человека и частей его организма (*чалавек, сэрца, рука, язык*);
- ◆ степеней родства (*брат, сястра, зяць, дзед*);
- ◆ видов пищи и напитков (*каша, варыва, квас*);
- ◆ жилых и хозяйственных построек (*дом, клець, буда*);
- ◆ временных периодов (*час, год, месяц, нядзеля, зіма, лета, вясна, восень*);
- ◆ живых существ (*вавёрка, бык, вепр, вол, воўк, выдра, жарабя, заяц, конь, карова, кот, куніца, крот, свіння, цяля, ягня, рыба, сом, язь, верабей, аса, жаба, камар, муха, пчала, чарвяк*);
- ◆ растений (*авёс, жыта, проса, хмель, яблыня, дуб, бяроза*);
- ◆ явлений природы (*пярун, агонь, бура, вецер, воблака, град, гром, снег, лёд*);
- ◆ отвлеченных понятий (*бяда, воля, вера, любоў, здароўе, праўда, радасць, слава, чэсць*) и др.

В современном белорусском языке имеется значительный пласт лексики, которая образовалась в процессе его формирования и развития в качестве самостоятельного языка (начиная приблизительно с XIII в.): *снеданне* (рус. *завтрак*), *ветразь* (рус. *ветрило, парус*), *падарожжа* (рус. *путешествие*) и др.

Не только генеалогической близостью, но и многолетним функционированием в условиях билингвизма обусловлено наличие в лексике белорусского языка значительного числа русизмов.

Заемствования из западнославянских, германских и романских языков проникли в белорусский язык преимущественно через посредничество польского языка. Наибольшее количество иноязычной лексики из немецкого, французского и итальянского языков пришло в белорусский язык через польский: *die Zwiebel* (нем.) – *cybula* (пол.) – *цыбуля* (бел.) ‘лук’; *der Handel* (нем.) – *handel* (пол.) – *гандаль* (бел.) ‘торговля’. По данным диахронических исследований, приток германизмов в белорусский язык начался с XVIII в., появление англицизмов отмечено только в XX в., и в настоящее время этот процесс продолжается, затрагивая преимущественно сферы экономики, техники (в том числе интернет), спорта и др.

Список литературы

Абабурка, М. В. Параўнальная граматыка беларускай і рускай моў : вучэб. дапам. для філалаг. фак. ВДУ / М. В. Абабурка. – Мінск : Выш. шк., 1992. – 223 с.

Короткая граматыка беларускай мовы : у 2 ч. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – 2007, 2009. – 350 с. – 2 ч.

Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 293 с.

Мячкоўская, Н. Б. Мовы і культура Беларусі : нарысы / Н. Б. Мячкоўская. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – 346 с. – (Серыя «Моваведы Беларусі»).

Население Республики Беларусь: Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года : стат. сб. / М-во статистики и анализа Респ. Беларусь. – Минск : Информстат, 2000. – 194 с.

Плотнікаў, Б. А. Беларуская мова: лінгвістычны кампендыум / Б. А. Плотнікаў, Л. А. Антанюк. – Мінск : Інтэрпрэссэрвіс : Кніжны Дом, 2003. – 671 с.

Шакун, Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : вучэб. дапам. для філалаг. фак. ВНУ / Л. М. Шакун – 2-е выд., перапрац. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 318 с.

3.2.3. РУССКИЙ ЯЗЫК

А. М. Калюта

Статус языка в современном мире

Русский язык относится к восточнославянской подгруппе славянской группы индоевропейской семьи языков. Ближайшие родственные языки – украинский и белорусский. Являясь национальным языком русского народа, русский язык служит языком межнационального общения в Российской Федерации. Русский язык – государственный язык России и один из официальных языков в Беларуси, Казахстане, Киргизии. Также в разном статусе (язык межнационального общения, региональный, язык делопроизводства) используется в Абхазии, Южной Осетии, Республике Молдова, Приднестровье, Украине, Таджикистане, Узбекистане, архипелаге Шпицберген (в составе королевства Норвегия) и др. В штате Нью-Йорк (США) все документы, связанные с выборами, должны переводиться на русский язык. Во всем мире проживает большое количество русскоговорящих эмигрантов, особенно в США, Израиле, Канаде, Австралии и странах Западной Европы.

Русский язык является официальным языком ООН (с 1946 г.) и ЮНЕСКО (с 1954 г.) наряду с английским, арабским, испанским, китайским и французским языками. По данным Росстата, в России на начало 2018 г. русским языком владело более 146 млн человек. В Беларуси по данным переписи 2009 г. 70 % населения выбирало русский язык в качестве разговорного. Общее количество русскоговорящих в мире к 2018 г. достигло 260 млн человек.

Лингвоним и этноним

Исторически лингвоним *русский язык* применительно к языку восточнославянского населения древней Руси обозначал древнерусский язык VI–XIII вв., пока не произошло разделение на русских, белорусов и украинцев с их осо-

быми языками. В XIV–XVII вв. он означает язык великорусской народности, появившейся наряду с другими сформировавшимися восточнославянскими этносами из более-менее единой древнерусской народности. Сейчас же он обозначает язык русской нации, вокруг которой объединены народы в составе Российской Федерации.

История языка и формирование современного русского литературного языка

История русского языка начинается с распада праславянской языковой общности примерно в VI в. н. э. Первоначально это была бесписьменная языковая форма, которую потом ученые стали называть древневосточнославянским или древнерусским языком. Из него впоследствии развились современные восточнославянские языки. Таким образом, русские, как украинцы и белорусы, произошли из древнерусской народности, сложившейся в результате распада родоплеменного строя вокруг созданного к IX в. восточнославянского государства – Киевской Руси. Вот почему Киев с древности называли «матерью городов русских».

Восточные арабские и византийские писатели и путешественники того времени называли первое государственное объединение восточных славян Русью, а его народ – русами. Еще в начале нашей эры римские историки Плиний Старший, Тацит и Птолемей упоминали о славянах под именем *венедов* (корень этого слова для называния разных славян сохранился и поныне в немецком – *Wenden, Winden* – и финском – *venäjä* – языках). Готский историк VI в. Иордан и его современники византийцы Прокопий Кесарийский и Маврикий упоминают также о славянах-*антах* и *словенах* (*склавенах, склавинах*). Прокопий писал о славянах: «И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба этих племени называли спорами (“рассеянными”), думаю потому, что они жили, занимая страну “спораден”, “рассеянно”, отдельными поселками»¹. Полагают, что венедами называли западных славян, склавинами/склавенами – южных, а антами – племена восточных славян. Имя *анты* для определения восточных славян исчезает, по-видимому, к VII в., а ему на смену приходит *русь* или *рось* со спорной этимологией.

Академик Б. А. Рыбаков в труде «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.» так подводит итог собранному им богатейшему материалу об истории происхождения Руси: «Племя росов/русов было частью славянского массива в первые века нашей эры. Имя росов связано с рекой Росью, притоком среднего Днепра... В VI–VII вв. в среднем Поднепровье сложился мощный союз славянских племен. Иноземцы называли его *Рос* или *Рус*... К середине X в. Русью стали называть все восточнославянские земли, платившие дань Руси.

¹ *Прокопий Кесарийский*. О славянах и антах // Хрестоматия по истории СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века / под ред.: В. И. Лебедева, М. Н. Тихомирова, В. Е. Сыроечковского. М., 1951. С. 16–17.

Это объединение всех восточнославянских земель под именем Руси просуществовало до конца XIV в. и ощущалось даже в более позднее время, несмотря на вычленение украинцев и белорусов»¹.

В исторической «Повести временных лет» летописец Нестор употребляет слова *Русь* и *Русская земля* в прямой связи с восточными славянами и говорит о единой русской народности, едином русском государстве. Нестор указывает: «В год 6360 (852) <...> когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом». По мнению Б. А. Рыбакова, «...русская земля IX–XIV вв. в широком смысле слова – это область древнерусской народности с единым языком, единой культурой, временной единой государственной границей... Единство древнерусской народности выражалось в выработке общего литературного языка, покрывшего собою местные племенные диалекты, в сложении общей культуры, в национальном самоощущении единства всего народа»².

Выдающуюся роль в дальнейшем становлении языка восточных славян сыграла письменность, обретенная в X–XI вв., благодаря которой древнерусский язык становится доступным для прямого изучения. Значительное воздействие на развитие всего древнерусского общества и древнерусского языка оказало и принятие в 988 г. Русью христианства при князе Владимире. Распространение новой веры, «спущенной свыше», проходило в условиях борьбы с язычеством, часто жестокой и кровавой. В результате языческие празднования и традиции были или изжиты, или приспособлены под новые христианские (Масленица, Ильин день, Иван Купала, Коляда, поминальные дни и др.). В дальнейшем церковь сыграла свою роль в укреплении молодой русской государственности и развитии русской культуры, в распространении просвещения и создании литературных и художественных ценностей.

В 1132 г. после смерти Мстислава, сына Мономаха, все княжества Руси стали жить самостоятельной жизнью, выйдя из подчинения Киеву. Киевская Русь раздробилась на полтора десятка самостоятельных княжеств, среди которых первыми отделились Новгородская и Полоцкая земли. Желание князей править самостоятельно и междоусобные войны привели к тому, что в XIV в. количество великих и удельных княжеств достигло 250. В период феодальной раздробленности русские княжества стали обособлены не только политически и экономически: новые языковые явления «консервировались» в пределах их границ, редко их переходя. Нарастали диалектные различия.

В XIV–XV вв. русское государство формируется вокруг Москвы, а его границы, особенно после свержения монголо-татарского ига, значительно расширя-

¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 128.

² Там же. С. 131.

ются, включая в себя Поволжье, Урал, Сибирь и Северный Кавказ. Расширение границ России происходило и позднее, вплоть до XX в., одновременно со становлением русской нации. Возникает новый государственный письменный язык на основе разговорной речи исконного московского населения, который вскоре стал употребляться в качестве литературного языка. На протяжении XIV – первой половины XV в. происходило формирование украинского и белорусского языков, о которых с уверенностью можно говорить ближе к концу XV в. При этом нужно учитывать, что население западных и юго-западных земель древнерусского государства унаследовало от единой древнерусской народности язык летописей, юридических памятников и разговорную речь. Таким образом, древнерусский язык послужил основой для формирования трех языков: великорусского (русского), украинского и белорусского.

Уже с XIV в. соседи начинают именовать Северо-Восточную Русь *Великой Русью*, юго-западные земли – *Малой Русью*, а западные – *Белой Русью*. Впрочем, для Великой Руси были обычны иные названия: *Русь*, позже *Русия*, от времен Ивана Грозного – *Росия*, а с XVII–XVIII вв. – *Россия*. Развитие русского литературного языка проходит при увеличении доли народно-разговорных элементов в книжной речи и на фоне распространения грамотности и книгопечатания. В 1564 г. в Москве выходит первая датированная печатная книга «Апостол» Ивана Фёдорова (Ивана Фёдоровича Москвитина) и Петра Мстиславца. В 1619 г. в Вильно издается церковнославянская грамматика Мелетия Смотрицкого (Максим Герасимович Смотрицкий), переизданная в Москве в 1648 г. Петр I в 1708 г. осуществил разделение между церковной и гражданской печатью, провел реформу русской гражданской азбуки и ввел гражданский шрифт, найдя компромисс между церковным полууставом и вошедшей среди образованных людей в моду латиницей.

В 1755–1757 гг. М. В. Ломоносов на основе грамматики Смотрицкого создает грамматику живого русского языка – «Российскую грамматику» – и в предисловии к книге «Рассуждение о пользе книг церковных в российском языке» излагает свою теорию «трех штилей», впервые описав стилистическое расслоение русского языка для создания литературных произведений. Высокий стиль, по Ломоносову, пригоден для создания од, трагедий, героических поэм; средний – драм, стихотворных дружеских сочинений; низкий – комедий, басен, писем, эпиграмм. К заслугам Ломоносова следует отнести и то, что он рассматривал русский язык как объект изучения, фактически поставив его в один ряд с другими уже признанными науками. Он писал: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятелями, италийским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, неж-

ность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка»¹.

Уже в произведениях писателей конца XVIII – начала XIX в. Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского и других в русском литературном языке обнаруживаются черты, сближающие его с современным. Но самый большой шаг в создании нового литературного языка сделал А. С. Пушкин, который в своем творчестве явил черты новой литературной речи. Именно поэтому А. С. Пушкина считают основоположником современного литературного языка. Также особый вклад в развитие русского литературного языка внесли его современники – гении русской литературы Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов и А. С. Грибоедов, их литературное наследство, несомненно, отразилось на творчестве других титанов русской литературы второй половины XIX в.: Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, А. П. Чехова и Л. Н. Толстого.

Одновременно с зарождением новой литературной волны развивается описание русской грамматики, проходит выдающаяся работа по сбору материалов для различного рода словарей. В 1789–1794 гг. выходит первый толковый словарь русского языка в шести томах – «Словарь академии российской», включивший 43 357 слов. В 1806–1822 гг. он был переиздан с дополнениями, в результате чего в него вошло уже более 50 тыс. слов. Вслед за выпуском в 1802 г. академической грамматики Императорской академией наук выходят грамматики Н. И. Греча (1827) и А. Х. Востокова (1831). В 1847 г. выходит «Словарь церковнославянского и русского языка» в четырех томах, куда вошло более 100 тыс. слов.

В 1852 г. под редакцией А. Х. Востокова издан «Опыт областного великорусского словаря». Вместе с вышедшим к нему вскоре дополнением этот диалектный словарь включил более 31 тыс. слов.

В 1863–1866 гг. выходит первое издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля в четырех томах, где собрано около 200 тыс. слов, более 30 тыс. пословиц и поговорок русского народа. Словарь неоднократно переиздавался с дополнениями уже после смерти его составителя, который собирал материалы более 50 лет. И. И. Срезневский с помощью учеников подготовил к изданию «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (издавались в 1893–1912 гг.), три тома которых увидели свет уже после смерти составителя.

В XX–XXI вв. на волне бурного развития лингвистической науки, и в частности русистики, переживает резкий подъем и русская лексикография. В 1935–1940 гг. под редакцией Д. Н. Ушакова выходит четырехтомный «Толковый сло-

¹ *Ломоносов М. В.* Российская грамматика [Электронный ресурс] // Научное наследие России. Единое научное информационное пространство. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10078411> (дата обращения: 02.08.2017).

варь русского языка», содержащий более 90 тыс. слов. В 1949 г. впервые выходит однотомный «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, переиздания которого с 1972 г. выходили в редакции и с дополнениями Н. Ю. Шведовой. В 1965 г. было завершено издание «Словаря современного русского литературного языка» Академии наук СССР в 17 томах. В 1998 г. издан «Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова, а в 2005 г. – «Современный толковый словарь русского языка» в трех томах Т. Ф. Ефремовой, в котором более 160 тыс. словарных статей. Русская лексикография активно развивалась и по другим направлениям, в результате чего вышло огромное количество словарей разного типа, объема и предназначения.

В 1966 г. на базе МГУ им. Ломоносова в Москве был создан государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Институт Пушкина), основной целью которого стало обучение русскому языку как иностранному. С целью популяризации русского языка в 1967 г. в Париже была учреждена Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

Достижения в области русистики стали возможны благодаря деятельности ряда ученых, чьи научные труды и организаторский талант внесли выдающийся вклад в ее развитие. Среди них М. В. Ломоносов, Н. И. Греч, А. Х. Востоков, В. И. Даль, И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Я. К. Грот, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, В. А. Богородицкий, Н. В. Крушевский, А. И. Соболевский, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский, А. М. Селищев, Е. Ф. Карский, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, С. И. Ожегов, В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, Л. А. Булаховский, С. П. Обнорский, Ф. П. Филин, Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, Н. Ю. Шведова, В. Н. Сидоров, Г. О. Винокур, П. Я. Черных, П. С. Кузнецов, Б. А. Успенский, В. Л. Янин, О. Н. Трубачёв, В. В. Колесов, А. А. Зализняк, Н. М. Шанский, М. В. Панов, Б. Н. Головин, О. С. Ахманова, Л. Р. Зиндер, Б. А. Ларин, В. И. Борковский, Б. В. Томашевский, И. А. Мельчук, Ю. Н. Караулов, Д. Н. Шмелёв, В. В. Лопатин, Ю. Д. Апресян, В. Н. Телия, Г. А. Золотова, А. П. Евгеньева, А. В. Бондарко, А. Е. Супрун, П. П. Шуба, Е. А. Земская, В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин, Л. И. Скворцов, Д. Э. Розенталь и др.

Значительный вклад в русистику внесли зарубежные ученые, среди которых М. Фасмер, Б. Унбегаун, А. Мазон, О. Брок, А. Белич, Р. Нахтигал, В. Ягич, Л. Леже, А. Мустайоки, Л. Теньер и др.

Диалекты

Говоря о русском языке, следует всегда помнить о многочисленных вариантах, в которых он существует. Русский язык не одинаков для его носителей. Обычно с понятием «русский язык» связывается представление о литературном русском языке – нормированной форме, рекомендуемой для изучения в школах,

вузах, пропагандируемой по радио, телевидению в речи дикторов. Описание литературного русского языка с рекомендуемыми формами употребления можно найти в грамматиках, нормативных словарях, справочниках. Однако в понятие «общенародный русский язык» включаются и иные его варианты, среди которых в первую очередь нужно отметить говоры, или диалекты. Как правило, диалектная речь присуща жителям деревни, хотя отдельные диалектные черты прослеживаются и в речи населения городов. При диалектном членении русского языка выделяют северное и южное наречия, а также находящиеся между ними переходные среднерусские говоры, к которым относится московский говор, легший в основу русского литературного языка. Такое диалектное членение с четкими границами изоглосс соответствует территории исконно великорусского заселения (зона распространения великорусского языка на XV в.), которая не включает Поволжье, Урал, Сибирь, Северный Кавказ и другие регионы более позднего заселения русскими.

Севернорусское наречие, границы которого проходят севернее Москвы, называют окающим, поскольку оно сохраняет *о* в безударных слогах [водá], тогда как в южнорусском наречии с границами, проходящими южнее Москвы, в них звучат варианты *а*: [вада́]. Вот почему такие говоры называются акающими. Другой яркой фонетической чертой севернорусского наречия является произнесение [о] в месте [е] в положении перед твердыми согласными: *свёкровь, сёстра, озёро, нёсу, нёку*. Северным говорам присуще взрывное *г* [гóрот] (*город*), чередующееся с *к* при оглушении [друк] (*друг*), тогда как южным – употребление фрикативного (проточного) *γ* [γóрат], чередующегося при оглушении с *х* [друк]. Для севернорусских говоров характерно использование сокращенных форм из-за утраты неслогового *и* (*й*) между гласными с последовавшей за этим ассимиляцией и стяжением гласных: *большо село, хорóша девушка, она знат, мы не умём* и др. Южнорусским говорам такое явление не присуще. Также на севере распространено цоканье – употребление [ц], как правило, мягкого, вместо [ч]: *ноць (ночь), цисто (чисто), в рицьке (в речке)*. В северных говорах наблюдается совпадение формы творительного падежа с дательным во множественном числе: *с широким рукавам, с малым детушкам, с вам* и др. В южнорусских говорах личные местоимения *я, ты* и возвратное *себя* в родительном и винительном падежах имеют окончание *-е*: *у мене, вижду тебе, у себе*. Характерной особенностью южных говоров является сохранение мягкого [т'] в окончаниях 3-го лица ед. и мн. числа глаголов: *сидить, идуть, нясуть, беруть*. Также в этой группе говоров распространена форма деепричастия прошедшего времени на *-миши* в роли сказуемого: *взямиши, уехамиши*, тогда как на севере в аналогичной функции может использоваться форма на *-виши*: *мы не выснавишись*. Еще одной яркой чертой южных говоров считается утрата грамматической категории среднего рода: *большая сяло, какая урязная стякло, энта адна письмо* и т. д.

Лексические различия между группами говоров не столь существенны как фонетические и грамматические, хотя и здесь можно найти слова, использу-

емые преимущественно жителями севера или юга. Так, лишь в южнорусском наречии известны слова *хата* ('изба'), *рогач* ('ухват'), *виски́* ('волосы'), *кочет* ('петух'), *дежа* ('посуда для приготовления теста'), *погода* ('хорошая погода'). В севернорусских говорах известны формы *квашня* ('посуда для приготовления теста'), *орать* ('пахать'), *зыбка* ('подвешиваемая к потолку колыбель'), *погода* ('плохая погода') и др.

Следует помнить, что в отдельности оба этих наречия в диалектологическом отношении отличаются значительной пестротой: между разными группами говоров в пределах каждого из наречий есть существенные различия, не позволяющие считать их полностью едиными. Оба русских наречия разделены полосой среднерусских говоров смешанного типа, также в диалектологическом отношении не единых.

Современный русский литературный язык

Графика и орфография. Современное русское письмо имеет в основе кириллическую азбуку, введенную братьями Константином и Мефодием в 863 г. для нужд церкви (см. разд. 2). Русская графика знала две реформы, которые были призваны облегчить усвоение грамоты и ввести изменения из-за увеличивавшегося разрыва между письмом и устной речью. Еще в древнерусскую эпоху язык утратил некоторые звуки (к примеру, носовые), в связи с чем отпала надобность в обозначении юсов (**ѡ**, **ѣ**) на письме. В это же время изменилось и звуковое значение букв **ѣ** и **ѥ**. Петровская реформа орфографии 1708 г. упразднила буквы **Ѡ** (омега), **Ѩ** (пси), **Ѫ** (кси), **Ѭ** (зело) и изменила начертание оставшихся букв. Азбука получила название гражданской, так как ее новый вариант предназначался для текстов светского характера в отличие от сохранившейся для церковнославянских текстов кириллицы. Реформа 1918 г., которая готовилась еще в царское время выдающимися русскими лингвистами под формальным руководством великого князя Константина Константиновича Романова (орфографическую подкомиссию возглавлял Ф. Ф. Фортунатов, а в состав комиссии входил А. А. Шахматов), упразднила ставшие лишними к тому времени буквы **Ѣ** (ять), **Ѥ** (и-десятеричное), **Ѧ** (фита), **Ѩ** (ижица), так как они передавали звуки, для обозначения которых имелись и другие буквы: *е, и, ф*. Был упразднен знак **ѣ** в конце слов после твердых согласных.

В 1956 г. были приняты новые «Правила русской орфографии и пунктуации», призванные упорядочить правописание. В целом, для русского правописания характерен фонологический принцип, при котором на письме фиксируется фонема, которая звучала бы в сильной позиции (проверяемые написания). Все же можно найти немало случаев, подпадающих под фонетический (написание приставок на [з-]: *бездельник*, но *бестолковый*; написание *ы* после *ц*: *цыган*, *цыплёнок* и др.), этимологический (*пчѣлы*, *жѣны*, *лжѣт*, где звучит [о],

а исторически было [e]), традиционно-исторический (*помощник, заморский, размышление*, в которых *щ, -ий, раз-* – дань традиции), морфологический (ср. *туш* и *тушь*, где мягкий знак призван обозначить разницу в роде) или символический (*Дед Мороз*) принципы орфографии.

Ударение в русских словах динамическое, или силовое, разноместное и подвижное. Слова могут иметь постоянное ударение (*пионёр, пионёра, пионёром, пионёры, пионёрами, пионёрах*), а могут иметь переходящее при изменении формы слова: *нога – ноги*, но *ноги*; *понять – понял – поняла*. Ударение может служить средством разграничения грамматических форм слова: *узнаю* (1-е лицо настоящего времени) – *узнаю* (1-е лицо будущего времени), *насыпать* (сов. вид) – *насыпать* (несов. вид) и др. Также ударение способно различать разные виды омонимов: *хлопок – хлопóк, вести – вестí, мука – мука́, белка – белкá*.

Фонетика и фонология. В фонологической системе русского языка 37 согласных и 5 гласных фонем, но в живой речи звуков намного больше. Классификация основных и дополнительных гласных звуков русской вокалической системы представлена в табл. 10.

Таблица 10

Система гласных русского языка

Подъем	Ряд и участие губ		
	передний	средний	задний
	нелабиализованные		лабиализованные
Верхний	i i ^c	y y ^c	u
Средний	ь ^c	ʌ ^b	o
Нижний		a	

Классификация русских согласных представлена в табл. 11.

Таблица 11

Система согласных русского языка

Способ образования	Участие голоса и шума	Место образования						
		губно-губные	губно-зубные	переднеязычные зубные	переднеязычные нёбные	среднеязычные	заднеязычные средненёбные	заднеязычные задненёбные
Щелевые (фрикативные)	Гл. Зв.		f f' v v'	s s' z z'	ɕ ɕ' ʃ ʃ'	j	x'	x

Способ образования		Участие голоса и шума	Место образования						
			губно-губные	губно-зубные	переднеязычные зубные	переднеязычные нёбные	среднеязычные	заднеязычные средненёбные	заднеязычные задненёбные
Смычные	смычные (взрывные)	Гл. Зв.	p p' b b'		t t' d d'			k' g'	k g
	смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл.			с	щ'			
	носовые	Сон.	m m'		n n'				
	боковые	Сон.			л л'				
	дрожаший (вибранта)	Сон.				р р'			

Русский литературный язык отличается от других восточнославянских языков аканьем (как в южнорусских говорах), наличием взрывного [g], мягкого [ǰ], твердого [c]. Различаются твердый и мягкий [r] // [r'] в отличие, например, от белорусского, где [r] всегда твердый: *тры, бяроза, гавару*.

Для русского языка также характерно:

1) изменение прежних сочетаний *-ый, -ий* в *-ой, -ей*: злой (из *зълый*), ср. бел. *злы*, укр. *злий*; мою (из *мыю*), ср. бел. *мыю*, укр. *мию*; пей (из *пий*), ср. бел. *пі*, укр. *пий*;

2) изменение старых сочетаний *рѣ, лѣ, рь, ль* в *ро, ло, ре, ле*: *кровавый* (из *крѣвавый*), *блоха* (из *блѣха*), *слеза* (из *слѣза*) и др.;

3) употребление *г, к, х* вместо *з, ц, с* в формах типа *на руке* (из *на рѣцѣ*), *на дороге* (из *на дорозѣ*), *на воздухе* (из *на въздусть*);

4) наличие полногласных форм *-оро-, -оло-, -ере-, -ело-*, которым в других славянских языках соответствуют *ро-, ло-, ре-, ле-* или *ра-, ла-, ре-, ле-*. К примеру: рус. *город, голова, берег, молоко*, пол. *gród, głowa, brzeg, mleko*, болг. *град, глава, бряг* (из *брѣгъ*), *мякло* (из *млѣко*);

5) употребление начального *о-* в словах *один, осень, озеро, олень*, которому в других славянских языках соответствует *е-(je)*: болг. *един, есен, езеро, елен*; серб. *један, јесен, језеро, јелен*; пол. *jeden, jesien, jezioro, jelen*.

Морфология. По морфологической классификации русский язык относится к флективным, синтетическим языкам. Грамматическое значение содержится, как правило, в окончаниях, обладающих несколькими значениями (например, *большой*, где *-ой* одновременно передает значение рода, числа и падежа).

Части речи (грамматические классы слов) в русском языке выделяются на основании категориальной общности – предметности, признаковости, процессуальности, количественности и др. (морфологический критерий). Согласно В. В. Виноградову, 12 противопоставленных друг другу грамматических классов слов образуют 4 типа частей речи:

- 1) самостоятельные (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, предикативы, наречия);
- 2) служебные (предлоги, частицы, союзы);
- 3) модальные слова;
- 4) междометия.

Однако по другому критерию – логико-синтаксическому – слова, выступающие в роли одного члена предложения, относятся к одной части речи. Это позволяет говорить о вероятностном характере частей речи в русском языке, при котором само построение фразы переводит слово из одной части речи в другую, например: *Любите при всегда, любите при сейчас* (А. Вознесенский).

В грамматическом отношении русский язык по сравнению с другими славянскими языками менее архаичен. К примеру, в нем отсутствует звательный падеж, сохранившийся в украинском и белорусском. На месте старых окончаний *-ы*, *-и* получает развитие новая форма именительного-винительного падежа множественного числа на *-а*: *городá, берега́, профессора́, голоса́, докторá, хутора́, годá, края́, учителя́*. В инфинитиве *-ти* сохраняется только под ударением: *вестí, нестí, идтí, брестí, но сидеть, слышать, читать*.

Синтаксис. В синтаксисе наблюдается относительно свободный порядок слов и, кроме простого, три вида сложных предложений: сложносочиненное, сложноподчиненное и бессоюзное. Между словами есть три вида подчинительной связи: согласование (*жаркий день, снежная зима, холодное лето*), разные виды управления (*починил машину, познакомил с другом, ремонт машины, управлял машиной, богат озерами, боялся темноты, подарил книгу другу* и др.), примыкание (*читаю лежа, хочу есть*).

Связка от глагола *быть* в форме настоящего времени утрачена, тогда как в других славянских языках она сохраняется: рус. *я врач*, болг. *аз съм доктор*, серб. *ја сам доктор*, пол. *jestem lekarzem*, чешск. *jsem doktor* и др. Особенностью русского синтаксиса является двойное отрицание, т. е. когда в отрицательном предложении употребляется и отрицательное местоимение: *Она никого не любила*.

Лексика. Язык древнерусского государства стал четко отличаться от других языков и диалектов славян примерно к VIII–IX вв. в результате целого ряда преобразований, существенно изменивших его фонетическую систему. «Начавшаяся перестройка продолжается в X–XI вв., – отмечал Ф. П. Филин. – Изоглоссы этих новообразований полностью совпадают с границами территории древнерусского населения... Нет никакого сомнения, что язык восточных славян отличался от

других славянских языков не только наличием (или отсутствием) в нем локальных слов или значений слов, но и структурой своих лексико-семантических групп (семантическими взаимосвязями небольших групп родственных и неродственных слов, обозначающих близкие друг к другу понятия»¹.

Наиболее ярко восточнославянская специфика выразилась в наличии таких слов, как *куст, радуга, дядя, семья, груздь, белка, кошка, собака, утка, бурый, сизый, дешевый, плохой, хороший, журчать, жужжать, жемчуг, каравай, коромысло, самовар, кочерга, лохань, сапог, лапоть, рубль, сегодня, скамья, скатерть, стяг, повар, слобода, погост, сорок, девяносто, вместо, даже* и др. Древнерусскими по происхождению являются и слова, которые не используются в современном русском языке: *ирий* «южная теплая страна» (укр. *вирій*, бел. *вырай*), *смерд, холоп* («зависимый от другого человек», ср. бел. *хлопец*), *боярин* («крупный землевладелец»), *вече* («собрание горожан»), *полюдь* («сбор дани»), *тиун* («должностное лицо»), *гривна, куна, пенязь, полушка, грош* (названия разных денежных единиц), *скотница* («казнохранилище»), *скотник* («казначей»), *сажень, пядь* (меры длины) и другие. Во многих словах с тех времен произошли семантические изменения: форма слова осталась прежней, а значение стало другим. Вот несколько примеров: *деревня* (старое значение «целина, очищенное от леса место»), *гость* («купец, торговец»), *локоть* (мера длины, равная примерно 0,5 м), *пошлина* («обычай»), *горница* («комната в верхней части здания»), *стол* («стул»), *погост* («место для гостей, постоялый двор»), *синий* («сияющий, сверкающий»), *живот* («жизнь»), *бросать* («брить»), *правда* («управа, суд») и др.

Список литературы

Аванесов, Р. И. Русская диалектология / Р. И. Аванесов [и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. – М. : Наука, 1964. – 306 с.

Виноградов, В. В. История русского литературного языка : избр. тр. / В. В. Виноградов ; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. ; отв. ред. Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1978. – 320 с.

Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове : учеб. пособие / В. В. Виноградов. – 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1986. – 639 с.

Пашуто, В. Т. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян / В. Т. Пашуто, Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 1982. – 263 с.

Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М. : Яз. славян. культуры, 2001. – 509 с. – (Классики отечественной филологии ; вып. XXIII).

Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997. – 721 с.

Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1982. – 590 с.

¹ *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Л. ; М., 1962. С. 58.

Супрун, А. Е. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие для студентов филол. фак. ун-тов / А. Е. Супрун, А. М. Калюта. – Минск : Выш. шк., 1981. – 431 с.

Супрун, А. Е. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / А. Е. Супрун. – 2-е изд., перераб. – Минск : Выш. шк., 1989. – 480 с.

Филин, Ф. П. Образование языка восточных славян / Ф. П. Филин ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – Л. ; М. : Акад. наук СССР, 1962. – 294 с.

Черных, П. Я. Историческая грамматика русского языка: Краткий очерк : пособие для пед. и учит. ин-тов / П. Я. Черных. – М. : Учпедгиз, 1952. – 312 с.

Шелякин, М. А. Справочник по русской грамматике / М. А. Шелякин. – 2-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 2000. – 355 с.

3.2.4. УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

Н. А. Волотовская

Статус языка в современном мире

Украинский язык – язык коренного населения Украины, а также украинцев, проживающих за ее пределами: в Беларуси, России, Польше, Словакии, Казахстане, Румынии, Канаде, США, Австралии и других странах. Украинский язык входит в третий десяток наиболее распространенных языков мира. Согласно последней переписи населения 2001 г., в Украине проживает 48 457 тыс. человек, из которых украинцев – 37 541 тыс., русских – 8 334 тыс., белорусов – 275 тыс. Также на территории современной Украины живут молдаване, болгары, венгры, румыны, поляки, евреи, армяне и представители других национальностей. Украина занимает 32-е место в мире по численности населения и 44-е – по территории, является вторым по площади государством Европы. Граничит с Беларусью на севере, Польшей, Словакией и Венгрией – на западе, Румынией и Молдовой – на юго-западе, Россией – на востоке и северо-востоке.

Согласно результатам опроса, проведенного Киевским международным институтом социологии в 2013 г., украинский язык назвали родным 56 % украинцев, 40 % респондентов считают родным русский, еще 3 % указали другой язык и 1 % не смогли ответить на вопрос. Всего в мире за пределами Украины проживает примерно 10 млн человек украинского происхождения: в России (4,3 млн), США (2 млн), Казахстане (900 тыс.), Канаде (800 тыс.), Молдове (600 тыс.), Бразилии и Аргентине (по 400 тыс.), Беларуси и Польше (по 300 тыс.), Узбекистане (150 тыс.), Киргизии (100 тыс.), Австралии, Франции, Чехии, Эстонии, Словакии, Великобритании, Германии и других странах. Связь украинской диаспоры с исторической родиной осуществляется через общество «Украина», «Конгресс свободных украинцев», общественные и культурные организации. Ощутимую роль в укреплении этих связей играет журнал «Украинская диаспора», издаваемый Национальной академией наук Украины.

Лингвоним и этноним

Происхождение названия *Украина* в современной науке не имеет однозначного объяснения. Одни ученые связывают его с понятием «удаленная от центра часть территории, окраина» (то, что находится у *края*, т. е. пограничная территория). Другие находят связь между топонимом *Украина* и глаголом *украяти* – ‘отрезать’ («кусочек земли, отрезанный от целого»). Третье объяснение – от слова *край, краина*. Оно, вероятно, наиболее достоверно. Книга академика Степана Рудницкого – основоположника украинской географии – имеет название «Украина: край и народ» (1916). Этим отмечается, что Украина, с одной стороны, это большая часть земли, край, страна, а с другой – народ, проживающий на этой земле, – украинцы.

История языка и формирование современного украинского литературного языка

Вместе с белорусами и русскими украинцы происходят из древнерусской народности. В XII–XIV вв. стала складываться специфическая совокупность языковых черт, характеризующая украинский язык. Отдельные фонетические особенности украинского языка ученые находят в древних письменных памятниках, однако одним из первых крупных свидетельств проявления специфических украинских черт является часть Ипатьевской летописи, составленной в первой половине XIV в. и переписанной около 1425 г. С XIV–XV вв. украинцы выступают как самостоятельная этническая общность со своими особенностями культуры и быта. В этот период украинские земли оказались под иноземным владычеством: северные земли и Волынь вошли в состав Великого княжества Литовского, Закарпатская Украина была захвачена Венгрией, Галицкой землей овладела Польша, Северная Буковина находилась под властью турок. На юге Украины и в Крыму возникло Крымское ханство.

На территории Украины, входившей в XV–XVII вв. в состав Великого княжества Литовского, роль литературных языков выполняли церковнославянский и старобелорусский. Важнейшим памятником украинского свода старобелорусского языка считается «Лексикон славеноросский» Памвы Беринды, изданный в Киеве в 1627 г. Оригинальные произведения на украинском языке были созданы Иваном Вишенским и Климентием Зиновьевым. Интерес представляет также «Грамматика славянская» И. Ужевича, сохранившаяся в двух рукописях в библиотеках Франции. Русский первопечатник И. Федоров после Москвы долгое время работал в Украине и стал также основателем украинского книгопечатания. Во Львове в 1574 г. им была выпущена первая восточнославянская печатная азбука.

Заметный вклад в развитие украинского литературного языка внесли И. П. Котляревский и Г. Р. Квитка-Основьяненко. Но лишь Т. Г. Шевченко на базе средненадднепровских говоров создал новую форму существования национального украинского языка, ставшую впоследствии литературной. Дальнейшее развитие украинский литературный язык получил в произведениях Леси Украинки, Ивана Франко, Михаила Коцюбинского и многих других.

Среди наиболее известных имен украинской лингвистики следует, безусловно, назвать А. А. Потебню (1835–1891), первого крупного лингвиста-теоретика (его имя носит Институт языкознания Национальной академии наук Украины), К. П. Михальчука (1840–1914), основоположника украинской диалектологии, Л. А. Булаховского (1888–1961), исследовавшего не только историю украинского и русского языков, но и славянскую акцентологию. Многочисленные фундаментальные работы по украинистике принадлежат перу таких ученых, как И. К. Белодед, А. С. Мельничук, М. А. Жовтобрюх, В. М. Русановский, И. А. Дзэндзелевский, В. И. Перебийнос, А. И. Багмут, Г. П. Пивторак, А. И. Скопненко и др.

Наиболее полным словарем украинского языка по-прежнему является 11-томный толковый словарь (1970–1980), продолжается издание этимологического словаря украинского языка в семи томах (вышло шесть). Существуют многочисленные переводные словари, словари синонимов, антонимов, неологизмов, ассоциативных норм, диалектные, орфографические, орфоэпические, акцентологические и другие словари украинского языка. Также созданы и пользуются популярностью различные электронные словари и переводчики.

Диалекты

Первые попытки охарактеризовать диалектное членение украинского языка датируются второй половиной XVIII – началом XIX в. Отдельные сведения о диалектах можно найти в этнографических, исторических, фольклорных работах (А. Павловский, И. Вагилевич и др.), а также в филологических трудах (М. А. Максимович, Я. Ф. Головацкий и др.), посвященных взаимодействию украинского языка с другими славянскими языками. Однако только с середины XIX в. украинские диалекты стали объектом собственно научного исследования. Научные основы украинской диалектологии были заложены в работах А. А. Потебни «О звуковых особенностях русских наречий» (1865), «Заметки о малорусском наречии» (1870), «К истории звуков русского языка» (1876) и др., в которых он различает следующие говоры: украинский, подольский, галицкий, карпаторусский, волынский, северный. Первый научный обзор украинских диалектов на основе значительного фактического материала, собранного экспедициями Юго-западного отдела Российского географического общества,

был сделан К. П. Михальчуком в его работе «Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины», где была приведена развернутая классификация украинских говоров с характеристикой их фонетических и морфологических черт. К. П. Михальчук всю украинскую языковую территорию разделил на три наречия: украинское, полесское и червонорусское (русинское, или русняцкое).

Все последующие попытки классификации украинских диалектов сводились преимущественно к уточнению классификации К. П. Михальчука, хотя среди них были и такие, которые предлагали совсем иную систему диалектных группировок. Так, А. И. Соболевский в работе «Опыт русской диалектологии. III. Малорусское наречие» (1892), выделяет всего два наречия (называя их поднаречиями): североукраинское (северомалорусское) и южноукраинское (южномалорусское). Однако большинство последователей этой довольно популярной классификации вынуждены были выделять в южноукраинском наречии еще две группы говоров: юго-западную и юго-восточную.

Только в конце 30-х гг. XX в. в украинской диалектологии закрепляется деление говоров на три диалекта (наречия): северный (полесский), юго-западный и юго-восточный. Каждый из указанных диалектов включает в себя отдельные говоры. Так, в северном диалекте выделяют восточнополесский (левобережнополесский), среднеполесский (правобережнополесский), западнополесский (волынско-полесский) говоры. Юго-восточный диалект состоит из среднеподнепровского, слобожанского и степного говоров. Среди говоров юго-западного диалекта можно назвать волинский, подольский, поднестровский, посанский, покутско-буковинский, гуцульский (восточнокарпатский), бойковский (североподкарпатский), закарпатский и лемковский (западнокарпатский). Следует отметить, что среднеподнепровский говор юго-восточного диалекта лег в основу формирования литературного языка.

Каждому из отмеченных диалектов присущи характерные черты, отличающие его от других. Назовем основные из них.

Северный (полесский) диалект. Северные украинские говоры территориально граничат с южными белорусскими и имеют ряд схожих черт.

Фонетические признаки: 1) дифтонги на месте ъ («ять»), а также *e*, *o* в закрытом слоге: *ку^oн'* 'конь', *дї^eд* 'дед', *ву^oл* 'вол'; 2) «аканье» (преимущественно в левобережнополесских говорах): *карова*, *кажух*, *вада*; 3) отвердение *p* и *ц*: *бурак*, *зора*, *вечерат'*, *куру*, *улица*, *хлопец*, *серца*, *танцюват'*.

Морфологические признаки: 1) в дательном падеже единственного числа имена существительные мужского и среднего рода обычно имеют окончание *-у*: *брату*, *кон'у*, *селу*; 2) употребительны нестяженные формы имен прилагательных в формах женского и среднего рода: *веселая*, *щаслива* и усеченные формы прилагательных мужского рода: *добри*, *молоди*, *весели*; 3) распростра-

нены указательные местоимения *сей, с'аја, сеје*; 4) характерно употребление суффикса существительного *-ухн-* и глагольного суффикса *-ова-*, например, *девухна, Гриц'ухна, куповат', торговат'*.

Синтаксические признаки: 1) распространены конструкции дательного падежа с предлогом *к*, *ик*: *к серц'у*; 2) характерны конструкции родительного падежа с предлогом *л'а, л'е*: *л'а хати, л'е л'іесу*; 3) употребляются конструкции с союзами *да, дай, дак, дик* и др.

Юго-западный диалект. Фонетические признаки: 1) на месте ъ («ять») последовательно выступает *i*, например, *л'іс, б'іда, б'ес'іда, л'ітати*; 2) в позиции не под ударением *о* приобретает призвук у разной интенсивности («уканье»): *сo'б'і, туб'і, кужух, гулубка, куро́ва*; 3) звонкие согласные перед глухими и в конце слов утрачивают свою звонкость: *дуп, в'ітказати, солодкий*; 4) дорсально-палатальное (очень мягкое, с примесью шипящего элемента) произношение [s'], [z'], [c'], [ʒ'] как [s''], [z''], [c''], [ʒ'']: *с"в'іт, з"в'ір, ц"в'іл', дз"в'ін*.

Морфологические признаки: 1) частица *с'а (с'і)* отделяется от глагола: *с'і стало* 'сталося', *с'а прийшло* 'прийшлося'; 2) имена существительные типа *люди, гости* в родительном падеже множественного числа имеют окончание *-ий*: *л'удий, д'ітий, гостий*; 3) наличие инфинитивных форм на *-ти* (*н'ести, в'ести, брати, ходити* и др.), а от основ на [g], [k] – на *-чи* (*бігчи, мозчі, печі* и др.); 4) употребление разного типа составных форм будущего времени: *буду ходити, будеш ходити, му ходити, меш ходити, буду ходиў, будеш ходиў*.

Синтаксические признаки: 1) употребление конструкций дательного падежа с предлогом *к* (*т, ту, д, ід*): *к собі, д н'ому, т вечору*; 2) характерны конструкции винительного падежа типа *мају д'іти, мају хлопц'и*; 3) употребление сочетаний винительного падежа с предлогом *за*, который соответствует литературному *про*: *за него говорили*.

Юго-восточный диалект. Фонетические признаки: 1) на месте ъ («ять») последовательно выступает *i*, например, *д'іло, с'н'іг, б'іда*; 2) звонкие согласные перед глухими и в конце слов сохраняют свою звонкость: *дуб, хл'іб, д'ід, мороз, сторож, рибка, казка*; 3) широко употребляется во многих говорах вставной [п] после [м]: *мн'асо, памн'ат', мн'ата, с'імн'а*; 4) в большинстве говоров звук [f] заменяется обычно [x] ([xv]): *тухлі, хва́брика, бухвёт*.

Морфологические признаки: 1) в дательном и предложном падежах единственного числа имена существительные мужского, а иногда и среднего рода имеют окончания *-ові, -еві*, реже *-у* (*братов'і – на братов'і, конев'і, хлопцев'і, серцев'і* и др., *хлопц'у, кон'у, серц'у* и др.); 2) довольно четкое разграничение имен прилагательных твердой и мягкой групп в большинстве говоров (*добрий, гарний, син'ій, л'ітн'ій*), хотя в части говоров прилагательные твердой группы подпадают под влияние мягкой группы (*гарн'ій, б'іл'ій, народн'ій, базарн'ій*);

3) параллельное употребление сложной и составной формы будущего времени: *ходитиму, ходитимеш* и *буду ходити, будеш ходити*; 4) глаголы I спряжения в 1-м лице единственного числа настоящего времени в большинстве говоров имеют формы без чередования [d], [t], [z], [s] с соответствующими шипящими (*ход'у, воз'у, прос'у* и др.), однако в средненадднепрянских говорах указанное чередование существует (*вожу, хожу*); 5) глаголы II спряжения в 3-м лице единственного числа настоящего времени, если ударение падает не на окончание, чаще всего имеют формы с утраченным конечным [t] и унифицированы с глагольными формами I спряжения (*ходе, носе, воде, просе* и др., но: *б'іжит', кричит'*); 5) в формах глаголов II спряжения настоящего и простого будущего времени 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа после губных появляется эпентетический (вставной) л: *робл'у – робл'ат', купл'у – купл'ат', ловл'у – ловл'ат'*.

Синтаксические признаки: 1) ограниченное употребление союза *але*, употребление вместо него союзов *та, так, а, но* (ну): *с'в'ітит' та не зр'іт'е; сил'но хт'іла j'іхат', ну, н'і'як не можна; ја усе знаj'у, а тоб'і не скажу*; 2) многозначность союза *де*, употребляющегося в значении *куди, який, що: це та баба, де з нїї нас'м'іхалїс'*.

Современный украинский литературный язык

Графика и орфография. В украинском языке, как и в других восточнославянских, используется кириллица. Отметим характерные черты, отличающие современный украинский язык от белорусского и русского.

В украинском языке (в сравнении с другими восточнославянскими языками) отсутствует:

- 1) ь (твердый знак);
- 2) ё (для обозначения сочетания звуков [jo] используется сочетание букв *йо: серйóзний* ‘серьезный’, *скуйóвджений* ‘взъерошенный’, а для обозначения мягкости предыдущего согласного и звука [o] употребляется сочетание *ьо: дзьоб* ‘клюв’, *льон* ‘лен’);
- 3) ы (для обозначения звука [ы] используется графема *и: дитіна* ‘ребенок’, *кїдати* ‘бросать’);
- 4) ӯ (этот звук передается через *в: дівчина* ‘девушка’, *прийшов* ‘пришел’);
- 5) э (данный звук обозначается графемой *е: дéрево* ‘дерево’, *зелéний* ‘зеленый’).

Сочетание звуков [je] на письме передается с помощью специфической украинской графемы *є: єдиний* ‘единственный’, *європéйський* ‘европейский’; сочетание [ji] – с помощью *ї: їжа* ‘еда’, *їдальня* ‘столовая’, *їжак* ‘ёж’. Звук [и] обозначается графемой *і: іспит* ‘экзамен’, *іти* ‘идти’. Различаются взрывной

звук [g] (графема г) и фрикативный звук [h] (графема г): *гудзик* ‘пуговица’, *гáва* ‘ворона’, *гiсть* ‘гость’, *грім* ‘гром’. Для обозначения раздельного произношения используется ’ (апостроф): *сім’я* ‘семья’, *розв’язати* ‘развязать, решить’.

Фонетика. В современном украинском языке 6 гласных звуков (табл. 12), обозначаемых следующими буквами: [a] (*a*), [o] (*o*), [u] (*y*), [e] (*e*), [i] (*i*), [y] (*ы*). В зависимости от положения языка в горизонтальном направлении они делятся на звуки переднего и непреднего ряда. По изменению положения языка в вертикальном направлении гласные бывают верхнего, верхне-среднего, среднего и нижнего подъема. По участию губ в образовании звука они делятся на лабиализованные (огубленные) и нелабиализованные (неогубленные). Звуки [u] и [o] являются лабиализованными (огубленными) (см. табл. 12).

Таблица 12

Система гласных украинского языка

Подъем	Ряд	
	передний	непередний
Верхний	і	u
Верхне-средний	у	
Средний	е	о
Нижний		а

Особенности системы вокализма:

1) на месте ъ («ять») в украинском языке выступает *i*: *сіно* ‘сено’, *хліб* ‘хлеб’;
 2) [i] в закрытом слоге чередуется с [o] и [e] в открытом: *кінь* ‘конь’ – *коня* ‘коня’, *віз* ‘телега’ – *во́за* ‘телеги’, *сім* ‘семь’ – *семі* ‘семи’;

3) отсутствует «аканье». Звук [o] всегда произносится четко (и в ударном, и в безударном положении): *молоко́* ‘молоко’, *дорóга* ‘дорога’, *говори́ти* ‘говорить’. Иногда – перед слогом с ударным [u] или [i] – гласный [o] может приобретать призвук [o^u], например, *з[o^u]лу́бка* ‘голубка’, *з[o^u]зу́ля* ‘кукушка’, *с[o^u]бі́* ‘себе’, *т[o^u]бі́* ‘тебе’;

4) звук [i] в любой позиции слова произносится четко, например, [*в’i*]кно́ ‘окно’, [*т’i*]сно́ ‘тесно’. Иногда ударный [i] в первом слоге в произношении приближается к [y] или даже полностью заменяется [y]: [*ř^y*]нколи, [*ř^y*]нод’i ‘иногда’. Безударный звук [i] в начале слова перед согласным или после гласного в середине и конце слова, как правило, приобретает характер неслогового звука, что закрепляется и украинской графикой, например, *найменува́ння* ‘наименование’, *пидійти́* ‘подойти’;

5) гласный звук [e] в украинском языке четко произносится только в ударной позиции (*д[e]нь* ‘день’, *горов[е]ць* ‘воробей’, *м[е]рзнути* ‘мерзнуть’) и в начале

слова ([e]поха ‘эпоха’, [e]легія ‘элегия’). В безударном положении звук [e] может произноситься с приближением к гласному [y]. В одних случаях (перед слогом с ударным [y], [i] или [u]) звук [e] почти переходит в [y], например, м[y^e]ні ‘мне’, н[y^e]су ‘несу’; в других (перед слогом с гласным [a] или [o]) – произносится как звук, средний между [e] и [y]: с[e^y]ло ‘село’, в[e^y]сна ‘весна’, с[e^y]стра ‘сестра’; еще в других (перед слогом с [e]) – произносится с незначительным приближением к [y]: м[e^y]не ‘меня’, б[e^y]реза ‘береза’, н[e^y]се ‘несет’;

б) гласный звук [y] также произносится четко в позиции под ударением (вішня ‘вишня’, тин ‘плетень’, вийшов ‘вышел’) и перед [i] (граф. *й*): добрий ‘добрый’, високій ‘высокий’. Произношение безударного [y] немного снижено и приближается к произношению [e]. Степень приближенности [y] к [e], как и приближенность [e] к [y], зависит от темпа речи (при быстром темпе приближенность больше) и от характера гласного в следующем слове. Если далее следует слог с ударным [e], безударный [y] может проявляться как [e^y]: живе́ [ž^{e^y}ve] ‘живет’. Если же в следующем слове находится гласный верхнего подъема [u], [i] или [y], приближенность малозаметна: диві́ться [dy^ev’ic’a] ‘смотрите’, живі́й [ž^yvy] ‘живой’.

В современном украинском языке 32 согласных звука (табл. 13). По участию голоса и шума в образовании звука они делятся на сонорные и шумные (звонкие и глухие), по месту образования – губные, язычные и гортанные, по способу образования – смычные (взрывные), смычно-проходные, щелевые, смычно-щелевые (аффрикаты), дрожащие (вibrанты), по твердости/мягкости – на мягкие, смягченные и полусмягченные. Полусмягчаются губные, шипящие, заднеязычные и гортанные звуки в позиции перед гласным [i], а шипящие – еще и в случаях удвоения. Смягченные в транскрипции обозначаются знаком секунды (’), а полусмягченные – знаком апострофа (’).

Таблиця 13

Система согласных украинского языка

Способ образования	Участие голоса	Место образования					
		губно-губные	губно-зубные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные	фарингальные
Смычные (взрывные)	Гл.	p		t t'		k	
	Зв.	b		d d'		g	
Щелевые (фрикативные)	Гл.		f	s s' š			
	Зв.	v		z z' ž	j		h

Способ образования	Участие голоса	Место образования					
		губно-губные	губно-зубные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные	фарингальные
Смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл.			č c c			
	Зв.			ʒ ʒ ʒ'			
Носовые	Сон.	m		n n'			
Боковые	Сон.			l l'			
Дрожащий (вibrant)	Сон.			r r'			

Особенности системы консонантизма:

1) звонкие согласные на конце слова и перед глухими обычно не оглушаются: *ду[b]*, *гри[b]*, *ка[z]ка*, *дори[ž]ка* и т. д.;

2) губные согласные в конце слова и слога всегда твердые, например, *сім* ‘семь’, *накип* ‘накип’, *кров* ‘кровь’;

3) шипящие согласные [ž], [č], [š], а также звук [r] не всегда являются твердыми (как, например, в белорусском). Звуки [ž], [č], [š] могут произноситься твердо (*ніж* ‘нож’, *піч* ‘печь’, *носіш* ‘носишь’, *біжэць* ‘бегут’, *лошá* ‘жеребенок’, *курча́* ‘цыпленок’) или полусмягченно при удвоении в существительных среднего (*збі́жжя* [zb'ížž'a] ‘зерно’, *підда́шшя* [p'iddašš'a] ‘навес’) и женского рода (*ні́ччю* [n'ičč'u] ‘ночь’, *ту́шшю* [tušš'u] ‘тушью’, *пóдорожжю* [podorožž'u] ‘путешествием’), а также перед гласным [i] (*жінка* [ž'inka] ‘женщина, жена’, *шість* [š'ist'] ‘шесть’);

4) согласный [r] всегда твердый в конце слова или слога (*лі́кар* ‘врач’, *гіркий* ‘горький’). Если же звук [r] употребляется в начале слога перед [a], [u], [o] (обозначенными буквами *я*, *ю*, *о*), то он произносится смягченно (*рядно́* [r'adno] ‘покрывало’, *лі́карю* [l'ikar'u] ‘врачу’, *говори́ю* [hovor'u] ‘говорю’, *трьох* [tr'ox] ‘трех’);

5) графеме *в* в конце слога или слова соответствует звук [w] (он немного короче белорусского [u]): *сказа[w]* ‘сказал’, *прийшо[w]* ‘пришел’, *ді[w]чина* ‘девушка’, *ві[w]тнірок* ‘вторник’. Произношение его как [f] или [v] – характерная ошибка изучающих украинский язык белорусско- и русскоговорящих слушателей;

6) звуки [d] и [t] имеют пары по твердости – мягкости соответственно [d'] и [t'], а не [ʒ'] и [c'], как в белорусском языке: [d']*і́ти* ‘дети’, [d']*я́кую* ‘спасибо’, [d']*я́[д']ько* ‘дядя’, [t']*і́тка* ‘тетя’, [t']*і́сто* ‘тесто’, [t']*я́жко* ‘тяжело’.

Ударение в украинском языке, как в белорусском и русском, динамическое (силовое), свободное (разноместное), подвижное, например, *дóбре, вода́, мо-локó; губá – губи, школя́р ‘школьник’ – школяра́ ‘школьника’*.

В некоторых лексемах белорусского, русского и украинского языков место ударения совпадает, например, бел. *сястра́* – рус. *сестра́* – укр. *сестра́*; бел. *гавары́ць* – рус. *говори́ть* – укр. *говори́ти*. Однако не редки случаи, когда слова близкородственных восточнославянских языков имеют похожее (или одинаковое) звучание, но отличаются местом ударения: бел. *за́суха* – рус. *за́суха* – укр. *засу́ха*; бел. *пе́рапіс* – рус. *пе́репись* – укр. *перепи́с*; бел. *адзіна́ццаць* – рус. *оди́ннадцатъ* – укр. *одина́дцять*; бел. *се́мдзсят* – рус. *се́мьдесят* – укр. *сімдеся́т*; бел. *ураджэ́нец* – рус. *уроже́нец* – укр. *уро́дженняць* и т. д. В украинском языке существуют слова с вариантным (допустимым в разных местах) ударением, например, *апо́стро́ф, зокре́ма ‘в частности’, за́вжди́ ‘всегда’, наза́вжди́ ‘навсегда’, яли́нкови́й ‘елочный’, до́гові́р, зе́рно, про́стий, по́милка ‘ошибка’, та́кож ‘также’, усмі́шка ‘улыбка’, допові́сті ‘доложить, сообщить’, опові́дач ‘рассказчик’, ма́бу́ть ‘может быть, возможно’, закі́нчи́ти ‘закончить’*. Выбор места постановки ударения иногда обусловлен стилистически. Слова с ударением на первом слоге *глибо́ко, ви́соко, ши́роко* являются общеупотребительными, а с ударением на втором слоге – *глибо́ко, висо́ко, широ́ко* – книжными словами (поэтизмами).

Морфология. Система частей речи в восточнославянских языках совпадает в количественном и качественном составе, однако существуют и некоторые отличия:

1) в украинском языке, в отличие от литературных форм белорусского и русского языков, сохранился звательный падеж (звательная форма) имен существительных, например: *Иване! Ольго! бабуся! друже!* и т. д.;

2) род и число белорусских, русских и украинских имен существительных, как правило, совпадает, но может и отличаться: бел. *а́драс* (м. р.) – рус. *а́дрес* (м. р.) – укр. *адре́са* (ж. р.); бел. *це́нь* (м. р.) – рус. *те́нь* (ж. р.) – укр. *ти́нь* (ж. р.); бел. *ступе́нь* (ж. р.) – рус. *сте́пень* (ж. р.) – укр. *ступі́нь* (м. р.); рус. *пу́ть* (м. р.) – укр. *пу́ть* (ж. р.) – несовпадения в роде; бел. *ме́бля* (ед. ч.) – рус. *ме́бель* (ед. ч.) – укр. *ме́блі* (мн. ч.); бел. *за́йздрасць* (ед. ч.) – укр. *за́здросці* (мн. ч.) – несовпадения в числе;

3) украинские имена существительные I склонения в творительном падеже единственного числа имеют окончание *-ою (-ею, -єю)*, например, *кни́гою, скрі́нею, змі́єю* и т. д.;

4) в дательном и предложном падежах заднеязычные чередуются со свистящими: *кни́га – кни́зі, зупі́нка ‘остановка’ – на зупі́нці, свекру́ха ‘свекровь’ – свекру́сі*;

5) в дательном падеже единственного числа имена существительные II склонения мужского рода имеют вариантыные окончания -у (-ю) – *-ові (-еві, -еві)*, причем флексии -у (-ю) характерны преимущественно для неодушевленных, а *-ові (-еві, -еві)* – для одушевленных имен существительных: *мéду, заво́ду, оліви́цю* ‘карандашу’, *сі́нові* ‘сыну’, *ковале́ві* ‘кузнецу’, *носі́ві* ‘носителю’;

6) имена прилагательные в формах женского и среднего рода употребляются преимущественно в стяженной форме: *зелéна, зелéне, щасли́ва, щасли́ве*;

7) при склонении имен числительных 50, 60, 70, 80 первая часть остается неизменной (в отличие от соответствующих числительных белорусского и русского языков): бел. *васьмі́дзсяці, васьмюдзсяцяю* – рус. *восьмидесяти, восьмьюдесятью* – укр. *вісімдеся́ті, вісімдесятьо́ма́ (вісімдесятьма́)*;

8) инфинитив образуется преимущественно с помощью суффикса *-ти*: *коха́ти* ‘любить’, *годува́ти* ‘кормить, растить’, *диві́тися* ‘смотреть’;

9) в формах глаголов II спряжения настоящего и простого будущего времени 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа после губных появляется эпентетическое (вставное) л: *любі́ти – люблю́ – любля́ть, робі́ти – роблю́ – робля́ть*;

10) наряду с аналитической употребительна и синтетическая форма будущего времени, например, *буду чита́ти – чита́тиму, будеш танцюва́ти – танцюва́тимеш, будете жи́ти – житимете*;

11) существует форма давнопрошедшего времени: *ходив був, читала була, співали були*;

12) действительные причастия настоящего времени образуются при помощи суффиксов *-ач-, -яч-, -уч-, -юч-*: *дрижа́чий* ‘дрожащий’, *пала́ючий* ‘пылающий’, *рі́жучий* ‘режущий’, *слуха́ючий* ‘слушающий’.

Синтаксис. Синтаксический строй украинского языка близок к белорусскому и русскому, однако не является тождественным. Отметим наиболее существенные отличия.

1. Конструкциям с белорусским (русским) предлогом *на (по)* в украинском языке часто соответствуют конструкции с другими предлогами, например:

◆ *на (по)* – *за* (бел. *плыць на цячэ́нні* – рус. *плыть по течению* – укр. *пливти за течією*, бел. *на ўласным жада́нні* – рус. *по собственному желанию* – укр. *за власним бажанням*);

◆ *на (по)* – *з* (бел. *шытак на ўкраінскай мове* – рус. *тетрадь по украинскому языку* – укр. *зошит з української мови*, бел. *на маёй віне* – рус. *по моей вине* – укр. *з моєї вини*);

◆ *на (по)* – *на* (бел. *звярну́ца на просьбе* – рус. *обратиться по просьбе* – укр. *звернутися на прохання*, бел. *назва́ць на прозві́шчы* – рус. *называть по фамилии* – укр. *називати на прізви́ще*);

◆ *па (но)* – у (бел. *працаваць па святах* – рус. *работать по праздникам* – укр. *працювати у свята*);

◆ *па (но)* – для (бел. *камісія па вывучэнні* – рус. *комиссия по изучению* – укр. *комісія для вивчення*).

2. Формы степеней сравнения имен прилагательных употребляются с падежно-предложными конструкциями, не характерными для белорусского и русского языков:

◆ сравнительная степень (... *від* + Р. п.; ... *ніж* (як) + И. п.): *Галя старша від брата; золото дорожче, ніж (як) мідь;*

◆ превосходная степень (... *над* + В. п.): *краций над усіх.*

3. Для обозначения времени в украинском языке используются отличные от белорусского и русского конструкции: *Котра́ година? П'ять хвилин на дев'яту, пів на третю, за десять хвилин четверта.* Вместе с тем существуют и конструкции, характерные для белорусского языка, например, укр. *приїхати о шостій годині* – бел. *прыехаць а шостаі гадзіне.*

4. В современном украинском языке (в первую очередь в текстах научного и официально-делового стилей) распространены специфические глагольные формы на *-но/-то*. Эта неизменяемая форма выполняет функцию сказуемого в безличных предложениях: *Закон схвалено одногосно. Урожай зібрано вчасно. Його не запрошено на свято.*

Лексика. Кроме наличия в восточнославянских языках довольно большого общего лексического пласта (например, укр. *мати*, бел. *маці*, рус. *мать*; укр. *дорога*, бел. *дарога*, рус. *дорога*; укр. *веселий*, бел. *вясёлы*, рус. *веселый*; укр. *думати*, бел. *думаць*, рус. *думать*), следует обратить внимание на межъязыковые (белорусско-украинские и русско-украинские) омонимы: бел. *чалавек*, рус. *человек* ‘живое существо’ (как мужского, так и женского пола) – укр. *чоловік* ‘лицо мужского пола’; бел. *багацце* ‘материальные ценности, деньги’ – укр. *багáття* ‘костер’; бел. *выста́ва* ‘предметы, выставленные для осмотра’ – укр. *вистáва* ‘спектакль, пьеса’; бел. *дыва́н* ‘изделие из ворсистой узорчатой ткани’ – укр. *дивáн* ‘предмет мягкой мебели, предназначенный для сидения’; бел. *ліс*, рус. *лис* ‘самец лисы’ – укр. *ліс* ‘лес’; бел. *спіс* ‘рукописная копия, письменный перечень чего-нибудь’ – укр. *спис* ‘копье’; бел. *удача*, рус. *удача* ‘успех, нужный или желаемый исход дела’ – укр. *вда́ча* ‘характер’; бел. *анучка* ‘небольшой кусок какой-нибудь ткани’ – укр. *ону́чка* ‘дочь сына или дочери’.

Список литературы

Бевзенко, С. П. Українська діалектологія / С. П. Бевзенко. – Київ : Вищ. шк., 1980. – 247 с.

Державна служба статистики України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua/>. – Дата доступа: 15.07.2015.

Матвіяс, І. Г. Українська мова і її говори / І. Г. Матвіяс ; Акад. наук УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – Київ : Наук. думка, 1990. – 161 с.

Рудэнка, А. М. Українська мова для беларускамоўных : дапам. для студэнтаў філал. фак. / А. М. Рудэнка, Н. А. Валатоўская. – Мінск : БДУ, 2012. – 93 с.

Словник української мови : в 11 т. / за ред. І. К. Білодіда. – Київ : Наук. думка, 1970–1980. – 11 т.

Українська мова: Енциклопедія [Електронний ресурс] // *Ізборник : Історія України IX–XVIII ст. Першоджерела та інтерпретації.* – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/ukrmoiva/um.htm>. – Дата доступу: 17.05.2017.

3.3. ЗАПАДНОСЛАВЯНСКІЕ ЯЗЫКИ

3.3.1. ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКІЕ ЯЗЫКИ

Е. Н. Руденко

Западнославянские языки – группа славянских языков, включающая чешский, словацкий, польский, кашубский, верхне- и нижнелужицкий, а также мертвый полабский языки. Эти языки распространены в Центральной и Восточной Европе и являются официальными в Польше (польский), Чехии (чешский), Словакии (словацкий). Западные славяне граничат на западе с Германией, а на юге – Австрией и Венгрией. На севере границей западнославянских земель является Балтийское море. На небольшом участке на северо-востоке поляки граничат с литовцами, а на востоке западные славяне граничат с восточными – белорусами и украинцами.

Формирование современного западнославянского языкового ареала и общих западнославянских языковых черт тесно связано с историей развития праславянского языка на поздних этапах. Единого празападнославянского языка не существовало: вскоре после распада праславянского языка сложились отдельные союзы племен – носителей западнославянских наречий.

С востока Центральной Европы к IV в. н. э. праславянский ареал расширился до бассейна реки Одер на западе и реки Днепр на востоке, до южных берегов Балтийского моря и Мазурских озер на севере и до Припятских болот на юге. С V в. н. э. славяне продвинулись в районы верхнего Днепра и Припяти, ассимилируя и отгесняя местные балтийские племена, а с VI в. н. э. расселились еще западнее, по соседству и вперемежку с германцами на землях от Одера до бассейна реки Эльбы. С VI в. н. э. славяне заняли территории современных Чехии, Моравии, Словакии и частично Паннонии.

В процессе расселения славян в Центральной Европе во второй половине I тыс. н. э. сложился западнославянский ареал, включающий по большей ча-

сти территории современных Польши (исключая северо-восточные районы, заселенные балтийскими племенами пруссов), Чехии, Словакии и Восточной Германии. На этой территории были расселены такие крупные племена и племенные союзы, как бодричи, вагры, ратари, лужичане, поморяне, поляне, слензаны и др.

Предки современных чехов в VI в. мигрировали в Богемию, где возникла самая ранняя западнославянская государственность. Первые независимые западнославянские государственные образования восходят к VII в.: Империя Само (623–658 гг.), Моравское княжество (VIII в. – 833 г.), Княжество Нитра (VIII в. – 833 г.) и Великая Моравия (833–907 гг.). Западнославянские племена расположились на восточных окраинах Франкского государства времен династии Каролингов. В конце X в. Моравское княжество становится частью Священной Римской империи. В XI в. западнославянские племена были вновь отодвинуты германцами на восток. Некоторые из них, например лужичане и полабские славяне (ободриты, велеты), оказались под властью Священной Римской империи и были сильно германизированы. По мнению А. Д. Дуличенко, в отличие от южных славян «...западнославянская общность теряла этносы: ассимиляции со стороны своих западных соседей немцев подверглись, в частности, полабы и поморяне (последних полабов зафиксировали в первой половине XVIII в.). Уже к середине XX в. как результат многовековой германизации исчезли словинцы – небольшая ветвь кашубов в Западном Поморье. ...Ассимиляции подвергались и чехи со стороны немцев и австрийцев, а со стороны венгров – словаки»¹. Предки словаков после 907 г. попали под власть Венгерского королевства вместе с южнославянскими племенами. Поляне, предки современных поляков, в X в. создали собственное государство под управлением князя Мешко I, которое в 1025 г. стало Королевством Польша (1025–1385), союзником Римской империи. Однако здесь начинается история отдельных западнославянских этносов.

Западные славяне развивались в едином русле с другими западноевропейскими народами вследствие принадлежности к Римской империи и распространенностью католицизма. Это обособило западных славян от восточных и южных, более приверженных православия и испытывавших мощное влияние Византии. Так формировались *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa*.

Противопоставление западного и восточного позднепраславянских ареалов было обусловлено не только и не столько религиозными, сколько географическими (расселение на разных территориях) и языковыми причинами.

¹ Дуличенко, А. Д. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие. М., 2015. С. 521–522.

К середине I тыс. н. э. языковые различия западных и восточных славян отчетливо сформировались. Основными особенностями западнославянских языков, как отмечал А. Е. Супрун, являются:

1) постоянное ударение (в чешском, словацком, серболужицких – на первом слоге, в польском – на предпоследнем);

2) переход сочетаний **tert*, **telt* в **tret*, **tlet* (в языках, кроме словацкого и полабского, *r* перед передними гласными изменился в шипящий): пол. *brzeg* ‘берег’, *mleko* ‘молоко’;

3) сохранение заднеязычных в сочетании **kv*, **gv* в начале слова перед старым «ять»: пол. *kwiat*, *gwiazda*; чеш. *květ*, *hvězda* ‘цвет(ок)’, ‘звезда’;

4) сохранение взрывного компонента в сочетаниях согласных **tl*, **dl*: чеш. *pletl* ‘плел’;

5) на месте древнего сочетания губных согласных с *j* выступает мягкий губной: пол. *ziemia*;

6) изменение сочетаний **dj*, **tj* в *dz* (> *z*), *c*: словацк. *svieca*;

7) переход **x* в *š* в процессе второй палатализации перед *ě*, *i*: словацк. *muše*;

8) *ъ* в сильной позиции превратился в *e* (кроме полабского языка): пол. *sen* ‘сон’;

9) местоимения *этом* и *что* имеют, соответственно, вид *ten* и *co*.

Ряд языковых черт противопоставляет северные западнославянские (лехитские) языки южным (чешско-словацким). Серболужицкие языки, в которых встречаются особенности как лехитской, так и чешско-словацкой подгрупп, занимают переходное положение между ними.

К языковым изменениям, по-разному реализованным в лехитской и чешско-словацкой подгруппах в период распада или сразу после распада праславянской общности, относят:

1) изменения в группах **tort*, **tert*, **tolt*, **telt*. В языках лехитской подгруппы (и в серболужицких языках) данные группы изменились в **trot*, **tret*, **tlot*, **tlet*: пол. *wrota*, *zloto*, *mleć*, в.-л.¹ *wrota*, *zloto*, *mlěć* (ср. рус. *ворота*, *золото*, *молоть*), а в чешско-словацких, как и в южнославянских языках, – в **trat*, **trět*, **tlat*, **tlět*: чеш. *vrata*, *zlato*, *mlít*, словацк. *vrata*, *zlato*, *mliet*;

2) сохранение в языках лехитской подгруппы носовых гласных, развившихся из праславянских *ę*, *ǫ*: пол. *ręka* (но *rączka*), *ciężki* (но *cięża*). В чешско-словацкой подгруппе (и в серболужицких языках) праславянские *ę*, *ǫ* изменились в *u* и *ä*, позднее давшие разнообразные рефлексy: чеш. *ruka*, *maso*, *těžký*, словацк. *ruka*, *mäso*, *t’azký*, в.-л. *ruka*, *mjaso*, *ćežki* (ср. рус. *рука*, *мясо*, *тяжкий*);

3) изменение праславянского *ě* в лехитских языках в нижний *ä*, давший затем в польском гласный *a* перед твердыми переднеязычными и *e* в остальных

¹ Здесь и далее в.-л. – верхнелужицкий, н.-л. – нижнелужицкий.

случаях: *biały – bielić, dzielić – dziać* (ср. рус. *белый, делить*). В чешско-словацких (и в серболужицких) языках *ě* перешел в средне-верхний *ě*, развившийся в чешском и словацком в кратком слоге в *e*, а в долгом слоге в дифтонг *ie* (позднее в чешском давший долгий гласный *i*): чеш. *dělit* [d'elit], *díl*; словацк. *deliť*, *diel*; в.-л. *džělić* [džeilič] (ср. рус. *делить*).

Сегодня на основании перечисленных выше и некоторых других различий в западнославянских языках выделяются три подгруппы, различия между которыми проявились в позднюю праславянскую эпоху: лехитская, чешско-словацкая, серболужицкая. Лехитская подгруппа, включавшая польский, полабский, кашубский, а ранее и другие племенные языки, в настоящее время состоит только из польского и кашубского, признанного региональным языком в 2005 г. Вымерший в XX в. словинский язык представляет собой архаичный диалект кашубского языка. На рубеже XX–XXI вв. отмечается движение за придание статуса самостоятельного языка силезскому диалекту, предпринимаются попытки его кодификации. Лужицкая подгруппа, по мнению многих лингвистов, представлена серболужицким языком, внутренне дифференцированным, имеющим две литературные формы: нижнелужицкую и верхнелужицкую. В состав чешско-словацкой подгруппы входят чешский и словацкий языки.

Письменность современных западнославянских языков основана на латинском алфавите, несмотря на то, что в IX в. Кирилл и Мефодий начинали свою деятельность в Великой Моравии (см. разд. 2). Активная деятельность немецких христианско-католических миссионеров привела к тому, что богослужение на старославянском языке с XI в. было запрещено. На западнославянских землях в X в. существовали тексты на старославянском языке, однако славянское письмо было вытеснено латинским. Это связано с тем, что в империи Каролингов (Франкское королевство) и на сопредельных территориях латиница начала распространяться с VII в. и была освоена не только германцами, но и другими народами.

Латиница пришла на западнославянские территории вместе с латинским языком, который первоначально употреблялся в церкви, а затем и административно-деловой сфере. Западные славяне, как и германцы, писали по-латински, в отдельных местах текста вставляя глоссы – слова на каком-либо из западнославянских языков, часто имена собственные: антропонимы, топонимы (например, латинские легенды X–XI вв. о чешских святых Вацлаве и Людмиле). Связные западнославянские тексты, записанные латиницей, стали появляться уже на отдельных языках; они рассматриваются в соответствующих разделах.

Первым письменным памятником западных славян считаются глаголические Киевские листки.

Киевские листки (Киевский миссал) датируются концом IX – началом X в. Это самая древняя из дошедших до нас старославянских глаголических

рукописей. Она содержит отрывок из литургии по римскому обряду и считается переводом с латинского оригинала. Текст, написанный на старославянском языке, содержит ряд западнославянских особенностей (моравизмов, или божемизмов).

Список литературы

Дуличенко, А. Д. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие / А. Д. Дуличенко. – М. : Флинта ; Наука, 2015. – 715 с.

Супрун, А. Е. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / А. Е. Супрун. – 2-е изд., перераб. – Минск : Выш. шк., 1989. – 480 с.

Хабургаев, Г. А. Глаголические памятники / Г. А. Хабургаев // Старославянский язык : учеб. для пед. ин-тов / Г. А. Хабургаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1986. – 287 с.

Широкова, А. Г. Западнославянские языки / А. Г. Широкова // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е (репр.) изд. – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – 682 с.

Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – 656 с.

3.3.2. ЛЕХИТСКИЕ ЯЗЫКИ

3.3.2.1. Польский язык

Е. А. Казанцева

Статус языка в современном мире

Польский язык (*język polski, polszczyzna*) является официальным языком Польши и одним из 24 официальных языков Европейского союза. Это один из крупнейших славянских языков и самый крупный по количеству носителей и занимаемому ареалу западнославянский язык. Сегодня по-польски говорит более 40 млн человек, из них более 36 млн проживает в Польше. Польский язык распространен также в ряде других европейских стран, в странах Северной и Южной Америки, в Австралии. Статус регионального языка он получил в Украине, Чехии, Словакии, Румынии и Боснии-Герцеговине.

Лингвоним и этноним

Лингвоним *język polski* и этноним *Polacy* происходят от названия одного из наиболее крупных племен – *полян*, живших на территории современной Польши в районе Гнезно и давших название населению всего государства, сформировавшегося в X в. на племенной территории полян, гоплян, лендзян, сленжан, мазовшан и др. Впервые данный этноним упоминается в *Хронике Тетмайера* XI в. (князь Болеслав Храбрый назван там *Dux Polaniorum*). Параллельно существует этноним *лехиты*, ассоциируемый с именем мифического предка поляков *Леха* и этимологически восходящий к корню **lēd-* ‘пустошь, необработанное поле’ и племенному названию *лендзян* – впервые об их существовании упоминает в IX в. *Баварский географ*. Ляхами называли своих западных соседей и восточные славяне. Таким образом, оба этнических имени указывают на проживание этого народа на равнинах, низинных территориях.

История языка и формирование современного польского литературного языка

История польского литературного языка, как и других славянских языков, начинается с появления первых письменных памятников в старопольский период. Этой датой можно считать 1136 г., когда папа Иннокентий II послал Якубу, архиепископу Гнезно, буллу, заверяющую имущество архиепископства. Булла содержит более 400 польских собственных наименований – личных имен и названий мест, включенных в латинский текст. Отдельные польские слова появлялись также в таких памятниках, как *Баварский географ* (XI в., содержит

названия славянских племен), «Dagome Iudex», Хроника Тетмайера и др. Первое польское предложение появляется в *Генриховой книге*, датированной 1270 г.

Первый полностью записанный по-польски текст – «Богородица», старейшая польская религиозная песня, которая считается первым польским гимном. По наиболее смелым предположениям этот текст мог быть создан уже в XII в., однако самая старшая его письменная запись относится к 1407 г. Следующий важнейший памятник польской письменности – «Свентокшиские проповеди» – был создан в начале XIV в. и сохранился в отдельных частях. Более поздним (XV в.) является другое собрание проповедей – «Гнезненские проповеди».

Будучи переписываемыми от руки, а также проигрывая по значимости латинским текстам, первые польские тексты появлялись достаточно редко. Примечательное произведение – первый перевод на польский язык Псалтыри – Флорианская псалтырь (XIV–XV вв.), заказанная, по преданию, для королевы Ядвиги, жены Ягайло. В нем стихи священной книги приводятся на трех языках: латинском, немецком и польском. Для другой жены Ягайло – Софии – был создан целый перевод Св. Писания, первый на польском языке (1455), который получил название *Библия королевы Софии* или *Шарошпатакская Библия* (по наименованию монастыря, где книга была обнаружена). С именами Ягайло и Ядвиги связано и возобновление в 1400 г. деятельности Ягеллонского университета в Кракове – центра культуры и образования.

В период Ренессанса (XVI в.) в развитии польского языка произошли значительные изменения. В политической жизни основное участие стали принимать мещане и мелкопоместные дворяне (шляхта), главным образом именно они воздействовали на развитие языка. Все чаще польский язык используется при составлении документов. Дворянская демократия принимает программу усовершенствования государства, которая горячо обсуждается в сейме, для этого по-польски пишутся брошюры, политические трактаты, выступления, что приводит к развитию и обогащению языка. Язык также развивается в результате появления переводов Св. Писания на польский язык, которыми занимались как представители католической церкви (Ян Леополита Нич, Якуб Вуек), так и деятели Реформации (переводчики Радзивилловской Библии, Сымон Будный). Развивается литература: с этим периодом связана деятельность М. Рея и Я. Кохановского.

Особую роль в становлении и развитии языка сыграло книгопечатание. И хотя начало книгопечатания в Польше датируется 1473 г., его расцвет наступил в начале XVI в. В связи с необходимостью унифицировать текст возрастает внимание к языку, его орфографии и грамматике, – появляются словари.

Первыми попытками систематизации языковых норм были написанные на латыни орфографические трактаты Я. Паркошовица (1440) и

С. Заборовского (1518) с целью упорядочить польское правописание, а именно предложить такую графическую систему, которая четко отражала бы особенности польской фонетики (например, различала бы мягкие и твердые согласные) и однозначно приписывала одному звуку один способ обозначения. В XVI–XVII вв. появляются первые грамматики: П. Статориуса-Стоеньского (*Polonicae grammatices institutio*, 1568), М. Фолькмара (*Compendium linguae polonicae*, 1594), Ф. Менье-Менинского (*Grammatica seu Institutio Polonica Linguae*, 1649), грамматика первого польского автора Я. К. Войны (*Compendiosa Linguae Polonicae Institutio*, 1690) – также написанные по-латински. У истоков польской лексикографии были переводные словари: Мурмелиуша (*Dictionarius... variarum rerum... cum Germanica atque Polonica interpretatione*, 1526), Я. Мончиньского (*Lexicon latino-polonicum*, 1565), Г. Кнапского (*Thesaurus polonolatinograecus seu promptuarum linguae latinae et graecae Polonorum usui acconodatum*, 1621).

Именно это время – основной момент в формировании польского литературного языка. Считается, что в его основу легли прежде всего великопольский и малопольский диалекты, в несколько меньшей мере – мазовецкий. Однако современный литературный язык вобрал в себя также некоторые черты силезского и кашубского диалектов.

Расцвет Ренессанса продолжается до середины XVII в., когда прогресс в развитии общественной жизни вообще и в языке в частности начал сдавать позиции под напором сарматизма. Негативное влияние на язык оказывал низкий уровень образования пишущих и стремление заполнить тексты заимствованиями и целыми вставками на иностранных языках.

Конец XVIII в. был переломным в истории польского народа и польского языка. Последний польский король Станислав Август Понятовский понимал важную роль языка в развитии культуры. В 1773 г. под его патронатом была создана Комиссия народного образования, которая сделала польский язык основным в школьном обучении. В связи с этим с XVIII в. языковедческие труды выходят уже по-польски: грамматика О. Копчинского (*Gramatyka dla szkół narodowych*, 1778) – многие предложенные в ней грамматические термины употребляются до настоящего времени; грамматика Ю. Мрозинского (*Pierwsze zasady gramatyki języka polskiego*, 1822), ее польский языковед З. Клеменевич назвал первой научной грамматикой польского языка.

Однако эти начинания прервали разделы Речи Посполитой, и до начала XX в. польский язык переживал тяжелые времена гонений и борьбы. После обретения Польшей независимости в 1918 г. власти стали уделять языку пристальное внимание. В это время происходили следующие процессы: борьба с неграмотностью, нормализация делового языка, который за время разделов вобрал в себя большое количество русизмов и германизмов, а также научной

терминологии; очищение польского литературного языка от региональных различий, появившихся вследствие разделения нации между тремя государствами, и кодификация литературной нормы в связи с новыми принципами орфографии. В это время было создано «Общество любителей польского языка» (1920), чьим органом стал журнал «Польский язык», выходящий и в настоящее время.

И во время разделов, и в возрожденной Польше продолжается работа над исследованием и описанием языка. Выходит грамматика А. Крынского (*Gramatyka języka polskiego*, 1900). В XX в. существенный вклад в области синхронно-описательной грамматики польского языка внес В. Дорошевский.

К наиболее известным словарям разных этапов новопольского периода относят: словарь С. Б. Линде 1807–1814 гг.; словарь под редакцией М. Оргельбранда 1861 г. (*Виленский словарь*); словарь Я. Карловича, А. Крынского и В. Недзвецкого 1900–1927 гг. (*Варшавский словарь*). После Второй мировой войны выходят 11-томный словарь под редакцией В. Дорошевского (1958–1969) – самый объемный словарь современного польского языка, содержащий около 125 тыс. словарных статей, и трехтомный словарь под редакцией М. Шимчака (1978–1981).

Развитие польской диалектологии связано прежде всего с именами Я. Карловича, издавшего в 1900–1911 гг. шеститомный «Словарь польских говоров»; К. Нитша, в одиночку объездившего с исследованиями территорию всей Польши и создавшего первое системное описание польских диалектов, применив метод лингвогеографии («*Mowa ludu polskiego*» 1911 г., «*Dialekty języka polskiego*» 1913 г. в 3 т.); В. Дорошевского, ставшего основателем Варшавской диалектологической школы, проводившей исследования истории и диалектологии польского языка с использованием статистического метода.

Одним из важнейших направлений в польском языкознании стало изучение вопросов истории языка, разрабатывавшееся Т. Лер-Сплавиньским, З. Клеменсевичем, Я. Розвадовским. Автором первого трехтомного этимологического словаря польского языка стал А. Брюкнер. Теоретиком языка мирового уровня является И. А. Бодуэн де Куртене – индоевропеист, основатель фонологии, исследователь типологии славянских языков.

Диалекты

В современном польском языке выделяют великопольский (центрально-северо-западный), малопольский (южный и юго-восточный), мазовецкий (центрально-северо-восточный) и силезский (юго-западный) диалекты. До недавнего времени пятым, наиболее обособленным северным диалектом считался кашубский, однако в 2005 г. он получил статус регионального языка. Основными лингвистическими критериями диалектного членения (выделяемые таким образом диалектные зоны совпадают с границами древних племенных

территорий) являются следующие признаки: способ реализации результатов первой общеславянской палатализации и особенности межсловной фонетики.

Образовавшийся в результате первой палатализации ряд шипящих *ž, š, č* и переход *dž < *zdj* на территории Мазовии, Малопольши и Нижней (Северной) Силезии реализуются как свистящие *z, s, c, dz* – это явление, возникшее не позже XVI в. и впервые зарегистрированное в Мазовии, получило название мазурения (*mazurzenie*). Такие лексемы общеславянского происхождения, как *жаба, шея, чистый, ежжу* звучат в названных диалектах как [zaba, syja, cysty, jezdze]. Мазурению, однако, не подвергаются звуки [ž] и [š], развившиеся в XVI в. из этимологически мягкого *r': лексемы типа *река, крик* в любом (в том числе и в мазуриющих) диалекте звучат как [žeka, kšyk]. Таким образом, фонетический признак мазурения делит страну на юго-восточную (мазуриющую) и северо-западную (немазуриющую) зоны.

Тип межсловной фонетики, или сандхи – оглушающий и озвончающий, – также различает диалектные зоны. Он определяется реализацией шумных согласных (звонких или глухих) в потоке речи на стыке двух слов, когда первое слово заканчивается шумным согласным, а второе начинается с гласного или сонорного. Так, на Кашубах и Мазовии сочетания типа *нос отца* и *нос Марка, воз отца* и *воз Марка* будут реализовываться глухо: [nos oʃca, nos Marka; vus oʃca, vus Marka]. А на территории Великопольши, Малопольши и Силезии подобные сочетания будут реализовываться звонко: [noz oʃca, noz Marka; vuz oʃca, vuz Marka].

Тип межсловной фонетики не может проявиться в ситуации, когда второе слово начинается с шумного согласного: в любом из диалектов шумный согласный, завершающий первое слово, будет, соответственно, оглушаться или озвончаться, в зависимости от звонкости или глухости следующего за ним элемента. Например, *нос Петра* и *нос Дарека, воз Петра* и *воз Дарека* в любом из диалектов будут звучать как [nos P'otra, noz Darka; vus P'otra, vuz Darka].

Типы межсловной фонетики делят территорию Польши на северо-восточную (глухое сандхи) и юго-западную (звонкое сандхи) зоны.

Таким образом, диалектные зоны на территории Польши различаются следующими конститутивными чертами: Мазовия (Mazowsze) – глухой тип сандхи, мазурение; Великопольша (Wielkopolska) – звонкий тип сандхи, мазурение отсутствует; Малопольша (Małopolska) – звонкий тип сандхи, мазурение; Верхняя (Южная) Силезия (Górny Śląsk) – звонкий тип сандхи, мазурение отсутствует; Нижняя (Северная) Силезия (Dolny Śląsk) – звонкий тип сандхи, мазурение. Помимо этих и других свойственных им фонетических черт, диалекты различаются рядом морфологических, словообразовательных и синтаксических особенностей.

Диалектная карта не статична. Наряду с тем, что с внутренней миграцией, повышением уровня образования и существенно растущей ролью массмедиа наблюдается унификация диалектов и приближение их к литературному стандарту, территории распространения силезского диалекта и кашубского языка не совпадают с исторической зоной Силезии и Кашуб – эти диалектные зоны значительно уменьшились и на сегодня не охватывают всего юго-запада и северо-запада, а локализуются в центре юга и севера страны соответственно.

В связи со смещением государственных границ после Второй мировой войны на запад, с массовым выселением отсюда автохтонов и приездом переселенцев из Центральной Польши и с земель, оказавшихся за восточной границей, обширные территории на западе и северо-западе страны сегодня классифицируются как зоны так называемых новых смешанных диалектов. Однако следует понимать терминологическую специфику этого названия: речь идет не об исконных, формировавшихся веками диалектах, а о зонах, где смешались языки переселенцев с различных территорий.

Современный польский литературный язык

Графика и орфография. Польский алфавит включает в себя 32 основных знака и 7 диграфов – буквосочетаний, обозначающих один звук. В основном алфавите используются диакритические (подстрочные и надстрочные) знаки. Диакритика, используемая в согласных, – это точка над *ż*, сигнализирующая, что читать данную букву следует как [ʒ], а также черточка, обозначающая мягкость согласного. При помощи черточки мягкость согласных *ź, ś, ć, ń, dź* обозначается на конце слова или перед последующим согласным: *koń, śnieg, znać, niedźwiedź, żrenica* ‘конь, снег, знать, медведь, зрачок’. Функцию черточки можно сравнить с мягким знаком в русском и белорусском языках. В позиции перед гласными мягкость обозначается иначе: при помощи графемы *i*, которая не читается, а лишь указывает на то, что согласный перед ней – мягкий: *niania, ciocia, zielony, dziadek, siedzieć* [ńańa, ćoća, żelony, dźadek, śedźeć] ‘няня, тетя, зеленый, дедушка, сидеть’. Буквосочетания типа *ia, io, ie, iu, ię, iq* обозначают не дифтонг (их в польском языке нет), а один гласный звук; подобные буквосочетания можно сравнить с русскими и белорусскими гласными *e, ё, ю, я* после согласных. При этом качественного отличия согласные, мягкость которых обозначена при помощи черточки и при помощи *i*, не имеют, т. е. *ś = si, ź = zi, ć = ci, ń = ni, dź = dzi*. Следует учитывать, что после *d, t* и *r*, которые не бывают мягкими, *i* читается как [j]: *Maria, partia, radio* [marja, partja, radjo] ‘Мария, партия, радио’. Аналогично читается оно и в некоторых заимствованных словах, ср., *Dania* [dańja] ‘Дания’. В большей или меньшей мере йотации подвержены и мягкие губные: *biały, wiara* [b^(j)auy, v^(j)ara].

При помощи диграфов, как правило, обозначаются твердые согласные (единственным исключением является мягкий небный, обозначаемый при по-

мощи *dź: chodź*). Знаками *cz, sz, dz, dź* обозначаются затвердевшие звуки – результаты славянских палатализаций: *czarny, szyszka, chodzę, jeżdżę* [čarny, šyška, xodze, ježdže] ‘черный, шишка, хожу, езжу’. Звуки затвердевали в большинстве славянских языков, единственным сохранившим мягкость звуком в русском остается [č’]. В польском, как и в белорусском, этот звук произносится твердо, ср. рус. *плачет* [plač’et], бел. *плача* [plača], пол. *placze* [pɕače].

Диграф *rz*, в зависимости от того, подвергается он оглушению (на конце слова или в соседстве с глухим согласным) или нет, читается как [ż] или [š]: *rzeka, orzech, trzeba, krzywy* [żeka, ożex, tšeba, kšzyvy], а этимологически соответствует мягкому **r’*, ср. рус. *река, орех*, бел. *трэба*, рус. *потребность, кривой*.

Знак *ch* используется для обозначения **χ* общеславянского происхождения: *chleb, chata, ucho, mucha* ‘хлеб, хата, ухо, муха’. Помимо этого, тождественный звук [x] может обозначаться и одиночным *h* в заимствованных словах: *hydraulik, historia, herbata, Helena, Halina*. В русском языке ему чаще всего соответствует ноль звука, йот или, реже, взрывное [g], а в белорусском [ɣ] фрикативное, ср. рус. *гидравлик, история, Елена, Галина*; бел. *гісторыя, гарбата*.

В случае польских гласных подстрочные диакритические знаки используются для обозначения носовых *ą* и *ę* (см. **Фонетика**), и надстрочный знак для *ó* («о kreskowane», от названия черточки – *kreska*). Буква *ó* читается как [u], соответствует этимологическому **o* и появляется, как правило, в закрытом слоге. В некоторых словах этот гласный встречается также в открытом слоге и не подлежит чередованию: *ból – bólu, król – królowie, róža, wróżba*; ср. *боль – боли, король – короли, роза, ворожба*.

Таким образом, некоторые звуки в польском языке могут обозначаться двойко: это все мягкие согласные; [ż] и [š], обозначаемые соответственно как *ż, sz* или *rz*; звук [x], отображаемый на письме при помощи *ch* или *h*; и звук [u], передаваемый при помощи графем *ó* или *u*.

Фонетика. Дифференциальными признаками гласных польского языка являются ряд, подъем, лабиализация и наличие/отсутствие носовости (табл. 14).

Таблица 14

Система гласных польского языка

Подъем и назальность		Участие губ и ряд				
		неогубленные			огубленные	
		передний		средний	задний	
Верхний		i	y			u
Средний	носовые			e		o
	неносовые			ɛ		ɔ
Нижний					a	

Носовость (назальность) принято считать периферийным северославянским архаизмом, поскольку данную оппозицию польский язык унаследовал из старославянского, и из всех славянских языков она сохранилась лишь в польском и кашубском. Однако польские носовые [ɛ̃] и [ɔ̃] не являются непосредственным отражением праславянских носовых гласных: они пережили долгую историю и многочисленные изменения, их сегодняшнее состояние связано с прежней переднестью/непереднестью и долготой/краткостью их прототипов. Поэтому нередко чередование носовых: *pieć – piąty, wiązać – więzić, krzyknąć – krzyknęli*. Восточнославянские языки преобразовали давние носовые в [(')a], [(')u], т. е. польским носовым в русском и белорусском языках соответствуют звуки, представленные на письме как *a, я, у, ю*: рус. *пять – пятый, вязать*; бел. *вязьць, крыкнуць – крыкнулі*.

Тем не менее и в польском языке назальность – исчезающая категория. Последовательно она реализуется лишь в середине слова перед щелевыми: *wąchać, mięso, często, tęsknić, wąski* [vɔxɑć, m'ɛsɔ, ɕɛstɔ, tɛskɲić, vɔsk'i] 'нюхать, мясо, часто, тосковать, узкий'; и для *q* на конце слова: *idą drogą* [idɔ droɡɔ] 'идут по дороге'. Деназализацию (исчезновение носового призвука) переживает *ɛ* на конце слова: *widzę siostrę* [vidzɛ śɔstre] 'вижу сестру' – и оба носовых перед *l* и *l*: *wziął, wzięli* [vźɔɔ, vźɛl'i] 'взял, взяли', *zasnął, zasnęli* [zasnoɔ, zasnel'i] 'заснул, заснули'. Во всех остальных случаях наблюдается расщепление носовых: они реализуются как сочетание вокального и консонантного элементов, причем консонантная составляющая ассимилируется относительно последующего согласного (*bęben, trąba, wędka, mądry, większy, mąka* [bembɛn, tromba, ventka, mondru, v'ɛɲ'kszy, moɲka] 'барaban (ср. бубен), труба, удочка (бел. вуда), мурый, большой, мука').

Кроме носовых, чередоваться в польском языке могут гласные *e//a* и *e//o*. Это чередование связано с лехитской перегласовкой – процессом перехода передних гласных **ě* и **e* в непредние *a* и *o* соответственно. Процесс перегласовки происходил начиная с VIII в. перед твердыми переднеязычными зубными согласными *d, t, z, s, l, r, n*, в то время как перед их мягкими соответствиями сохранялись передние гласные. Последовательно эти чередования наблюдаются, например, при образовании формы предложного падежа единственного числа: *las – w lesie* 'лес – в лесу', *miasto – w mieście* 'город – в городе', *wiara – o wierze* 'вера – о вере'; в глагольных формах настоящего и прошедшего времени: *wiozę – wieszysz* 'везу – везешь', *niosę – niesiesz* 'несу – несешь', *biorę – bierzesz* 'беру – берешь', *umiał – umieli* 'умел – умели', *powiedział – powiedzieli* 'сказал – сказали', *przywiodła – przywiedli* 'привела – привели', *przyniosła – przynieśli* 'принесла – принесли'; при образовании степеней

сравнения прилагательных: *biały – bielszy* ‘белый – белее’, *zielony – zieleńszy* ‘зеленый – зеленее’ и др.

С развитием редуцированных связано чередование *e* (реже *o*) с нулем звука: *bułka – bułek* ‘булка – булок’, *matka – matek* ‘мать – матерей’, *torba – torreb* ‘сумка – сумок’, *ogórek – ogórków* ‘огурец – огурцов’, *dziadek – dziadków* ‘дедушка – дедушек’, *osioł – osła* ‘осел – осли’, *kocioł – kotła* ‘котел – котла’. Подобное явление наблюдается и в восточнославянских языках. С этой же причиной – падением редуцированных *ъ и *ь в слабой позиции и развитием заместительной долготы, сменившейся впоследствии качественным различием гласных, – связан и процесс чередования *o // ó* в открытом и закрытом слоге: *wóz – wozu* ‘воз – воза’, *dół – w dole* ‘яма – в яме’, *dwór – na dworze* ‘двор – во дворе’, *siostra – siostr* ‘сестра – сестер’. Такое чередование происходит перед звонкими шумными и перед сонорными *l, ł, r, j*, однако его не наблюдается перед глухими шумными и сонорными *m, n, ń*: *nos, kot, koń, dom* ‘нос, кот, конь, дом’.

Отличительной чертой польского языка, позволяющей при знании восточнославянских соответствий спрогнозировать развитие польских лексем, являются сочетания *-ro-, -ło- и -ró-, -łó-* на месте восточных *-oro-, -olo-*, развившихся из праславянских сочетаний **tort, *tolt*: *ворона, золото, береза, березка, мороз – wrona, złoto, brzoza, brózka, mróz*.

Ударение в польском языке динамическое, фиксированное: как правило, падает на предпоследний слог. Число акцентологических исключений незначительно, ими могут быть заимствования, глагольные формы прошедшего времени и условного наклонения, предложные сочетания и др.: *muzyka, czytaliście, zrobilibyśmy, przez las, siedemset* ‘музыка, вы читали, мы бы сделали, через лес, семьсот’. При изменении формы слова или при словообразовании ударение может смещаться с морфемы на морфему, оставаясь парокситоническим: *Polak – Polacy* ‘поляк – поляки’, *katolik – katolikom* ‘католик – католикам’, *twoja – twojmi* ‘твоя – твоими’, *bułka – bułeczka* ‘булка – булочка’. Такое ударение называют подвижным. Однако независимо от позиции (ударной или безударной) польские гласные не переживают редукции и артикулируются четко, например в выделенных позициях отчетливо произносится [o]: *korona, Częstochowa, Polakami, chorować*.

Польский язык относится к языкам консонантного типа: количество согласных фонем значительно превышает количество гласных. Конститутивными чертами согласных звуков являются место образования (губно-губные, губно-зубные, переднеязычные зубные, переднеязычные небные, среднеязычные, заднеязычные), способ образования (смычные, щелевые, смычно-щелевые, смычно-проходные) и участие голоса (сонорные, шумные: звонкие и глухие) (табл. 15).

Система согласных польского языка

Способ образования		Участие голоса	Место образования						
			губно-губные	губно-зубные	переднеязычные зубные	переднеязычные небные	среднеязычные препалатальные	среднеязычные постпалатальные	заднеязычные
Шумные	смычные (взрывные)	Гл. Зв.	p p' b b'		t d			k' g̃	k g
	щелевые (фрикативные)	Гл. Зв.		f f' v v'	s z	ʃ ʒ	ś ź		x
	смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл. Зв.			c ʒ	č ž	ć ź		
Сonorные	носовые		m m'		n		ń		
	воковые					l			
	дрожащий (вибрант)					r			
	полугласные						j		ɥ

Мягкость для большинства согласных в польском языке не является смысловозначительной и может быть связана лишь с дополнительным артикуляционным смещением, т. е. с местом образования: все переднеязычные согласные – твердые, среднеязычные – мягкие. Артикуляция заднеязычных (постпалатальных) согласных в случае их смягчения сдвигается вперед относительно твердого неба (лат. *palatum*), и они становятся препалатальными.

Мягкость губных согласных до сих пор не оформилась окончательно и представляет собой живой незавершенный процесс. Так, из праславянского языка польский унаследовал губные согласные, которые в зависимости от того, сочетались они с передними или непередними гласными, могли переживать позиционное смягчение, являясь вариантами одной фонемы. К X в. в связи с завершением таких фонетических процессов, как лехитская перегласовка, развитие слогаобразующих, развитие и падение редуцированных, произошел процесс фонологизации мягкости: она стала самостоятельным признаком согласных фонем, не зависимым от их комбинаторики. С XVII в. мягкие губные согласные отвердевают на конце слов (*gołqb, kup, zrób, nakarm* ‘голубь, купи, сделай, накорми’ и т. п.), а впоследствии в диалектах продолжается процесс дефонологизации (или расщепления) мягкости губных в середине слова: не-

когда мягкие звуки начинают формировать дополнительный йотовый призвук, более или менее выразительный в зависимости от конкретного диалекта, при этом губной элемент в большей или меньшей степени отвердевает и из мягкого превращается в смягченный или твердый.

В большинстве диалектов слова типа *biały, piana, wiara, wiosna, miasto* ('белый, пена, вера, весна, город' – ср. рус. *место*) произносятся [b^(j)ауу, p^(j)ана, v^(j)ара, v^(j)осна, m^(j)асто] или [bјауу, рјапа, вјапа, вјоспа, мјасто], а в Дальней Мазовии (Mazowsze Dalsze) расщепленная фонема развивает дополнительный среднеязычный призвук: [bјауу, рјапа, вјапа, вјоспа, мјасто]. Мягкие губные сохраняются только перед *i*: *mity, wina, piwo, lubić* [m'iuу, v'ina, p'ivo, lub'ic], т. е. мягкость губных вновь становится не фонематическим, а комбинаторным признаком, сохраняя смысловозначительную функцию в единственной позиции – перед *i*, ср. *być – bić, pył – pił, mity – myły* 'быть – бить, пыль – пил, милый – мыли'.

Тем не менее польский язык воспринимается как избыливающий мягкими, а точнее, мягкими шипящими согласными. Наличие ряда специфических среднеязычных – отличительная черта польского, выделяющая его на фоне прочих славянских языков. Согласные, появившиеся в результате трех славянских палатализаций в польском, как и в большинстве других языков, отвердевают на рубеже XV–XVI вв.: *szeroki, czuj, żar, widze, lece* 'широкий, чей, жар, вижу, лечу' – [ż, ś, ć, dz, c] реализуются твердо. Но уже с XIII в. происходит преобразование смягченных вариантов переднеязычных согласных фонем. Они постепенно сдвигаются в направлении *palatum*, формируя новый самостоятельный ряд согласных фонем – среднеязычные. Таким образом, звуки *d, t, z, s, n* в польском языке всегда твердые, а их позиционными мягкими соответствиями являются среднеязычные *dź, ć, ź, ś, ń*: рус. *мѣтя* – бел. *цѣця* – пол. *ciocia* [ćoća]; рус. *дед* – бел. *дзед* – пол. *dziadek* [dźadek]; рус. *зима* – бел. *зима* – пол. *zima* [żima]; рус., бел. *снег* – пол. *śnieg* [śnek]; рус., бел. *небо* – пол. *niebo* [ńebo].

История смягчения *r* и *l* иная. Уже в XII в. смягченный [r'], по примеру чешского языка, начинает развивать дополнительный фрикативный признак – [r^ʒ], который со временем становится доминирующим и постепенно вытесняет основной. Звук начинает реализовываться как [ʒ' (š')], а еще позже он окончательно отвердевает, к XVIII в. акустически сливаясь с [ż] и [ś], возникшими в результате первой палатализации. Фонетически тождественные, эти согласные различаются лишь на письме: *rz* – рефлекс этимологически мягкого **r'*, а *ż* и *sz* отражают звуки, возникшие в результате первой палатализации (ср. *żar, rzadki, przodek, pszenica* 'жар, редкий, предок, пшеница'). Аналогично ведут себя и заимствования: *garaż – w garażu, teatr – w teatrze* 'гараж – в гараже, театр – в театре'.

Звук **l*, предположительно на рубеже XVI–XVII вв. или в XVIII в., меняет место артикуляции, становясь заднеязычным и начинает произноситься как

неслоговое *u* [ц], однако зубной вариант артикуляции этого звука до середины XX в. продолжает считаться эталонным, являясь нормой для дикторов и актеров. Его мягкий вариант – **l'* – вместе с прочими смягченными переднеязычными меняет место артикуляции, становясь среднеязычным, однако в XX в. его артикуляция становится переднеязычной (реализуется он мягче русского *л*, но тверже *л'*: *lalka, lampa, lewy*).

Важной для польского языка особенностью является комбинаторика заднеязычных. В исконных словах не встречаются твердые сочетания типа *gy, ky, ge, ke*, лишь мягкие *gi, ki, gé, ké*: *być Polakiem, Bogiem, nie znam drogi, kielbasa, dużo bagien* ‘быть поляком, Богом, не знаю дороги, колбаса, много болот’, в которых заднеязычные квалифицируются в польских грамматиках как постпалатальные. Твердость таких сочетаний – маркер заимствований: *kynolog, kelner, geografia*. В то же время польскому языку практически не свойственно мягкое *x'i*, за исключением некоторых глагольных корней и суффикса *-iwa-* (*chicotać, wumachiwać*): *muchy, dachy, chytry* ‘мухи, крыши, жадный’.

Вообще мягкость или твердость польских согласных не зависит от их комбинаторики: и те, и другие могут выступать как перед передними, так и перед непредними гласными: *ziarno, siodło, sen, ręka* ‘зерно, седло, сон, рука’. Этот процесс, завершившийся к X в., получил название фонологизация мягкости.

Морфология. Частеречный набор современного польского языка тождествен белорусскому и русскому, некоторые особенности и отличительные категории характерны исключительно для изменяемых частей речи.

Так, словоизменение существительных характеризуется наличием не шести, а семи падежей. Седьмой падеж – звательный – можно признать исчезающим: он распространяется только на одушевленные существительные, называющие людей (клички животных (*Azor! Mruczek! Psotka!*) принято употреблять не в звательном, а в именительном падеже), и сегодня является обязательным лишь в официальных ситуациях: *Wasza Eksceleńco, Panie Ministrze, Panie Radco, Pani Radco, Panie profesorze* (обращение к епископу или высокопоставленному чиновнику, министру (м. р.), советнику (м. и ж. р.), профессору (м. р.)). В этом случае используется либо титулярная формула (*Wasza Eksceleńco*), либо слова *Pan/Pani* в сочетании с названием должности. При этом абсолютное большинство должностных титулов не образуют женского варианта наименований (ср. стандартное словообразование *aktor – aktorka, gospodarz – gospodyni, robotnik – robotnica, śpiewak – śpiewaczka* ‘актер – актриса, хозяин – хозяйка, работник (рабочий) – работница, певец – певица’ и слова, обозначающие как мужчин, так и женщин: *inżynier, magister, profesor, dyrektor* ‘инженер, магистр, профессор, директор’), грамматически различие между номинацией женщины и мужчины проявляется в том, что подобные лексемы, называющие женщин, не склоняются, т. е. для них звательный па-

деж совпадает с именительным. Таким образом, фактически употребление особой формы звательного падежа еще больше сужается. На бытовом уровне его использование в обращениях или замена именительным зависят от возраста, привычек и региона проживания говорящего; допустимыми являются оба варианта: *Marcin/Marcinie, Zbyszek/Zbyszku, Agata/Agato, Ola/Olu*. При использовании названий степеней родства более частотными, чем *mama, tata, siostra* (Им. п.) ‘мама, папа, сестра’, являются формы *mamo, tato, siostro* (Зв. п.). Употребление в звательном падеже неодушевленных существительных возможно лишь в высоко патетических художественных текстах: *Litwo, Ojczyzna moja! Ty jesteś jak zdrowie...* ‘Отчизна милая, Литва! Ты как здоровье...’ (А. Мицкевич).

Польские существительные принадлежат к одному из трех родов: мужскому (*dom, kot, pan, mężczyzna, kolega, Wałęsa, Moniuszko, dyżurny, Antoni* ‘дом, кот, пан, мужчина, коллега, Валенса, Монюшко, дежурный, Антоний’), женскому (*mama, Anna, babcia, ziemia, pani, gospodyni, kość, noc* ‘мама, Анна, бабушка, земля, пани, хозяйка, кость, ночь’) или среднему (*lato, pole, akwarium, jagnię, imię* ‘лето, поле, аквариум, ягненок, имя’).

Яркой отличительной чертой польского языка является закрепленная в грамматике специфика картины мира: категория рода пересекается с категорией числа, и во множественном числе все существительные делятся на лично-мужские (*rzeczowniki męskoosobowe*) и нелично-мужские (женско-вещные) (*rzeczowniki niemęskoosobowe / żeńsko-rzeczowe*). К первой группе относятся существительные мужского рода, называющие людей, ко второй – все прочие, т. е. все существительные женского и среднего рода, а также существительные мужского рода, называющие животных и предметы. Грамматически эта специфика выражается в различии окончаний самих существительных (*ptak* ‘птица’ – *ptaki*, *Polak* ‘поляк’ – *Polacy*, *kot* ‘кот’ – *koty*, *student* ‘студент’ – *studenci*, *stół* ‘стол’ – *stoły*, *syn* ‘сын’ – *synowie*), а также в различии окончаний сочетающихся с ними частей речи: прилагательных, глаголов, местоимений, числительных (*ci trzej mili studenci byli* ‘эти трое милых студентов были’ – *te trzy mile studentki były* ‘эти три милые студентки были’; *nasi znajomi praktykanci powiedzieli* ‘наши знакомые практиканты сказали’ – *nasze znajome praktykantki powiedziały* ‘наши знакомые практикантки сказали’). Грамматическое противопоставление в границах данной категории проявляется только в именительном и винительном падежах множественного числа. Винительный падеж существительных (и форм, согласующихся с ними) совпадает с родительным падежом для лично-мужских и с именительным падежом для нелично-мужских единиц: *widzę tych wysokich chłopców* ‘вижу этих высоких парней’ – *widzę te wysokie dziewczyny* ‘вижу этих высоких девушек’; *kocham moich przyjaciół* ‘люблю моих друзей’ – *kocham moje psy* ‘люблю моих собак’; *lubię pilnych uczniów* ‘мне нравятся старатель-

ные ученики’ – *lubię małe dzieci* ‘мне нравятся маленькие дети’; *znam twoich sąsiadów* ‘я знаю твоих соседей’ – *znam twoje sąsiadki* ‘я знаю твоих соседок’. Фактором, определяющим выбор формы, в отличие от белорусского и русского языков, является не одушевленность/неодушевленность, а принадлежность существительного к числу лично- и нелично-мужских.

Практически для всех падежных форм существительных единственного числа свойственно многообразие окончаний (выбор окончания может зависеть от типа основы, значения, определяться традицией), а во множественном числе наблюдается унификация окончаний существительных разных родов. При склонении может наблюдаться чередование гласных и согласных в основе существительных (*mnich* ‘монах’ – *mnisi*, *ogród* ‘сад’ – *w ogrodzie*, *las* ‘лес’ – *w lesie*, *mąż* ‘муж’ – *męża*, *szczenię* ‘щенок’ – *szczenięta*, *plemię* ‘племя’ – *plemienna*). Существительные среднего рода с окончанием *-um* склоняются только во множественном числе (*idę do muzeum historycznego* ‘иду в исторический музей’, *muzea historyczne* ‘исторические музеи’). Заимствованные существительные среднего рода на *-o* склоняются как исконные (*wiadomości w radiu* ‘новости по радио’, *jechać metrem* ‘ехать на метро’, *w nowym palcie* ‘в новом пальто’).

Для польских **прилагательных** практически исчезающим можно назвать разряд притяжательных: в современном языке сохранились лишь единицы, образованные от названий животных (*rybi*, *kozi*, *ptasi*, *zajęczy* ‘рыбий, козий, птичий, заячий’). Соответственно, польские прилагательные делятся на относительные (*metalowy*, *roboczy*, *nocny* ‘металлический, рабочий, ночной’) и качественные (*nowy*, *szeroki*, *ogólny*, *elegancki*, *interesujący* ‘новый, широкий, общий, элегантный, интересный’). Последним свойственно образование синтетической или аналитической степени сравнения (*nowszy*, *szerszy*, *ogólniejszy*, *bardziej elegancki*, *bardziej interesujący* ‘новее, шире, более общий, более элегантный, более интересный’). От разряда прилагательного зависит его место относительно существительного: качественные прилагательные выступают, как правило, в препозиции (*nowa sukienka*, *trudny język*, *nowoczesny teatr* ‘новое платье, трудный язык, современный театр’), а относительные могут выступать и в пре-, и в постпозиции (*sukienka koktajlowa*, *język litewski*, *Teatr Wielki*, *drewniany stół*, *plastikowa butelka* ‘коктейльное платье, литовский язык, Большой театр, деревянный стол, пластиковая бутылка’) в зависимости от значения. Краткие формы прилагательных фактически исчезли из польского языка, сохранилось лишь около десятка реликтовых форм, используемых в составном именном сказуемом: *rad*, *gotów*, *zdrów*, *pelen* ‘рад, готов, здоров, полон’.

Польские глаголы спрягаются не только в настоящем и будущем простом времени, но и в прошедшем. Если в русском языке для глаголов в прошедшем времени существует лишь четыре формы (мужской, женский и средний род единственного и множественного числа), то для польских глаголов с полной

парадигмой таких форм тринадцать: 1, 2 и 3-е лицо мужского и женского рода в единственном числе, лично- и нелично-мужские формы 1, 2 и 3-го лица во множественном числе и форма лица единственного числа среднего рода. Изменение глаголов по лицам в прошедшем времени – наследие праславянского перфекта (некогда двухсловной аналитической формы). С этим связана акцентологическая особенность форм 1-го и 2-го лица множественного числа: ударение не на втором, а на третьем слоге от конца (*chodziliśmy, czytaliście* ‘мы ходили, вы читали’) и подвижность личных окончаний, т. е. они могут отрываться от корневой лексемы и свободно перемещаться в границах предложения: *Gdzie byliście wczoraj?* ‘Где вы были вчера?’ – *Gdzieście wczoraj byli?* – *Gdzie wyście byli wczoraj?* Обе эти особенности являются реликтовыми. Смещенное ударение – черта высокого стиля, в разговорной речи младшего поколения ударение унифицируется, и можно прогнозировать, что его место в ближайшем будущем изменится. Подвижность окончаний наблюдается все реже и часто воспринимается носителями языка как диалектная черта. Активнее используется подвижность окончаний в формах условного наклонения, воспринимаемая более естественно: *Bylibyśmy bardzo wdzięczni za pomoc* ‘Мы были бы благодарны за помощь’ – *My byśmy byli bardzo wdzięczni za pomoc*.

Еще одним примером «непривычной» для польского взгляда инверсии является возвратная частица: ее нельзя назвать классическим глагольным постфиксом, поскольку она способна, отделившись от глагола, стать относительно него в препозицию (*Bardzo się boję egzaminu* ‘Я очень боюсь экзамена’) и даже «обслуживать» несколько возвратных глаголов (*On gimnastykuje się, myje i goli* ‘Он занимается гимнастикой, моется и бреется’).

До начала XX в. в польском языке существовало также давнопрошедшее время – аналитическая форма, встречающаяся сегодня лишь в художественных текстах.

Будущее сложное время в польском языке (наследя праславянскую традицию) имеет два равнозначных варианта. Оно может использовать смысловой глагол в форме инфинитива или так называемого элевого причастия: *będę czytać* и *będę czytał* ‘буду читать’, *będziemy wiedzieć* и *będziemy wiedzieli* ‘будем знать’. Собственно, причастие на *-l* стало основой многих глагольных форм: прошедшего и будущего времени, условного наклонения.

То, что польские глаголы изменяются по лицам во всех временах (настоящем, будущем и прошедшем) и наклонениях (изъявительном, повелительном и условном), стало причиной ограничения в использовании личных местоимений. Поскольку категория лица выражена грамматически глагольным окончанием, нет необходимости дублировать информацию лексически, вводя в предложение местоимение – эту особенность важно учитывать при переводах. Спряжение глаголов во всех временах может сопровождаться чередованием гласных и со-

гласных в основах. Спрягаемым в польском языке является и глагол *być* ‘быть’; он имеет полную парадигму во всех временах и наклонениях.

Большинство польских глаголов объединяются в видовые пары, но существуют также одно- (*owdowieć, runąć, móc, bać się* ‘овдověть, рухнуть, мочь, бояться’) и двувиговые (*okupować, habilitować się* ‘окупировать, защищать диссертацию’) глаголы. Глаголы движения, как и в иных славянских языках, образуют видовые триады, в которых две формы несовершенного вида различаются значением протяженности (в настоящий момент) и рутинности (обычно) действия (*iść – chodzić – pójść* ‘идти – ходить – пойти’, *jechać – jeździć – pojechać* ‘ехать – ездить – поехать’, *płynąć – pływać – popłynąć* ‘плыть – плавать – поплавать’). Как и в русском языке, первая из названных форм несовершенного вида может выражать значение не только настоящего, но и будущего времени: *Dziś wieczorem idziemy do teatru* ‘Сегодня вечером мы идем в театр’; *W przyszłym miesiącu lecę do Paryża* ‘В следующем месяце я лечу в Париж’; *Jutro jadę do Warszawy* ‘Завтра еду в Варшаву’.

Специфическое выражение по-польски имеет отнесенность действия к неизвестному или незначимому субъекту и обобщенную отнесенность (в русском языке такие отношения выражают определенно- и неопределенно личные конструкции). Для выражения этих отношений используются неизменяемые безличные формы. Они могут строиться с использованием частицы *się*: *mówi się* ‘говорят’, *uważa się* ‘считается’, *buduje się* ‘строят’ – и форм на *-no, -to*: *mówiono, uważano, budowano*. Их значение может быть идентичным или очень близким, различие состоит в том, что формы с *się* изменяются по временам, а формы на *-no, -to* чаще относятся к прошедшему времени. Важно, что для выражения обобщенно-личного значения по-польски не используется форма 2-го лица единственного числа, как в русском – необходимо искать иные варианты эквивалентов. Например, русской поговорке «С кем поведешься, от того и наберешься» соответствует польское «*Kto z kim przestaje, takim się staje*»; «*Tuśe edeś – dalej będzieś*» – «*Kto pomału jedzie, ten dalej zajedzie*». Существуют также неизменяемые по лицам безсубъектные глагольные формы типа *pada* ‘идет дождь’, *wieje* ‘дует ветер’, *zierzchła się* ‘смеркается’.

Польские **причастия** и **деепричастия** (по-польски эти отглагольные формы объединены общим термином *imiesłowy*) претерпели ряд очень серьезных изменений по сравнению с праславянскими и значительно отличаются от русских. Так, в польском языке не существует действительных причастий прошедшего времени (типа *(с)делавший, (про)читавший*) и страдательных причастий настоящего времени, а некоторые сохранившиеся формы (*łakomy, znajomy, niewidomy, rodzimy* ‘лакомый, знакомый, незрячий, родной’) перешли в разряд прилагательных, так же как и причастие на *-*l* (*zmarły, poległy* ‘умерший, павший’). Существующие в языке четыре отглагольные формы

согласно грамматической номенклатуре делятся на действительные (*imiesłów przymiotnikowy czynny*) и страдательные (*imiesłów przymiotnikowy bierny*) причастия и деепричастия одновременности (*imiesłów przysłówkowy współczesny*) и предшествования (*imiesłów przysłówkowy uprzedni*). По сути же речь идет о действительном причастии настоящего времени, страдательном причастии прошедшего времени и деепричастиях настоящего и прошедшего времени.

Возможность образования причастий и деепричастий тесно связана с категорией вида. Так, действительные причастия и деепричастия одновременности образуются исключительно от глаголов несовершенного вида (*brać – biorący – biorąc* ‘брать – берущий – беря’; *nosić – noszący – nosząc* ‘носить – носящий –нося’), деепричастия предшествования – только от глаголов совершенного вида (*wziąć – wziąwszy* ‘взять – взяв’; *wypić – wypiwszy* ‘выпить – выпив’; *zaprosić – zaprosiwszy* ‘пригласить – пригласив’), и лишь для страдательных причастий ограничивающим фактором является не вид, а транзитивность глагола: от непереходных глаголов они не образуются (*brać/wziąć – brany, wzięty* ‘брать/взять – взятый’; *(prze)czytać – czytany, przeczytany* ‘(про)читать – читанный, прочитанный’; *(wy)pić – pity, wypity* ‘(вы)пить – питый, выпитый’; но *spać – Ø; biegać – Ø*).

Система польских **местоимений** похожа на русскую. Она разветвлена и сложна – и обилием разрядов, и существованием супплетивных форм (*ja – my* ‘я – мы’). Так, спецификой личных и притяжательных местоимений является существование полной и краткой формы (*tobie // ci* ‘тебе (дательный падеж); *twojego // twego* ‘твоего’). Но критерии выбора форм отличаются: для притяжательных местоимений использование полных форм свойственно официальным ситуациям, а кратких – разговорному языку; для личных местоимений выбор определяют позиция в предложении, наличие/отсутствие предлога, противопоставления, логического ударения и др.

Польские **числительные** делятся на количественные (*jeden* ‘один’), порядковые (*pierwszy* ‘первый’), дробные (*trzy czwarte* ‘три четвертых’), собирательные (*dwoje* ‘двое’), многократные (*pięciokrotny* ‘пятикратный’), видовые (*trojaki* ‘тройкий’), указывающие на количество частей (*podwójny* ‘двойной’) и неопределенные (*kilka* ‘несколько’), в их употреблении наблюдается много специфических черт. Так, при словоизменении составных **порядковых** числительных собственно порядковыми – склоняемыми – формами являются две последние цифры: *od roku tysiąc siedemset dziewięćdziesiątego piątego* ‘с тысяча семьсот девяносто пятого года’; *w roku dwa tysiące dwudziestym drugim* ‘в две тысячи двадцать втором году’, а все предыдущие цифры выражаются количественными числительными. **Количественные** числительные различают лично- (*dwaj, dwóch, pięciu, dziewiętnastu*) и нелично-мужские формы (*dwa, dwie, pięć, dziewiętnaście*), причем для числительных от двух до четырех существует

два варианта лично-мужских форм (*dwaj/dwóch, trzech/trzech, czterej/czterech*). Если подлежащее выражено сочетанием числительного с существительным, то именно числительное (количественное значение, конкретная лично- или нелично-мужская форма) диктует форму сочетающегося с ним существительного (именительный падеж множественного числа или родительный падеж множественного числа) и глагола (единственное или множественное число). *Собирательные* числительные не ограничивают свое употребление лишь первым десятком (теоретически их ряд бесконечен): *dziewięćdziesięcioro ósmioro* ‘девяносто восемь’, *trzysta pięćdziesięcioro czworo* ‘триста пятьдесят четыре’. Помимо употребления с названиями детенышей животных (*troje kociąt, siedmioro kozłat* ‘трое котят, семеро козлят’) и существительными, не имеющими единственного числа (*dwoje okularów, czworo skrzypiec* ‘двое очков, четыре скрипки’), собирательные числительные используются в ситуациях, когда речь идет о группе лиц разного пола (*pięcioro rodzeństwa* ‘пятеро братьев и сестер’, *sześcioro państwa* ‘шесть женщин и мужчин’, *dziewięcioro turystów* ‘девять туристов и туристок’). Таким образом, числительные – единственная часть речи, грамматически различающая ситуации, когда разговор идет исключительно о мужчинах или о мужчинах и женщинах (если числительного нет, при наличии хотя бы одного мужчины используются лично-мужские формы, присутствие и количество женщин значения не имеет): *dwaj studenci zdają egzamin* (м. + м.) ‘двое студентов сдают экзамен’ – *dwoje studentów zdaje egzamin* (м. + ж.).

Синтаксис. Структуры польских и русских предложений очень похожи. Польскому языку также свойственен свободный порядок слов в предложении. Жесткая детерминация в следовании структур отсутствует. В каждом конкретном случае последовательность элементов определяется в первую очередь актуальным членением фраз (тема/рема); некоторые ограничения могут касаться требования несмешивания групп подлежащего и сказуемого; свою специфику имеет заданность места определения (оно зависит от разряда и значения прилагательного).

Отличаются от русского языка конструкции с составным именным сказуемым. Если именная часть сказуемого – существительное, по-русски глагол-связка употребляется только в прошедшем или будущем времени: *Павел был/будет хорошим инженером*. В настоящем времени глагольная связка не используется, а творительный падеж существительного заменяется именительным: *Павел – хороший инженер*. По-польски аналогичные конструкции не допускают выпадения глагола-связки, а падеж существительного, независимо от времени используемого глагола, – только творительный: *Paweł był/jest/będzie dobrym inżynierem*. Правда, у этой конструкции (используемой чаще всего для выражения отношений родства, указания на профессию или национальность)

существует альтернатива – указательная конструкция с местоимением *to*. В ней глагол-связка факультативен, а существительное стоит в именительном падеже: *Pawel to (jest) dobry inżynier*. Если именная часть сказуемого – прилагательное, глагол-связка не может быть опущен, а именная часть стоит в именительном падеже: *On był/jest/będzie bardzo wysoki* ‘Он был/есть/будет очень высоким’. Альтернативных вариантов такая конструкция-характеристика не допускает.

Иное выражение по-польски имеет аналитическую конструкцию *у меня есть* + *Им. п.* Ее соответствием является фраза, использующая глагол *иметь* + *Вин. п.*: *У меня есть сестра – Mam siostrę; У нас есть машина – Mam samochód.*

При отрицании конструкций с винительным падежом русский язык допускает сохранение винительного падежа или его замену родительным: *Я читал эту книгу – Я не читал эту книгу – Я не читал этой книги*. В польском языке при отрицании беспредложного винительного возможен лишь родительный падеж: *Czytałem tę książkę – Nie czytałem tej książki*. Родительным при отрицании заменяется и именительный падеж: *Lekarz jest w gabinecie – Lekarza nie ma w gabinecie* (Врач в кабинете – Врача нет в кабинете); *Mam córkę – Nie mam córki* (У меня есть дочь – У меня нет дочери).

Формы вежливости по-русски предполагают использование местоимения *Вы*, т. е. «приумножение» адресата, замену единственного числа на множественное. По-польски при вежливом обращении замены числа не происходит, зато форма 2-го лица заменяется формой 3-го лица, т. е. обращаясь к адресату, мы говорим о нем как об отсутствующем: *Czy pani wysiada?* ‘Вы (ж.) выходите?’; *Czy państwo pójdą z nami?* ‘Вы (м. + ж.) пойдете с нами?’. Формы 3-го лица глаголов сопровождаются этикетными наименованиями *pan, pani, panowie, panie, państwo*.

Отличаются от русских польские пассивные конструкции. Для указания субъекта действия используется не творительный падеж, а конструкция *przez* + *Вин. п.*: *“Pan Tadeusz” został napisany przez Adama Mickiewicza* – «Пан Тадеуш» был написан Адамом Мицкевичем.

Некоторые отличия между русским и польским языками могут наблюдаться в глагольном и предложном управлении: не совпадают отдельные функции падежей.

В русском и польском языках по-разному проявилось наследие праславянского супина (отглагольной формы, называющей цель действия). Там, где по-русски используется сочетание глагола в личной форме с инфинитивом, по-польски используется союз *żeby*: *Я пришел сказать... – Przyszedłem żeby powiedzieć...* Польский инфинитив не сочетается с изменяемым глаголом, исключение составляют только модальные и фазовые глаголы-связки: *muszę prosić, mogę zrobić, powinienem zadzwonić, chcę spać, zaczynam studiować*. Очень часто там, где русскоговорящий использовал бы инфинитив, польский язык делает

выбор в пользу отглагольного существительного: *Kurzyć вредно – Palenie jest niezdrowe; У тебя есть, чем записать? – Masz coś do pisania?; Важно выполнять задания и повторять материал – Odrabianie zadań i powtarzanie materiału jest ważne; В доме нечего есть – W domu nie ma nic do jedzenia.*

Лексика. В основных современных словарях польского языка зарегистрировано около 0,5 млн слов. Однако этим лексический запас не ограничивается, так как словари не фиксируют регулярно образуемых единиц, например уменьшительно-ласкательных. Количество слов польского языка оценивается от 0,5 до 2 млн (грамматических форм насчитывается несколько миллионов). Считается, что среднестатистический носитель языка со средним образованием употребляет около 15, а с высшим – более 25 тыс. слов, количество немаркированных (употребляемых практически всеми автохтонами, присутствующих в любом из функциональных стилей) единиц – около 8 тыс.

Помимо лексем общеславянского происхождения, лехитской и собственно польской лексики польский словарь на протяжении всей истории обогащался заимствованиями. Самыми древними из них являются латинизмы. Начиная с X в. с принятием христианства появляются религиозные термины, такие как *anioł, kościół, ofiara* ‘ангел, церковь (костел), жертва’. Ввиду существенного влияния литературного чешского языка, который был для поляков эталоном в древнепольский период, в польском словаре появляются единицы с чешской огласовкой: *brama, straży, hańba, jedyny, Władysław, własny, serce* ‘ворота, стражи, позор, единый, Владислав, собственный, сердце’. Германизмы заимствовались польским языком во все исторические периоды, но особенно активным этот процесс был в XIII–XV вв. Это прежде всего единицы, связанные с градостроительством, администрацией, торговлей и ремеслами (*ratusz, burmistrz, handel, malarz, ślusarz, bruk, dach, browar* ‘ратуша, бургомистр, торговля, художник (маляр), слесарь, каменная мостовая, крыша, бровар’), бытовая лексика (*talerz, zegar, szuflada, fartuch* ‘тарелка, часы, ящик стола, фартук’) и др.

В среднепольский период, в XIV–XVII вв., в польский язык приходит большое количество итальянизмов, связанных с искусством, музыкой и наукой: *aria, serenada, akwarela, fontanna* ‘ария, серенада, акварель, фонтан’. При королеве Боне Сфорце на польских столах появляются овощи: *kalafior, salata, szpinak* ‘цветная капуста, салат, шпинат’. Начиная с XVII в. в моду входит французская культура, и в польский язык приходят галлицизмы: *fryzjer, awans, bluza, kariera, galanteria, perfumeria* ‘парикмахер, аванс, блуза, карьера, галантерея, парфюмерия’.

Территориальная близость обусловила наличие восточнославянских проникуновений (рутенизмов) в польском языке: *kropla, grobla, czeremcha, hodować, czupryna* ‘капля, гребля, черемуха, воспитывать/выращивать, чуприна’. Через посредничество украинского в польскую лексику проникают тюркизмы: *ada-*

maszek, bohater, kaftan, dżuma, buława, bazar ‘адамаск, герой, кафтан, чума, булава, базар’. С XIX–XX вв. усиливается влияние русского языка и появляются русицизмы: *czajnik, dacza, katorga, sojusz, nachalny, lagier, prawidłowy* ‘чайник, дача, каторга, союз, нахальный, лагерь, правильный’.

Самыми поздними по времени укоренения в польском языке являются англицизмы. Они начинают появляться в новопольский период, но особенно этот процесс интенсифицируется в XX в. Сегодня англицизмы охватывают самые различные сферы жизни: *bar, pub, fokstrot, jazz, bobslej, rower, lider, weekend* ‘бар, паб, фокстрот, джаз, бобслей, велосипед, лидер, конец недели’; особенно много их среди технической лексики: *komputer, laptop, czat, blog, link* ‘компьютер, ноутбук, чат, блог, линк’.

Список литературы

Большой польско-русский словарь = *Wielki słownik polsko-rosyjski* : в 2 т. / сост. Д. Гессен, Р. Стыпула. – М. : Рус. яз. ; Warszawa : Wiedza Powszechna, 1980. – 2 т.

Большой русско-польский словарь = *Wielki słownik rosyjsko-polski* : в 2 т. / сост. А. Минович, И. Дулевич, И. Грек-Пабис. – М. : Рус. яз., 1980. – 2 т.

Польско-русский фразеологический словарь = *Polsko-rosyjski słownik frazeologiczny* : в 2 т. / сост. К. М. Гюлюмянц. – Минск : Экономпресс, 2004. – 2 т.

Bajor, E. Wśród ludzi i ich spraw. Kurs do języka polskiego jako obcego dla humanistów / E. Bajor, E. Madej. – Warszawa ; Łódź : PWN, 1999. – 205 s.

Bartnicka, B. Uczymy się polskiego : podręcznik języka polskiego dla cudzoziemców : в 2 т. / B. Bartnicka [i in.]. – Warszawa ; Kielce : Wiedza Powszechna, 1987, 1994. – 2 т.

Bartnicka, B. Gramatyka języka polskiego dla cudzoziemców / B. Bartnicka, H. Satkiewicz. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1990. – 278 s.

Bąk, J. Słownictwo i frazeologia w ćwiczeniach / J. Bąk. – Łódź : Piątek Trzynastego, 1999. – 192 s.

Buttler, D. Kultura języka polskiego : в 2 cz. / D. Buttler, H. Kurkowska, H. Satkiewicz. – Warszawa : PWN, 1971, 1982. – 2 cz.

Furdal, A. Klasyfikacja odmian współczesnego języka polskiego / A. Furdal ; Opolskie T-wo Przyjaciół Nauk, Wyd. II Języka i Lit. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. – 63 s.

Galyga, D. Ach, ten język polski! Ćwiczenia komunikacyjne dla początkujących. – Kraków : Universitas, 2003. – 238 s.

Garncarek, P. Czas na czasownik : Ćwiczenia gramatyczne z języka polskiego / P. Garncarek. – Kraków : Universitas, 2002. – 221 s.

Kita, M. Wybieram Gramatykę! Gramatyka języka polskiego w praktyce : в 2 т. / M. Kita. – Katowice : Wyd-wo Un-tu Śląskiego, 1998. – 2 т.

Lipińska, E. Kiedyś wrócisz tu : podręcznik do nauki języka polskiego / E. Lipińska, E. G. Dąbmska. – Kraków : Universitas, 2000. – 279 s.

Mędak, S. Co z czym? : ćwiczenia składniowe dla grup zaawansowanych / S. Mędak. – Kraków : Universitas, 2002. – 196 s.

Miodunka, W. Cześć, jak się masz? : podrecznik do nauki języka polskiego dla początkujących / W. Miodunka. – Kraków : Universitas, 2002. – 275 s.

Nauka o języku dla polonistów / pod red. S. Dubisza. – Warszawa : Książka i Wiedza, 2002. – 623 s.

Pasieka, M. Język polski dla cudzoziemców : ćwiczenia dla początkujących / M. Pasieka. – Wrocław : Wyd-wo Un-tu Wrocławskiego, 2001. – 193 s.

Pyzik, J. Przygoda z gramatyką : Fleksja i słowotwórstwo imion / J. Pyzik. – Warszawa : Universitas, 2003. – 463 s.

Słownik języka polskiego : w 3 t. / pod red. M. Szymczaka. – Warszawa : PWN, 1978–1981. – 3 t.

Słownik poprawnej polszczyzny / pod red. W. Doroszewskiego, H. Krukowskiej. – Warszawa : PWN, 1977. – 1054 s.

Szelc-Mays, M. Coś wam powiem : czwiczennia komunikacyjne dla grup srednich. – Kraków : Universitas, 2002. – 272 s.

Wielki Słownik polsko-rosyjski / pod red. J. Wawrzyńczyk [i in.]. – Warszawa : PWN, 2004. – 924 s.

Wielki Słownik rosyjsko-polski / pod red. J. Wawrzyńczyk [i in.]. – Warszawa : PWN, 2004. – 1360 s.

Wilkoń, A. Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny / A. Wilkoń. – Katowice : Wyd-wo Un-tu Śląskiego, 1987. – 116 s.

3.3.2.2. Кашубский язык

Н. А. Кохнович

Статус языка в современном мире

Кашубия – часть исторического региона Померании (Поморья). Изначально кашубы проживали между нижним Одером и нижней Вислой, между Вартой и ее самым длинным притоком Нотець. Территория, населенная кашубами сегодня, значительно меньше и охватывает лишь Восточное (Гданьское) Поморье: на запад от устья Вислы до устья Пясницы, от реки Брда до Балтийского моря.

Кашубы – жители Северо-Западной Польши, часто выделяемые в отдельный этнос. Кашубский язык относится к лехитской группе западнославянских языков. Кашубский близок к литературному польскому языку, сильно в нем также влияние полабского, нижненемецкого и древнепрусского.

До сих пор среди ученых нет единогласия, считать кашубский самостоятельным языком или диалектом польского. Тем не менее статус *регионального языка* был закреплен за кашубским в Законе Республики Польша от 6 января 2005 г. о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке, а с 1 июня 2009 г. кашубский охраняется Европейской хартией региональных языков или языков меньшинств. В «Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО кашубский определен как «severely endangered» –

находящийся под серьезной угрозой (3 балла по пятибалльной шкале, где 1 – «уязвимый», а 5 – «вымерший»).

Согласно статистике Я. Мордавского, в повседневности по-кашубски говорят около 81 тыс. человек, а 367,5 тыс. заявляют о том, что владеют кашубским языком. По данным польской переписи населения 2011 г., в качестве языка домашнего общения кашубским пользуются около 108,1 тыс. человек (хотя только на кашубском, не чередуя его с польским, говорит лишь 3,8 тыс.). К этим данным следует добавить незначительное число кашубов, сохранивших язык в североамериканской, канадской и немецкой диаспорах.

Самым крупным городом на территории Кашубии является Гданьск, наибольшее число кашубов проживает в Гдыне, в то время как главными центрами бытования кашубского языка и культуры в современной Польше считаются Картузы, Вейхерово, Пуцк, Жуково, Косцежина и Бытув.

Лингвоним и этноним

Современные лингвонимы – *kaszëbsczi jãzëk*, *kaszëbskô mòwa*, *kaszëbizna*. В конце XIX – начале XX в. использовались также наименования *поморский язык*, *кашубско-поморский язык*, например в названии словаря С. Рамулта: «*Słownik języka pomorskiego, czyli kaszubskiego*». А в первых переводах язык местного населения определялся как *словинский*, что соответствует названию словинского диалекта, вымершего к нынешнему времени.

Слово *кашубы* имеет давнее происхождение – это надплеменное этническое и географическое название. Впервые оно встречается в дипломатических документах доминиканцев XIII в.: топонимом *Cassubia* были названы земли от Одера до нижней Вислы, от Гданьска до Грайфсвальд, на которых Доминиканский орден основал административную единицу Контрата Кашубская. Этноним *кашубский* использовался также в титулатуре князей Западного Поморья, начиная от Барнима I.

История языка и формирование современного кашубского литературного языка

На протяжении своей истории кашубы создали несколько надплеменных княжеств (наиболее могущественным кашубским объединением было Померанское герцогство, существовавшее с XII в. до 1637 г.; им правила династия Грейфов, или Грифитов), но не сумели создать государства, которое охватило бы весь языковой ареал. Уже в Средние века кашубские говоры стали использоваться преимущественно в деревнях и не обладали престижем. Этому способствовала активная немецкая колонизация с запада, в результате которой правящие и церковные элиты очень быстро стали немецкими. В дальнейшие

эпохи Западное Поморье, за исключением небольшого ареала проживания словинцев, полностью онемечивается, а Восточное Поморье с XV в. надолго попадает под влияние Польского Королевства. Ни в Западную, ни в Восточную Кашубию Реформация не принесла расцвета автохтонной культуры. Первые попытки создания кашубами собственной письменности предпринимаются на Западном Поморье в XVI в., а затем в XIX в. на Восточном Поморье.

В 1586 г. пастор из Бытова Шимон Крофей переводит с немецкого на *slawięsky jezik* духовные песни, а в 1588 г. – «Катехизис» Мартина Лютера. Лишь в следующем веке, в 1643 г., появляется перевод еще одного лютеранского пастора Михала Понтануса (г. Смолдзин) – «Малый катехизис Мартина Лютера немецко-вандалский, или словинский...» («Mały Catechism D. Marciná Luthera Niemiecko-Wándalski ábo Słowięski...»). Во второй раз этот перевод катехизиса переиздали в 1758 г., причем язык книги был существенно модернизирован – он и лег в основу последующих публикаций на Восточном Поморье (К. Ц. Мронговиуш, Ф. Ценова). Среди прочих относительно ранних кашубских памятников стоит назвать также «Старокашубский песенник» и «Кашубские присяги из Вежхоцина» (1725), «Смолдзиньские перикопы» (1770) и др.

Середина XIX в. – время европейской «Весны Народов», когда все славянские говоры воспринимались как диалекты единого языка и высоко ценились; время сопротивления германизации, а также время, когда доминирование польской культуры над кашубской было ослаблено зависимостью Польши от Российской империи. В этот период ряд славистов, обратившихся к кашубским диалектам, высказывается о них как о переходной форме между польским и полабским языками (К. Ц. Мронговиуш, П. Шафарик, И. И. Срезневский, А. Ф. Гильфердинг, Ф. Миклошич, А. Шлейхер).

Флориан Ценова, доктор медицины, решает избавить кашубский язык от неполноценного статуса переходного, несамостоятельного диалекта и создает кашубский алфавит (который потом несколько раз изменит), а также ряд текстов на кашубском: этнографические, исторические, публицистические, научно-популярные, медицинские и художественные произведения, в том числе переводы А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева и др. Одновременно Ф. Ценова собирает богатый фольклорный и этнографический материал. Многие из найденных и самостоятельно написанных текстов он размещает в созданном им альманахе «Сокровище кашубско-словинского языка» («Skôrb Kaszëbsko-słowjnskjè mòvè», 1866–1868), а в 1879 г. в Познани выходит его «Очерк грамматики кашубско-словинского языка» («Zarës do Grammatikj Kašëbsko-Słowjnskjè Mòvè»). В основе языка Ф. Ценовы лежит его родное пуцкое наречие, однако ощущается и сильное влияние литературного польского языка. При жизни первый «будитель кашубов» не получил признания и наград и неоднократно осуждался в польской национально-католической прессе.

Значительный вклад в развитие литературного кашубского языка в конце XIX в. внес поэт, журналист и издатель Иероним Дердовский из Веля, который считал себя поляком, а кашубский – одним из польских говоров. Превыше всего он ценил польский язык, при этом приложил немало усилий для унификации кашубского в рамках написанных им художественных произведений. Он стремился объединить наиболее узнаваемые элементы как северных, так и восточных диалектов, чтобы каждый кашуб признал эту речь своей. Его опыт был перенят многочисленными продолжателями.

В 1893 г. Стефан Рамулт издает первую часть «Словаря языка поморского, или кашубского». Этот словарь до сих пор остается одним из наиболее полных кашубских словарей и включает всю кашубскую лексику, собранную автором на тот момент и в наибольшей степени отражающую центральные диалекты.

Словарь С. Рамулта существенно повлиял на язык младокашубов: поэтов Александра Майковского, Яна Карновского, Леона Хейке и др. Вслед за Дердовским они отводили кашубскому подчиненную роль по отношению к польскому (как единственно возможному языку церкви, например), но считали необходимым создавать на нем художественные произведения. А. Майковскому принадлежит самое крупное произведение на кашубском – роман «Жизнь и приключения Ремуса» («Żëcé i przigodë Remusa», 1938), изначально написанный по-польски, а затем переведенный автором на особый, надрегиональный кашубский язык.

Ученые и писатели, объединенные вокруг журнала «Кашубская связь» («Zrzesz Kaszebskô», 1933–1939), считали кашубский отдельным языком и опирались в основном на родные для себя северные диалекты, дополняя их неологизмами и архаизмами (лексическими, фонетическими и словообразовательными). Среди величайших достижений этого круга кашубистов необходимо назвать два словаря Александра Лабуды (1960, 1981), а также его общественно-политические фельетоны; «Польско-кашубский словарь» Яна Трепчика (1994), писавшего, кроме того, стихи и песни; перевод Библии «Kaszëbskô Biblëjô» Францишка Гручи (1992).

Идеям «Кашубской связи» противостояло издание «Клюка» («Klëka»), на страницах которого осуждалось злоупотребление искусственными формами, а также стремление возвести кашубский диалект в ранг языка. Орфография Леона Роппля, основанная на польской (1939), была закономерным развитием идеи «понятного» кашубского языка, приобретающего все больше польских черт. И Леон Роппля, и его собрат по перу Юзеф Цейнова происходили из северной части кашубского региона и, помимо оригинального творчества, оставили после себя сборники народных загадок, пословиц и др.

Первоначально младокашубам, а затем сторонникам «Клюки» симпатизировал Бернад Сыхта – кашубский этнограф, языковед, драматург, а кроме того,

психиатр и священнослужитель. Ему принадлежит высказывание: «Кашубы не принадлежат Польше, они и есть Польша!», а также призыв не стесняться родного языка: «Nigde, przeniigde nie wstidzta sę po kaszëbsku gadac». Он много ездил по Кашубии и собрал огромный материал, вошедший затем в фундаментальный семитомный словарь кашубского языка (1967–1976).

Объединить в своем творчестве взгляды противостоящих прежде групп стараются современные писатели Антоний Пеплинский, Алоизий Нагель, Ян Джежджон, Ян Пепка, Марьян Селин, Станислав Пестка, Эвгениуш Голомбк и др. Со времен Ф. Ценовы кашубский становится средством общения, сознательно культивируемым и оберегаемым. В каждом поколении это язык нескольких литераторов, пишущих, в сущности, еще на своих родных диалектах. Ни один из кашубских диалектов не приобрел доминирующего статуса, чтобы лечь в основу литературного языка, и современные письменные тексты на кашубском, как правило, отражают очень разнородный по происхождению материал. Литературный кашубский рубежа XX–XXI вв. все еще находится на этапе становления: будучи важнейшим элементом национальной идентичности кашубов, он не обслуживает всех сфер общественной жизни, не обладает устоявшейся нормой и выразительным стилистическим членением. Важнейшим источником информации об изменениях, происходящих в кашубском языке, является «Бюллетень Совета кашубского языка» («Biuletin Radzëznë Kaszëbszczëgo Jãzëka»).

Еще в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в деревнях Центральной и частично Северной Кашубии для большинства жителей местный кашубский этнолект являлся основным языком общения (в отдельных пунктах – для более чем 90 % населения). Основной сферой использования кашубского является неформальное общение между родственниками, соседями, друзьями и т. д. За пределами родной деревни, в больших городах кашубский язык практически не используется; редко встречается кашубский в официальной коммуникации, например в государственных учреждениях. При этом кашубский является языком преимущественно старшего поколения. С конца XX в. по настоящий момент наблюдается тенденция к нарушению передачи кашубского языка между поколениями и его исчезновению из общения старших поколений с наиболее младшими: детьми школьного и дошкольного возраста. Часто это происходит вследствие сознательной социализации, направленной на то, чтобы дети говорили исключительно по-польски.

Одновременно намечается тенденция к редуцированию функций кашубского языка до символической, например исполнения фольклорных произведений народными ансамблями на различных праздниках. Любопытно, что наиболее узнаваемым кашубским текстом является песенка-считалка, сопровождающая изображение ряда картинок на нотном стане (так называемые кашубские ноты).

По иронии судьбы этот текст имеет немецкое происхождение, а его кашубский перевод, по всей видимости, является авторским.

Вместе с тем статус кашубского существенно вырос в 90-х гг. XX в., что было вызвано политическими переменами в стране, изменяющимися представлениями о культурной идентичности, развитием туризма в регионе. Кашубский постепенно перестает быть атрибутом необразованных людей из деревни и становится предметом увлечения интеллигенции, студентов, появляется мода на кашубский язык. Активно развивающийся сегодня литературный язык начинает замещать раздробленные диалекты, становясь для младшего поколения единственной формой бытования кашубского языка.

После Второй мировой войны в Польше широко практиковалось распределение учителей, родившихся в одних регионах, в совершенно другие, вследствие чего нивелировались коммуникативные возможности диалектов. Вплоть до 90-х гг. XX в. престижным языком среди кашубов считался исключительно польский, что играло определяющую роль в выборе не только языка обучения в школе, но даже языка домашнего общения с детьми. 24 марта 1992 г. по распоряжению министра национального образования стало возможно использование кашубского как языка преподавания. С 2005 г. кашубский язык может быть одним из предметов, по которым сдаются экзамены на аттестат зрелости, однако до сих пор он не является обязательным предметом изучения, и количество часов, посвященных ему, колеблется в каждой школе. В настоящее время кашубский язык не востребован в качестве языка высшей школы. Тем не менее направление «кашубистика» представлено в Гданьском университете, а Институт полонистики Педагогической академии в Слупске обеспечивает последипломное образование учителей-кашубистов. В 2011 г. Ханна Макурат защитила первую кандидатскую диссертацию на кашубском языке.

Региональные организации проводят ряд мероприятий, направленных на популяризацию языка: всевозможные конкурсы, ежегодно проводимые Кашубские диктанты, а также частные инициативы. Например в 2013 г. в Бытовском повате 275 учащихся средних школ имели возможность в течение 10 месяцев получать стипендии от местного управления за изучение кашубского языка. 2015 год организация этнических кашубов *Kaszëbskô Jednota* объявила годом двуязычного ребенка и провела ряд мероприятий, популяризирующих использование кашубского при воспитании детей в семье.

Никогда в истории кашубский не был языком религии. В костелах кашубского региона он появляется лишь в середине 80-х гг. XX в., в большей степени как язык литургии и проповеди, нежели исповеди и молитвы. Этой символической ролью кашубского, преобладанием манифестации над функциональностью можно объяснить и тот факт, что чаще мессы на кашубском совершаются в

крупных городах, а не деревнях, где больший процент населения говорит на этом языке как на родном.

В настоящий момент у кашубов есть уже три перевода Библии: перевод Ф. Гручи (1992); адаптированный перевод Э. Голомбка (1993), основанный на польской Библии Тысячелетия; Евангелия Адама Сикоры, переведенные с древнегреческого (2010). В Высшей духовной семинарии в Пелплине будущие священники могут посещать занятия по кашубскому языку, там же действует клуб студентов-кашубов «Jutrznjó», при котором издается журнал «Zwónk Kaszëbsczi» только на кашубском языке.

В настоящий момент не существует газет, теле- и радиоканалов, единственным языком которых являлся бы кашубский. Тексты на кашубском представлены в периодических изданиях «Померания» и «Норд», а также в кашубском приложении к «Балтийскому вестнику». На гданьском отделении телеканала TVP кашубский язык звучит лишь 10 минут в неделю, чуть чаще встречается он на телеканале ТТМ в интернете. Лучше обстоит ситуация с радио: несколько раз в неделю кашубские программы транслируются на «Радио Гданьск» и «Радио Кошалин», а с декабря 2004 г. ведет вещание частное «Радио Кашебе», специализирующееся на популяризации кашубского языка и культуры.

Благоприятной средой бытования кашубского языка стал интернет. Существует кашубский редактор текстов, кашубскоязычная версия операционной системы Linux (Kaszëbsczi Remix Kubuntu). В связи с проникновением кашубского в мир компьютеров стала развиваться специальная лексика: *komputr* ‘компьютер’, *lopk* ‘файл’, *przezérnik* ‘просмотрщик’, *kluczplata* ‘клавиатура’.

Важными информационными ресурсами являются страницы крупнейших официальных учреждений: Кашубско-поморского объединения (www.kaszubi.pl) и Кашубского института (www.instytutkaszubski.pl). На крупнейшем портале *Nasze Kaszuby* (naszekaszuby.pl) можно найти новости культуры, публицистические и научно-популярные материалы; на портале действует форум, многие участники которого пишут по-кашубски. Среди прочих ресурсов стоит назвать страницу для школьных учителей *Skarbnica Kaszubska* (skarbnicakaszubska.pl), а также литературные порталы *Czëtnicy* (czetnica.org) и *ZYMK* (zymk.net). Кроме того, существует кашубская версия Википедии и кашубские словари онлайн (cassubia-dictionary.com; <http://tlumacz.kaszebe.org>; <https://pl.glosbe.com/csb/pl>).

Диалекты

Кашубия всегда характеризовалась сильной диалектной расчлененностью, которая усугублялась в периоды изоляции, например во времена крестоносцев. Наиболее общим является разделение диалектов на северную и южную группы. Северные диалекты характеризуются свободным ударением (может падать на разные слоги в формах одного и того же слова), а южные – инициальным

(всегда падает на первый слог). С точки зрения истории, центральные говоры являются источниками инноваций, северные – наиболее архаичны (архаичность также усиливается с востока на запад), а южные демонстрируют сильное польское влияние. Кашубские диалекты тщательно изучены, наиболее важными лексикографическими работами в этой области являются «Словарь кашубских говоров» Б. Сыхты (1967–1976), а также «Языковой атлас кашубского языка и соседних диалектов» в 15 томах (1964–1978).

Современный кашубский литературный язык

Графика. Больше столетия графика была центральной проблемой для кашубистов, многие из которых предлагали собственные варианты письма, а затем по несколько раз их меняли (Ф. Ценова, Б. Сыхта, С. Бешк, Л. Ропль и др.). Как и в отношении других аспектов языка, четко проявлялись две тенденции: приближение кашубской графики к польской и их намеренное отдаление. Во второй половине XX в. унификацией графики (как и кашубского языка в целом) занималось Кашубско-поморское объединение (Kaszëbskò-Pòmòrszcé Zrzeszenié), окончательный вариант был предложен в 1996 г. В современном кашубском алфавите 34 буквы: *a, q, ă, b, c, d, e, é, ě, f, g, h, i, j, k, l, ł, m, n, ń, o, ò, ó, ô, p, r, s, t, u, ù, w, y, z, ź*. Помимо стандартных знаков латинского алфавита представлены буквы с диакритическими знаками, использующиеся и в польском языке (*q, ł, ń, ó, ź*), а также графемы для обозначения специфических кашубских гласных: *ă, é, ě, ò, ô, ù*.

Фонетика. Особенностью кашубского вокализма является сохранившееся разделение праславянских долгих и кратких гласных при утрате категории долготы как таковой. Так, праславянскому **ō* соответствует кашубское [o^u] (*ó*), **o* > [o] (*o*), **ẽ* > [eⁱ], [yj], [y] (*é*), **ě* > [e] (*e*), **i/ī* > [i] (*i/y*), **ī, ū, ū̃* > [e^a] (*ě*), **o* > [ɔ] (*a*), **ę* > [ɛ] (*ă*), **ū* > [u] (*u*) (табл. 16).

Таблица 16

Система гласных кашубского языка

Подъем	Ряд и участие губ			
	передний	средний		задний
	нелабиализованные		лабиализованные	
Верхний	i			u
Верхне-средний	é			ó
Средне-нижний	e	ě	ô	o
Нижний		a	ă	ą

Следует обратить внимание на особенности произношения современных кашубских гласных. Так, звук, обозначенный буквой *é*, чаще всего произносится как [y], на конце слова как [y]. Гласные, обозначающиеся как *ò* и *ù*, имеют лабиальный призвук, при этом *ò* приближается по звучанию к *e*, поэтому слово *òkò* следует читать как [цекце]. Звук, представленный буквой *ë*, соответствует старославянскому *ъ*; *q* по своему звуковому значению совпадает с польским носовым *q*, *ã* – с французским *an*. Артикуляцию звука, скрывающегося за буквой *ò*, можно условно описать как произношение [y] при положении губ как для произношения [u]. Отметим, что произношение многих кашубских звуков значительно варьируется в различных диалектах.

Консонантизм кашубского языка представлен в табл. 17.

Таблица 17

Система согласных кашубского языка

Способ образования		Участье голоса	Место образования						
			губно-губные	губно-зубные	переднеязычные зубные	переднеязычные небные	среднеязычные препалатальные	среднеязычные постпалатальные	заднеязычные
Шумные	смычные (взрывные)	Гл. Зв.	p p' b b'		t d				k g
	щелевые (фрикативные)	Гл. Зв.		f f' v v'	s z	š' ž'			x
	смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл. Зв.			c ʒ	č' ǰ'			
Сонорные	носовые		m m'		n		ń		
	боковые					l			
	дрожащие (вибрант)					r			
	полугласные	ɥ					j		

Важнейшей чертой кашубского языка является переход [š'], [ž'], [č'], [ǰ'] в [s], [z], [c], [ʒ]: польской фразе *siedzieć na ziemi* 'сидеть на земле' соответствует кашубское *sedzec na zemi*. В более поздний период происходит переход [k'], [g'] в [č'], [ǰ'], поэтому польской фразе *taki długi gibki kij* 'такая длинная гибкая палка' соответствует кашубское *taczi dludzi dżibczy czij*. Следует отметить, что шипящие, обозначаемые знаками *cz, dż, sz, ź*, произносятся мягко (а не твердо, как в польском языке).

Знаку *w* в большинстве случаев соответствует звук [v], однако иногда он произносится как [ɥ], например в словах *wòda* [ɥeda] ‘вода’, *wòł* [ɥo^uɥ] ‘вол’.

Морфология. Набор частей речи, грамматических категорий и значений в кашубском языке в целом сходен с польским. Среди наиболее интересных особенностей стоит выделить следующие.

1. Архаичные формы некоторых глаголов. Например, вся парадигма глагола *běc* ‘быть’ восходит к праславянскому периоду: *jem, jes, je, jesmĕ, jesta/jesce, sq*. В отличие от польского языка, в кашубском не происходит стяжения в окончаниях глаголов типа *grac* ‘играть’, *znac* ‘знать’ (во всей парадигме), *pitac* ‘спрашивать’ (частично): *grajesz* (пол. *grasz*), *znajece* (пол. *znacie*).

2. Возможность образования форм глаголов прошедшего времени тремя различными способами:

◆ архаичный перфект, распространенный в речи старых жителей всего кашубского региона. Образуется сочетанием вспомогательного глагола *běc* в настоящем времени и злевого причастия: *jō jem bĕł* ‘я был’, *tĕ jes bĕł* ‘ты был’; *ona je gonila* ‘она бежала’, *mĕ jesmĕ gonilĕ/gonilĕ* ‘мы бежали’ (в кашубском, как и в польском, во множественном числе различаются лично-мужские и нелично-мужские формы);

◆ более современный, без глагола-связки, но с обязательным указанием на субъект действия (как и в русском языке): *jō bĕł, tĕ bĕł* ‘я был, ты был’; *on robił, oni robilĕ / one robilĕ* ‘он делал, они (мужчины/женщины) делали’;

◆ описательный, встречающийся также в разговорном польском. Образуется при помощи вспомогательного глагола *miec* и страдательного причастия: *jō móm zeźniwionĕ, zesełĕ, napiĕłĕ / jō móm zeźniwiony, zesełty, napiĕłty* ‘у меня уже (всĕ) сжато, срублено, напечено’.

3. Некоторые существительные среднего рода (*żĕćĕ, szczescĕ, kōzaniĕ, ostrzĕ, zbożĕ* ‘жизнь, счастье, проповедь, острие, зерно’ и т. п.) в единственном числе могут изменяться как прилагательные: *żĕćĕgo, żĕćĕmu, żĕćym, kōzaniĕgo, kōzaniĕmu, kōzanim*.

4. В родительном падеже множественного числа существительных независимо от рода может использоваться окончание **-ów**: *stołów, wozów, lĕsów, chłopów, skrzĕniów, kozów, kurów, nauczycielków, oknów, polów* ‘столов, возов, мужиков, ящиков, коз, кур, учительниц, окон, полей’.

5. Краткие предикативные прилагательные (*głódzĕn, godzĕn, gotów, nōłozĕn, pĕwiĕn, pelĕn, prōżĕn, rōd, wōrt, winiĕn, zdrów, żyw* ‘голоден, годен, готов, привычен, уверен, полон, пуст, рад, достоин, должен, здоров, жив’) могут использоваться в начальной форме по отношению к существительным любого рода и в любом числе: *Ona je rōd; Ono je rōd; Ta łąka je tego wōrt; Oni bĕłĕ winiĕn; Tĕ miechĕ bĕłĕ prōżĕn; Zrobił lĕdzy zdrów* ‘Она рада; Оно радо; Этот луг того стоит; Они были должны; Эти мешки были пустыми; Он сделал людей здоровыми’.

6. Сохранение окончания двойственного числа **-ama** в творительном падеже множественного числа существительных (независимо от рода) наряду с окончанием множественного числа **-ami**: *chlopami* ‘мужиками’ и *chłopama, dzecami* ‘детьми’ и *dzecama, scanami* ‘стенами’ и *scanama*. То же касается прилагательных (*młodimi* ‘молодыми’ и *młodima, tónimi* ‘дешевыми’ и *tónima*), а также некоторых местоимений (*mojimi* ‘моими’ и *mojima, nimi* ‘ими’ и *nima*). Наиболее полный набор форм двойственного числа в значении множественного сохранился в парадигмах личных местоимений *mě* ‘мы’ / *ma* ‘мы’ (в диалектах также ‘мы двое’) и *wě* ‘Вы, Господин/Госпожа’ / *wa* ‘вы’. Любопытно, что при этом бывшие формы двойственного числа местоимения *wa, wama* используются в значении множественного адресата (‘вы, вам’), а исторические формы множественного числа *wě, wóm, wami* исполняют роль этикетного «Вы» (‘Вы, Вам, Вами’). То же касается глаголов: исторические формы двойственного числа используются в функции множественного, а формы множественного – в этикетных формулах: *Wě móce* (‘У Вас есть’) и *Wa móta* (‘У вас есть’), *Wě rozmawiałēsce* (‘Вы разговаривали’) и *Wa rozmawiałēsta* (‘Вы разговаривали’).

Синтаксис. В кашубском предложении, в отличие от польского, не опускается подлежащее, выраженное местоимением: *Jó rada jem dobrého grziba* ‘Я люблю есть хорошие грибы’; *Jak ti sã czëjesz?* ‘Как ты себя чувствуешь?’. Любопытно, что при описании состояний и атмосферных явлений в кашубском часто используются не безличные, а двусоставные предложения: *To dzys napadalo* ‘Ну сегодня и дождь’.

Характерной чертой кашубского языка является частое использование указательных местоимений в роли определения: *Pierwé té krawcy lepi szili jak dzysaj* ‘Раньше портные шили лучше’; *Bez to okno je widzec tã scanã* ‘За окном видно стену’.

Кашубский язык характеризуется свободным порядком слов: *Na podwórku pase sã gãs* ‘На дворе пасется гусь’; *Człowiek zacãti ne daje sã przekonac* ‘Упрямого человека не переубедить’; *A u nas tam w Chłapowie, to mē téz tēmi niewodami lowilë* ‘А у нас там в Хлапове мы тоже неводами ловили’; *Jak ti sã czëjesz po zarãczënach swoich, co?* ‘Как ты себя чувствуешь после своей помолвки, а?’.

Некоторые конструкции являются кальками с немецкого. Например, предлог *z* используется по аналогии с немецким *mit* (*Jó sã z bulwami zabezpieczil przed głodem* ‘Я картошкой защитил себя от голода’); предлог *za* – по аналогии с немецким *nach* (*Za wojnã smierdzy* ‘Дело к войне’; *Szëkac za wczorajszym dniem* ‘Бесцельно бродить, болтаться’, досл.: ‘Искать вчерашний день’); *ale* используется как усилительная частица по аналогии с немецким *aber* (*Ale, tē jesz nie umrzesz* ‘Ну, ты пока не умрешь’; *Ale, co tam bëło za jedzenië* ‘Да, ну и еда там была’); форма страдательного залога может использоваться для обозначения глагола в прошедшем времени (*Móm odbëti koscól* ‘Я уже был в костеле’; *On to mō tóniö kupiónë* ‘Он дешево это купил’) и т. д.

Лексика. Кашубская лексика представляет собой особый сплав из архаичной славянской лексики, старательно сохраняемой кашубскими литераторами, авторских неологизмов и многочисленных заимствований.

Несомненно, наибольшее влияние на кашубскую лексику оказал польский язык, на протяжении веков преобладающий в делопроизводстве и богослужении. При польском посредничестве в кашубский попали многочисленные богемизмы: *kmoter* ‘крестный отец’, *jiscęc se* ‘беспокоиться’, *hardi* ‘горделивый’ и др. При этом, как отмечается в исследованиях, около 5 % кашубской лексики составляют заимствования из немецкого: *kalk* ‘известь’ (нем. *der Kalk*), *brukowac/brëkowac* ‘нуждаться в чем-либо’ (нем. *brauchen*), *dërch/durch* ‘всё ещё’ (нем. *durch*).

Специфической чертой кашубской лексики являются многочисленные архаизмы, в том числе не зафиксированные на других славянских ареалах: *raqdi* ‘проворный, живой’ (ср. праславян. **ręditi* ‘выстраивать в ряд’), *drągi* ‘терпкий, кислый’, ‘досадный’ (ср. праславян. **dřęgati* ‘трясти, потрясать’), *bora* ‘силач’ (ср. праславян. **boriti*, **boriti se* ‘сражаться, бороться’), *kutin* ‘волшебник’ (ср. праславян. **kutiti* ‘делать, совершать’).

Примером словообразовательного архаизма может послужить суффикс **-icze**. При помощи этого форманта (часто расширенного за счет суффикса **-ow**) от названий растений образуются собирательные существительные, обозначающие ветки, листья либо место, на котором данные растения находятся: *borowicze* ‘кусты черники’, *bukowicze* ‘ветки бука’, *jicznicze* ‘солома ячменя’, *marchwicze* ‘листья моркови’. На севере Кашубии до сих пор можно встретить прилагательные с префиксом **sq-** (встречались также в старочешском, зафиксированы в нижнелужицком). Этот формант используется для образования прилагательных, обозначающих беременность у домашних животных: *sqbagnô* или *sqbagnîô* – об овце, *sqcelnô* – о корове, *sqkocô* или *sqkotnô* – о кошке, *sqprosnô* или *sqproszô* – о свинье, *sqzgrzebô* – о лошади.

Любопытно, что в кашубском языке все знаменательные части речи подвержены процессам деминутивизации (образованию уменьшительно-ласкательных форм): существительные (*beczkuszka* ‘бочечка’, *dzwonuszk* ‘звоночек’, *goląbk* ‘голубок’), прилагательные (*glęboczczi* ‘глубёхонький’, *wësoczczi* ‘высохонький’), наречия (*blizęccko*, *blizęcck* ‘близёхонько’, *wetk* ‘даже’, *dopierko*, *dopierku*, *dopieruszk* ‘лишь’), но также глаголы (*mówkac* ‘говорить’, *rób kac* ‘делать’, *skócz kac* ‘скакать’, *jidz kac*, *jidzęc kac* ‘идти’), а сверх того местоимения (*nick* ‘ничего’, *stądk*, *stądka* ‘оттуда’, *terôzku* ‘сейчас’).

Вследствие сильной диалектной раздробленности в кашубской лексике богато представлены синонимия и словообразовательные варианты: *szërzô* и *szërzawa* ‘ширина’, *czkawica*, *czkôwka*, *czkôwcz*, *szkôwka*, *czikutka*, *czikuta* ‘икота’.

В словарях А. Лабуды и Й. Трепчика предлагается множество семантических неологизмов (так, в «Польско-кашубском словаре» А. Лабуды 1981 г. квали-

фикатором «неологизм» обозначено 580 статей). При образовании неологизмов кашубские авторы, как правило, избегают совпадения с польскими лексемами и избирают наиболее архаичные форманты, например суффикс *-iszce* вместо польского *-isko*, суффикс *-ica* вместо польского *-ka*. Среди фонематических вариантов также избираются специфически поморские (*darga, karwa*).

Активно образуются неосемантимы. Так, выражение *parlãczëc* с неясной, вероятнее всего прусской, этимологией первоначально означало ‘объединяться, дружить, вступать в брачные отношения’, ‘приобрести, найти’. Затем оно развило значение ‘подвернуться, попасться под руку’, а в форме с возвратной частицей (*parlãczëc sã*) – пейоративное значение ‘навязываться, докучать’. В настоящее время лексема *parlãczëc* и производные от нее (*sparlãczëc, sparlãczenié, parlãcznik* и др.) широко используются в значении ‘объединять’, ‘связывать’, вытесняя при этом гнездо исконно славянского *lãczëc* (пол. *łączyć*) ‘соединять, объединять’. Подобным образом по аналогии со словом *swiadomòsc* ‘сознание’ изменила значение омонимичная лексема *swiãda* (первоначально ‘вывод’, этимология также неясна, вероятнее всего, неологизм): *rozbùdzëc ù Kaszëbów swiãdã pòchòdzeniégò*.

Список литературы

Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich : w 15 t. / Polska Acad. Nauk, Zakład Słowianoznawstwa ; red. Z. Stieber, H. Popowska-Taborska. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich : PAN, 1964–1978. – 15 t.

Boryś, W. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny : w 6 t. / W. Boryś ; Polska Akad. Nauk, In-t Sławistyki. – Warszawa : Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1994–2006. – 6 t.

Breza, E. Gramatyka kaszubska. Zarys popularny / E. Breza, J. Treder ; Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, Oddział Miejski w Gdańsku. – Gdańsk : ZKP, 1981.

Breza, E. Zapożyczenia w kaszubszczyźnie / E. Breza // Litery. – 1969. – T. VIII, nr. 3. – S. 32–33.

Geppert, S. Kaszubskie nuty /alfabet/ hieroglify [Electronic resource] / S. Geppert // Nasze Kaszuby: pomorski portal społecznościowy. – 2013. – Mode of access: <http://naszekaszuby.pl/modules/artykuly/article.php?articleid=111>. – Date of access: 02.12.2015.

Gòłąbk, E. Kaszëbszczi słowôrz normatiwny / E. Gòłąbk. – Gdańsk, 2005.

Jeliński, M. Słownik kaszubsko-angielsko-polski = Kaszëbskò-anielskò-pòlsczi słowôrz = Kashubian-English-Polish dictionary / M. Jeliński, D. Shulist. – Żukowo : Fundacja Skansenu Pszczelarskiego, 2011. – 81 s.

Kamusella, T. The Long Shadow of Borders: The Cases of Kashubian and Silesian in Poland / T. Kamusella // The Eurasia Border Review. – 2014. – Vol 5, № 2. – P. 35–59.

Kaszubszczyzna = Kaszëbizna / red. E. Breza [et al.]. – Opole : Un-t Opolski – In-t Filologii Polskiej, 2001. – 339 s.

Labuda, A. Słownik polsko-kaszubski / A. Labuda ; red. J. Treder. – Gdańsk : ZKP, 1981. – 146 s.

Labuda, A. Słowôrz kaszëbsko-pòlsczi / A. Labuda ; red. E. Breza. – Gdańsk : ZKP, 1982. – 204 s.

Makurat, H. Bilingwizm na kaszubskim obszarze językowym / H. Makurat // Biuletyn Rady Języka Kaszubskiego / Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie ; red. E. Breza. – Gdańsk : ZKP, 2007. – S. 97–103.

Mazurek, M. Język. Przestrzeń. Pochodzenie. Analiza tożsamości kaszubskiej / M. Mazurek. – Gdańsk : In-t Kaszubski, 2010. – 405 s.

Mordawski, J. Statystyka ludności kaszubskiej. Kaszubi u progu XXI wieku / J. Mordawski. – Gdańsk : In-t Kaszubski, 2005. – 86 s.

Popowska-Taborska, H. Gdyby kiedykolwiek w przyszłości miał powstać Słownik etymologiczny kaszubskiego języka literackiego... / H. Popowska-Taborska // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. – 2011. – Nr 46. – S. 71–81.

Popowska-Taborska, H. Językowy obraz Kaszub dawniej i dziś / H. Popowska-Taborska // Językowy, literacki i kulturowy obraz Pomorza : materiały nauk. conf., 17 września 2013 r. / Un-t Gdański, Wydział Filologiczny ; red. M. Klinkosz, Z. Lica. – Gdańsk, 2013. – S. 115–131.

Ramułt, S. Słownik języka pomorskiego, czyli kaszubskiego / S. Ramułt. – Kraków : Akad. umiejętności, 1893. – 301 s.

Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011 / Główny urząd statystyczny, Departament Badań Demograficznych i Rynku Pracy. – Warszawa : Zakład Wydawnictw Statystycznych, 2015. – 256 s.

Sychta, B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej : w 7 t. / B. Sychta. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków : PAN, 1967 – 1976. – 7 t.

Trepczyk, J. Słownik polsko-kaszubski: w 2 t. / J. Trepczyk. – Gdańsk : ZKP, 1994. – 2 t.

UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php>. – Date of access: 08.01.2018.

Woźniakiewicz, J. Języki kaszubski i friulijski: zagrożenia i szanse. Porównanie stopnia zaawansowania procesów odchodzenia od języka / J. Woźniakiewicz. – Kraków : Księgarnia Akademicka, 2013. – 236 s.

Zasady pisowni kaszubskiej / oprac. E. Breza, J. Treder. – Gdańsk : ZKP, 1976. – 52 s.

3.3.2.3. Полабский язык¹

А. Е. Супрун

Носители полабского языка, потомки славянских племен древян, живших на левом, западном берегу реки Лабы (нем. Эльба), пользовались своим языком вплоть до начала XVIII в. Единственный известный нам грамотный полабянин крестьянин из села Зютен у г. Люхов (на северо-востоке нынешней земли Нижняя Саксония в Германии, а в то время в Люнебургском княжестве) – Ян Парум Шульце (1677–1740), когда ему исполнилось сорок, стал вести летопись своей крестьянской жизни. Способный самоучка записывал в пестром порядке события из своего житья-бытья, подчас доходившие до него отголоски событий

¹ Текст приводится по изданию: Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. С. 93–99.

более крупного масштаба, сведения о погоде и делах давно прошедших лет, библейские цитаты и собственные рассуждения. «Я решил, – пишет он между прочим в своей хронике, написанной по-немецки, – в этом, 1725 году записать вендский (то есть славянский, полабский. – А. С.) язык для потомства, потому что на этом языке трудно говорить, а также трудно писать. У меня есть датская книга, и там многие слова состоят из тех же букв, как в немецких книгах, а тут вместо *Brodt* (нем. *Brot* ‘хлеб’. – А. С.) я говорю *Stjeyb* или *Pferd* (нем. ‘конь’) – *Tjühn*. Тогда надо объяснять, как называть (произносить) звуки. Мой дед в свое время много говорил по-вендски, и мой отец, он тоже превосходно знал вендский язык, и оба также хорошо по-немецки говорили. Некоторые люди из стариков говорили наполовину по-вендски, наполовину по-немецки... получается, что слово, которое должно быть позади, выходит вперед, а переднее оказывается позади. У нас вот нынче такая бабушка. Мне 47 лет. Когда я и еще три человека в нашем селе умрут, вероятно, уже никто не будет знать, как по-вендски называлась собака...». И вот Ян Парум Шульце записывает две-три сотни слов, а также ряд отдельных фраз по-полабски, используя средства немецкой графики и орфографии, которую крестьянин-самоучка не очень-то хорошо знал. Но Шульце был прав: в 1756 г. в церковных книгах была действительно отмечена смерть последней женщины, которая еще хорошо говорила по-полабски. Шульце донес до нас не только, как называлась собака по-полабски (у него записано: *pijahss*, что теперь транскрибируют как *pās* и что соответствует нашему *нѣс*), но и стремление носителя языка как-то закрепить его. Правда, стремление это пришло слишком поздно, когда уже по-полабски могло говорить считанное число лиц.

Сведения о полабском языке дошли до нас не только от Шульце. Километрах в пяти от Люхова на берегу той же речки Етце в Вустрове пастор Христиан Хенниг (1649–1719) к тому времени уже составил довольно большой (около трех тысяч слов) немецко-полабский словарь, записал полабскую свадебную песню (с нотами) и зафиксировал по-полабски текст молитвы «Отче наш». Х. Хенниг родом был из городка Эссен недалеко от Виттенберга (ныне в земле Бранденбург в Германии) и, возможно, еще с детских лет сталкивался со славянской речью, что и вызвало позже интерес к «вымирававшему» языку. Хенниг знал некоторые ранние серболужицкие издания, но идти по пути серболужицких книг и создавать полабскую орфографию было уже не для кого. Приступив к должности, вустровский пастор стал записывать местные слова и обычаи, но записи его сгорели на пожаре в 1691 г. Тогда при помощи кленовского крестьянина Янишге Хенниг приступает к работе вновь и составляет большой словарь языка полабских древян. К 1705 г. собирательская работа была завершена, но Хенниг еще несколько лет обрабатывал свой словарь. Написания полабских слов у Хеннига гораздо последовательнее, чем у Шульце (это, кстати, и другой полабский говор), материалы его более богаты словарными данными. Это главнейший источник сведений по полабскому языку, который дошел до нас.

Сохранилось еще несколько небольших словариков, включающих по несколько десятков или сотен полабских слов. Следует отметить, что один из них был составлен по заказу крупнейшего немецкого ученого Г. В. Лейбница еще в 1691 г. Часть слов, попавших в словарики Пфедфингера, Митхофа, Бокёра и др., повторяется и у Хеннига. Сохранились и другие варианты записей «Отче наш» (что свидетельствует о том, что на рубеже XVII–XVIII вв., когда производились записи, единого полабского текста этой основной христианской молитвы в обиходе не было), записи еще двух коротких молитв.

Указанные словарные записи и небольшое число текстов и составляют весь корпус фактов, на основании которых можно судить о том языке, который получил в науке название полабского языка. Самоназвание полабян до нас не дошло: в последний этап существования носители полабского языка уже не воспринимали себя как некоторый национальный коллектив, а потому и не имели самоназвания.

Задолго до того, как в «Люнебургской Вендландии» производились записи реликтовых славянских говоров, в IX в. стало складываться раннефеодальное государство у полабских славян. Оно просуществовало недолго: немецкие феодалы во главе с королями Генрихом I и Оттоном I стали завоевывать земли полабских славян. Однако в середине X в. племена бодричей (ободритов) и лютичей восстали, а в конце X – начале XI в. сумели освободиться от власти немецких феодалов. Немецкое завоевание протекало параллельно с христианизацией полабских славян, которые соорудили в своем городе Аркона на острове Руяне (нем. Рюген) квадратный языческий храм с деревянными скульптурами богов. Князь бодричей Готшлак пытался распространять христианство на своем языке. Но в начале XII в. государство полабских славян распалось на отдельные феодальные княжества. В 1147 г. во время Второго крестового похода против полабских славян было брошено двухсоттысячное войско крестоносцев. Полабянам в тот раз удалось отстоять свою независимость, но отсутствие у них единства привело к тому, что к концу XII в. немецкие феодалы на материке, а бывшие до того в союзе с полабянами датчане на острове Руяне завоевали полабские земли, сдерживавшие немецкие силы в их экспансии на Восток. Начался длительный и тяжелый процесс германизации полабских земель. Временами славянская речь запрещалась, а иногда какому-нибудь князю вдруг начинало казаться почетным владеть разноязычным населением, и славянская речь вновь освобождалась от запрета. В целом, однако, полабский язык постепенно вытеснялся немецким.

Болотистая пойма реки Етце благодаря своим не очень удобным землям в течение некоторого времени меньше, чем другие территории, колонизировалась немцами, а потому оказалась благоприятной почвой для сохранения славянского языка в то время, когда на других землях он оказался уже вытесненным. Играло роль и то, что здесь, в сотне километров на юго-восток от Гамбурга, не проходило крупных торговых путей. В окрестностях Люхова и Вустрова в конце XVII в.

по-славянски разговаривали еще многие из старшего поколения, хотя молодежь и стеснялась своего языка. Славяне, жившие раньше на гораздо более обширной территории, оставили след о себе не только в немецких хрониках, не только в виде славянских личных имен, но и в виде отдельных славянских элементов в немецких диалектах. Так, к примеру, в немецких говорах сохранились славянские названия черники (*Zerneysche*), лесной малины (*Moiaine*), мха (*Moch*). На территории Германии сохранилось также немало топонимов – местных названий славянского происхождения; так, славянского происхождения даже названия таких крупных населенных пунктов, как Росток (от славян. *Ростока*), Лейпциг (от славян. *Лунск*, ср. *Лунецк*), Любек (от славян. племенного названия *любичи*). Однако свести воедино сведения по собственным личным именам, по топонимике, по славянским следам в немецких диалектах и полабским памятникам невозможно: эти сведения принадлежат различным племенам с их особенными диалектами, относятся к различным историческим периодам и дошли до нас в различной степени немецкой обработки. Поэтому обычно, говоря о языке полабских славян (древян), имеют в виду те дошедшие до нас от конца XVII – начала XVIII в. записи полабских слов и отдельных текстов, о которых было сказано.

Уже в XVIII в. были опубликованы некоторые небольшие полабские словарики. Однако главный источник по полабскому языку – словарь Хеннига – долгое время оставался в рукописи. На основании почти всех сохранившихся полабских источников в начале XIX в. завершил подготовку сводного полабско-немецкого словаря ганноверский медик и физикус Й. Г. Юглер, но и этому словарю с изданием не повезло. Пользуясь его рукописью, один из крупнейших лингвистов прошлого века Август Шлейхер подготовил первую грамматику полабского языка, изданную после его смерти Петербургской академией наук (1871). Шлейхер настолько вошел в изучавшийся им полабский материал, что одно из своих писем 60-х гг. начал по-полабски (кстати, видный современный исследователь полабского языка Рейнгольд Олеш прочитал свой доклад о полабском ударении на Варшавском международном конгрессе славистов в 1973 г. по-полабски). Изучением полабских источников в XIX в. занимались русский ученый А. Ф. Гильфердинг, потом серболужичанин А. Мука. В 1907 г. был издан свод полабских источников, подготовленный П. Ростом. Крупный вклад в изучение полабского языка внес Н. С. Трубецкой. А видный польский славист Т. Лер-Сплавинский издал основательную полабскую грамматику (1929) и начал составление полабского этимологического словаря. Этот словарь успешно продолжает ученик Лера-Сплавинского К. Полянский, принявший также участие в составлении полабско-английского словаря (1967). Между тем возникла необходимость фундаментального издания полабских источников; за решение этой задачи взялся Р. Олеш, осуществивший фототипическое издание одной

из рукописей словаря Хеннига, издание словаря Юглера, а также остальных «малых» полабских источников, в числе которых записи Яна Парум Шульце; Олеш издал также полную полабскую библиографию. Им выпущен в четырех томах капитальный словарь-тезаурус полабского языка, в котором записаны все полабские слова и формы с вариантами и этимологическими справками.

Из сказанного ясно, что настоящей полабской письменности не существовало. Составители полабских словарей пользовались более или менее последовательно средствами немецкой графики и орфографии, не всегда приспособленной для передачи звуковой системы полабского языка. В связи с этим предпринимались попытки создания научной транскрипции для полабского языка. Наиболее распространенной является транскрипция, используемая с некоторыми вариантами в грамматиках и словарях Т. Лера-Сплавинского, К. Полянского, Р. Олеша. Она построена, естественно, на латинской основе. Буквы *a, e, o, u* и *i* комментариив не требуют; *â* обозначает лабиализованный открытый звук; *ě* – закрытое е; *o* и *q* – носовые гласные (первый из них закрытый); *ö* и *ü* – передние лабиализованные гласные типа соответствующих немецких; *ä* (у Лера-Сплавинского э) и *e* – редуцированные (краткие) гласные; *ai, âi, oi, au, âu* – дифтонги. Согласные *p, b, m, f, t, d, n, s, k, r, l* пояснений не требуют; *v* означает звук *в*, *z – з, c – ц, j – й, x – х, g – г, ž – дз*. Мягкость обозначается так: *l', d', l', s', ž', c* и т. п.

Полабский язык характеризуется рядом специфических явлений, важнейшие из которых таковы:

- 1) сохранение носовых гласных: *o* из праславян. **o* и *q* из праславян. **e*;
- 2) узкие гласные **i*, **y*, **u* превратились в полабском в дифтонги (например, *laize* ‘лизет’, *dâim* ‘дым’, *draug* ‘другой’);
- 3) *o* превратилось в *ö* или *ü*: *büb* ‘боб’, *kâtü* ‘кто’;
- 4) согласные *k, g* перед *o, u, i* превратились в *t, d'*: *d'öra* ‘гора’, *nüd'ai* ‘ноги’;
- 5) старое *a* перешло в *o*: *stovä* ‘ставит’, *bobo* ‘баба’;
- 6) в связи с различными процессами, связанными с соотношением долгих и кратких гласных, в полабском в некоторых случаях на месте старых редуцированных, а иногда и без них между согласными имеются гласные, в послеударной позиции гласные редуцировались;
- 7) в полабской грамматике произошел ряд изменений, характеризующих разрушение грамматической системы языка: утрату в отдельных случаях склонения и т. п.; вместе с тем в полабском сохранились старые прошедшие времена (аорист и имперфект), в ряде случаев сохраняются остатки двойственного числа;
- 8) в лексике полабского языка имелось много немецких заимствований, в том числе из средненижнемецкого языка, проникших в полабский за последние века и десятилетия его существования: *snider* (нем. *Schneider*) ‘портной’, *omar* (нем. *Hammer*) ‘молот’ и т. п. В диалекте, записанном Хеннигом и другими, вместо старых шипящих появились свистящие (ср. польское мазурение),

но у Шульце иногда выступают шипящие (ср. у Хеннига: *slawak*, а у Шульце *schlawack* для передачи слова *человек*). Старое сочетание **tort* за одним исключением имеет в полабском соответствие с сохранением порядка гласного и плавного (*korvo* ‘корова’), а в сочетаниях **tert*, **tolt* метатеза плавных произошла (ср. такие же явления в кашубском). Характер ударения в полабском, по-видимому, в отличие от других западнославянских языков, свободный.

Список литературы

Супрун, А. Е. Полабский язык : учеб. пособие / А. Е. Супрун. – Минск : Университетское, 1987. – 94 с.

Lehr-Splawinski, T. Słownik etymologiczny języka Drzewian Polabskich : w 6 t. / T. Lehr-Splawinski, K. Polanski. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Ossolineum : PAN, 1962–1994. – 6 t.

Lehr-Splawinski, T. Gramatyka polabska / T. Lehr-Splawinski. – Lwów : Nakład K. S. Jakubowskiego, 1929. – 289 s. – (Lwowska Biblijoteka Slawistyczna ; t. 8).

Olesch, R. Bibliographie zum Draväno-polabischen: Fortsetzung und Nachträge / R. Olesch // Zeitschrift für slavische Philologie. – 1975. – Vol. 38, № 1. – S. 21–56.

Olesch, R. Fontes linguae Dravaeno-Polabicae minores et Chronica Venedica J. P. Schultze / R. Olesch. – Köln ; Graz : Böhlau, 1967. – 353 s.

Olesch, R. Juglers Lüneburgisch-Wendisches Wörterbuch / R. Olesch. – Köln ; Graz : Böhlau, 1962. – 359 s.

Olesch, R. Thesaurus Linguae Dravaenopolabicae : in 4 t. / R. Olesch. – Köln ; Wien : Böhlau, 1983–1987. – 4 t.

Olesch, R. Vocabularium Venedicum von Christian Hennig von Jessen / R. Olesch. – Köln ; Graz : Böhlau, 1959. – 412 s.

Polanski, K. Polabian-English Dictionary / K. Polanski, J. A. Schnert. – The Hague ; Paris : Mouton, 1967. – 239 p.

3.3.3. ЧЕШСКО-СЛОВАЦКИЕ ЯЗЫКИ

3.3.3.1. Чешский язык

Н. В. Ивашина

Статус языка в современном мире

Чешский язык (*český jazyk*, *čeština*) – государственный язык Чешской Республики и один из 24 официальных языков Европейского союза. Это западнославянский язык, который вместе со словацким образует чешско-словацкую подгруппу западнославянских языков. По данным 2017 г. в Чешской Республике проживало 10,5 млн человек. Общее число носителей чешского языка в мире – около 12 млн человек. Самая большая чешская диаспора находится в США

(1,5 млн) и Канаде (95 тыс.). В Южной Америке наиболее значительные группы чехов проживают на территории Аргентины и Бразилии. В Европе чешская диаспора представлена прежде всего в Хорватии, Австрии, Словакии, Сербии, Германии, Украине, Румынии и других странах. Национальные меньшинства Чешской Республики – словаки, поляки, немцы, украинцы, русские, вьетнамцы.

Чешская Республика расположена в Центральной Европе и граничит на севере с Польшей, на востоке со Словакией, на юге с Австрией, на западе и северо-западе с Германией. В состав Чешской Республики входят Чехия, Моравия и частично Силезия. Столица Чешской Республики Прага расположена на берегах реки Влтава. Первые исторические свидетельства о славянских поселениях на территории современной Праги относятся к VI в. н. э. Столицей чешского государства Прага стала уже в X в. На территории страны (78 866 км²) преобладают возвышенности, средней высоты горы (самая высокая гора Снежка – 1603 м), равнины и лесные массивы.

Лингвоним и этноним

Древнейшие известные обитатели чешских земель – бои. По имени этого кельтского племени страна получила название Богемия. На рубеже нашей эры территорию нынешней Чехии захватили германские племена, затем часть земель попала под власть Римской империи. В середине I тыс. н. э. по всей территории современной Чехии и Моравии расселяются славянские племена. С этого времени начинается собственно славянская история чешских земель.

Надежной этимологии этнонима *чех* не существует. Наиболее вероятной представляется связь с праславянским **čel-*, родственного **čelědь* и **čelověkь*, т. е. *чех* изначально ‘член рода’, возможно, ‘юноша’. Существует и менее вероятное предположение, что Чехия – местное название, обозначавшее первоначально ‘высокое место’. Согласно мифологической версии на эту территорию привел предков чехов праотец Чех. Он поднялся на гору Ржип (*Ríp*) и объявил своему племени, что нашел наконец землю для своего народа. В его честь земля эта получила название Чехия.

История языка и формирование современного чешского литературного языка

В VII в. н. э. в ходе борьбы с кочевниками-аварами на территории современной Чешской Республики возникло первое государственное объединение славянских племен – княжество Само (623–658), в состав которого входили предки чехов, словаков, словенцев и серболужичан. О его основателе князе Само не сохранилось почти никаких упоминаний ни в древнейших чешских летописях, ни в народных преданиях.

В IX в. на этих территориях складывается могущественное Великоморавское княжество, сыгравшее огромную роль в истории средневековой славянской культуры. В 30-е гг. IX в. немецкие миссионеры создали церковную организацию на территории Моравии, стремясь вовлечь Великоморавское государство в орбиту франкского влияния. Моравский князь Ростислав обратился к византийскому императору Михаилу III с просьбой прислать христианских проповедников для создания литургии и письменности на славянском языке. В 863 г. в Моравию прибыла миссия во главе с братьями Константином-Кириллом и Мефодием. С их именами связано создание славянской письменности и перевод церковных книг на славянский язык. После смерти Мефодия в 885 г. Святополк I изгнал учеников Константина и Мефодия из Моравии. Центр славянской письменности переместился к южным славянам в Болгарию, однако прибежищем старославянской традиции до 1097 г. оставался Сазавский монастырь на юге Чехии.

В начале X в. в результате междоусобной борьбы, а затем вторжения венгров Великоморавская держава распалась. Чешские и моравские племена объединились в Чешское королевство, центром которого становится Прага. Тогда же складывается чешская народность. Словацкие племена в первой четверти XI в. вошли в состав Венгерского королевства.

О некоторых особенностях старочешского языка можно судить по старославянским памятникам, созданным на территории Великой Моравии (богемизмы в Киевских листках X в., Пражских отрывках XI в.). В XI в. старославянская письменная традиция в чешских землях была окончательно вытеснена латинской. Чехи, как и другие западные славяне, были вовлечены в сферу влияния римско-католической культуры. Языком письменности стала латынь. В латинских кодексах, написанных на территории чешских земель, встречаются отдельные чешские слова, главным образом собственные имена и географические названия (Космова хроника XII в. и др.).

Первые памятники собственно чешской письменности известны с конца XIII в. («Островская песнь» и «Кунгутина молитва»). Развивается сначала духовная, а затем и светская поэзия. В XIV в. появляется чешская «Александрейда» – легенда об Александре Македонском, первая историческая «Далимилова хроника», философские прозаические произведения Томаша Штитного, широкое распространение получает литература духовного содержания, любовная поэзия, песни вагантов. Во второй половине XIV в. появляются первые описания чешского языка в форме словарей (рифмованные словари Кларета).

XIV век – период экономического подъема Чехии, усиления ее внешнеполитического влияния, развития языка и культуры. В 1348 г. императором Карлом IV был основан Пражский (Карлов) университет, первый университет в Центральной Европе, ставший центром не только чешской, но и европейской культуры.

Выступление чешской Реформации началось с критики католической церкви. Это движение в Чехии возглавил магистр Ян Гус, получивший звание декана, а затем и ректора Пражского университета. Он был не только пропагандистом революционных идей, но и реформатором языка. Сущность его реформы состояла в демократизации чешского литературного языка, сближении литературного языка с народным, освобождении его от архаических и иноязычных элементов. Своими произведениями Ян Гус создал образцы простого народного языка. «Я писал так, как обычно говорю», – подчеркивал он. В 1406 г. в трактате «О чешской орфографии» Ян Гус изложил основы чешской графики и орфографии и предложил ввести диакритические (надстрочные) знаки вместо старого письма с диграфами (двузнаками: в старочешском языке использовались буквенные сочетания латинского алфавита). Ян Гус был отлучен от церкви и в 1415 г. в Констанце сожжен вместе со своими трудами. Казнь Гуса вызвала гуситские войны между его последователями (гуситами) и католиками, продолжавшиеся около двадцати лет.

В XV–XVI вв. развивается чешская культура, наибольшего расцвета достигает чешский литературный язык. К этому времени складывается фонетическая и грамматическая структура чешского языка, обогащается его лексический фонд за счет собственной лексики и иноязычных элементов, прежде всего немецких и латинских. Большое влияние на культурную жизнь Чехии оказала Община Чешских братьев, созданная в 1457 г. Она вела большую литературную и просветительскую деятельность. Чешские братья под руководством Яна Благодслава заново перевели с древнееврейского и греческого Ветхий и Новый Завет. Кралицкая Библия в шести томах, изданная в 1579–1593 гг. в местечке Кралице, стала образцом литературного языка того времени. Распространению идей Чешских братьев способствовало книгопечатание, возникшее в Чехии в 1468 г. В XVI в. появляются первые грамматики (Я. Благодслава, М. Бенешовского, Б. Нудожерского) и словари чешского языка (Д. А. Велеславина).

В 1526 г. чешский престол перешел к австрийской династии Габсбургов, однако Чешский сейм еще сохранял свои права. В 1620 г. у Белой Горы чешское восстание против династии Габсбургов потерпело окончательное поражение. Почти на два столетия прерывается развитие чешской общественной и культурной жизни. Чешский язык был изгнан из школ, государственных и культурных учреждений. Государственным языком в стране становится немецкий. Значительная часть чешской интеллигенции была изгнана или бежала из Чехии. Самым известным представителем эмиграции был выдающийся чешский педагог, философ и писатель Ян Амос Коменский.

Эпоха чешского Возрождения (конец XVIII – первая половина XIX в.) характеризуется подъемом национального самосознания. При этом на первое место выдвигается идея развития национального языка и национальной куль-

туры. Новый чешский язык был исключительно книжным языком. Он не опереться на разговорную речь и явился во многом наиболее архаичным среди славянских. В 1809 г. (второе издание – 1819 г.) один из основоположников славянской филологии Йозеф Добровский издает первую научную грамматику чешского языка (на немецком языке). Й. Добровский опирался на языковую норму XVI в. и прежде всего на язык Кралицкой Библии. Общая ориентация деятелей чешского Возрождения на литературу старшей поры привела к архаизации норм чешского литературного языка и к значительному разрыву между литературным языком и живой разговорной речью.

Новый период в развитии чешского литературного языка связан с деятельностью чешских просветителей во главе с Йозефом Юнгманном. Пятитомный чешско-немецкий словарь Й. Юнгманна (1834–1839) включал огромный лексический материал: новые слова на основе славянских корней и аффиксов, заимствования, диалектную лексику, данные письменных памятников, научную терминологию.

В 20-е годы XIX в. В. Ганка и Й. Линда опубликовали два памятника старочешской литературы – Зеленогорскую и Краледворскую рукописи, по поводу подлинности которых очень долгое время шли споры. Несмотря на то, что эти памятники были признаны искусной фальсификацией народного эпоса, они оказали огромное влияние на дальнейшее развитие чешской литературы.

Чешское Возрождение выдвинуло целую плеяду блестящих филологов, историков, писателей: П. Шафарик, Ф. Палацкий, Л. Челаковский, Я. Эрбен, Я. Коллар, К. Гавличек-Боровский, Й. Тыл, К. Г. Маха, Б. Немцова и др. В их произведениях были заложены основы современного чешского языка.

Вторая половина XIX – начало XX в. – время расцвета чешской художественной литературы. Литература этого периода разнообразна в жанровом, тематическом и стилистическом отношении. Творчество А. Ирасека, Я. Неруды, С. Чеха, Я. Гашека, К. Чапека способствовало установлению норм литературного языка. В чешскую литературу все чаще проникают элементы живой разговорной речи.

Распад Австро-Венгрии в 1918 г. привел к образованию ряда государств, одним из которых была Чехословакия. После почти тысячелетней изоляции чехи и словаки, связанные общностью происхождения, родством языков и культуры, объединились в одном государстве.

В 1938 г. в результате Мюнхенского соглашения Судетская область Чехословакии была передана Германии, а в 1939 г. после выхода Словакии из состава Чехословакии Чешское государство было присоединено к гитлеровскому рейху на правах протектората (Протекторат Богемии и Моравии). В мае 1945 г. Чехословакия была освобождена, а в 1948 г. – провозглашена народно-демократическая Чехословацкая Республика (ЧСР). В 1960 г. страна получила

название Чехословацкая Социалистическая Республика (ЧССР). В результате «бархатной революции» 1989 г. был свергнут коммунистический режим и начато проведение реформ в общественной, политической и экономической сферах. Страну возглавил писатель Вацлав Гавел, ставший последним президентом Чехословакии и первым президентом Чехии. Чехословакия мирным путем распалась («бархатный развод») 31 декабря 1992 г. с образованием независимых государств Чехии и Словакии. Чешская Республика стала субъектом международного права с 1 января 1993 г. В 1999 г. Чешская Республика была принята в НАТО, а в 2004 г. вступила в Европейский союз.

Чешская лингвистическая традиция имеет многовековую историю. Первые чешские грамматики появились в XVI в. В 1567 г. была издана грамматика Яна Благослава, одна из глав которой посвящена сравнению славянских языков. Многочисленные грамматики выходят в XVII – XVIII вв. (грамматики Б. Нудожерского, В. Я. Росы и др.).

В 1894–1929 гг. была издана четырехтомная «Историческая грамматика чешского языка» Я. Гебауэра, в которой на материале письменных памятников представлена картина развития чешской языковой системы. Я. Гебауэру принадлежит и двухтомный «Словарь старочешского языка» (1903–1913).

В 30-е годы XX в. чешская лингвистика выступает на мировой арене прежде всего с работами Пражского лингвистического кружка, стремившегося осуществить принципы структурного и функционального методов исследования в языкознании и литературоведении. Пражский лингвистический кружок был основан в 1926 г. по инициативе В. Матезиуса и работавшего в то время в Праге Р. Якобсона и объединил лингвистов разных специальностей. В 1929 г. в Праге состоялся I Международный съезд славистов, к открытию которого вышли программные «Тезисы» Пражского лингвистического кружка.

Ф. Травничек известен как автор фундаментальных работ о чешском языке и его истории первой половины XX в. Одним из крупнейших чешских лингвистов был Б. Гавранек, о широкой лингвистической эрудиции которого свидетельствуют многочисленные работы по грамматике, лексикологии и лексикографии, фонетике и типологии славянских языков. Б. Гавранек и А. Едличка – авторы вузовской и школьной грамматики чешского языка, которая многократно переиздавалась.

Имя В. Махека связывается прежде всего с разысканиями в области этимологии. В. Махек издал оригинальный «Этимологический словарь чешского и словацкого языка» (1957 г., второе издание 1971 г. имело название «Этимологический словарь чешского языка»), в котором большое внимание уделено семантической интерпретации материала и анализу реалий.

Широко известны работы чешских лингвистов, посвященные проблемам словообразования (М. Докулил, В. Шмилауер), истории языка (К. Горалек, Ф. Копечный, М. Комарек), синтаксису (Я. Бауэр, М. Грeпл, П. Карлик), те-

оретической и прикладной лингвистики (В. Скаличка, П. Сгалл), корпусной лингвистики (Ф. Чермак).

В Чешской Республике выходят многочисленные периодические издания по проблемам богемистики, славистики и общего языкознания: «Naše řeč» (с 1917 г.), «Slovo a slovesnost» (с 1935 г.), «Slavia» (с 1922 г.), «Časopis pro moderní filologii» (с 1911 г.), «Acta onomastica» (с 1960 г.), «Český jazyk a literatura» (с 1950 г.), «Nová čeština doma a ve světě» (с 2011 г. в электронной форме, до этого времени «Čeština doma a ve světě», 1993–2009 гг.), «Korpus – gramatika – axiologie» (с 2010 г.).

Диалекты

Территория распространения чешского языка делится на четыре диалектные зоны: 1) собственно чешские говоры; 2) центральноморавские (ганацкие); 3) североморавские (ляшские, силезские); 4) восточноморавские (моравско-словацкие). В основу диалектного членения положены прежде всего особенности системы гласных фонем.

1. Собственно чешские говоры характеризуются переходом $y > ej$, $ú > ou$, $aj > ej$: *mlejn, mouka, dej*.

2. В центральноморавских (ганацких) говорах представлено изменение $y > é$, $ú > ó$, $aj > é$: *mlén, móka, dé*.

3. Североморавские (силезские) говоры не имеют долгих гласных, ударение падает на предпоследний слог – $y > y$, $ú > u$, aj : *mlyn, muka, daj*.

4. В моравско-словацких говорах сохранились старые y , $ú$, aj : *mlyn, múka, daj*.

Своеобразие современной языковой ситуации определяется специфическим соотношением между литературным языком, его разговорной формой (*hovorová čeština*) и чешским интердиалектом (*obecná čeština*). Чешская обиходно-разговорная речь (*obecná čeština*) оформилась на основе собственно чешских говоров. Этот интердиалект распространяется по всей чешской территории и становится устным разговорным языком большей части населения. Диалектные различия постепенно стираются под влиянием литературного и обиходно-разговорного языка. До сегодняшнего дня не прекращается дискуссия о статусе и перспективах развития чешского обиходно-разговорного языка. Ситуацию сосуществования литературного и обиходно-разговорного языка называют диглоссией или даже постдиглоссией, поскольку нелитературные элементы все чаще проникают в самые разные сферы общения, в том числе в средства массовой информации.

Для звуковой системы чешского обиходно-разговорного языка характерны следующие черты: а) переход $y > ej$ в середине и в конце слова: *brejle* ‘очки’, *tejden* ‘неделя’, *hezkej* ‘красивый’; б) переход $é > í$, $y > mlíko$ ‘молоко’, *lip* ‘лучше’,

tuho ‘моего’; в) развитие протетического *v-* перед начальным *o-*: *okno* ‘окно’, *voheň* ‘огонь’, *voko* ‘глаз’; г) изменение *ú > ou* в начале слова: *ouloha* ‘роль’, *oučást* ‘участь’, *oukol* ‘задание’ и др.

Современный чешский литературный язык

Графика. Чешская графика построена на основе латинского алфавита. Для обозначения некоторых чешских звуков, отсутствующих в латинском, используются специальные диакритические (надстрочные) знаки. Знак *ˇ* (*čárka*) служит для обозначения долготы гласных: *á, ó, é, í, ý, ú*. Знак *°* (*kroužek*) обозначает долгое *ů* – графему, которая встречается только в чешском алфавите: *dům* ‘дом’, *stůl* ‘стол’. Знак *ˇ* (*háček*) используется для обозначения шипящих *š, ž, č* и специфически чешского звука *ř*, а также как показатель мягкости прописных *Ň, Ě, Ď* и строчного *ň* перед гласными *a, o, u* и на конце слова: *kůň* ‘конь’, *ňadra* ‘грудь’. Мягкость строчных *t* и *d* в конце слова и перед гласными *a, o, u* в печатных текстах обозначается значком *’*: *zed’* ‘стена’, *tukat’* ‘стучать’, *ted’* ‘сейчас’. Графема *ě* указывает на мягкость предшествующих согласных *n, t, d*: *vidět* [vid’et] ‘видеть’, *něco* [n’eco] ‘что-нибудь’, *těsto* [t’esto] ‘тесто’. После согласных *b, p, v, f* буква *ě* указывает на йотированный характер произношения губных согласных: *oběd* [objet] ‘обед’, *pět* [pjjet] ‘пять’, *věda* [vjeda] ‘наука’. Сочетание *mě* произносится как [mn’e]: *město* [mn’esto] ‘город’, *rozumět* [rozumn’et] ‘понимать’, *umět* [umn’et] ‘уметь’.

В чешском языке фиксированное динамическое ударение, которое всегда падает на первый слог. Между ударными и безударными гласными нет заметных качественных различий; безударные гласные произносятся так же отчетливо, как и гласные под ударением.

Фонетика. Для чешского языка характерны следующие черты: 1) экспираторное ударение, фиксированное на первом слоге; 2) корреляция долгих и кратких гласных играет смысловозначительную роль; 3) наличие нисходящих дифтонгов *ou, au, eu*; 4) сохранение слогообразующих согласных *r* и *l*, которые являются функциональными эквивалентами гласных, но не различаются по долготе/краткости; 5) в результате перегласовок после мягких согласных *a* перешло в *e*, *u* перешло в *i*, ср. *duše* ‘душа’, *ulice* ‘улица’, *neděle* ‘воскресенье’, *jih* ‘юг’, *klíč* ‘ключ’, *břicho* ‘живот’; 6) в результате стяжения гласных возникли новые долгие гласные, которым в восточнославянских языках соответствуют различные группы гласных: *smát se* ‘смеяться’, *stát* ‘стоять’, *nová* ‘новая’; 7) на месте праславян. **dj* представлено *z*, на месте **tj* – *c*: *meze* ‘межа’, *svíce* ‘свеча’; 8) праславян. сочетаниям **tort*, **tolt* соответствуют *trat, tlat*: *vrána* ‘ворона’, *kráva* ‘корова’, *hlava* ‘голова’; 9) редуцированные гласные *ъ, ь* перешли в *e*: *mech* ‘мох’, *den* ‘день’.

В чешском языке десять гласных фонем, пять из которых могут быть краткими и пять долгими (табл. 18). Краткие гласные на письме передаются шестью буквами (*a, o, u, e, i, y*), так как гласный [i] имеет два буквенных соответствия: *i* и *y*. Для обозначения долгих гласных в чешской графике существует семь букв: *á, ó, é, ú, í, ý* (*ú* и *ů, í* и *ý* тождественны). Долгота и краткость чешских гласных не зависят от ударения.

Таблица 18

Система гласных чешского языка

Подъем	Участие губ и ряд			
	неогубленные		огубленные	
	передний	средний	задний	
Верхний	í i			ú u
Средний		é e		ó o
Нижний			á a	

В чешском языке противопоставление по долготе-краткости играет смысловоразличительную роль. Различия в долготе гласного служат для разграничения значений слов и грамматических форм: *pas* ‘паспорт’ – *pás* ‘пояс’, *byt* ‘квартира’ – *být* ‘быть’, *peče* ‘он печет’ – *péče* ‘забота’, *rada* ‘совет’ – *ráda* ‘она рада’, *zdráva* ‘здоровая’ – *zdravá* ‘здоровая’, *pracuji* ‘я работаю’ – *pracují* ‘они работают’.

В звуковой системе чешского языка представлены дифтонги *ou, au, eu*, образованные соединением гласных *o, a, e* с неслоговым [u]. Дифтонг *ou* встречается в словах славянского происхождения, дифтонги *au, eu* в заимствованиях и звукоподражательных словах: *mouka* ‘мука’, *kout* ‘угол’, *louka* ‘луг’, *auto* ‘машина’, *pneumatika* ‘шина’, *eukalypt* ‘эвкалипт’. Оппозиция *ou–u* играет смысловоразличительную роль, ср. *soud* ‘суд’ – *sud* ‘бочка’, *kouř* ‘дым’ – *kuř* ‘кури’, *píšou* ‘они пишут’ – *píšu* ‘я пишу’.

Образовывать слог в чешском языке могут не только гласные и дифтонги, но и сонорные согласные *r* и *l*. Сонорные *r* и *l* являются слогообразующими в двух фонетических позициях: 1) в положении между согласными: *prst* ‘палец’, *krk* ‘горло, шея’, *trh* ‘рынок’, *vlk* ‘волк’, *čtvrtek* ‘четверг’, *Vltava*; 2) на конце слова после согласных: *bratr* ‘брат’, *vítr* ‘ветер’, *hadr* ‘тряпка’, *nesl* ‘нёс’.

В чешском языке 25 согласных фонем, часть которых по своим артикуляционным характеристикам близка соответствующим звукам русского и белорусского языков (*b, p, v, f, m, r, z, s, j*). В скобках (табл. 19) приводятся варианты фонем в определенных фонетических позициях, не совпадающие с основным вариантом фонемы.

Таблица согласных чешского языка

Способ образования		Участие голоса	Место образования							
			губно-губные	губно-зубные	переднеальвеолярные	заднеальвеолярные	передне-небные	средне-небные	задне-небные	гортанные
Шумные	смычные (взрывные)	Гл. Зв.	p b		t d		d' t'		k g	ʔ
	щелевые (фрикативные)	Гл. Зв.		f v	s z	š ž			x (ɣ)	h
	смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл. Зв.			c (ɟ)	č (ǰ)				
Сонорные	носовые		m (m̥)		n		n'		(ŋ)	
	боковые				l					
	дрожящие (вibrанты)				r	ř				
	скользящие							j		

Согласные *n*, *t*, *d* в чешском языке – альвеолярные по пассивному органу, поэтому при их артикуляции кончик языка больше отодвинут назад. Согласные *š*, *ž* в чешском языке произносятся мягче, чем в русском и белорусском. Чешский согласный *č* тверже русского, но значительно мягче соответствующего белорусского звука. Чешское *l* близко средневропейскому [l]. Специфический чешский согласный *ř* представляет собой звук типа [rʒ] или [rš], оба компонента которого произносятся одновременно. Чешскому *ř* в русском языке соответствует мягкое [r']: *řeka* 'река', *řeč* 'речь', *řezat* 'резать', *moře* 'море', *křeslo* 'кресло'. Буква *h* в чешском языке обозначает фрикативный звук, близкий белорусскому [h]: *hrách* 'горох', *hora* 'гора', *nehet* 'ноготь', *hlas* 'голос'. Взрывной согласный [g] встречается только в заимствованных словах: *filolog*, *generál*, *galerie*, *gotika*. В чешском языке при произношении слов с начальным гласным возникает придыхание, представляющее собой глухой гортанный взрыв: ^ʔ*ano* 'да', ^ʔ*ulice* 'улица', ^ʔ*auto* 'машина'. Придыхание (*ráz*) проявляется в паузе перед словом с начальным гласным и в оглушении звонких согласных перед ним: *v Evropě* [f^ʔevropjɛ] 'в Европе'.

В современном чешском языке оппозиция по признаку твердости-мягкости представлена только тремя парами фонем: *n – n'*, *t – t'*, *d – d'* (*ty* 'ты' –

ti ‘тебе’, *dej* ‘дай’ – *děj* ‘действие’, *nemá* ‘не имеет’ – *ně má* ‘немая’). На письме на мягкость *n*, *t*, *d* указывают буквы *ě*, *i*, *í*, на твердость – *e*, *é*, *y*, *ý*. На произношение других согласных буквы *i* и *y* не оказывают никакого влияния. В системе консонантизма преобладают непарные твердые согласные.

Для чешского языка характерны чередования гласных и согласных. Чередования возникли как фонетическое явление, однако с течением времени они приобрели грамматическое значение и используются как средства словообразования или словоизменения, ср. *lipa* ‘липа’ – *lip* ‘лип’; *pletu* ‘вяжу, плету’ – *plést* ‘вязать, плести’; *zub* ‘зуб’ – *zoubek* ‘зубок’; *řeka* ‘река’ – *říčka* ‘речка’; *vlk* ‘волк’ – *vlci* ‘волки’ – *vlčice* ‘волчица’; *kniha* ‘книга’ – *knize* ‘книге’ – *knížní* ‘книжный’; *dobrý* ‘хороший’ – *dobře* ‘хорошо’; *hoch* ‘мальчик’ – *hoši* ‘мальчики’ и др.

Морфология. Как и в других славянских языках, имя в чешском языке обладает категориями рода, числа, падежа и одушевленности/неодушевленности, причем различия между одушевленными и неодушевленными существительными отмечаются только у форм мужского рода. Категория числа реализуется в противопоставлении единственного и множественного числа. Некоторые существительные имеют форму только единственного числа (*lidstvo* ‘человечество’, *mládež* ‘молодежь’, *ovoce* ‘фрукты’, *zelenina* ‘овощи’), у некоторых существительных возможна только форма множественного числа (*noviny* ‘газета’, *brýle* ‘очки’, *narozeniny* ‘день рождения’, *dějiny* ‘история’, *ústa* ‘рот’). У существительных, обозначающих парные части тела (*oči* ‘глаза’, *uši* ‘уши’, *ruce* ‘руки’, *nohy* ‘ноги’, *kolena* ‘колени’, *ramena* ‘плечи’, *prsa* ‘грудь’), сохранились некоторые формы двойственного числа, что нашло отражение в особенностях склонения этих существительных. В чешском языке семь падежей, поскольку существительные мужского и женского рода имеют формы звательного падежа в единственном числе: *Evo! Petře! Tomáši!* Чешская морфология характеризуется большим количеством типов склонения существительных. При этом учитывается не только род существительного, но и характер конечного согласного основы (твердый или мягкий тип склонения), а для мужского рода одушевленность-неодушевленность (типы *pán* ‘господин’, *muž* ‘мужчина’, *předseda* ‘председатель’, *soudce* ‘судья’ у одушевленных и *hrad* ‘замок’, *stroj* ‘машина, станок’ у неодушевленных существительных мужского рода; типы *žena* ‘женщина’, *růže* ‘роза’, *píseň* ‘песня’, *kost* ‘кость’ у существительных женского рода, *město* ‘город’, *moře* ‘море’, *stavení* ‘строение’, *kuře* ‘цыпленок’ у существительных среднего рода). Особые формы склонения имеют заимствованные существительные.

В чешском языке различаются качественные, относительные и притяжательные прилагательные. Притяжательные прилагательные образуются от су-

ществительных мужского и женского рода с помощью суффиксов *-ív (-ova, -ovo)* и *-in (-ina, -ino)*, имеют смешанный тип склонения и употребляются значительно шире, чем в восточнославянских языках, прежде всего в названиях улиц, учреждений и т. п.: *Karlův most – Карлов мост, Karlova univerzita – Карлов университет* и др.

От качественных прилагательных образуется сравнительная степень с помощью суффиксов *-ejší (-ější), -ší, -í (nový – novější ‘новый – новее’, blízký – bližší ‘близкий – ближе’, tenký – tenčí ‘тонкий – тоньше’)*. Форма превосходной степени образуется от сравнительной присоединением префикса *nej-* (*nejnovější, nejblížší, nejtenčí* ‘самый новый, самый близкий, самый тонкий’).

В чешском языке выделяются личные, возвратные, притяжательные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные и отрицательные местоимения. Личные местоимения наряду с полными имеют краткие формы в родительном, дательном и винительном падежах единственного числа, ср.: *Viděl jsem ho – Jeho jsem viděl* (‘Я его видел’). Указательное местоимение *ten* часто используется вместо личного местоимения *on*: *Poprosil jsem spolužáka, ale ten mi nepomohl* (‘Я попросил одноклассника, но он мне не помог’).

В чешском языке представлены количественные, порядковые, видовые и кратные числительные. Видовые числительные обозначают количество видов или сортов исчисляемого предмета, например, *dvojí víno* ‘вино двух сортов’. Кратные числительные обозначают кратность или повторяемость предметов, например, *trojnásobný* ‘трехкратный’, *tříkrát* ‘трижды’.

Как и во всех славянских языках, чешские глаголы обладают грамматическими категориями вида, лица, числа, времени, залога и наклонения. Возвратные глаголы с возвратными компонентами *se* или *si* всегда пишутся раздельно: *bát se* ‘бояться’, *ptát se* ‘спрашивать’, *sednout si* ‘сесть’.

При спряжении глаголов настоящего времени различается пять основных типов спряжения. Для чешского языка характерны многократные глаголы, которые образуются от глаголов несовершенного вида при помощи суффикса *-va-*: *chodit* ‘ходить’ – *chodívat* ‘хаживать’, *říkat* ‘говорить’ – *říkávat* ‘говаривать’. В чешском языке сохранилось одно прошедшее время, которое образуется по модели старославянского перфекта с помощью личных форм глагола *být* и причастия на *-l* смыслового глагола. В 3-м лице единственного и множественного числа глагол *být* опускается: *čekal jsem* ‘я ждал’, *čekal jsi* ‘ты ждал’, *čekal* ‘он ждал’, *čekali jsme* ‘мы ждали’, *čekali jste* ‘вы ждали’, *čekali* ‘они ждали’.

В повелительном наклонении образуются формы 2-го лица единственного и множественного числа, а также 1-го лица множественного числа: *dělej, dělejte, dělejme*. В 3-м лице единственного и множественного числа повелительное наклонение выражается описательно с помощью глагола настоящего времени в соединении с частицами *ať, necht’*: *Ať přijde*. (‘Пусть придет’).

Сослагательное наклонение в чешском языке в отличие от восточнославянских языков может быть в настоящем и в прошедшем времени. В настоящем времени оно образуется с помощью причастия на *-l* и форм глагола *být*: *čekal bych, čekal bys, čekal by, čekali bychom, čekali byste, čekali by* ‘я бы ждал, ты бы ждал, он бы ждал, мы бы ждали, вы бы ждали, они бы ждали’. В сослагательном наклонении прошедшего времени (не употребляется в разговорном языке) к форме настоящего времени прибавляется вспомогательный глагол *být* в прошедшем времени: *byl bych čekal, byl bys čekal, byl by čekal, byli bychom čekali, byli byste čekali, byli by čekali*.

Синтаксис. В чешском предложении личные местоимения в именительном падеже, как правило, опускаются, поскольку глагол указывает на лицо, например: *Jsi student* ‘Ты студент’; *Jme hudebníci* ‘Мы музыканты’. Отрицательное предложение образуется присоединением к глаголу частицы *ne-*, которая всегда пишется слитно, а неопределенные местоимения и наречия заменяются на соответствующие отрицательные, ср.: *Kdosi přišel* ‘Кто-то пришел’; *Nikdo nepřišel* ‘Никто не пришел’.

Порядок слов в чешском предложении свободный, но не произвольный. Особый статус имеют энклитики, т. е. безударные слова (формы глагола *být*, возвратные местоимения *se* и *si*, краткие формы личных местоимений, некоторые частицы). Энклитики обычно располагаются в определенной последовательности после первого в предложении ударного слова или словосочетания, ср.: *Viděl jsem ho poprvé* ‘Я видел его впервые’; *Chtěl bych se ho na to zeptat* ‘Я хотел бы его об этом спросить’.

Лексика. На формирование лексики чешского языка большое влияние оказали латинский и немецкий языки. Латинского происхождения, например, слова *košile* ‘рубашка’, *kostel* ‘костел’, *klášter* ‘монастырь’, *ocet* ‘уксус’, *olej* ‘масло’, *termín* ‘срок’, *mistr* ‘мастер’ и др. Из немецкого языка заимствованы лексемы *půst* ‘пост’, *hřbitov* ‘кладбище’, *rytíř* ‘рыцарь’, *kašna* ‘фонтан’, *palačinka* ‘блинчик’, *pytel* ‘мешок’, *brýle* ‘очки’, *taška* ‘сумка’ и др. Для чешского языка периода национального возрождения характерен языковой пуризм, когда многие заимствования заменялись кальками, т. е. дословными переводами, ср. *zeměpis* ‘география’, *veselohra* ‘комедия’, *časopis* ‘журнал’, *zvěrolékař* ‘ветеринар’ и т. д. Пуризм оставил заметный след в словарном составе чешского литературного языка. Именно тогда появилось много новых слов на основе славянских основ и аффиксов: *kyslík* ‘кислород’, *divadlo* ‘театр’, *hudba* ‘музыка’, *obecenstvo* ‘публика’, *lidstvo* ‘человечество’ и др. В результате деятельности пуристов многие германизмы были вытеснены из литературного языка, но сохранились в обиходно-разговорном языке: *špacírovat* ‘гулять’ (лит. *procházet se*), *fotr* ‘папаша’ (лит. *tatínek*), *futrál* ‘корпус’ (лит. *pouzdro*), *kasa* ‘касса’ (лит. *pokladna*), *štempl* ‘печать’ (лит. *razičko*) и др. В период национального возрождения словарный состав

чешского языка пополнился заимствованиями из славянских языков: русского (*vkus* ‘вкус’, *vduch* ‘воздух’, *příroda* ‘природа’, *chrabry* ‘храбрый’), польского (*věda* ‘наука’, *svěží* ‘свежий’, *otvor* ‘отверстие’, *půvab* ‘очарование’) и др. С конца XIX в. появляются заимствования из английского языка, количество которых в последующее столетие значительно увеличилось, ср. *fotbal*, *hokej*, *server*, *biftek*, *džiny*, *farma*, *svetr*, *vikend*, *internet*, *billboard*, *on-line*, *leasing* и др.

Сопоставляя лексику близкородственных языков, можно обнаружить пары слов, близкие или тождественные со стороны формальной, но различные с точки зрения семантической. Это межъязыковые омонимы, которые часто называют ложными друзьями переводчика. Можно привести некоторые примеры чешско-русских и чешско-белорусских омонимов: *život* (жизнь) – *живот* (*břicho*), *tech* (мох) – *мех* (*kožšina*), *úkol* (задание) – *укол* (*píchnutí*), *krásný* (красивый) – *красный* (*červený*), *čerstvý* (свежий) – *черствый* (*tvrdý*, *suchý*), *ovoce* (фрукты) – *овоци* (*zelenina*), *pozor* (внимание) – *позор* (*hanba*); *ličit* (аписваць, маляваць) – *лічыць* (*počítat*), *horký* (гарачы) – *горки* (*hořký*), *kárávú* (дакорлівы) – *каравы* (*křivý*, *pokroucený*), *tvor* (стварэнне, істота) – *твор* (*dílo*), *dík* (падзяка) – *дзік* (*divoký vepř*).

Список литературы

Ивашина, Н. В. Чешский язык : учеб. пособие / Н. В. Ивашина, Б. А. Плотников ; под ред. А. Е. Супруна. – Минск : Университетское, 1985. – 108 с.

Скорвид, С. С. Чешский язык / С. С. Скорвид // Языки мира: Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.] – М. : Академия, 2005. – С. 234–274.

Чешско-русский словарь : в 2 т. / Чехословац. акад. наук, Ин-т иностр. яз. ; ред. Л. В. Копецкий, Й. Филипец, О. Лешка. – М. : Совет. Энцикл. ; Прага : Гос. пед. изд-во, 1973. – 2 т.

Широкова, А. Г. Чешский язык : учебник / А. Г. Широкова, В. Ф. Васильева, А. Едличка. – М.: МГУ, 1990. – 342 с.

Cvrček, V. Mluvnice spisovné češtiny: Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček [a kol.] ; Un-ta Karlova v Praze. – Praha : Karolinum, 2010. – 354 s.

Čechová, M. Čeština – řeč a jazyk / M. Čechová [a kol.]. – 2-e přeprac. vyd. – Praha : ISV, 2000. – 407 s.

Daneš, Fr. Český jazyk na přelomu tisíciletí / Fr. Daneš [a kol.]. – Praha : Academia, 1997. – 292 s.

Dokulil, M. Tvoření slov v češtině : ve 2 sv. / M. Dokulil [a kol.]. – Praha : Českoslovens. akad. věd, 1962, 1967. – 2 sv.

Grepl, M. Skladba češtiny / M. Grepl, P. Karlík. – Olomouc : Votobia, 1998. – 503 s.

Havránek, B. Česká mluvnice / B. Havránek, A. Jedlička. – 6. vyd. – Praha : SPN, 1988. – 568 s.

Mluvnice češtiny : vysokošk. učebnice pro stud. filozof. a pedagog. fakult : 3 díl / M. Komárek [a kol.] ; Českosloven. akad. věd. – Praha : Academia, 1986–1987. – 3 d.

Nekula, M. Encyklopedický slovník češtiny / M. Nekula [a kol.]. – Praha : Lidové noviny, 2002. – 605 s.

Příruční mluvnice češtiny / M. Grepl [a kol.] ; Masarykova univerzita, Ústav českého jazyka. – 2. vyd., oprav. – Praha : NLN, 1997. – 800 s.

Šaur, V. Pravidla českého pravopisu s výkladem mluvnice / V. Šaur. – Praha : Ottovo, 2005. – 456 s.

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost / red. J. Filipec [a kol.]. – 4 vyd. – Praha : Academia, 2005. – 647 s.

3.3.3.2. Словацкий язык

Н. Б. Корина

Статус языка в современном мире

Словацкий язык – западнославянский язык, на котором по данным переписи населения 2011 г. говорит около 4,24 млн жителей Словацкой Республики¹ (что составляет около 78,5 % при численности населения Словакии около 5,4 млн чел. по состоянию на апрель 2018 г.) и примерно 2,2 млн словаков за рубежом. Словацкий язык также является официальным языком Воеводины (Северная Сербия) – крупнейшего в Европе словацкого анклава вне территории Словакии. С 1 мая 2004 г. словацкий язык является одним из официальных языков Европейского союза. В Чехии, которая долгое время находилась в одном федеративном государстве со Словакией – Чехословакии, разрешено пользоваться словацким языком в официальной коммуникации без необходимости прибегать к услугам переводчика (в частности, документы на словацком языке принимаются без перевода, а словацкие студенты, обучающиеся в чешских вузах, беспрепятственно выполняют все работы на словацком языке). Тот же принцип действует относительно чешского языка на территории Словакии.

За рубежом словацкое население сосредоточено прежде всего в зонах традиционных миграций: в Европе это в основном бывшие территории Венгерского королевства и Австро-Венгерской империи, в состав которых входила современная территория Словакии – Северная Сербия (Воеводина), Западная Румыния (Надяк) и Северная Венгрия², а также Юго-Восточная Чехия и Закарпатье

¹ Точнее, считает родным; активно пользуется словацким языком в общественной коммуникации на 2,3 % населения больше, а дома, наоборот, на словацком языке говорит на 6,8 % населения меньше (см. официальный сайт Госстата Словакии: <http://census2011.statistics.sk>).

² Эти области у словаков называются Нижняя Земля (*Dolná zem*), а их жители – нижнеземские словаки (*dolnozemskí Slováci*).

(территория Украины); крупнейшие заокеанские словацкие диаспоры сосредоточены в США, Канаде и Великобритании, куда была направлена массовая трудовая миграция в XIX и первой половине XX в., а также в Аргентине.

Лингвоним и этноним

По-словацки соответствующий лингвоним звучит как *slovenský jazyk*, или *slovenčina*. Следует отметить, что словенский язык, который имеет самоназвание *slovenski jezik*, почти идентичное со словацким (см. подразд. 3.4.2.5), носит в словацком языке наименование *slovinský jazyk*, или *slovinčina*, поэтому у носителей словацкого языка путаницы не возникает. Однако иностранцам это подобие создает определенные трудности. При этом самоназвание словаков – *Slovák* и *Slovenka* соответственно, множественное число – *Slováci*.

История языка и формирование современного словацкого литературного языка

Первым государственным образованием на территории Словакии было княжество Само (*Samova ríša*, 623–658 гг.), позже образовались Нитрянское и Моравское княжества. В 833 г. моравский князь Моймир захватил Нитрянское княжество и соединил оба государства. Так образовалось Великоморавское княжество (*Veľkomoravská ríša*, позднее также *Svätoplukova ríša*), которое, как считают историки, сохраняло два административных центра: в Нитре (современная Словакия) и Велеграде (современная Чехия). Однако уже в XI в. территория Словакии оказалась в составе Венгерского королевства, которое позже вошло в габсбургскую Австро-Венгерскую империю, поэтому с XI до XX в. словаки не имели своей государственности. Кроме того, в XVI–XVII вв. Южная Словакия в результате турецких набегов оказалась в составе Османской империи. Все это сдерживало консолидацию словаков в народность.

Становление, развитие и функционирование словацкого литературного языка неразрывно связано с формированием словацкой нации. Поскольку у словаков не было своей государственности, становление литературного языка являлось главным показателем формирования самостоятельной словацкой нации, и языковой вопрос приобрел особо важное значение, особенно в XIX в. – в эпоху национально-освободительных движений.

После распада Великоморавского княжества в начале X в. часть территории Карпатской дуги и жившее на ней славянское население вошли в состав Венгерского королевства. В этом государстве, позднее – части Австро-Венгрии, словаки находились до 1918 г.

Начиная с XV в., наряду с универсальной культурной латынью, в некоторых сферах жизни общества (городская администрация, право и т. д.) стал исполь-

зоваться чешский язык. Первое письменное упоминание об этом (1422) связано со словацким городом Скалица. В чешский язык этого периода проникают словацкие элементы; древнейшим памятником словацкой письменности считается Жилинская городская книга (*Žilinská mestská kniha*) второй половины XV в.

Некоторое время чешский язык использовался словаками в качестве литературного языка, что связано с лютеранской Реформацией на территории Словакии сто лет спустя, когда чешский стал языком богослужений.

Благодаря использованию чешского языка со словацкими элементами в городской администрации западнословацких городов (Братислава, Трнава, Тренчин, Жилина и др.) в XVI–XVII вв. сформировалось своего рода региональное административное койне (терминология Л. Дюровича), которое принято называть «культурным западнословацким» (*kultúrna západoslovenčina*).

В XVII в. областью языковой интеграции стала Средняя Словакия: средне-словацкие диалекты послужили базой для формирования нового регионального койне, которое использовалось в городской администрации, частной корреспонденции, местной поэзии и в некоторых религиозных сферах нелитургического характера. Именно оно легло в основу современного словацкого литературного языка.

Во второй половине XVI в. отношение словаков к чешскому языку начало меняться. Когда иезуиты развернули на территории Словакии контрреформационное движение, они использовали в своей пропагандистской деятельности не чистый чешский язык, а его словакизированный вариант, близкий к «культурному западнословацкому», получивший название «иезуитский словацкий» (*jezuitská slovenčina*). Это было сигналом того, что словаки перестали считать чешский своим языком. Однако в данном вопросе существовали значительные расхождения между словацкими католиками и словацкими протестантами.

После разгрома чешского антиабсбургского национально-религиозного восстания на Белой Горе (1620) многие протестанты бежали из Чехии и осели на словацких территориях Венгерского королевства. Они способствовали укреплению позиций чешского языка в среде словацких протестантов.

Контрреформация в Венгрии достигла пика позже, в 1674 г., и ее итоги были не столь плачевными, как в Чехии. Постепенно почти седьмая часть словацкого населения (а также чехи-эмигранты) укрепились в протестантской вере и из преследуемого меньшинства превратилась в культурную элиту, которая играла значительную роль в развитии словацкой нации на протяжении XVIII–XIX в. Именно словацкие протестанты считали чешский язык своим литературным языком, общим для чешского и словацкого народов. Одни из них пытались исключить из литературного чешского языка все словакизмы (Б. Таблиц), другие – кодифицировать в качестве литературного языка словаков вариант чешского языка, получивший название *Slavi Pannonii* или просто *Slavi*

в отличие от *Bohemi*, кодифицированного Павлом Долежалом в его грамматике (*Grammatica Slavico-Bohemica*, 1746 г.), а некоторые пытались создать новый литературный язык на базе старочешского без фонетической перегласовки типа *juh, muž* вместо *jih, muž* (Ян Коллар в XIX в.).

Во второй половине XIX в. национально-освободительная волна достигла Австро-Венгрии, включавшей в то время словацкие территории. Одним из ее главных достижений было развитие национального самосознания у всех национальностей этого мультиэтнического государства. Серьезным фактором поддержки национального движения стал момент, когда император Иосиф II заменил «чужую» латынь в качестве официального языка на «свой», т. е. немецкий язык.

На протяжении всего XIX в. венгры боролись против Габсбургов, добиваясь политического суверенитета Венгрии. Одной из составных частей этого противостояния была борьба с «невенгерскими» языками на исторической территории Венгрии как символ формирования нации и укрепления языковой однородности венгерского государства.

Таким образом, словацкое национально-освободительное движение оказалось вовлеченным в конфликт на двух фронтах: с одной стороны, венграми и их стремлением к гегемонии, а с другой, чехами и их национально-освободительным движением, считавшим словаков частью чешской нации (во многом благодаря использованию чешского языка как литературного, а также общим культурным традициям).

Во второй половине XVIII в. в Западной Словакии с ее традицией культурного западнословацкого койне стала особенно острой потребность в создании национального литературного языка. На западнословацкой основе создавались литературные произведения (Гавлович, Байза), переводы Библии и даже латинско-словацкий словарь (Hadvabný. *Syllabus dictionarii latino-slavonicus...*, 1763 г.).

Вершиной этой деятельности стали труды молодого католического священника Антона Бернолака (*Anton Bernolák*), сделавшего первую попытку кодификации словацкого литературного языка, который принято называть по его имени *bernáláčtina* («бернолаковщина»). Бернолак издал первую словацкую грамматику (*Grammatica Slavica*, 1790 г.), а после его смерти вышел фундаментальный труд – пятитомный «Словацко-чешско-латинско-немецко-венгерский словарь» (*Slowár Slowenski, Česko-Lat'insko-Ňemecko-Uherski*, 1825–1827 гг.).

А. Бернолак был родом из Средней Словакии, он приблизил западнословацкую культурно-языковую традицию к среднесловацким диалектам и стремился вывести ее из-под чешского влияния. Его кодификация – своего рода компромисс между его родным среднесловацким диалектом и существовавшей в то время культурной западнословацкой традицией: нет типичных для Средней Словакии дифтонгов, однако присутствует корреляция по твердости-мягкости

в парах $d - d'$, $t - t'$, $n - \tilde{n}$ и $l - l'$ (см. **Фонетика и графика**), в глагольных формах 1-го лица единственного числа настоящего времени регулярно выступает окончание *-m* (*píšem* ‘пишу’, *ñesem* ‘несу’), а также окончание *-om* в творительном падеже множественного числа всех существительных мужского рода (*sluhom* ‘слугой’ по аналогии с *mužom* ‘человеком’).

В орфографии Бернолак отказался от чешского этимологического принципа и ввел фонетическое написание с диакритическими знаками для обозначения мягкости согласных и шипящих.

Бернолаковская кодификация были принята в основном католическим духовенством и стала официальным языком национально-просветительской организации – Словацкого ученого товарищества (*Slovenské učené tovarišstvo*). На этом языке было издано несколько книг и написаны лучшие произведения классика словацкой литературы, поэта Яна Голлы (*Ján Holly*). Однако всеобщего распространения он не получил, и в 1850-е гг. сторонники Бернолака приняли новую кодификацию, предложенную Людовитом Штуром и его соратниками.

То, что бернолаковская кодификация не возымела успеха, обусловлено многими факторами, однако главными были конфессиональный и языковой. «Бернолаковщиной» пользовались только католики, в основном просвещенное духовенство, и она не имела связи с социально-политическими процессами в обществе. Ее не приняли протестанты, составлявшие на тот момент интеллектуальную элиту словацкого общества и игравшие решающую роль в культурных процессах. С языковой точки зрения помешала ориентация на западнословацкое культурное койне, которое не смогло стать объединяющей базой для носителей всех словацких диалектов. Кроме того, словацкие протестанты долго сохраняли культурную общность с чехами и чешским литературным языком, хотя и не отождествляли себя с ними с национальной точки зрения.

Огромную роль в развитии словацкого литературного языка сыграли эпоха Романтизма, пробудившая живой интерес к национальной истории и традициям. Волна национально-освободительных движений по всей Европе и общая демократизация общественной жизни стали основой для возникновения идеи славянской языковой и культурной взаимности, во многом связанной с русофильством и достигшей расцвета среди «малых» славянских народов, включая словацкий. Главным идеологом славянской взаимности стал крупнейший словацкий поэт Ян Коллар (*Ján Kollár*). В 1834–1835 гг. он издал первый сборник словацких народных песен с оригинальными диалектными текстами, который имел большое значение в словацком национально-патриотическом движении.

В начале 1840-х гг. словацкая интеллектуальная элита нового поколения, сосредоточенная вокруг Института чешско-словацкого языка и литературы при протестантском лицее в Братиславе (*Ústav řeči a literatury československé*), решила добиться признания словацкого литературного языка и окончательно

отделить его от чешского. Это решение было принято в 1843 г. на заседании национального культурно-просветительского объединения «Татрин» (*Tatrin*), главными деятелями которого были его председатель, преподаватель лицея Людовит Штур (*Ludovít Štúr*), и министры-протестанты Йозеф Милослав Гурбан (*Jozef Miloslav Hurban*) и Михал Милослав Годжа (*Michal Miloslav Hodža*). К ведущим деятелям штуровской когорты принадлежал также Милан Гаттала (*Milan Hattala*).

Делегация от «Татрина» нанесла визит крупнейшему бернолаковцу – поэту Яну Голлы, чтобы соединить усилия интеллигенции и достичь кодификации словацкого литературного языка.

Новый литературный словацкий язык был описан и кодифицирован в трудах Л. Штура «Словацкое наречие и необходимость письма на этом наречии» (*Nárečja slovenskuo alebo potreba písania v tomto nárečí*, 1846 г.) и «Наука словацкого языка» (*Nauka reči slovenskej*, 1846 г.) и неофициально стал называться «штуровским словацким», или «штуровщиной» (*štúrovská slovenčina, štúrovčina*). Штур, получивший филологическое образование в Йенском университете Германии, положил в основу новой кодификации среднесловацкие диалекты и речь городской интеллигенции. Этот язык можно считать продолжением традиции «культурного среднесловацкого». Первой книгой, изданной на новом языке, стал альманах «Нитра» (*Ňitra*).

Штуровская реформа внесла значительные изменения в фонологию и морфологию, однако лексикон сохранил чешскую традицию – здесь Штур не стремился заменить богемизмы словацкими неологизмами, например, богемизмы *umenie* ‘искусство’ и *otázka* ‘вопрос’ до сих пор не имеют в словацком языке однокоренных глаголов (нет слов **umiet*’ и **otázat’ sa*), хотя фонетически они оформлены по правилам словацкого языка (ср. чеш. *umění* и соответствующий глагол *umít*). Штур считал, что не стоит рвать связи с чешским языком, поэтому в словацкий вошла значительная часть новой чешской терминологии, формировавшейся в XIX в. в связи с техническим прогрессом.

Однако в орфографии Штур полностью отошел от чешского этимологического принципа и продолжил традицию Бернолака, предложив преимущественно фонетическое правописание. Он сохранил чешские диакритические знаки (*š, ž, č, ě, d’, ň* и знак долготы гласных, включая *í* и *í*), а для специфически словацких фонем (дифтонгов и проточных согласных) ввел диграфы *ja, je, uo, dz, dž* (*vjazat’, spjevam, muoj, hádzat’* и т. д.).

Кодификация литературного языка была частью нового мощного словацкого политического движения, начатого штуровским поколением в 1840-е гг. Л. Штур учредил первый словацкий политический печатный орган – радикальную «Словацкую национальную газету» (*Slovenskje Národnje Novini*, 1845 г.), а Й. М. Гурбан стал редактором научно-литературного журнала «Словацкие

взгляды» (*Slovenskje Pohľadi*, 1846 г.), превратившегося в словацкий культурно-политический форум. В 1847 г. Штур стал депутатом венгерского парламента, что позволило ему активнее бороться за права словаков на государственном уровне.

Новый литературный язык стимулировал развитие национальной литературы. На нем писали ведущие словацкие поэты-романтики Андрей Сладкович (*Andrej Sládkovič*), Янко Краль (*Janko Kráľ*), Ян Ботто (*Ján Botto*) и др.

Однако у нового литературного языка нашлись активные противники в среде чешских и словацких культурно-политических деятелей, прежде всего представителей старшего поколения словацких протестантов – идеологов славянской взаимности П. Й. Шафарика и Я. Коллара, Ю. Палковича и др. Чешская культурно-политическая элита (Й. Юнгманн, Ф. Палацкий, А. В. Шембера и др.) обвиняла словаков в сепаратизме и доказывала необходимость единого литературного языка для Чехии, Моравии и Словакии. Кроме того, самими словаками критиковались отдельные параметры штуровской кодификации, прежде всего орфография.

В итоге католики и протестанты достигли компромисса, и в октябре 1851 г. была проведена так называемая гатталовская кодификация (названия: *Hodžovsko-hattalovská (jazyková) reforma*, *Hattalova kodifikácia*, *hattalovská kodifikácia*) – компромиссное соглашение между штуровцами и бернолаковцами о единой форме литературного словацкого языка. Реформа заменила «бернолаковщину» и «штуровщину» и придала словацкому литературному языку практически ту форму, которая используется по сей день. Стимулом к реформе послужила критика М. М. Годжей «штуровского» фонетико-этимологического правописания. Вскоре М. Гаттала предложил новый, преимущественно этимологический вариант орфографии, с которым согласились сторонники как Штура, так и Бернолака, и приняли его за основу. Новая нормативная грамматика вышла в 1852 г. и называлась «Краткая словацкая грамматика» (*Krátka mluvnica slovenská*). Под предисловием к ней стояли подписи ведущих словацких культурных деятелей из обоих лагерей: троих штуровцев и троих бернолаковцев. Так закрепился новый литературный язык, ставший символом словацкого национально-освободительного движения. Однако его развитию препятствовали отсутствие государственности и венгерская экспансия. Неоднозначной была и ситуация после вхождения Словакии в состав (Первой) Чехословацкой Республики (1918–1938), поскольку официально декларировались «единый чехословацкий язык» и «единый чехословацкий народ», а чешские государственные деятели призывали словаков вернуться в «общее историческое лоно».

В 1939 г. в результате интервенции фашистской Германии Чехословацкая Республика прекратила свое существование. Было образовано марионеточное профашистское государство Словацкая Республика. Однако если отойти от политики, сам факт формальной самостоятельности государства был важен,

это имело огромное значение для развития литературного языка, впервые получившего относительную свободу.

После победы над фашизмом в 1945 г. Чехословацкая Республика была восстановлена, однако статус словацкой нации и словацкого языка уже не оспаривался и был официально закреплен в Кошицкой правительственной программе (1945), декларировавшей симметричную политическую структуру Чехословакии с чешскими и словацкими законодательными и правительственными органами. Тем не менее соблюдение этого принципа на практике началось только после федерализации Чехословакии, которая произошла после подавления Пражской весны в 1968 г.

Единственным государственным языком суверенного государства и языком титульной нации словацкий стал с образованием Словацкой Республики в 1993 г. после разделения Чехословакии в результате «бархатной революции» – редкого случая мирного, цивилизованного и совершенно бескровного разделения государства.

Диалекты

В современном словацком языке существует оппозиция «литературный язык – диалект», поскольку диалекты живы и очень разнообразны, но нет региональных вариантов литературного языка. Специфической особенностью словацкого языка является практическое отсутствие в нем общенационального субстандарта. Существует городское просторечие, прежде всего в двух крупнейших городах – Братислава и Кошице, – однако оно несовместимо со словацким литературным языком, прежде всего из-за отличной от литературного языка фонетики.

Словацкий язык значительно диалектно дифференцирован. Принято выделять три основные диалектные зоны, или три макроареала: западнословацкий, среднесловацкий и восточнословацкий. Среднесловацкий является наиболее поздним по происхождению, а западно- и восточнословацкий макроареалы носят более архаичный характер. В восточнословацких диалектах утрачены долгие гласные (и, соответственно, дифтонги), а фиксированное ударение приходится на предпоследний слог, как в соседнем польском; мягкие *d', t'* перешли в твердые спиранты *dz, c: dzeci* ‘дети’, *idzece* ‘идете’, *budzece* ‘будете’ (литературное *deti, idete, budete*); сохранился звательный падеж (вокатив): *babo, fejku, Lenko*. В западнословацких диалектах практически отсутствуют дифтонги (*porádek, né* при литературном *poriadok* ‘порядок’, *nie* ‘нет’ и т. п.), нивелизировано противопоставление (корреляция) согласных по твердости-мягкости, на месте *ъ* выступает *e: mech* ‘мох’. Для среднесловацких говоров характерны полный набор дифтонгов (*ia, ie, iu, ô*), последовательная корреляция согласных *d, t, n, l* по твердости-мягкости и неслоговое *ɥ* как позиционный вариант *v*. Разнообразны

также лексические отличия диалектов, в частности, восточнословацкое *šumný* – литературное *pekny* ‘красивый’, среднесловацкое *krepy* – литературное *hlúpy* ‘глупый’, западнословацкое и восточнословацкое *sosna* – литературное *borovica* ‘сосна’ и т. д. Этот перечень, конечно, далеко не полон.

Центральное положение среднесловацкого диалектного макроареала сделало его связующим звеном между западным и восточным макроареалами, что способствовало повышению степени консолидации диалектных зон и обеспечило успешность кодификации литературного словацкого языка на базе среднесловацких диалектов (см. выше). Кроме того, именно на территории Средней Словакии в XIX в. развернулась наиболее активная национально-просветительская деятельность, и в 1863 г. здесь было основано центральное словацкое культурно-просветительское учреждение – «Матица словацкая» (*Matica slovenská*) в г. Мартин, которая и сегодня является культурным центром всего словацкого мира, включая многочисленные словацкие диаспоры за рубежом. В Мартине также располагается Словацкая национальная библиотека (*Slovenská národná knižnica*) – крупнейшее библиотечное учреждение страны.

Современный словацкий литературный язык

Графика. Словацкий язык пользуется латинской графикой с добавлением надстрочных (диакритических) знаков, частично совпадающих с чешскими. Практически не используются буквы *q, x, w* – их можно встретить лишь в иностранных словах, не полностью освоенных словацким языком. В освоенных иностранных словах происходит замена *q* на *kv*, *w* на *v*: *kvázi* (quasi), *kvóta* (quota), *softvér* (software). Регулярно сохраняется в заимствованиях только *x*: *text, fixovať, box, mixér*.

Фонетика. Гласные в словацком языке различаются по долготе: короткие обозначены буквами *a, ä, e, i, o, u, y*, долгие – буквами *á, é, í, ó, ú, ý*. Существуют также дифтонги *ia, ie, iu, ô*, приравненные к долгим гласным по времени звучания (табл. 20).

Таблица 20

Система гласных словацкого языка

Подъем	Ряд и долгота			
	краткие гласные		долгие гласные и дифтонги	
	передний	непередний	передний	непередний
Верхний	i	u	ī ĭu	ū
Средний	e	o	ē ěe	ō ťo
Нижний	ä	a	īa	ā

Для обозначения гласных, кроме базовых графем латинского алфавита, используется *ä* – так называемое широкое [e] (изначально данной графемой обозначалось очень открытое э (*spät', pamät'*), однако постепенно разница в произношении стиралась, и в настоящее время фонетического отличия от [e], обозначаемого в русском языке буквой э, практически нет, хотя традиционная орфография сохраняется), а также графема *ô* для обозначения дифтонга [uo]. В словацком языке четыре дифтонга, но отдельная буква есть только для *ô*, а остальные обозначаются сочетанием соответствующих графем (диграфами): *ia, ie, iu*: *vziat'* ‘взять’, *chlieb* ‘хлеб’. Слогообразующим является второй элемент дифтонга. В словацком языке, как и в чешском, долгие гласные обозначаются надстрочным знаком ', который русскоязычные студенты часто путают с ударением: *obálka* ‘конверт’, *fórum* ‘форум’, *vyšoký* ‘высокий’, *dobré* ‘хорошее’. Однако ударение в словацком языке фиксированное и всегда находится на первом слоге, независимо от наличия в слове долгих гласных. Редукции в словацком языке нет, все гласные полного образования. Долгие гласные и дифтонг *ô* входят в словацкий алфавит как самостоятельные графемы, остальные дифтонги в алфавите не представлены.

В словацком вокализме действует так называемый ритмический закон, согласно которому два долгих слога не могут находиться рядом. Если рядом с долгим слогом корня оказывается долгий гласный суффикса или окончания (например, суффиксы *-ár, -áreň*, адъективные окончания, глагольные окончания 3-го лица множественного числа), гласный суффикса или окончания сокращается (приоритет оставаться долгим имеет гласный в корневой морфеме): *cukráreň* ‘кондитерская’, но *mliekareň* ‘молочный завод’; *dobrý* ‘хороший’, *vhodný* ‘подходящий, удобный’, но *módny* ‘модный’. Исключения есть, однако очень немногочисленные, например, *pávi* ‘павлиний’.

Определенную специфику представляют гласные, выраженные графемами *i* и *u*. Данные графемы отражают на письме этимологическое противопоставление [i] и [y], но фонетически обозначаемые ими гласные звуки почти перестали различаться. Все учебники словацкого языка для иностранцев указывают, что между данными гласными различия в произношении нет, однако это не совсем так: различия наблюдаются после четырех согласных, образующих пары по твердости-мягкости (см. описание системы согласных): *radý – radi, svety – sviety, oný – oni*.

Консонантизм словацкого языка представлен в табл. 21.

Система согласных словацкого языка

Способ образования		Участие голоса	Место образования			
			лабиальные	дентально-альвеолярные	палатальные	велярные и ларингальные
Шумные	смычные (взрывные)	Гл. Зв.	p b	t d	t' d'	k g
	смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл. Зв.		c ě ž ž		
	щелевые (фрикативные)	Гл. Зв.	f v	s š z ž		x h
Сонорные	носовые		m	n	n'	
	боковые			l	l'	
	дрожащий (вибрант)			r		
	скользящие				j	

Особенностью словацкой фонетики является наличие слогообразующих сонорных *r* и *l* (*smrt* ‘смерть’, *krk* ‘шея’, *vlk* ‘волк’, *prst* ‘палец’), которые к тому же могут быть долгими, как и словацкие гласные, и их долгота обозначается тем же надстрочным знаком: *vřba* ‘верба’, *mřkvy* ‘молчаливый’. Долгие сонорные *ř* и *ř* занимают отдельное место в алфавите.

Шипящие согласные обозначаются надстрочным знаком \checkmark (*mřkřeň*, т. е. знак смягчения), аналогичным чешскому языку: *ř, ř, ř* (*řařa* ‘чаша’, *řivot* ‘жизнь’). Диграфами (комбинацией двух графем) являются согласные *dz, dř* и *ch*. Диграф *ch* обозначает согласный [x], образующий фонетическую оппозицию по глухости к проточному заднеязычному, обозначенному буквой *h*, который выступает, прежде всего, в исконно славянских словах: *hrom* ‘гром’, *oheň* ‘огонь’. Однако довольно широко представлен и взрывной [g], обозначенный соответствующей графемой, который встречается в многочисленных заимствованиях, в основном из венгерского языка (*gadža* ‘хозяин’, *golier* ‘воротник’), а также в звукоподражательных словах (*gadžat*).

Парность согласных по твердости-мягкости сохранилась только в пределах четырех пар, в которых мягкий согласный графически обозначается знаком смягчения (у букв, выступающих над строкой, он имеет вид апострофа): *d – d'*, *t – t'*, *n – n'*, *l – l'* (*d'obat'*, *t'ukať*, *kňaz*, *okľuka*). Мягкие согласные отдельно представлены в алфавите: *Dd'*, *Nň*, *Ll'*, *Tt'*. Все остальные согласные являются «обо-

юдными» (*obojaké*), т. е. ни твердыми, ни мягкими. При смягчении согласных *d*, *t*, *n*, *l* в сочетании с передними гласными *e* и *i*, а также дифтонгом *ie* их мягкость на письме не обозначается, в отличие от сочетаний с остальными гласными: *deti* ‘дети’, *teta* ‘тетя’, *nežnosť* ‘нежность’, *sneh* ‘снег’ (ср. *d’atel* ‘дятел’, *l’úbit’* ‘любить’). Однако в словах иностранного происхождения смягчения не происходит: *televízor*, *diéta*, *digitálny*. Из исконно словацких слов смягчение перед передними гласными не происходит только в указательных местоимениях *ten* ‘этот’, *tento* ‘это’, *tamten* ‘тот’ и словах *teda* ‘поэтому’, *vtedy* ‘тогда’, а также перед гласным *é* (как правило, долгим), выступающим в адъективных окончаниях: *pekne* ‘красивое’, *plodné* ‘плодотворное’, *družné* ‘дружное’, *módne* ‘модное’.

Противопоставление по твердости-мягкости, как и в восточнославянских языках, имеет в словацком смыслоразличительную, а также морфологическую функцию. Морфологически могут проявляться следующие отличия:

1) различие частей речи; в частности, в качественных прилагательных (даже перед передними гласными) выступает твердый согласный, а в аналогичных им наречиях – парный ему мягкий: *pekne* ‘красивое’ – *pekne* ‘красиво’, *svorné* ‘дружное’ – *svorne* ‘дружно’;

2) различие этимологического причастия и глагола: *padlý* ‘павший’ – *padli* ‘упали’;

3) различие падежных форм местоимений: *ty* ‘ты’ – *ti* ‘тебе’ (краткая форма);

4) различие рода во множественном числе: *oni* м. р. – *ony* ж. р. и ср. р. ‘они’, *jedni* м. р. – *jedny* ж. р. и ср. р. ‘одни’;

5) различие числа адъективных форм (прилагательных и причастий): *mladý* – *mladí* ‘молодой – молодые’, *drobný* – *drobní* ‘мелкий – мелкие’, *malý* – *mali* ‘маленький – маленькие’, *zduť* – *zduť* ‘обиженный – обиженные’, *zabudnutý* – *zabudnutí* ‘забытый – забытые’.

Единственная пара, в которой противопоставление по твердости-мягкости практически стерлось в живой речи, несмотря на его зафиксированность во всех академических грамматиках, это *l* – *l’*, поскольку (в отличие от восточнославянских языков) фонетически эти согласные различаются не только наличием или отсутствием палатализации, но и местом артикуляции: твердое *l* является средним (среднеевропейское *l*), в то время как мягкое *l’* – боковым (латеральным). В результате мягкое *l’* начинает утрачивать смыслоразличительную функцию: в частности, слова *lavica* ‘лавка’ и *l’avica* ‘левая партия, а также левая рука’, *polka* ‘половинка’ и *Polka* ‘полька’ произносятся практически одинаково твердо.

Особенностью словацкой фонетики является звук [ɟ], аналогичный белорусскому, обозначенному буквой *ў* (неслоговое *у*), который выступает как позиционный вариант согласного [v] после гласных и слоговых сонорных на конце слова или перед взрывным согласным: *pravda* ‘правда’, *krv* ‘кровь’, *chliev* ‘хлев’,

а также потенциально перед сонорными, кроме [r]: *stavme sa* [staʋme sa] ‘давайте поспорим’, *hlavny’* ‘главный’ [hlaʋni:] и [hlaʋni:], но *havran* [havran] ‘ворон’.

Сочетания **fort*, **tolt*, как и в чешском языке, в словацком дали *trat*, *ilat*, что характерно для южной подгруппы западнославянских языков, к которой они оба принадлежат: *hrad* ‘город’, *mlátit’* ‘молотить’, *brada* ‘борода’. Еще одним типичным отличием является *ä/ia* на месте носового *ę*: *mäso* ‘мясо’, *pät’* ‘пять’. Носовое *ę* дало *u*: *dub* ‘дуб’, *súd* ‘суд’.

При склонении отсутствуют чередования *k – c*, *h – z*, *ch – s*: *ruka – ruke* ‘рука – руке’, *noha – nohe* ‘нога – ноге’, *mucha – muche* ‘муха – мухе’ (ср. чеш. *ruka – ruce*, *noha – noze*).

Морфология. Словацкая система склонений различает твердые и мягкие образцы склонений во всех трех родах, причем в связи с утратой корреляции по твердости-мягкости (кроме четырех пар согласных – см. **Фонетика**) это различие носит исторический характер: мужской род – типы склонения *chlap* ‘парень’ (одуш.) и *stroj* ‘машина’ (неодуш.), женский род – типы *žena* ‘женщина’ и *ulica* ‘улица’, средний род – типы *mesto* ‘место’ и *vyšvedčenie* ‘сертификат’. Кроме того, в мужском роде различается категория одушевленности, в рамках которой присутствует еще один тип склонения – одушевленные существительные мужского рода с окончанием *-a* (тип *hrdina* ‘герой’).

Одушевленность в словацком языке не распространяется на существительные женского рода во множественном числе: ед. ч. *vidím tú ženu* ‘вижу эту женщину’ – мн. ч. *vidím tie ženy* ‘вижу этих женщин’, нельзя сказать **vidím tých žien*; ср. мужской род: ед. ч. *vidím toho chlapca* ‘вижу этого парня’ (одуш.), но *vidím ten stól* ‘вижу этот стол’ (неодуш.) – мн. ч. *vidím tých chlapcov* ‘вижу этих парней’ (одуш.), но *vidím tie stoly* ‘вижу эти столы’ (неодуш.).

В группе существительных среднего рода на *-мя* (исторически с носовым гласным *ę*) окончание сначала имело вид *-(m)ä*, поскольку носовое *ę* перешло в словацком в *ä* (см. **Фонетика**): *vemä* ‘вымя’, *bremä* ‘бремя’, *semä* ‘семя’. Однако по аналогии с приращением основы *-en-* у этих существительных во множественном числе тот же вид приобрели и формы единственного числа: *meno* ‘имена’, *bremeno* ‘бремена’, *semeno* ‘семена’, *vemeno* ‘вымена’. Формы типа *bremä*, *semä* могут употребляться и сейчас, но как архаичные и в основном в поэтической речи.

Характерной особенностью склонения личных имен является обязательное женское окончание *-ová*, добавляемое к основе фамилии, которую носит женщина, независимо от ее происхождения (*prechyl’ovanie*): если фамилия мужчины *Novák*, то его жена или дочь будет *Nováková*; соответственно *Štúr* – *Štúrová*, *Kačala* – *Kačalová*, *Botto* – *Bottová*, *Nagy* – *Nagyová*, *Trump* – *Trumpová*, *Medvedev* – *Medvedevová* и т. п.

Род заимствованных существительных, как правило, связан с родом в языке-источнике: заимствованные из латыни существительные на *-um* среднего рода (*nové múzeum, lýceum, fórum* ‘новый музей, лицей, форум’), а французские заимствования с суффиксом *-áž* – женского: *nová vizáž* ‘новый визаж’, *drenáž* ‘дренаж’, *garáž* ‘гараж’, *pláž* ‘пляж’.

Словацкие прилагательные, как и в большинстве славянских языков, делятся на качественные, относительные и притяжательные; качественные прилагательные имеют степени сравнения: *sladký – sladší – najsladší* ‘сладкий – слаще – сладчайший’. Отличие состоит в том, что составные (аналитические) формы степеней сравнения практически не используются, хотя модель существует (например, *viac/menej (najviac/najmenej) známy* ‘более/менее (наиболее/наименее) известный’). Составные формы используются в основном в случае, когда требуется выразить наименьшую степень присутствия признака, поскольку простые (синтетические) формы обозначают градацию только по восходящей линии (вариант *najmenej známy* ‘наименее известный’ не имеет грамматических аналогов). Кроме того, в словацком языке притяжательные прилагательные значительно более употребительны, чем в восточнославянских языках, в силу преобладания в словацком синтаксисе полного грамматического согласования (см. **Синтаксис**). Кратких форм прилагательные не имеют.

Характерно наличие кратких форм у личных и возвратных местоимений: *mňa – ma, teba – ťa, seba – sa, jeho – ho, mne – mi, tebe – ti, sebe – si, jemu – mu*. Краткая форма возвратного местоимения *sa* используется при образовании возвратных форм глаголов, однако не присоединяется к глаголу в качестве морфемы и не имеет строго зафиксированного места в предложении (*umývať sa* ‘умываться’, но *Ráno sa umývam studenou vodou* ‘Утром я умываюсь холодной водой’). Типичной особенностью словацкой грамматики является употребление краткой формы дательного падежа возвратного местоимения *si* для выражения действия, целенаправленно обращенного на себя, производимого в свою пользу (в отличие от общего значения возвратности). Например, человек, выражающий намерение выпить кофе (и как реакция на предложение чего-нибудь выпить, и как намерение приготовить себе кофе самостоятельно), скажет: *dám si kávu* – букв. ‘дам себе кофе’ (в русском узусе это могло бы выглядеть в зависимости от того, кто будет готовить кофе, либо как «выпью-ка я кофе», либо «я буду кофе»).

Видо-временная система словацкого глагола аналогична восточнославянским языкам с небольшим отличием: среди форм времени сохранился плюсквамперфект (давнопрошедшее время), хотя его употребление крайне ограничено (*bol som robil*), а также архаичные формы кондиционала: *V tej doline nebolo miesta, ktoré by nám bolo bývalo prívysoké* (В этой долине не было места, которое было бы слишком высоким для нас).

В словацком языке существуют только две формы причастия: действительное настоящего времени (*žijúci, riadiaci* ‘живущий, управляющий’) и страдательное прошедшего времени (*nahnevaný, zabudnutý* ‘разгневанный, забытый’), – причем первое из них употребляется редко и в основном в книжных стилях. Кратких форм причастия не имеют. Деепричастие существует только одно – несовершенного вида (*vidiac, režúc* ‘видя, режа’), но употребляется еще реже, чем причастие, и имеет ярко выраженную книжную окраску. В случаях, где в восточнославянских языках выступают причастные и деепричастные обороты, в словацком используются преимущественно придаточные предложения: *Vtedy prvýkrát rozprával so starším pánom, ktorý žil oproti* ‘Тогда он впервые говорил со стариком, **жившим** напротив’.

Синтаксис. Для словацкого синтаксиса характерны достаточно короткие, по сравнению с русским, предложения, сложные синтаксические комплексы практически не встречаются.

Несогласованные определения употребляются редко, преобладает тенденция к грамматическому согласованию: *hlasovacie právo* ‘право голоса’, *rodinné záujmy* ‘интересы семьи’, *energetický zdroj* ‘источник энергии’, *bratov úspech* ‘успех брата’.

Четкое различие лица и числа глагольных форм во всех временах, выраженное в личных окончаниях смыслового глагола или вспомогательного глагола *byť* (в составных формах), делает избыточным употребление личного местоимения в функции подлежащего: *Zajtra ideme na koncert* ‘Завтра **мы** идем на концерт’. *Povedal som, že všetko urobím* ‘**Я** сказал, что все сделаю’.

Наличие значительного количества энклитических (не имеющих самостоятельного ударения) грамматических форм (формы вспомогательного глагола *byť*, частица условного наклонения *by*, краткие формы возвратных и личных местоимений) обусловило их строгое ранжирование в порядке слов: все энклитики выстраиваются за первым членом предложения – в случае сложно-подчиненного предложения это касается и главного, и придаточного (*Bola by som ti veľmi vďačná, keby si mi to vysvetlil* ‘Я была бы тебе очень признательна, если бы ты мне это объяснил’).

Лексика. Основу лексического фонда словацкого языка составляет общеславянская лексика традиционных тематических групп: родственные отношения (*otec* ‘отец’, *brat* ‘брат’, *sestra* ‘сестра’, *teta* ‘тетя’), природные явления (*dážď* ‘дождь’, *sneh* ‘снег’, *hrom* ‘гром’), названия растений и животных – домашних и диких (*raž* ‘рожь’, *ovos* ‘овес’, *breza* ‘береза’, *topol* ‘тополь’, *liška* ‘лиса’, *vlk* ‘волк’, *medved* ‘медведь’, *krava* ‘корова’, *ovca* ‘овца’, *sviňa* ‘свинья’), хозяйственные реалии (*koryto* ‘корыто’, *pec* ‘печь’, *dvor* ‘двор’, *vidly* ‘вилы’), эмоции (*šťastie* ‘счастье’, *radosť* ‘радость’, *smútok* ‘печаль’), жизненно важные процессы

(*jest* ‘есть’, *pit* ‘пить’, *chodit* ‘ходить’, *hovorit* ‘говорить’) и т. п. Значительный пласт традиционной лексики связан с так называемой валашской (румынской) колонизацией XII–XVII вв., распространившей на Балканы и Карпатскую дугу, включая Словакию, терминологию пастушества, овцеводства и названия многих бытовых реалий: *koliba* ‘деревянное строение, в котором временно жили пастухи при перегоне стад’, *salaš* ‘место, где пастухи жили во время выпаса овец и готовили молочные продукты’, *bača* ‘старший пастух’, *korbáč* ‘плетеный бич’, *košiar* ‘загон для овец’, *bryndza* ‘брынза’.

Среди заимствований в разные исторические периоды преобладали: латинские и греческие – средневековая культурная традиция (*advokát* ‘адвокат’, *cirkev* ‘церковь’, *biskup* ‘епископ’, *palác* ‘дворец’); немецкие – в XIII – XVII вв. в связи с распространением ремесел и торговли, а также в период нахождения в составе Австро-Венгрии вплоть до 1918 г. (*cech* ‘цех’, *jarmok* ‘ярморка’, *šachta* ‘шахта’, *šľachta* ‘дворянство’, *farba* ‘краска’, *bavlna* ‘хлопок’, *štrúdľa* ‘штрудель’, *ribezľa* ‘смородина’); венгерские – на протяжении многовекового нахождения в одном государстве (*pagáč* ‘вид несладкой выпечки’, *čizma* ‘сапог’, *koč* ‘карета’, *palacinky* ‘блины’, *vankúš* ‘подушка’, *egreš* ‘крыжовник’); русские – в период славянофильства XIX в. и в советское время (*čaj* ‘чай’, *paluba* ‘палуба’, *sloh* ‘слог, стиль’, *vzduch* ‘воздух’); чешские – на протяжении совместной истории (*nástupište* ‘платформа’, *umenie* ‘искусство’, *skvelý* ‘замечательный’, *otázka* ‘вопрос’, *dopis* ‘письмо’).

Своеобразная ситуация сложилась с англицизмами. В 1960–70-е гг. в Чехословакии был силен языковой пуризм, и формирующаяся новая терминология, прежде всего компьютерная и финансовая, полностью отказалась от англицизмов: *počítač* ‘компьютер’, *súbor* ‘файл’, *tlačiareň* ‘принтер’, *rozhranie* ‘интерфейс’, *úver* ‘кредит’, *prikaz* ‘ордер’. Однако демократизация общества после распада социалистического блока и стремительное развитие информационных технологий привели к прямому заимствованию английских наименований, которые постепенно приспосабливались к словацкой фонетике и орфографии или превращались в полукальки: *softvér* ‘софтвер’, *hardvér* ‘хардвер’, *skener* ‘сканер’, *webová stránka* ‘веб-сайт’, *internetové fórum* ‘интернет-форум’, *chat* ‘чат’. Широко представлены англицизмы в области экономики, политики, финансов и массовой культуры: *lízing*, *díler*, *startup*, *primárky* ‘праймериз’, *single* и т. д.

Список литературы

- Dolník, J.* Lexikológia / J. Dolník. – Bratislava : Un-ta Komenského, 2003. – 236 s.
Dolník, J. Morfológické aspekty súčasnej slovenčiny / J. Dolník (ed.) [a kol.]. – Bratislava : Veda, 2010. – 466 s.
Ďurovič, E. O slovenčine a Slovensku / E. Ďurovič // Vybrané štúdie I. / E. Ďurovič ; ed. J. Bosák. – Bratislava : Veda, 2004. – S. 243–250.

- Kralčák, L.* Bernolákovská spisovná slovenčina / L. Kralčák. – Nitra : Publica, 2009. – 106 s.
- Kráľ A.* Fonetika a fonológia / A. Kráľ, J. Sabol. – Bratislava : SPN, 1989. – 388 s.
- Marvan, J.* Na prahu slovenčiny. K miléniu vzniku slovenského jazyka / J. Marvan. – Bratislava : Veda, 1999. – 85 s.
- Mistrík, J.* Gramatika slovenčiny / J. Mistrík. – Bratislava : SPN, 1994. – 168 s.

3.3.4. СЕРБОЛУЖИЦКИЕ ЯЗЫКИ

А. А. Кожина

Статус языков в современном мире

Серболужицкие языки (по-серболужицки *serbšćina*) – это языки лужицких сербов, самого маленького славянского народа, проживающего на территории современной Федеративной Республики Германия. Население, говорящее на верхнелужицком языке, представлено на территории Верхней Лужицы с центром в г. Будишин (Бауцен), которая входит в состав Свободного государства Саксония (федеральная земля в составе ФРГ), носители же нижнелужицкого языка живут в окрестностях г. Хошебуз (Котбус) в Нижней Лужице, принадлежащей к земле Бранденбург также в составе ФРГ.

Количество носителей серболужицких языков определить достаточно трудно. Последнее комплексное социологическое исследование, проводившееся в 1987 г., указывает цифру 67 тыс. человек, однако подсчеты начала XXI в. приводят другие данные – около 20 тыс. лиц, которые без затруднений могут пользоваться одним из двух языков: 12–15 тыс. верхнелужицким и 5–6 тыс. нижнелужицким. Не существует также говорящих монолингвов: для всех носителей серболужицких языков вторым родным языком является немецкий. Стабильное двуязычие в настоящее время существует в основном в католических районах Верхней Лужицы. При этом даже лица, хорошо знающие язык, не используют его во всех коммуникативных ситуациях, поэтому оба лужицких языка относятся к группе языков, которым угрожает исчезновение.

Лингвоним и этноним

Термин *serbšćina*, впервые зафиксированный в 1861 г., охватывает два отдельных, как полагает большинство исследователей, языки: верхнелужицкий язык (*hornjoserbšćina, hornjoserbska rěč*) и нижнелужицкий язык (*dolnoserbšćina, dolnoserbska rěč*)¹. В немецком языке для наименования серболужицких язы-

¹ Некоторые исследователи, например Х. Фаска, говорят о существовании серболужицкого языка в форме диалектного континуума.

ков существовало обозначение *wendisch*, а после 1945 г. был принят термин *sorbisch*, восходящий к старинному самоназванию *Sorbi* или *Surbi*, впервые встречающемуся в Хронике Фредегара в 631 г.

История языков и формирование современных серболужицких литературных языков

Каждый из серболужицких языков имеет литературную форму, которая ведет свое начало со времен Реформации (XVI в.). Первым текстом считается рукописная Будишинская присяга, написанная между 1500 и 1532 г., а в 1548 г. появляется первый протестантский перевод Нового Завета, выполненный священником Миклашом Якубицей на верхнелужицком диалекте его паствы. Приблизительно в это же время в Нижней Лужице был создан анонимный перевод, известный как Вольфенбюттельская псалтирь¹. Следует сказать, что сам Мартин Лютер, провозгласивший необходимость богослужения на языке паствы, был против использования серболужицкого языка в церкви. Однако крестьянское население Лужиц в большинстве своем не понимало немецкого языка, поэтому в 1550 г. было разрешено использовать серболужицкий язык во время богослужений. В 1574 г. лютеранский священник Альбин Моллер перевел на один из нижнелужицких диалектов и издал на собственные средства «Малый катехизис», «Вечный церковный календарь» и «Собрание церковных песен». В 1595 г. появилось верхнелужицкое издание – протестантский «Малый катехизис» Венцеслава Варихия. Начавшийся культурный процесс в 1618 г. прервала Тридцатилетняя война. Если до войны развитие переводческой и книгопечатной деятельности было связано с моноконфессиональной протестантской Нижней Лужицей, то после нее – в основном с Верхней Лужицей, где движущей силой была конкуренция между протестантами и католиками. Именно здесь было дано начало католической письменной традиции, когда священник Юрий Хавштын Светлик в период между 1688–1707 гг. перевел с латинского языка на верхнелужицкий всю Библию².

Старейшая рукописная грамматика нижнелужицкого (и вообще серболужицкого) языка была написана Яном Хойнаном в 1650 г. Система верхнелужицкого языка была описана на латыни в книге Якуба Ксавера Тицина «Principia Linguae Wendicae» («Основания вендского языка»). Среди верхнелужицких словарей выделяется латинский «Vocabularium Latino-Serbicum» («Латинско-серболужицкий словарь»), составленный Юрием Хавштыном Светликом и изданный в 1721 г. В XVIII в. появляется первая печатная нижнелужицкая грамматика Я. Б. Гауптмана (1761), была также подготовлена оставшаяся в рукописи нижнелужицкая грамматика и словарь Я. Б. Фрицо. Однако до се-

¹ По названию библиотеки в г. Вольфенбюттель, где хранится рукопись.

² К сожалению, этот перевод до сих пор не издан.

редины XVIII в. культурное развитие серболужицан практически полностью ограничивалось церковной литературой, которая создавалась на трех вариантах книжного языка: верхнелужицком протестантском, католическом, нижнелужицком протестантском. Положение изменилось в XIX в. с возникновением в 1847 г. в Верхней Лужице организации «Матица Серболужицкая», которая издавала народную литературу, причем самыми читаемыми изданиями были календари.

Германизаторская политика немецких властей по отношению к серболужицкому населению осуществлялась по-разному. Наиболее последовательной она была в Нижней Лужице, где государственные и церковные власти Пруссии неизменно проводили курс на ликвидацию серболужицкого языка. В Верхней Лужице в условиях конфессионального раскола серболужицкого населения правительство Саксонии было вынуждено пойти по пути либерализации языковой политики. Для противодействия этой политике в 1912 г. возникает «Домовина» – головная организация всех серболужицких обществ и объединений, проводившая до начала 1930-х гг. широкую культурную и образовательную работу среди населения.

Ситуация кардинально изменилась в 1937 г., когда фашисты развернули открытый террор против серболужицкого национального меньшинства. Были уничтожены «Домовина», «Матица Серболужицкая», ликвидированы все союзы и общества. Употребление серболужицких языков в школе, церкви и общественной жизни не допускалось.

После Второй мировой войны положение лужицан улучшилось, хотя им не удалось добиться автономии. Была возрождена «Домовина». Серболужицкий язык начал применяться в преподавании – области, где до этого не использовался; он стал рабочим языком в государственных, культурных, научных учреждениях и общественных организациях. Немецко-серболужицкое двуязычие в Лужице возвели в ранг государственного принципа, была проведена реформа языка и правописания с явной ориентацией на верхнелужицкий язык. К сожалению, недостаточно гибкая языковая политика привела к массовому отказу нижнелужицан от своего языка, так что к концу XX в. практически не осталось молодых людей, для которых нижнелужицкий язык был бы родным. Серболужицкие литературные языки с течением времени приобрели консервативный характер, что привело к значительному структурному разрыву с устными формами серболужицкого языка.

В объединенной Германии вопросами серболужицких языков и культуры занимаются обновленные в 1991 г. «Домовина» и «Матица Серболужицкая», а также «Фонд сербского народа», который получает финансирование культурных и языковых проектов из бюджетов Федерального правительства, а также земель Саксония и Бранденбург. В настоящее время в Верхних и Нижних Лужицах существуют детские сады, где воспитание ведется исключительно на серболужицком; в нескольких школах, расположенных на территории проживания

серболужичан в Верхних Лужицах, обучение проводится по схеме «родной язык + два иностранных языка», кроме того, существуют школы, где серболужицкие языки изучаются как иностранные. Получить высшее педагогическое или филологическое образование по специальности «сорабистика» можно в Институте сорабистики Лейпцигского университета.

Существует достаточно большое количество СМИ, выходящих на серболужицких языках («Serbske Nowiny», «Nowy Casnik», «Rozhlad. Serbski kulturny časopis» и др.), а также серболужицкие программы на теле- и радиоканалах (*MDR 1 Radio Sachsen*), однако их распространение ограничено территорией Верхних и Нижних Лужиц.

Исследования в области серболужицких языков, истории и культуры ведет Серболужицкий институт в Будишине с филиалом в Хошебузе, который в 1991 г. пришел на смену основанному в 1952 г. в рамках Немецкой академии наук Институту исследований серболужицкого народа. Раз в два года он проводит Международную летнюю школу серболужицкого языка и культуры.

В серболужицкой литературе наиболее распространены были стихотворные жанры и рассказы; драматургия появилась позже, роман – только после Второй мировой войны. основоположником лужицкой национальной литературы считается поэт и прозаик А. Зейлер (1804–1872). Литературу современных серболужичан представляют прозаики Ю. Брезан (1916–2006), Ю. Кох (родился в 1936 г.), поэт К. Лоренц (родился в 1938 г.) и др.

Наиболее значительные серболужицкие языковеды – Ф. Михалк, Г. Шустер-Шевц, Х. Фаска. В 1978–1989 гг. был опубликован 24-томный словарь Г. Шустера-Шевца «Историко-этимологический словарь верхне- и нижнелужицкого языка» («Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache»).

Диалекты

Большинство носителей лужицких языков, проживающих в основном в сельской местности, которые активно используют этот язык для повседневного общения, говорят не на литературном языке, а на диалектах. Литературный язык используют преимущественно представители интеллигенции. Для верхнелужицкого языка характерна сильная диалектная раздробленность, выделяются следующие диалекты: куловский, католический, будишинский, голанский, восточноголанский, любийский. К нижнелужицким диалектам относятся: восточнокотбусский, восточнопайцкий, западнокотбусский, западнопайцкий, западношпремберский, губинский, жаровский, бесков-шторковский, шпреевальдский.

Безусловно, такая классификация характеризует скорее историю серболужицких диалектов. На периферии ареала распространения серболужицкого языка диалекты исчезают быстрее, чем в центральной части.

Современные верхне- и нижнелужицкий литературные языки

Графика. В серболужицкой письменности изначально использовался готический немецкий алфавит, затем оба языка выработали собственную систему правописания на основе латинского алфавита с использованием опыта других славянских языков, прежде всего польского и чешского. Буквы *Qq, Vv, Xx* используются только при написании иноязычных слов.

Фонетика. Серболужицкие языки принадлежат к западнославянской подгруппе славянских языков, что проявляется, в частности, в таких рефлексах праславянской фонетики: 1) неполногласные сочетания на месте **tort-, *tolt-, *tert-, *telt* (в.-л. и н.-л. *mloko* ‘молоко’); 2) **tj, *dj > c, z* (в.-л. и н.-л. *swěca* ‘свеча’, *cuzy* ‘чужой’); 3) **kv’-, gv’- > kw’-, hw’-/gw’-* (в.-л. *kwětka*, н.-л. *kwět* ‘цветок’); 4) **tl, *dl > *tl, *dl* (в. и н.-л. *widly*); 5) спонантизация **r’* после *k, p, t* (в.-л. *křiž* ‘крест’, н.-л. *pśijaśel* ‘друг’).

Вокализм представлен в табл. 22. Буквы *a, o, u* по звуковому содержанию соответствуют русским *a, o, u* в ударном положении. Звук, средний между [o] и [u], в верхнелужицком языке обозначается буквой *ó* (в.-л. *nós* [nu^os]); в нижнелужицком же этот знак был введен решением языковой комиссии в 2006 г., и в различных диалектных регионах он может обозначать звуки [ε] (чаще всего), [o] или [y] (н.-л. *góra* [gεra/gora/gyra] ‘гора’). Буква *i* обозначает звук [i] и мягкость согласных (в.-л. и н.-л. *piwo* [p’iɔ] ‘пиво’), после твердых согласных встречается буква *y* для обозначения звука [y] (*ryba* [ryba] ‘рыба’).

Буква *e* обозначает как широкий звук, соответствующий русскому ударному гласному в слове *это* (в.-л. *deska* [dɛska] ‘доска’), так и суженный в соседстве с мягкими согласными (в.-л. *mječ* [m’ɛč] ‘меч’, н.-л. *jelen* [jelen] ‘олень’). Звук, обозначенный буквой *ě* – средний между [e] и [i] (в.-л. *wěk* [ɥ’ěk] ‘век’, н.-л. *žěłaś* [ž’ěɔaś] ‘работать’), в некоторых случаях эта буква соответствует звуку [y] (*rěč* [ryč] ‘язык’).

Таблица 22

Система гласных лужицких языков

Подъем	Участие губ и ряд		
	нелабиализованные		лабиализованные
	передний	средний	непередний
Верхний	i	u	ū
Верхне-средний	ě		ó
Средний	e		o
Нижний		a	

В обоих серболужицких языках фиксированное динамическое ударение приходится на первый слог фонетического слова (в.-л. *'město* ‘город’, *'do města* ‘в город’), за исключением некоторых заимствованных слов, а также превосходной степени прилагательных и наречий. При этом безударные гласные не подвергаются качественной редукции: они произносятся практически также, как и ударные.

Консонантизм серболужицких языков представлен в табл. 23. В обоих языках буквы *p, b, m, f, n, r* обозначают как твердые, так и мягкие звуки ([p]/[p'], [b]/[b'], [m]/[m'], [f]/[f'], [n]/[n'], [r]¹/[r']). На письме мягкость обозначается написанием последующего *ě, i* или *j* (в.-л. *měś* [m'ěš] / н.-л. *měć* [m'ěč] ‘иметь’, в. и н.-л. *minuta* [m'inuta] ‘минута’, в.-л. *mjez* [m'ez] / н.-л. *mjazy* [m'azy] ‘между’). В конце слова или перед согласными используется знак *ń* (в.-л. *woheń* / н.-л. *wogėń* ‘огонь’). В нижнелужицком также существует буква *ř* для обозначения мягкого вибранта, поскольку здесь таковой встречается также на конце слов (н.-л. *murjar'á* [mur'ar'] ‘каменщик’). В верхнелужицком языке присутствует буква *ř*, которая встречается только в сочетаниях *př* [př'], *kř* [kř'], *tř* [č'] (*přez* [přɛs] ‘через’, *třěći* [č'ěč'i] ‘третий’). В нижнелужицком этим буквосочетаниям соответствуют *ps, ks, ts* (*pszez* ‘через’).

Буквы *l* и *w* читаются одинаково: как неслоговой губно-губной звук, который может быть как только твердым (в обозначении *l* – в.-л. и н.-л. *mlody* [młody] ‘молодой’), так и твердым или мягким (в обозначении *w* – в.-л. и н.-л. *nowy* [nowy] ‘новый’, в.-л. *wjes* [w'es] / н.-л. *wjas* [w'as] ‘деревня’). В верхнелужицком языке в начале слова *w* не произносится (в.-л. *wrota* [rota] ‘ворота’), в конце слова в заимствованиях может оглушаться (*kolektif* [kolektif] ‘коллектив’). В нижнелужицком языке звук [w] всегда твердый.

Буква *l* в обоих языках обозначает альвеолярное (так называемое средне-европейское) [l] (в.-л. и н.-л. *wjelk* [w'elk] ‘волк’), смягчающееся перед *i, ě* (в. и н.-л. *lipa* [l'ipa] ‘липа’).

Звуки, представляемые буквами *t, d, c, z, s*, в обоих языках только твердые (в.-л. и н.-л. *zuma* [zuma] ‘зима’). В верхнелужицком языке только мягкие шипящие согласные представлены буквами *dź, ć, š, ź, č*, при этом буквы *č* и *ć* читаются одинаково как мягкий [č']² (в.-л. *dźěco* [dž'ěč'o] ‘ребенок’). В нижнелужицком *š, ź, č* обозначают твердые шипящие согласные (н.-л. *žaba* [žaba] ‘лягушка’), *dź* встречается только в сочетаниях *zdź / źdź*, в других случаях оно заменено мягким *ź* (н.-л. *žen* [žen'] ‘день’, ср. в.-л. *džen*). В обоих языках также всегда мягким является звук, обозначенный как *j*.

¹ Под влиянием немецкого языка может быть как переднеязычным, так и увулярным вибрантом.

² Этимологически [č], обозначаемый *ć*, восходит к славянскому [t'].

Знак *ch* в верхне- и нижнелужицком реализуется как глухой твердый спирант [x] внутри и в конце слова после гласных непереднего ряда (в.-л. и н.-л. *brjuch* [br'ux] 'живот'), а в нижнелужицком также в начале слова и после *ě* (н.-л. *chto* [xto] 'кто'). В верхнелужицком *ch* в начале слова произносится как [kh] (*chlěb* [khf'ěp] 'хлеб'), также может опускаться (*chcyć* [суć] 'хотеть'), а в позиции после *i* и частично *e*, *ě* (в нижнелужицком только после *i*, *e*) – как мягкий [x'] (в.-л. и н.-л. *mnich* [mnix'] 'монах', н.-л. *mech* [mex'] 'мешок'). Буква *h* в верхнелужицком обозначает гортанный щелевой звук, который четко произносится только перед гласными в начале слова (в.-л. *hora* [hora] 'гора') и исчезает перед согласными и в конце слова после них (в.-л. *hněw* [něc] 'гнев', *sněh* [sně] 'снег'). В нижнелужицком подобный звук изредка встречается в заимствованных словах (н.-л. *alkohol* 'алкоголь') и в виде непронизносимой при быстром темпе речи протезы (н.-л. *hynacej* 'иначе').

В нижнелужицком языке присутствует звонкий взрывной заднеязычный [g], обозначаемый соответствующей буквой (*noga* [noga] 'нога'); в обоих языках имеется его глухое соответствие [k] (в. и н.-л. *mak* [mak] 'мак').

Звонкие шумные согласные оглушаются в конце и в середине слова перед глухими согласными (в.-л. и н.-л. *dub* [dup] 'дуб'). Перед звонкими шумными согласными внутри слова глухие шумные озвончаются (в.-л. *licba* [f'idzba] 'число', н.-л. *licba* [f'idzba]).

Таблица 23

Система согласных лужицких языков

Способ образования		Участие голоса	Место образования						
			лабиальные		дентально-альвеолярные		палагальные	велярные и ларингальные	увулярные, ларингальные
			Тв.	Мяг.	Тв.	Мяг.			
Шумные	смычные (взрывные)	Гл.	p	p'	t			k	
		Зв.	b	b'	d			g	
	смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл.			c		č'		
		Зв.					ž'		
	щелевые (фрикативные)	Гл.	f		s		š'	x	
		Зв.	v		z		ž'		h
Сонорные	носовые		m	m'	n	n'			
	боковые				l				
	дрожящие (вибранты)				r	r'		R	R'
	скользящие		ɟ	ɟ'			j		

Морфология. В серболужицкой грамматике следующие знаменательные части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, глагол.

В обоих серболужицких языках именам и местоимениям присущи категории рода, числа, падежа и одушевленности/неодушевленности.

В границах категории рода выделяются мужской, женский и средний род (в.-л. и н.-л. мужской род *stary dub* ‘старый дуб’ – женский род *stara lipa* ‘старая липа’ – средний род *stare wokno* ‘старое окно’).

Одушевленность выражается у существительных мужского рода, причем в верхнелужицком языке только в единственном числе, ее морфологическим показателем служит совпадение формы винительного падежа с формой родительного (в.-л. *Widžu stareho wučerja* ‘Вижу старого учителя’, *Widžu wysoki dub* ‘Вижу высокий дуб’), а в нижнелужицком также в двойственном и во множественном, если существительное связано с числительным или личным местоимением (н.-л. *Wižim malego golca* ‘Вижу маленького мальчика’, *Znajom dobreju wuknikowu* ‘Знаю двух хороших учеников’, *Znajom šesćoch dobrych pjakarjow* ‘Знаю шестерых хороших пекарей’).

В верхнелужицком языке присутствует категория персональности, которая реализуется в рамках мужского рода в двойственном и множественном числе, где у существительных, обозначающих лиц мужского пола, и у согласуемых с ними слов форма винительного падежа совпадает с формой родительного (в.-л. *Mam třoch bratrow* ‘У меня трое братьев’, но *Mam tři sotry* ‘У меня три сестры’)¹. В именительном падеже такие существительные также имеют формы с особыми окончаниями или чередованиями конечных согласных основы (в.-л. *nan* ‘отец’ – *nanojo* ‘отцы’, *wojak* ‘солдат’ – *wojacy* ‘солдаты’); согласующиеся с ними слова также получают особые окончания.

Категория числа реализуется в противопоставлении единственного, двойственного и множественного чисел (в.-л. *Pilny hólč derje wuknje* ‘Прилежный мальчик хорошо учится’ – *Pilnaj hólcaj derje wuknjetaj* – *Pilni hólcy derje wuknu*; н.-л. *W parku stoj wusoki dub* ‘В парке стоит высокий дуб’ – *W parku stojtej wusokej duba* – *W parku stoje wusoke duby*).

У имен и местоимений выделяется шесть падежей, которые в двух языках различаются окончаниями (например, дательный падеж единственного числа существительных: в.-л. *k dubej* – н.-л. *k duboju* ‘к дубу’). В верхнелужицком языке также существительные мужского рода (и существительное *mać* ‘мать’) в единственном числе имеют особую звательную форму (*Ćesćeny knježe*

¹ Хотя обычно считается, что в нижнелужицком подобная категория отсутствует, во множественном числе можно обнаружить специальные формы для обозначения лиц мужского пола у прилагательных и слов, склоняющихся как прилагательные (*dobrych, mójich*).

direktoro! ‘Уважаемый господин директор!’), *Luba maći!* ‘Дорогая матушка!’). Личные местоимения при склонении в некоторых падежах имеют краткую и полную формы (дательный падеж единственного числа: в.-л. *mi, (ke) mni* – н.-л. *mě, (ku mnjo)* ‘мне (ко мне)’).

Качественные прилагательные образуют степени сравнения: сравнительную и превосходную (*mudry* ‘умный’ – в.-л. *mudřiši – najmudřiši*; н.-л. *mudrješu – nejnudrješu*), которые склоняются по образцу прилагательных.

Наречия в серболужицких языках представлены образованиями от прилагательных (в. и н.-л. *luby* ‘любимый’ > *lubje/lubo*), падежных форм существительных с предлогами и без предлогов (в.-л. *wčera* ‘вчера’, н.-л. *nježelu* ‘в воскресенье’), есть и другие типы наречий (в.-л. *tu* ‘здесь’, н.-л. *how* ‘здесь’, в. и н.-л. *tam* ‘там’).

Наречия, образованные от качественных прилагательных, имеют степени сравнения (в.-л. *rjeńšo – najrjeńšo* ‘красивее’ – ‘красивее всего/всех’, н.-л. *řednej – nejřednej* ‘красивее’ – ‘красивее всего/всех’). Некоторые прилагательные и наречия, как и в других индоевропейских языках, образуют супплетивные формы (*zły* ‘плохой’ – в.-л. *hórši*, н.-л. *góršy*; *zě* ‘плохо’ – в.-л. *hórje*, н.-л. *górjej*).

Грамматическая семантика серболужицкого глагола складывается из категории вида (совершенный/несовершенный), залога (действительный/страдательный), наклонения (изъявительное, сослагательное, повелительное), времени, лица, числа (единственного, множественного и двойственного), рода, а также персональности (в верхнелужицком языке).

Категория лица выражается во всех глагольных формах при помощи или личных окончаний (синтетические формы), или форм смыслового глагола (аналитические формы).

В лужицких языках существует большое количество глагольных времен. Презенс обозначает действие, постоянно совершающееся в настоящем времени. Синтетические формы образуются от основы настоящего времени глаголов, как правило, несовершенного вида при помощи личных окончаний. В некоторых случаях презентные формы со значением постоянства действия могут образовываться и от глаголов совершенного вида (в.-л. *Chromy koń so rady potknie* ‘Хромая лошадь часто спотыкается’).

Однако чаще от глаголов совершенного вида образуются синтетические формы будущего времени, которые формально совпадают с формами настоящего времени. Существуют также аналитические формы футурума, состоящие из форм будущего времени глагола в.-л. *być* / н.-л. *byś* и инфинитива смыслового глагола несовершенного вида (в.-л. *budźiemy pisać* / н.-л. *bužomy pisaś* ‘будем писать’). В разговорной речи такие формы могут образовываться и от глаголов совершенного вида (в.-л. *budźiemoj přiić* / *bužomy pśiś* ‘*мы будем прийти = мы придем’). Возможно, подобное смешение наблюдается в связи с тем, что лужичане под влиянием немецкого языка не различают вид глаголов.

Перфект выражает действие, которое происходит одновременно с речевым актом, как правило, в прошлом, иногда в будущем, после речевого акта. Являясь нейтральным членом оппозиции в системе прошедших времен, он может заменять претерит, а в нижнелужицком разговорном языке употребляются практически исключительно формы перфекта. Они образуются аналитически при помощи форм настоящего времени глагола в.-л. *być* / н.-л. *byś* и причастия на *-l-* смыслового глагола (в.-л. *sym wuknył* / н.-л. *som wuknuł* ‘я учился’).

Претерит объединяет аористные формы, образующиеся от глаголов совершенного вида (в.-л. *nawučich* ‘я научил’, н.-л. *póznach* ‘я узнал’), и имперфектные формы, образующиеся от глаголов несовершенного вида (в.-л. *wučach* ‘я учил’, н.-л. *znajach* ‘я знал’). Он выражает действие, совершившееся перед речевым актом и никак не связанное с настоящим моментом. Для верхнелужицкого языка претерит характерен скорее для книжного стиля, а в нижнелужицкий литературный язык эти формы были введены по образцу верхнелужицких; они отсутствуют в разговорной речи и диалектах.

Плюсквампретерит образуется аналитически при помощи форм претерита глагола в.-л. *być* / н.-л. *byś* и причастия на *-l-* смыслового глагола (в.-л. *běch wuknył* / н.-л. *běch wuknuł* ‘я учился’) и обозначает действие, совершившееся ранее другого действия в прошлом.

Итеративный претерит в верхнелужицком языке обозначает повторяемость действия в прошлом (в.-л. *bych šol* ‘я часто ходил, хаживал’). Формы, выступающие в итеративном претерите, образуют также сослагательное наклонение (в.-л. *njesli bychmy* ‘мы бы несли’), при этом в разговорном верхнелужицком языке (и всегда в нижнелужицком) вспомогательный глагол утрачивает свои окончания (н.-л. *ja by cakał* ‘я бы ждал’).

В рамках повелительного наклонения образуются формы 2-го лица единственного, а также 1-го и 2-го лица множественного и двойственного числа (для нижнелужицкого 2-го лица множественного числа) (в.-л. *pijće* / н.-л. *pijšo* ‘пейте’). В нижнелужицком языке также регулярно образуется аналитическая форма 3-го лица единственного и множественного числа при помощи частицы *daś* (н.-л. *daś wóni wupiju* ‘пусть они выпьют’).

В обоих литературных языках представлено действительное причастие, выступающее в качестве определения или входящее в состав сказуемого, которое образуется от глаголов несовершенного вида (в.-л. *molowacy* / н.-л. *mólujuicy* ‘рисующий’¹); в разговорном языке оно практически не употребляется и полностью отсутствует в диалектах. В верхнелужицком литературном языке также живой грамматической формой являются деепричастия. Различают дее-

¹ В нижнелужицком литературном языке такие формы могут также употребляться в роли деепричастия или наречия.

причастие прошедшего времени, образуемое от глаголов совершенного вида (*wumolowawši* ‘нарисовав’), и деепричастие настоящего времени, образуемое от глаголов несовершенного вида (чаще формы типа *molujo* ‘рисую’).

В обоих языках присутствует страдательное причастие (в.-л. *zjědźeny*, н.-л. *zjěžony* ‘съеденный’), которое употребляется как определение или с формами глагола в.-л. *być* / н.-л. *byś* используется для образования страдательного залога (в.-л. *sym chwaleny* ‘меня хвалят’, *budźieš přeprašeny* ‘перед тобой извинятся’¹ / н.-л. *jo zabyta* ‘(она) забыта’, *буду dozběrane* ‘будут собраны’). В настоящее время под немецким влиянием в обоих языках в роли вспомогательного слова выступает глагол: в.-л. *wordować* / н.-л. *wordować* (ср. нем. *werden*).

В серболужицких языках широко употребляются возвратные глаголы, которые образуются при помощи отдельно записываемых форм возвратного местоимения: в верхнелужицком *so* и *sej* (*myć so* ‘мыться’, *wuprosyć sej* ‘извиниться’), в нижнелужицком *se* (*smiaś se* ‘смеяться’).

Как и в именной, в глагольной системе верхнелужицкого языка присутствует категория персональности. Она выражается специальными окончаниями в двойственном числе синтетических форм (*-taj* для лично-мужских форм и *-tej* для нелично-мужских: *wuknjetej/wuknjetaj*) и формами причастия на *-l* в аналитических формах (*-li* для лично-мужских и *-le* для нелично-мужских: *smе wuknyli* / *wuknyle*). При склонении причастий, как и прилагательных, также образуются соответствующие формы.

К системе глагола в обоих языках также относится инфинитив (с финалью *-ć* в верхнелужицком и *-ś* в нижнелужицком²) и регулярно образуемые почти от каждого глагола и сохраняющие его признаки отглагольные существительные (в.-л. *piće* / н.-л. *piše* ‘питье’, в.-л. и н.-л. *pisanje* ‘писание’). В нижнелужицком языке также присутствует супин, выступающий после глаголов движения (*chóžili spiwat* ‘ходили петь’).

В серболужицких языках представлены следующие служебные части речи: союз (в.-л. *a, ale, wšak, zo, zo by*; н.-л. *a, ale, daniž, až, aby* и др.), предлог (в.-л. *k(e), před(e), pod(e)*; н.-л. *k(u), przed(e), pod(e)* и др.), частица (в.-л. *drje* ‘же’; в.-л. и н.-л. *njeje* ‘не’, *by* ‘бы’ и др.), а также междометие (н.-л. *aw* ‘ай’, *carta tek* ‘к черту’).

Синтаксис. Серболужицким языкам свойственна рамочная конструкция: если в предложении представлено составное сказуемое или оно выражено аналитическими глагольными формами, то личные формы глагола находятся внутри предложения, а инфинитив или причастие на *-l* – в конце (в.-л. *Jurij je*

¹ В том числе со специальными формами *być*, образованными от основы *bu-* (*buch, buchmu* и т. д.).

² Инфинитив с финалью *-с* встречается крайне редко.

mi wo was wiele powędal ‘Юрий много рассказал мне о вас’; н.-л. *Ja som serbski nawuknuł* ‘Я научился сербскому языку’). В этом большинство исследователей усматривает влияние немецкого языка.

Наличие практически у всех глагольных форм личных окончаний позволяет опустить в предложении подлежащее, выраженное личным местоимением (в.-л. *Smęm so předstajić?* ‘Могу ли я представиться?’; н.-л. *W prozinach smy se z pšijašelami zmakali* ‘В отпуске мы встретились с друзьями’).

В обоих языках в качестве определений распространены притяжательные прилагательные, даже в случаях, где в других славянских языках выступают конструкции с управлением (в.-л. *Mužakowska droga* ‘дорога в Мужаков’; н.-л. *Zejerjowu pómnik* ‘памятник Зейлеру’).

Сложные предложения подразделяются на бессоюзные и союзные, а последние – на сложносочиненные (с союзами в.-л. и н.-л. *a* ‘и’, *abo* ‘или’, *pak* ‘однако’; в.-л. *hač na* ‘кроме’; н.-л. *daniž* – *daniž* ‘ни-ни’ и др.) и сложноподчиненные (в.-л. *zo* ‘что’, *dokelž* ‘потому что’, *hdyž* ‘когда’; н.-л. *až* ‘что’, *dokulaž* ‘потому что’, *gaž* ‘когда’ и т. д.).

Лексика. В словарном составе серболужицких языков значительное место занимает лексика, восходящая к общеславянскому лексическому фонду. Это лексика, связанная с представлением родственных отношений (в.-л. *bratr*, н.-л. *bratš* ‘брат’), хозяйственных реалий (в. и н.-л. *pšęnca* ‘пшеница’), географических понятий (в.-л. *hora*, н.-л. *góra* ‘гора’), атмосферных явлений (в. и н.-л. *dešć* ‘дождь’), основных абстрактных понятий (в.-л. и н.-л. *radošć* ‘радость’); с наименованием частей тела (в.-л. и н.-л. *brjuch* ‘живот’), животных (в. и н.-л. *liska* ‘лисица’), растений (в.-л. и н.-л. *dub* ‘дуб’). Общеславянскими по происхождению являются многие глаголы (в.-л. и н.-л. *jěsć* ‘есть’, в.-л. *pić*, н.-л. *piš* ‘пить’) и прилагательные (в.-л. и н.-л. *dobry* ‘хороший’, *mudry* ‘умный’), а также слова других частей речи.

В серболужицком словаре есть германские заимствования, некоторые из них еще общеславянские (в.-л. и н.-л. *pjenjezu* (-e) ‘деньги’ и т. д.), другие попали в период совместного проживания немцев и серболужичан в составе одного государства (в.-л. и н.-л. *šula* ‘школа’, *policist* ‘полицейский’ и т. д.). Однако многие немецкие заимствования были изъятые из литературного языка и вместо них появились славянские по происхождению слова (например, вместо в.-л. *lazować* (< нем. *lesen*) – *čitać* ‘читать’), этот процесс затронул и кальки (вместо в.-л. *znać wuknyć* (< нем. *kennenlernen*) – *zeznać* ‘познакомиться’). Есть заимствования и из славянских языков, прежде всего, чешского и польского, как древние (в.-л. и н.-л. *kral* ‘король’ < чеш. *král*), так и современные (в.-л. и н.-л. *telewizija* ‘телевидение’ < пол. *telewizja*). В серболужицких языках, как и в других европейских, существует достаточное количество интернационализмов, которые начали поступать туда еще в XIX в. (в.-л. и н.-л. *republika*, *telefon* и т. д.).

В словарном составе верхне- и нижнелужицкого литературного языка и диалектов есть (как можно было заметить по приведенным выше примерам) большое количество совпадающих (или незначительно отличающихся) по форме и семантике слов. Есть, однако, и некоторые отличия (н.-л. *cwiblować* – в.-л. *dwělować* ‘сомневаться’; н.-л. *fryšny* – в.-л. *čerstwy* ‘свежий’; н.-л. *žowčo* – в.-л. *holičo* ‘девушка’ и др.).

Список литературы

Верхнелужицко-русский словарь / сост. К. К. Трофимович ; под ред. Ф. Михалка, П. Фёлькиеля. – М. ; Бауцен : Рус. яз. : Домовина, 1974. – 584 с.

Енч, Г. Серболужицкий язык [Электронный ресурс] / Г. Енч, А. Ю. Недолужко, С. С. Скорвид. – Режим доступа: <http://www.slavcenteur.ru/Proba/ucება/kursy/Serboluzjazyk.pdf>. – Дата доступа: 12.11.2017.

Ермакова, М. И. Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. Морфология / М. И. Ермакова ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Л. Э. Калнынь. – М. : Наука, 1973. – 282 с.

Ермакова, М. И. Серболужицкий язык / М. И. Ермакова, А. Ю. Недолужко // Языки мира. Славянские языки / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол. А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – С. 309–345.

Мудра, И. Учебник верхнелужицкого языка / И. Мудра, Я. Петр. – Bautzen : Domovina, 1983. – 300 с.

Мука, Э. Словарь нижнелужицкого языка : в 2 т. / Э. Мука. – Петроград ; Прага : АН СССР : NČSVU, 1921 – 1928. – 2 т.

Селищев, А. М. Лужицкие сербы (Сербо-лужичане) / А. М. Селищев // Славянское языкознание : в 3 т. : учеб. пособие для студентов вузов / А. М. Селищев. – М. : Учпедгиз, 1941. – Т. I : Западнославянские языки. – С. 221–270.

Трофимович, К. К. Серболужицкий язык / К. К. Трофимович // Славянские языки. Очерки западнославянских и южнославянских языков / ред. А. Г. Широкова, В. П. Гудков. – М. : МГУ, 1977. – С. 170–215.

Трофимович, К. К. Серболужицкий язык : учеб. пособие для филолог. фак. ун-тов / К. К. Трофимович. – Минск : Университетское, 1989. – 67 с.

Трофимович, К. К. Становлення та розвиток верхньолужицкої літературної мови / К. К. Трофимович ; ред. О. Албул, О. Лазор. – Львів : Ін-т Славістики, 2009. – 232 с.

Щерба, Л. В. Восточнолужицкое наречие / Л. В. Щерба. – Петроград : А. Э. Коллинс, 1915. – 272 с.

Dołowy-Rybińska, N. Łużyczanie, Niemcy, obywatele świata? – przenikanie się języków i kultur na Łużyczach XXI wieku / N. Dołowy-Rybińska // Zeszyty Łużyckie. – 2010. – Т. 44. – С. 38–53.

Faska, H. Pućnik po hornjoserbšćinje / H. Faska. – Bautzen : Domowina, 2003. – 250 s.

Faßke, H. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart: Morphologie / ed. H. Faßke ; unter Mitarbeit von S. Michalk. – Bautzen : Domowina, 1981. – 882 s.

Janaš, P. Niedersorbische Grammatik / P. Janaš. – Bautzen: Domowina, 1976. – 366 s.

Marti, R. Sorbisch / R. Marti // Sprachkulturen in Europa: ein internationales Handbuch / ed. N. Janich, A. Greule. – Tübingen : Narr, 2002. – S. 290–295.

Měškank, A. Wucbnica: Zakłady dolnosěrbskeje rěcy. Podręcznik: Podstawy języka dolnołużyckiego [Wersja elektroniczna] / A. Měškank. – Chóšebuz, 2005. – Tryb dostępu: http://slovník.vancl.eu/Serbscina/zaklady_dolnosěrbskeje_rěcy_2004.pdf. – Data dostępu: 17.05.2017.

Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Serbsčina / red. H. Faska. – Opole : Un-t Opolski : In-t Filologii Polskiej, 1998. – 388 s.

Schaarschmidt, G. The Historical Phonology of the Upper and Lower Sorbian Languages / G. Schaarschmidt. – Heidelberg : C. Winter, 1997. – 175 p.

Schuster-Šewc, H. Gramatika hornjoserbskeje rěče. Syntaksa / H. Schuster-Šewc. – Budyšin : Domovina, 1976. – 240 s.

Schuster-Šewc, H. Gramatika hornjoserbskeje rěče. Fonologija, fonetika a morfologija / H. Schuster-Šewc. – Budyšin : Domovina. – 1984. – 320 s.

Schuster-Šewc, H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache : in 24 t. / H. Schuster-Šewc. – Bautzen : Domovina, 1978–1989. – 24 t.

Siatkowska, E. O języku łużyckan prawie wszystko / E. Siatkowska, T. Meškank ; Un-t Warszawski, Wydział Polonistyki, In-t Filologii. – Warszawa : Un-t Warszawski, 2001. – 144 s.

Sorbischer Sprachatlas – Serbski rěčny atlas: 1–16 bd. / red. H. Faßke, H. Jentsch, S. Michalk. – Bautzen : Domovina, 1965–1996. – 16 bd.

Starosta, M. Dolnosěrbsko-nimski słownik=Niedersorbisch-deutsches Wörterbuch / M. Starosta. – Bautzen : Domovina, 1999. – 720 s.

Stone, G. Das Obersorbische. Das Niedersorbische / G. Stone // Einführung in die slavischen Sprachen/ ed. P. Rehder. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. – S. 178–193.

Słownik hornjoserbsko-němski / zest. B. Rewerk, K. Malinkowa, L. Kowarjowa. – Budyšin : Domovina, 1990. – 319 s.

Šwela, B. Grammatik der niedersorbischen Sprache / B. Šwela ; hrsg. F. Měšk. – Bautzen : Domovina, 1952. – 107 s.

3.4. ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

3.4.1. ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

А. Кречмер

Как и предки западных славян, южные славяне оставили славянскую прародину и заселили Балканский полуостров. Это славянское переселение обычно рассматривают как последствие Великого переселения народов, имевшего место за несколько веков до славянского и вызванного геополитическими изменениями в Европе, прежде всего упадком Римской империи. Время этого славянского переселения в научной литературе датируется по-разному, но в VI в. появляются уже достоверные сведения о славянах в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Так, из источников того времени известно, что в 517 г. славяне перешли Дунай и началось заселение Балкан и Северной Греции (с 581 г.). В начале VII в. имели место новые волны славянской иммиграции: южные славяне заселили территории вплоть до Венеции, альпийские долины, Эгейский ареал и Крит.

Сведения о восточных славянах в Европе распространяются значительно позднее. Это связано с тем, что восточные славяне и славянская прародина находились в то время на периферии мира – Эйкумены. А южные славяне начали заселять земли, непосредственно относящиеся к обоим его центрам: Западному и Восточному Риму (Византии). Эти земли, в первую очередь Балканский полуостров, давно были заселены и относились к зоне колонизации обоих Римов. Здесь некоторые из народов, в том числе и автохтонных, к моменту славянской миграции уже были полностью ассимилированы (например, иллирийцы), другие же стали важными контактными этносами и языками для новых поселенцев, иногда на относительно короткий срок (например, фракийцы), иногда на многие века (например, романское население Далмации и Истрии), а некоторые и до настоящего времени – албанцы, румыны, греки. Вследствие этого именно на Балканском полуострове имела место сложная ситуация: предки южных славян выступали как суперстрат, адстрат, а иногда становились и субстратом. Таким был результат контакта славян с наиболее развитой тогда цивилизацией – греческой. В этой контактной зоне ассимиляция славян была наиболее успешной и необратимой. Одновременно славянские языки стали важным источником многочисленных заимствований в албанские и румынские диалекты. Фракийцы же были полностью ассимилированы славянами. В свою очередь южные славяне, как и другие славяне, преимущественно землепашцы, заимствовали у соседей-скотоводов, прежде всего румын, как саму технологию скотоводства, так и соответствующую лексику.

Предполагается, что предки южных славян заселяли Балканский полуостров в географическом отношении почти так же, как их потомки живут сейчас, за исключением массовых миграций, вызванных турецкими завоеваниями. Иными словами, на северо-западе поселились носители кайкавских диалектов, в центре – штокавских, на юго-западе и юге, в Истрии и Далмации, – чакавцы. А восточную часть Балкан заселили носители восточно-южнославянских говоров – болгарско-македонских.

В VII в. существенное политическое влияние в Европе приобретают авары (обры), азиатские кочевники, пришедшие в Центральную и Юго-Восточную Европу одновременно со славянами. Славяне иногда выступали как союзники аваров. Например, в 614 г. их общими силами была завоевана иллирийская Салона, столица римско-византийской провинции Далмации. Однако авары нередко выступали порабителителями тех же славян. Так, в результате анти-аварского восстания славян в 623–624 гг., которое возглавил франкский купец

Само возникло так называемое государство Само. Оно просуществовало лишь несколько десятилетий и распалось со смертью своего основателя в 658 г. Место нахождения этого полугосударственного образования наукой пока точно не определено, но из исторических источников (например, у полулегендарного франкского хрониста Фредегара Схоласта, VII в.) известно, что в его состав входили и славяне (в том числе частично и земли возникшей несколько позднее Карантании).

В VII в. хорватам удается с сербской и византийской помощью изгнать аваров с северо-запада Балкан и земель современной Австрии. В этом же веке формируется государство Карантания на территории современных австрийских провинций Каринтии, Штирии (где и сегодня живет значительное количество этнических словенцев), а также на современных словенских землях. Однако уже довольно скоро, в середине VIII в., оно переходит под власть баварского герцога Одило. Одним из самых ранних упоминаний Карантании является текст о христианизации этого региона (*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*, 870 г.). Все более грозным неприятелем славян становится держава франков, особенно под властью Карла Великого (771–814 гг.), подчинившая себе и Карантанию, и хорватские земли, лишь Истрия и Далматия остаются свободными.

Нередки в это время восстания славян, в первую очередь хорватов (ранее выступавших вместе с франками в борьбе проти аваров), против франков. Как, например, восстание паннонских хорватов под предводительством Людовита (Людевита) в 819 г. Хорваты пытались создать антифранкскую коалицию вместе с каринтийскими и штирийскими словенцами и хорватами Далмации. Крещение хорватов происходит в IX в. из Западного Рима. Наследникам Людовита удается в 878 г. свергнуть франкское иго, а Томиславу, первому хорватскому королю (910–928/30), удается даже объединить под своей властью обе части хорватских территорий – далматийскую и паннонскую.

В конце VII в. на землях, заселенных восточными южными славянами, возникает государство – Первое Болгарское царство (680/81–1018). Но его создателями, под предводительством первого правителя хана Аспаруха (конец VII в.), являются не славянские протоболгары, а туркоязычный этнос, пришедший в VI в. вместе с аварами с северных берегов Каспийского и Азовского морей через сегодняшнюю Украину к низовьям Дуная. В конце VII в. протоболгары заселяют восточную часть Балканского полуострова и становятся союзниками тамошних славян против Византии. Эта сравнительно немногочисленная группа пришельцев была полностью ассимилирована славянами до IX в., но оставила им свое имя как новый, уже славянский, этноним и лингвоним. В начале IX в., во время правления хана Крума (803–814), это государство значительно усиливается и становится серьезным противником франков и даже самой Византии, над которой в 811 г. Крум одерживает победу. В Болгарское царство

входят земли современной Македонии, а под властью наследников Крума, ханов Омуртага (814–831) и Маламира (831–852), границы царства доходят до земель паннонских хорватов (сегодняшняя Венгрия) и Срема (сегодняшняя Воеводина в Северной Сербии). Крещение болгар происходит (как позднее и восточных славян) из Восточного Рима – Византии, в период правления царя Бориса I (852–888). Тем самым Болгария становится важной составной частью будущей Православной Славии. IX–X вв. – вершина политической значимости Первого Болгарского царства. Так, царю Симеону (892–927) почти удается взять власть над Византией: в 913 г. его венчают в Константинополе Василевсом, и он становится соправителем малолетнего императора Константина Багрянородного. Эта ситуация, однако, скоро меняется в пользу Византии, которой в 1018 г. удается разгромить Болгарское царство.

Именно в Болгарии нашли приют, изгнанные из Великой Моравии, ученики Кирилла и Мефодия. И здесь, на Охридском озере (сегодняшняя Македония), возник один из старейших центров старославянской письменности, где в X в. была создана и кириллица по образцу греческого письма (см. разд. 2).

С конца IX в. у южных славян появляется новый сосед – венгры заселяют Паннонию. Здесь возникает мощное венгерское государство, вершившее политические судьбы Центральной и Юго-Восточной Европы в течение многих последующих столетий. Так, со второй половины XI в. постепенно усиливается политическое влияние Венгрии на хорватское королевство. А после гибели в бою с венграми короля Петра (1097) в 1102 г. к Венгрии переходит фактическая власть над хорватским королевством (которое позднее, вместе с коронными венгерскими землями перейдет в состав австрийской державы Габсбургов).

Важно учитывать, что территории государств в описываемый период практически не совпадают с современными. Так, в состав средневекового хорватского государства не входила Далмация (в X–XV вв. она принадлежала к сфере влияния Венеции). Нередки в это время (XII–XV вв.) династические и политические связи между разными государствами и народами этих регионов (Чехии, Польши, Австрии, Венгрии, Хорватии, Сербии, Боснии, Византии).

Хотя официальный распад некогда единой христианской церкви на католичество и православие происходит в 1054 г., фактическое разделение церковной юрисдикции начинается за века до этого. Отдельные регионы славянского мира принимают христианство из разных источников: Западного или Восточного Рима (Византии). Так происходит разделение Славии на два разных культурных ареала – Славию Православную (*Slavia Orthodoxa*) и Славию Латинскую (*Slavia Latina*), иногда называемую также Славией Романской (*Slavia Romana*). Письменная культура Славии Православной, к которой относились (и во многом относятся) восточно-славянские этносы, часть южно-славянских (сербы, черногорцы, болгары, македонцы, православные боснийцы), а также румыны и

влахи (романское меньшинство в Восточной Сербии), показывает удивительное единство, исключительно сакральный характер и выраженную стабильность во времени и пространстве, вплоть до периода формирования национального сознания и современных литературных (нормированных) языков (что у большинства этих славян происходит относительно поздно).

В период южно-славянского позднего Средневековья (XII–XIV вв.) на землях Славии Православной возникает несколько политически значимых государств.

Так, в 1186 г. формируется Второе Болгарское царство. До середины XIII в. первым правителям новой династии Асеничей удается как укрепить государственную организацию, так и расширить границы державы, но с 1285 г. центральная власть слабеет. Болгария становится вассалом татаро-монголов, часть ее территорий завоевывает сильный сосед – Сербия, а после первой победы турок на реке Марице в 1371 г. Болгария становится турецким вассалом до окончательного ее завоевания турками в 1396 г. До 1878 г. Болгария остается провинцией Османской империи.

В Сербии возникает государство, все более сосредотачивающее в себе фактическую политическую и военную власть на Балканах – держава Неманичей (ок. 1170–1371 гг.). Сербские земли в IX в. принимают крещение из Византии (хотя Константин Багрянородный и свидетельствует о попытках христианизации сербских земель уже в VII в.), став тем самым составной частью Православной Славии. Уже основателю династии, Стефану Немане (ум. в 1196), удается освободиться от власти Византии. Его сын, Стефан Первовенчанный, становится первым сербским королем, а его брат св. Савва (Растко) – главным сербским святым. Период расцвета сербского государства приходится на время правления короля Милутина (1282–1321), чьей женой стала византийская принцесса. Его потомок Душан в середине XIV в. самовольно провозглашает себя царем, а сербскую церковь автокефальной. При нем создается и первый сербский свод законов – «Законик царя Душана» (1349). Его наследникам не удается удержать власть и влияние Сербии, тем более что в это же время начинается постепенное завоевание Балкан и Византии турками-османами. В 1371 г. они одерживают первую победу над сербами в битве на р. Марице. А в 1389 г., не одержав настоящей победы в битве на Косовом поле, туркам тем не менее так удается ослабить сербское войско и политическую власть (в битве пал и зять царя Душана, князь Лазарь – герой сербского фольклора), что сербское государство фактически перестает существовать как суверенное. Сербия становится так называемым деспотатом (деспотовиной) под венгерским влиянием до 1459 г., когда происходит окончательная победа турок над сербами.

Почти одновременно с сербским формируется боснийское государство (XII–XV вв.), сначала как бановина, позднее как королевство, которое, однако,

довольно скоро становится сферой влияния Венгрии. В отличие от Хорватии и Сербии, Босния уже в это время показывает выраженную конфессиональную полицентричность: наряду с католичеством (на западе) и православием (на востоке), здесь в дотурецкое время была широко представлена Боснийская церковь. Наши знания о ней весьма ограничены, поскольку она была фактически и принципиально скрытой от постороннего внимания. Истоки ее восходят к раннехристианской дуалистической манихейской ереси, в Средние века представленной в различных регионах Европы. В Боснию она попадает от богумилов Византии и Болгарии. Эта церковь почти не оставила письменных следов. Считается, что ее последователи в период турецкого владычества добровольно принимали ислам. В 1463 г. боснийское государство завоевывают турки.

В 1453 г. турки завоевывают Константинополь, и на долгое время единственным серьезным противником Османской империи становится Венгрия. В 1526 г. на поле боя при Мохаче погибает последний венгерский король Лайош (Людовиг). Согласно договору о наследовании 1515 г., Венгрия становится частью империи Габсбургов, как и многие другие регионы славянского мира – сегодняшние Чехия, Словения, Словакия, частично земли лужицких сербов, Украина (ее часть вместе с частью Польши вошла туда после третьего раздела Речи Посполитой в конце XVIII в.), почти вся Хорватия.

Значительная часть южных славян на века попадает под власть турецких завоевателей. В югославистике традиционно выделяются следующие два периода: период турецких завоеваний (1371–1526/37) и период турецкого владычества (1526/37–1699). XVI и XVII в. можно считать самыми сложными в истории южных славян.

Поступательное ослабление центральной власти в Османской империи и одновременное усиление Австрии, ставшей в это время вместе с Венецией практически единственным заслоном на пути дальнейших турецких завоеваний, приводят к концу этого периода, к усилению народно-освободительной борьбы. Так, сербы активно поддержали австрийские войска в борьбе с турками в конце XVII в. Когда же ситуация изменилась в пользу турок, огромные контингенты сербского населения (речь здесь, видимо, шла о десятках тысяч семей), опасаясь мести и репрессий со стороны турок, под предводительством сербского патриарха Арсения III Черноевича в 1690 г. перешли на земли современной Воеводины на севере Сербии (тогда Южная Венгрия, часть австрийской империи Габсбургов). Получив некоторые привилегии (свободу вероисповедания и определенную автономию сербской православной церкви, выступавшей для переселенных сербов гарантом сохранения этнической, конфессиональной и языковой идентичности), они обязаны были охранять так называемую Военную границу – границу между Австрией и Османским царством, которая в течение XVII–XVIII вв. неоднократно передвигалась в соответствии с военными успе-

хами той или другой стороны. Так, Белград в это время несколько раз переходил из австрийских в турецкие руки и обратно. Неоднократно менялась и австрийско-турецкая граница на землях сегодняшней центральной Хорватии. Жизнь южных славян на этих землях была тяжелой и опасной.

Во время Великого переселения сербов (Велике сеоба Србска) в 1690 и 1740 г. на австрийские земли произошло разделение сербского народа, сохранившиеся до 1918 г., до окончания Первой мировой войны и распада Австро-Венгерской империи. Разделение имело не только географический, но культурный и даже языковой характер. Судьба сербов в Османском царстве была печальнее, чем у их соотечественников, ставших австрийскими подданными: они были лишены каких бы то ни было прав и стали одним из низших слоев турецкой социальной системы (раей). Под турецкую власть попали болгары, македонцы, большинство сербов, значительная часть хорватов. Османам не удалось, однако, полностью завоевать черногорскую территорию – здесь борьба против турок не прекращалась до полного освобождения этих земель. Особенно долго под турецкой властью находились земли современных Болгарии, Македонии и Боснии, что обусловило значительное турецкое влияние в быту, культуре, языке.

В начале XVIII в. существовало только два славянских суверенных государства – Речь Посполитая и Российская империя. Все остальные славяне были подданными (как правило, угнетаемыми меньшинствами) чуждых им государств. В конце этого же века осталось лишь одно славянское государство – Российская империя, – Речь Посполитая стала жертвой политической борьбы и была разделена между Австрийской монархией, Прусским королевством и Российской империей. Последняя приобретает все большее политическое влияние и выступает в защиту прав угнетенных братьев по вере. Кульминацией, как известно, стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

На протяжении XVIII в. Османская империя продолжает слабеть. В конце века в воздухе Европы витали идеи Французской революции, а затем ее потрясали Наполеоновские войны. В общем европейском контексте формируется и сербское народно-освободительное движение, вылившееся в 1804 г. в Первое сербское восстание под предводительством Карагеоргия. Восстание было жестоко подавлено в 1813 г., но через два года вспыхнуло с новой силой. Новое восстание было успешным, и в 1817 г. Сербия стала частично автономным княжеством (все еще в составе Османской империи). Борьба за полное освобождение длилась еще несколько десятилетий, до 1867 г. В 1882 г. было провозглашено Королевство Сербия.

Хорватские земли, как и сербский анклав в Австрии, до 1918 г. остаются частями Австро-Венгрии.

Босния остается под турецкой властью вплоть до австро-венгерской оккупации 1878 г. и аннексирования ее Австро-Венгрией в 1908 г. Австрийская власть здесь заканчивается в 1918 г. после распада самой империи Габсбургов.

Политическую и церковную власть в Черногории до 1852 г. объединяли в своих руках так называемые князья-владыки. Черногория долгое время находилась в сфере политического влияния Австрии, полностью освободиться от которого смогла лишь в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которой Черногория выступила на стороне России. В 1910 г. было провозглашено Королевство Черногория.

С середины XIX в. революционный характер приобретает и болгарское национально-освободительное движение. В 1875 г. вспыхнуло Старозагорское, а в 1876 г. – Апрельское восстание; победа русской армии в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. обеспечила освобождение Болгарии от турецкого ига. В 1878 г. было воссоздано Болгарское государство и определены его границы, однако часть болгар еще оставалась под властью Османской империи.

В 1912–1913 гг. многие южнославянские народы и государства участвовали в Балканских войнах, значительно изменивших политическую карту этого региона. Однако еще большие изменения принесла начавшаяся вскоре Первая мировая война. Одним из ее результатов стало возникновение в 1918 г. многонационального южно-славянского государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев, переименованного в 1929 г. в Королевство Югославия с сербской королевской династией. В состав этого государства вошли, кроме Сербии, Хорватии и Словении, также Босния, Герцеговина, Черногория, Македония. После Второй мировой войны на этих землях сформировалась Республика Югославия, распавшаяся в результате новых Балканских войн в 1990-е гг. Возникли новые независимые государства: Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Хорватия, Черногория.

Южнославянский языковой ареал традиционно делится на западный (штокавская, чакавская и кайкавская диалектные зоны) и восточный сегменты (болгарские и македонские диалекты). Между ними находится довольно обширный пояс переходных говоров (Южная и Юго-Западная Сербия). В границах южнославянских языков диалектное членение всегда было выражено намного ярче, чем в восточно-славянских.

В то время как западно-южнославянская подгруппа хорошо сохранила свой флективный характер, восточно-южнославянская подгруппа практически полностью его утратила. Болгарский и в меньшей степени македонский языки и их диалекты вошли в балканский языковой союз и приобрели выраженный аналитический характер.

Однако и западная подгруппа развивалась по-разному. Если кайкавский и чакавский диалекты скорее являются архаичными и не склонны к изменениям, то штокавский намного дальше отошел от своего первичного облика, унаследованного из праславянского. Именно эти его диалекты (новоштокавские говоры

центрального ареала) легли в основу общего литературного (стандартного) сербохорватского (хорватско-сербского) языка, а после распада как общего государства, так и общего языка в 1990-е гг., – современных языковых стандартов этого ареала: боснийского, сербского, хорватского, черногорского.

Кроме разделения на три основных диалекта – штокавский, кайкавский и чакавский (в основу их наименования лег соответствующий рефлекс вопросительного местоимения *что*) – важным дистинктивным признаком являются различные рефлексы праславянской гласной фонемы «ять» (**ě*) – как *e* (экавский), (*i*)*je* (иекавский) и *i* (икавский). В кайкавском **ě* представлена экавским рефлексом, но в говорах чакавского и штокавского диалектов представлены все три рефлекса – при определенной географической дистрибуции. На западе штокавской области преобладает иекавский вариант, в центре и на востоке – экавский. Икавский в настоящее время представлен лишь на периферии, прежде всего на побережье и в некоторых регионах Славонии.

Кроме современных литературных (стандартных) славянских языков, существуют и языки, не достигшие этого статуса. Их обычно называют письменными языками, в последнее время также – литературными микроязыками. Носители этих языков, как правило, представители национальных и этнических меньшинств, билингвы, владеющие и соответствующим доминантным языком окружения. Нередко они постепенно становятся монолингвами, сохраняя лишь пассивное владение родным языком.

Самым крупным и стабильным из них, на территории бывшей Югославии, является русинский (югославо-русинский), находящийся в близком родстве с украинско- или карпато-русинским. Его основа восточно-славянская. В результате длительного контакта со словацкими говорами в нем немало словацких, западно-славянских черт. Русины поселились на тогдашних австрийских землях в середине XVIII в., покинув свои исконные территории по религиозным причинам – они униаты. Австрийское правительство поселило их на землях современной Воеводины в качестве колонистов. Их язык имеет кодифицированную норму, применяется и в сфере образования (вплоть до высшего, правда, ограниченного русинистикой), и в сфере СМИ (газеты, радио, телевидение), и в определенных жанрах беллетристики. Число носителей этого языка составляет примерно 30 тыс. человек.

Примерно тот же статус имеют региональные письменные южнославянские языки чакавский и кайкавский, хотя в последние годы их все более теснит стандартный хорватский язык в соответствии с официальной хорватской языковой политикой. О количестве их носителей надежных статистических данных нет.

От этих региональных письменных, или литературных микроязыков, по ряду параметров отличаются собственно микроязыки. Так, количество их носи-

телей более ограничено – при поступательном уменьшении числа активных носителей. Сфера письменного употребления также очень узка: преимущественно в устном семейном общении. К ним на интересующей нас территории относится банатский болгарский язык на границе между Воеводиной и Румынией. Его носители – потомки болгар-католиков (павликианцев), покинувших родину из-за религиозных гонений в XVIII в., которым австрийские власти разрешили проживание на своих землях. Это угасающий язык.

К числу южнославянских эксклавов, то есть территорий, административно-политически отделенных от соответствующего языкового «материка», относятся сегодня градищанско-хорватский и молизско-хорватский, а также словенское меньшинство в Австрии.

Градищанские хорваты – потомки переселенцев, носителей разных западно-южнославянских диалектов, перешедших на земли империи Габсбургов в период турецких завоеваний Балкан. В настоящее время они живут в Градище в Австрии (а также Вене) и приграничных регионах Словакии и Венгрии. Число носителей можно определить лишь приблизительно – от 30 до 50 тыс. человек. У них довольно старая письменная традиция, язык кодифицирован, представлен в системе образования: начальной и средней школе, СМИ (периодика, радио, телевидение), в определенных жанрах беллетристики. В настоящее время наблюдается все более сильное влияние стандартного хорватского языка.

Молизские хорваты также бежали от угрозы турецкого завоевания на территорию итальянской провинции Молизе. В настоящее время число носителей молизско-хорватского очень ограничено и трудно определимо – цифры сильно расходятся (от 500 до 5 тыс. человек в нескольких деревнях). Сфера его употребления постоянно сужается даже в устном общении, доминанта итальянского становится все более ощутимой.

В отличие от молизских хорватов, которые все больше считают себя итальянцами, этническое самосознание у словенского меньшинства в Австрии (провинции Штирия и Каринтия) развито достаточно сильно. Существенной проблемой здесь следует считать диалектную дробность словенской языковой территории, и в силу этого – отрицательное отношение словенского населения в Австрии к стандартному словенскому языку, часто далекому от родного диалекта. Таким образом, языковая ситуация здесь представлена преимущественно несбалансированным двуязычием. В таких условиях, как правило, доминирующий язык большинства (здесь конкретно – австрийский и немецкий) все больше вытесняет язык меньшинства (здесь конкретно – словенские диалекты этого региона).

Список литературы

Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков / С. Б. Бернштейн ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. – М. : Акад. наук СССР, 1961. – 350 с.

Бошковиц, Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков: Фонетика и словообразование / Р. Бошковиц ; сост. и пер. со словац. Н. М. Елкина ; ред. Н. И. Толстой. – М. : Высш. шк., 1984. – 304 с.

Дуличенко, А. Д. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие / А. Д. Дуличенко. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 720 с.

Дуличенко, А. Д. Словенский язык // Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – С. 198–233.

Кречмер, А. Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) / А. Г. Кречмер, Г. Невекловский // Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – С. 139–197.

Маслов, Ю. С. Болгарский язык / Ю. С. Маслов // Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / редкол.: А. М. Молдован [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Академия, 2005. – С. 69–101.

Можаяева, И. Е. Южнославянские языки. Аннотированный библиографический указатель литературы, опубликованной в России и в СССР с 1835 по 1965 гг. / И. Е. Можаяева ; отв. ред. С. Б. Бернштейн. – М. : Наука, 1969. – 183 с.

Нахтигал, Р. Славянские языки / Р. Нахтигал ; пер. со словен. Н. М. Елкиной ; под ред. С. Б. Бернштейна. – М. : Иностр. лит., 1963. – 342 с.

Супрун, А. Е. Славянские языки / А. Е. Супрун, С. С. Скорвид // Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – С. 12–27.

Усикова, Р. П. Македонский язык / Р. П. Усикова // Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – С. 102–138.

Широкова, А. Г. Славянские языки. Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков / А. Г. Широкова, В. П. Гудков. – М. : МГУ, 1977. – 375 с.

3.4.2. ЗАПАДНЫЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Сложность языковой ситуации в бывшей Югославии затрудняет отдельное описание современных южнославянских языков на этой территории: и в современности, и особенно в истории они тесно связаны друг с другом. По этой причине энциклопедия *Ethnologue: Languages of the World* (www.ethnologue.com) и международный стандарт ISO (<https://iso639-3.sil.org/code/hbs>) использует термин «сербско-хорватский макроязык». Попытаемся дать

краткое дифференцированное описание сербского, хорватского, боснийско-го и черногорского языков, начиная с тех, которые легли в основу общего лингвонима¹.

3.4.2.1. Сербский язык

Н. В. Супрунчук

Статус языка в современном мире

Республика Сербия находится в Южной Европе, основная часть – на Балканском полуострове². Площадь страны 88,5 тыс. км². На севере преобладают равнины, на юге – горы и возвышенности, высшая точка – гора Джеравица (2 656 м). По территории государства протекают реки Дунай, Тиса, Сава, Морава, Дрина и др. В стране два автономных края: Воеводина, Косово и Метохия.

Сербский язык (*српски језик*; ранее *сербскохорватский*, *сербохорватский*, *хорвато-сербский язык* – *српскохрватски* = *хрватскосрпски језик*) – национальный язык сербов, титульной части (основного населения) Республики Сербии. Сербский язык – полицентрический: его национальные варианты формируются в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине (ср. американский, британский и канадский варианты английского языка и т. п.). На базе сербско-хорватского языка продолжается стандартизация хорватского языка как отдельного. Всего в мире по-сербски говорит около 12 млн человек.

Население Сербии составляет примерно 9 млн (по данным 2011 г.). Столица – Белград с населением 1,6 млн человек. Сербия – мультиэтническое государство, где живет около 20 национальностей. В основном это сербы (6 млн, 68 %). Есть также албанцы (главным образом в Косово и Метохии; 1,6 млн, 18 %), венгры (в основном в Воеводине; 254 тыс., 2,8 %), босняки (174 тыс., 2 %), цыгане (156 тыс., 1,7 %), хорваты (58 тыс., 0,6 %), словаки (53 тыс., 0,6 %), черногорцы (39 тыс., 0,4 %) и др. Религиозный состав населения определяется следующим образом: православные (в основном сербы) – 69 %, мусульмане (в основном албанцы и босняки) – 21 %, католики – 4 %, атеисты, агностики и неопределившиеся – 3,5 %. Большая часть населения во время переписи только заявила о своем вероисповедании, но мало участвует в религиозной жизни.

Значительная часть сербов живет в других странах (около 5 млн): в Боснии и Герцеговине (1,1 млн), США (500 тыс.), Германии (500 тыс.), Австрии (300 тыс.), Австралии (200 тыс.), Хорватии (186 тыс.), Черногории (266 тыс.), Канаде

¹ Дается общий список литературы для всех западных южнославянских языков.

² Важно различать: Республика Сербия – это государство. Соседнее государство Босния и Герцеговина состоит из двух частей: а) Республики Сербской; б) Федерации Боснии и Герцеговины.

(150 тыс.), Франции (110 тыс.), Швейцарии (100 тыс.), Швеции (100 тыс.), Великобритании (70 тыс.), Италии (50 тыс.), Словении (39 тыс.), Македонии (36 тыс.), Румынии (20 тыс.), России (20 тыс.), Венгрии (10 тыс.).

Лингвоним и этноним

Название *серб* предположительно связано с греч. Σέρβος, Σέρβλοι, Σέρβιοι, встречались также формы *Serbi, Servia*. А. Брюкнер связывал их с балтославянским звукоподражательным корнем **serbh-/*surbh-* ‘хлебать’ (ср. бел. *сёрбаць*). Л. Мошинский возводит славянское **sьrbь* к индоевропейскому **ser-v-* ‘охранять’ (которое в классическом скифском дало **xarv-*, откуда славян. **xrvati*).

Сербы называют себя *Србин, Српкиња, Срби*.

История языка и формирование современного сербского литературного языка

На территории современной Сербии люди появились давно. Возле с. Мала-Баланика (у города Ниш) обнаружена нижняя челюсть человека, ее возраст примерно 500 тыс. лет. Многочисленные археологические находки датируются 7–3 тыс. до н. э., например в Винче (пригород Белграда) на стоянке охотников Лепеньски-Вир на востоке Сербии.

В начале нашей эры северные Балканы населяли племена фракийцев, иллиров, кельтов, даков. Богатые залежи руды благоприятствовали развитию ремесел и торговли. На территории современного Белграда в начале III в. до н. э. было основано кельтское поселение Сингидун(ум), которое в I в. до н. э. заняли римляне. В III–IV вв. н. э. Римская империя слабеет, ее земли все чаще подвергаются нападениям германцев, кельтов, сарматов и др. После раздела Римской империи в 395 г. Сингидунум отходит к Восточно-Римской империи (позднее получившей название Византия). В 441 г. Сингидунум захватили гунны, которые разрушили город и крепость и продали население в рабство. В течение следующих двухсот лет город несколько раз переходил в руки византийцев, сарматов, остготов, аваров и др. В первой трети VI в. славяне начали проникать южнее Дуная, в VII в. – основывать там поселения, и вскоре они стали доминирующим населением. Славянские племена – предки сербов – расселились на широкой территории в бассейнах рек Дрина, Ибар, Лим, Западная Морава, Нишава, Тара (теперь это Западная Сербия, Северная Черногория, большая часть Боснии и Герцеговины, часть Хорватии).

Начало крещения сербов относится к VII в.: на Дунае крестили римские священники; в окрестностях г. Салоники (Греция, родина Кирилла и Мефодия) – византийские. Не все сербы хотели креститься и нередко прогоняли

церковников. Массовое крещение происходило в IX и в XII вв. по восточно-христианскому обряду.

Первое сербское княжество (с центром в области Рашка) возникло в конце VIII в. Им правила династия Властимировичей. В конце X в. оно распалось, большая часть сербских земель вошла в Византию. При этом продолжались столкновения сербских, болгарских и византийских войск. Около 1168 г. сначала византийским наместником, а затем самостоятельным правителем области Рашка стал Стефан (Симеон) Неманя (ок. 1113–1199) – основатель династии Неманичей, один из выдающихся сербских правителей. Неманичи управляли сербскими землями до середины XIV в. Его сын Стефан Первовенчанный (1166–1227) стал первым сербским королем, а другой сын – Растко (в крещении Савва; 1175–1236 гг.) – первым сербским архиепископом. Благодаря стараниям братьев, сербская церковь становится автокефальной (с 1346 г. имеет своего патриарха). Культы Симеона и Саввы развились в рамках христианства в особую сербскую традицию *святосавство*. Эти святители очень почитаются в Сербии. Их изображения представлены на фресках, в церковном календаре, религиозных текстах. Церковь св. Саввы в Белграде – один из крупнейших православных храмов, его площадь 3650 м².

В XIV в. феодальные распри балканских славян обостряются, центральная власть слабеет, учащаются нападения венгров, византийцев, итальянцев и новых грозных завоевателей – турок-османов. С середины XIV в. турки все чаще вторгаются на Балканы. В день св. Вита, 15 июня 1389 г., сербское войско во главе с князем Лазарем Хребеляновичем сразилось с ними на Косовом поле (рядом с современным г. Приштина). Понеся большие потери, армии разошлись, однако нападения турок продолжались. Вскоре они оккупировали Сербию. Захватчики встречали активное сопротивление народных масс и феодалов. Сербские войска не раз проявляли доблесть и героизм, города и крепости сдавались после тяжелых боев и длительной осады. Однако к середине XV в. большая часть Сербии была захвачена турками и частично венграми. Наступили годы тяжелого ига, национального, социального и религиозного угнетения. Сотни тысяч сербов были убиты, угнаны в рабство или бежали в Австрию, Черногорию, Польшу, Россию и др. Часть славян была вынуждена принять ислам. Перейдя в другую веру, они стали перенимать и культуру, изменилось их этническое самосознание. Таких людей называли «потурченцы». Постепенно из них сформировался народ босняки.

Лишь спустя четыре века, в 1817 г., после ожесточенных боев во время Первого и Второго восстаний, Сербское государство возрождается как автономное княжество в составе Турецкой империи, а полной самостоятельности добивается в 1867 г. Часть территории оставалась под властью Австро-Венгерской империи, Турецкой империи и других государств до Первой мировой войны.

В 1918 г. было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия). Началось активное государственное, общественное и культурное строительство.

В апреле 1941 г. Германия напала на Югославию. Страну оккупировали немецкие, итальянские, венгерские и болгарские войска, часть территории была присоединена к Албании (которую заняли итальянцы), часть – к профашистской Хорватии. В Хорватии начался геноцид сербов, евреев и цыган, сопровождавшийся огромными зверствами. По всей Югославии развернулось массовое партизанское движение, в котором участвовали разные силы: националистические сербские и хорватские, монархические сербские, коммунистические сербские и др. Еще в 1943 г. была провозглашена Демократическая Федеративная Югославия. Народно-освободительная армия Югославии, Красная армия Советского Союза, партизанские отряды осенью 1944 г. совместными усилиями освободили Югославию. После победы СССР в 1945 г. было создано федеративное государство из шести равноправных республик (Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии, Словении, Черногории, Хорватии). Как и Беларусь, Югославия стала одной из стран-основательниц ООН (1945).

После Второй мировой войны Югославия встала на социалистический путь развития. Власть в стране находилась в руках Коммунистической партии Югославии во главе с Иосипом Брозом Тито (1892–1980 гг.; генеральный секретарь, позднее – президент Югославии). При этом была сделана попытка сохранить элементы капитализма: право частной собственности, торговли и предпринимательства, рабочего и местного самоуправления. Наряду с кооперативами существовали частные сельскохозяйственные предприятия. Однако смешанная социалистическо-капиталистическая экономика оказалась неэффективной, в 1970–80-е гг. росли безработица, инфляция и внешний долг. Усилились национальные и религиозные противоречия, в городах разных республик проходили забастовки и демонстрации с требованиями децентрализации власти вплоть до отделения. Начался распад страны. В 1991 г. из Югославии вышли Македония, Словения и Хорватия, в 1992 г. – Босния и Герцеговина, в 2006 г. – Черногория.

В начале XXI в. обострилась ситуация на юге Сербии, в автономном крае Косово и Метохия (сокращенно – Косово), где продолжается национальный конфликт сербов и албанцев. Его корни лежат в древности. В VII в. славяне частично вытеснили, частично ассимилировали местное население. В течение нескольких веков сербские княжества, Византия и Болгария боролись за управление данной территорией. В XII в. эта область вошла в государство Рашка, которым правил Стефан Неманя. Здесь же, в г. Печ, в начале XIII в. был основан монастырь, ставший позднее резиденцией сербских патриархов. В крае строится множество сербских церквей, монастырей, дворцов. В XV в. эти земли захватывают турки и начинают массовую исламизацию и уничтожение местного

населения. Охваченные страхом, люди искали спасения на юге, в Черногории, а также на севере, за Дунаем, в Австрийской империи.

В ходе массовых переселений XVII и XVIII вв. бежало около 180 тыс. человек. На опустевшие земли переселились турки и албанцы. Геноцид славян продолжался и в XIX в. В 1918 г., после окончания Первой мировой войны и распада Турецкой империи, Косово возвращается Сербии. Перепись населения 1931 г. показала, что албанцев становится все больше (60 %), а славян – меньше (33 %). Албанцы продолжали приезжать в Косово, а славяне – уезжать, естественный прирост албанцев также опережал славянский. Национальные противоречия не раз приводили к демонстрациям, забастовкам, этническим столкновениям. В 1991 г. албанцы объявили об отделении от Югославии и развернули партизанско-террористическую войну. Уничтожение славянских памятников, преследование и убийство славян стало массовым. В 1999 г. НАТО 78 дней бомбило Югославию, чтобы заставить ее армию и полицию уйти из Косово. Доля славянского населения в регионе упала до 7 % (около 130 тыс. в 2011 г.) и продолжает сокращаться. В соответствии с резолюцией Совета безопасности ООН № 1244 от 10 июня 1999 г. введена временная международная администрация Косово. Вопреки ей в 2008 г. была провозглашена Республика Косово, сербы и сербский язык вытеснены из края. ООН и около половины стран мира, в том числе Беларусь, не признают эту республику и по-прежнему рассматривают ее как автономный край в составе Сербии.

В 2012 г. Сербия получила статус кандидата в члены Европейского союза. В 2016 г. в интегральном рейтинге ООН по человеческому развитию (*Human Development Index*) Сербия заняла 66-е место из 188 стран.

Исследователи не пришли к единому мнению, говорили ли все те славяне, которые пришли на Балканы, на одном языке (праюжнославянском). Сложности, возникающие при обсуждении этого вопроса, довольно велики. Главная из них в том, что с того периода не сохранилось ни одного записанного слова. Все свидетельства являются косвенными, а, следовательно, не совсем надежными.

Для сербского языка характерны следующие черты:

- 1) слоговой *p*: *црн* ‘черный’, *крв* ‘кровь’;
- 2) слоговой **l* > *y*: *вук* ‘волк’, *суза* ‘слеза’;
- 3) на конце слога **l* > *o*: *орао* ‘орел’, *видео* ‘видел’, *деоба* ‘деление’;
- 4) **ь*, **ь* > *a*: *дан* ‘день’, *сан* ‘сон’;
- 5) **q* > *y*: *пут* ‘путь’, *зуб* ‘зуб’;
- 6) начальные **vь*, **vь* > *y*: *унук* ‘внук’, *удовица* ‘вдова’;
- 7) **dj*, **tj* > [джь], [чь]: *међа* ‘граница’, *свећа* ‘свеча’;
- 8) *tj*, *bj*, *pj*, *vj* > *мь*, *бь*, *пь*, *вь*: *земља* ‘земля’, *копље* ‘копье’;
- 9) в родительном падеже единственного числа существительных нет окончания -*y*: *меда* (бел. *меду*, рус. *меду*, пол. *miodu* и т. д.);

10) родительный падеж местоимений и прилагательных на *-a*: *тог(a)* ‘того’, *зеленог(a)* ‘зеленого’, *њега* ‘его’;

11) 1-е лицо множественного числа глаголов на *-мо*: *говоримо* ‘говорим’, *пишемо* ‘пишем’;

12) утрата конечного **-тъ* в 3-м лице единственного и множественного числа глаголов: *чита* ‘читает’, *читају* ‘читают’, *иду* ‘идут’.

К первым письменным памятникам относятся:

1) глаголические: Мариинское Евангелие (нач. XI в.; старославянский язык сербской редакции), отрывок Гршковича из Деяний апостолов (нач. XII в., старославянский язык сербской редакции);

2) кириллические: Темничская надпись (нач. XI в.), Мирославово Евангелие (ок. 1185), Вуканово Евангелие (к. XII в.), подписи великого жупана Стефана Немани и князя Мирослава на договоре с Дубровником (1186), грамота об основании монастыря Хиландар князя Стефана Первовенчанного (1198), грамота бана Кулина (1189), Хумская плита (нач. XI в., кириллица с несколькими глаголическими буквами);

3) арабографические: арабско-персидско-греческо-сербский разговорник XVI в. «Лугат...» и любовные стихотворения М. Ерделича конца XVI в.

После падения сербских княжеств под ударами турок в начале XV в. литературная жизнь замирает, письменный язык используется только в церковных целях. В начале XVIII в. некоторые авторы (Гаврило Стефанович-Венцлович, Йован Раич) делают попытки ввести в литературу русский, или сербский народный язык.

В 1494 г. в г. Цетине (теперь Черногория) в типографии Джордже Црноевича монах Макарий напечатал «Октоих первогласник» (на старославянском языке сербской редакции) – это первая печатная кириллическая книга у южных славян. В 1494–1496 гг. там же были напечатаны еще четыре книги (впервые книгу на кириллице напечатал Швайпольт Фиоль в Кракове в 1491 г.). В 1597 г. в Венеции выпущен «Букварь» инока Саввы. В 1766 г. вышел «Латинский букварь» Захария Орфелина с латинско-сербским словариком-приложением. В 1791 г. в Вене опубликован словарь Теодора Аврамовича (немецко-сербский и сербско-немецкий), представлявший собой самостоятельную книгу.

XIX в. – период сербского возрождения. После победы Второго сербского восстания в 1817 г. Сербия становится автономным княжеством, начинают интенсивно развиваться общественные институты и культура. Часть Сербии остается под властью Австрийской империи, однако там также происходит либерализация. В 1826 г. в г. Пешт (теперь район Будапешта, Венгрия) была основана «Матица сербская» – старейшее сербское научно-литературное и культурно-просветительское общество (с 1864 г. работает в г. Нови-Сад). Оно сыграло огромную роль в развитии сербской культуры и действует по сей день. С 1824 г. выходит журнал «Летопис Матице српске».

Попытки создания литературного языка для боснийцев, сербов, хорватов и черногорцев предпринимались неоднократно. Наибольшего успеха добился фольклорист, этнограф и лексикограф Вук Стефанович-Караджич (1787–1864). Принимая или отвергая идеи славянских и иных деятелей культуры (Ернея Копитара, Савы Мркаля, Лукина Мушицкого, Луки Милованова и Якоба Гримма и др.), он начинает создавать литературный язык на основе живых народных говоров, новую азбуку и орфографию. В 1814 г. в Вене Караджич публикует грамматику «Писменица сербскога језика», в 1818 г. – сербский словарь («Српски рјечник» – фундамент сербской лексикографии), в 1847 г. выходит его перевод «Нового Завета» на сербский язык. Литературно-языковые идеи Караджича воплощаются в творчестве таких видных литераторов, как Бранко Радичевич, Матея Ненадович, Йован Йованович-Змай и др. Особый стиль формировался в произведениях митрополита и поэта Петара II Петровича-Негоша.

Реформаторские идеи В. Караджича предполагали: а) живой народный язык в основе литературного языка, а именно восточно-герцеговинский диалект и язык фольклора; б) фонетическое правописание (в соответствии с принципом «пиши, как говоришь», каждой букве соответствует один звук и наоборот); в) замену иностранных слов (турецких, немецких, венгерских, старославянских и др.) сербскими (диалектными или неологизмами). Для реализации этих идей он изучил предложения по изменению сербской азбуки и создал новую: удалил буквы, для которых не было звуков в сербском (*i, ъ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ*), и ввел новые (*љ, њ, џ, ѣ, ј*). Эта орфография используется и сегодня.

Идеи Караджича нашли отклик и в других странах. В XIX в. активизируется движение объединения всех южных славян (в это время их территории были оккупированы французами, австрийцами, венграми, турками и др.). Предполагалось, что освобождению и объединению будет способствовать общий язык. В 1850 г. известный славист, возглавлявший кафедру славянских языков Венского университета, Франц Миклошич, пригласил в Вену несколько видных представителей сербской и хорватской интеллигенции. В результате их совещания было подписано соглашение о том, что сербам и хорватам следует пользоваться одним языком («южным наречием»), а также были урегулированы некоторые вопросы правописания по предложению Караджича. Не все деятели культуры приняли данный договор, однако его сторонники начали активно и последовательно кодифицировать сербский язык, которому в целях единства с хорватами дали название *сербско-хорватский* (а также «сербский или хорватский, т. е. хорватский или сербский»).

В 1867 г. в Загребе (столица Хорватии) была основана Югославянская академия наук и искусств. Ее члены Джуро Даничич и Ватрослав Ягич активно работали над созданием общего литературного языка.

С выходом работ Д. Даничича, Т. Маретича «Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika» (1899), словаря И. Броза и Ф. Ивековича (1901) был

кодифицирован общий язык для южных славян (кроме словенцев, болгар и македонцев). В 1880–1976 гг. в Загребе печатался «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika» (23 тома, около 250 тыс. слов). С 1959 г. в Белграде издается «Речник српскохрватског књижевног и народног језика» (завершено 20 томов, запланировано 40 томов, около 500 тыс. слов), в 2007 г. опубликован «Речник српског језика» («Матица српска», около 75 тыс. слов).

Значительный вклад в изучение языков и диалектов Боснии и Герцеговины, Черногории, Сербии и Хорватии внесли А. Белич, Д. Брозович, М. и П. Ивичи, а также Р. Драгичевич, И. Клайн, М. Лалевич, А. Лома, А. Младенович, Д. Петрович, П. Пипер, М. Радованович, П. Скок (автор этимологического словаря), М. Стеванович, Б. Тошович, Д. Шипка и др. Списки работ по языкознанию, вышедших в Сербии и Черногории, ежегодно публикуются в журнале «Јужнословенски филолог». С 1971 г. проходит конференция «Научни саста­нак слависта у Вукове дане», доклады которой выпускаются в тематических сборниках.

Новый литературный язык формировался также в произведениях таких писателей, как Иво Андрич (лауреат Нобелевской премии 1961 г.), Добрица Чосич, Мирослав Крлежа, Иван Мажурич, Владимир Назор, Милорад Павич, Меша Селимович, Милош Црњанский и др.

Политика сближения наций и унификации языка поддерживалась также на государственном уровне и в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1929), и в Королевстве Югославии (1929–1941), и в социалистической Югославии (1945–1992). Политическая воля привела даже к тому, что в Конституциях Югославии 1921 и 1931 г. утверждалось: «Служебный язык Королевства сербско-хорватско-словенский». Конституция 1974 г. гарантировала равноправие языков всех народов.

В настоящее время в Сербии сербский язык имеет статус официального языка, кириллица – официального письма, также определены широкие сферы использования языков национальных меньшинств. Кроме того, сербский язык является официальным в Черногории, а также в Боснии и Герцеговине.

Диалекты

Западную часть южнославянских языков формируют словенские диалекты, чакавское, кайкавское, штокавское¹ и призренско-тимочское наречия.

На штокавском наречии говорят босняки, сербы, черногорцы и часть хорватов. Оно используется в Сербии (за исключением южной и юго-восточной части), Черногории, Боснии и Герцеговине и на большей части территории

¹ Название происходит от местоимения *ča* ‘что’ (ср. также *zač* ‘почему’), в отличие от кайкавских *kaj* (*zakaj*) и штокавских *што/шта* (зашто). И *ča*, и *što* возникли из одного и того же праславян. *čь ‘кто/что’ + *to.

Система гласных сербского языка

Подъем	Ряд и участие губ			
	передний	средний	задний	
	неогубленные		огубленные	
Верхний	i			u
Средний		e		o
Нижний			a	

Гласные заднего ряда огубленные, остальные неогубленные. В иекавском произношении также присутствует дифтонг [ie] переднего ряда средневерхнего подъема.

Предударные гласные всегда краткие, заударные могут быть долгими (обозначается горизонтальной чертой над буквой): *mada* [táda] ‘тогда’, *organizacijom* [organizácijóm] ‘организацией’. Последний слог почти всегда безударный, исключение составляют односложные слова и отдельные заимствования, где наряду с рекомендованным *paráđajz* ‘помидор’, *dokument* ‘документ’ слышится *paráđajz*, *dokumènt* и т. п. Долгих согласных нет, за исключением слогового *p*, например *četvrti* [čètveřtī] ‘четвертый’.

Есть клитики, т. е. слова, не способные «порождать» ударение: предлоги, союзы, частицы, а также краткие формы личных местоимений (*mi* ‘мне’, *nam*, *ih* и т. д.), глаголов *biti* ‘быть’ (*сам, си, је* и т. д.) и *xmeti* ‘хотеть’ (*ћу, ћеш, ће* и т. д.) и др. Они составляют одно ударное целое с предыдущим или последующим словом, например: *Дала ми је торбу* [dála mi je tórbu] ‘Она дала мне сумку’.

Система сербского консонантизма представлена в табл. 25.

Система согласных сербского языка

Способ образования		Участие голоса	Место образования						
			губно-губные	губно-зубные	зубные	альвеолярные	альвеолярно-палатальные	палатальные	велярные
Шумные	смычные (взрывные)	Гл. Зв.	p b		t d				k g
	смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл. Зв.					č џ	ć џ’	
	щелевые (фрикативные)	Гл. Зв.		f	s z		š ž		x

Способ образования		Участие голоса	Место образования						
			губно-губные	губно-зубные	зубные	альвеолярные	альвеолярно-палатальные	палатальные	велярные
Сonorные	носовые		m			n		n'	
	боковые					l		l'	
	дрожащий (вибрант)					r			
	фрикативные			v				j	

Морфология. Сербский язык является флективным и преимущественно синтетическим. Литературный язык и большинство диалектов сохранили богатую систему словоизменения. В них присутствуют грамматические категории, типичные для славянских языков.

У существительных, прилагательных, числительных, местоимений и глаголов есть единственное и множественное число.

У существительных, прилагательных, числительных (порядковых и некоторых количественных) и глаголов (в формах причастий, прошедшего времени и сослагательного наклонения) представлены мужской, женский и средний род. Род различается и в единственном, и во множественном числе: *дошли су наши нови студенти* ‘пришли наши новые студенты’ – *дошле су наше студенткиње* ‘пришли наши новые студентки’ – *дошла су наша нова писма* ‘пришли наши новые письма’.

Существительные, прилагательные, порядковые числительные и местоимения изменяются по падежам: именительный, родительный, дательный-предложный, винительный, творительный. Есть звательная форма, например, *доктор – докторе* ‘доктор’, *Милица – Милице*. Во множественном числе она совпадает с именительным падежом. Заимствованные существительные на гласный имеют мужской род и склоняются: *возим се таксијем* ‘я еду на такси’, *говори на радију* ‘выступает по радио’.

Категория одушевленности проявляется у существительных мужского рода в винительном падеже единственного числа: *видим аутомобил* (именительный падеж) ‘я вижу машину’, но *видим пријатеља* (родительный падеж) ‘я вижу друга’.

Количественные числительные утрачивают склонение: *један* изменяется, *два, три и четири* – редко, остальные – никогда.

У прилагательных есть категории определенности/полноты (*зелен – зелени* ‘зеленый’) и степени сравнения. Формы сравнительной степени образуются

при помощи суффиксов *-иј-*, *-и-*, чередований (из-за суффикса *-ј-*) или супплетивизма: *нов – новији* ‘новый’, *лак – лакши* ‘легкий’, *низак – нижи* ‘низкий’. Превосходная степень состоит из приставки *нај-* и сравнительной степени. Формы сравнительной и превосходной степени согласуются с главным словом как полные прилагательные: *Мајка је виша од оца* ‘Мать выше отца’, *Отац је виши од мајке* ‘Отец выше матери’, *Сећам се најинтересантијег филма* ‘Я помню самый интересный фильм’.

Сохранились три указательных местоимения: *овај, тај, онај*. Они различаются по степени пространственной и временной близости к говорящему и слушающему (‘этот – тот’).

У глаголов представлены категории лица (1-е, 2-е, 3-е), числа, рода, времени, залога (действительный и страдательный), вида (совершенный и несовершенный), переходности/непереходности и наклонения (изъявительное, повелительное, сослагательное). Есть двувидовые глаголы, например, *видети* ‘(у)видеть’, *ручати* ‘обедать/пообедать’.

Активно используются формы следующих времен: настоящего, сложного прошедшего (перфект), будущего I и будущего II. Формы иных прошедших времен (аориста, имперфекта, плюсквамперфекта) встречаются значительно реже и являются особенностью индивидуального или функционального стиля. В зависимости от гласных окончания выделяются три типа спряжения: *пита́м* ‘спрашиваю’, *ди́жем* ‘поднимаю’, *види́м* ‘вижу’. Перфект состоит из краткой формы настоящего времени вспомогательного глагола *бити* и активного причастия на *-л* смыслового глагола: *Снежана је дошла* ‘Снежана пришла’, *Пријатељи су певали* ‘Друзья пели’.

Будущее I состоит из краткой формы глагола *хтети* ‘хотеть’ и инфинитива смыслового глагола: *Јована ће помагати* ‘Йована будет помогать’. Оно используется в простых предложениях или в главной части сложных. Будущее II встречается в зависимой части сложных предложений и состоит из формы глагола *бити* совершенного вида и причастия на *-л* смыслового глагола: *Ако ти Јована буде помагала, брзо ћеш све завршити* ‘Если Йована будет тебе помогать, то ты быстро все закончишь’.

Грамматическим синонимом инфинитива (с определенными ограничениями) служит конструкция «да + форма настоящего времени», например: *Мораш да им помогнеш* = *Мораш им помоћи* ‘Ты должен им помочь’; в настоящем времени *Марија воли читати* = *Марија воли да чита* ‘Мария любит читать’; будущем I *Марија ће читати* = *Марија ће да чита* ‘Мария будет читать’.

Из причастий используется только форма страдательного залога прошедшего времени: *узоран* ‘вспаханный’. Есть деепричастия несовершенного и совершенного вида: *смејући се* ‘смеясь’, *сазнавши* ‘узнав’.

Отрицательная морфема *ne* и возвратная морфема *se* пишутся отдельно от основы: *ne смеје се* ‘не смеется’. Исключения: ‘быть’ и ‘хотеть’ в настоящем времени: *није, нећемо*.

Синтаксис. Порядок слов во фразе относительно свободный. При этом сказуемое обычно следует за подлежащим и предшествует дополнению (ср. *Љубав је победила смрт* ‘Любовь победила смерть’ – *Смрт је победила љубав* ‘Смерть победила любовь’). Согласованное определение предшествует определяемому слову, несогласованное – следует за ним. При необходимости логически выделить какой-либо член предложения он может быть переставлен на иное место. Энклитики тяготеют к началу предложения (после первого ударного слова или словосочетания), а их взаимное расположение регулируют специальные правила, например: *Поклонио бих им га у суботу* ‘Я бы подарил им его в субботу’.

Важная черта сербской фразы – глагольность: *Данас имамо госте* ‘У нас сегодня гости’; *Марија је архитекта* ‘Мария – архитектор’; *Наша кућа је висока* ‘Наш дом высокий’; *Немам брата* ‘У меня нет брата’ и др. Дополнение при отрицании обычно стоит в винительном падеже. Личные местоимения (особенно 1-го и 2-го лица) в качестве подлежащего используются редко, для того чтобы исключить неясность (*Она те чека* или *Он те чека* ‘Она/он тебя ждет’) или логически подчеркнуть производителя действия (*Док се ти купаеш, ја ћу нам скувати кафу* ‘Пока ты купаешься, я сварю нам кофе’), а также ввести энклитику в начале предложения (*Ти си геније* ‘Ты – гений’). Отрицательная частица *ne* обычно размещается перед глаголом: *Марко не путује* ‘Марко не путешествует’, *Марко не путује често* ‘Марко путешествует нечасто’, *Марка не занима новац, већ љубав* ‘Марко интересуют не деньги, а любовь’.

Существуют те же типы синтаксических отношений, что и белорусском и русском языках: сочинительные и подчинительные (согласование, управление и примыкание).

Лексика. Основу лексики сербского языка составляют славянские слова. К праславянским относятся *муж, тело, кост* и др. Некоторые слова специфичны для сербского либо южнославянского региона, они неизвестны или малоизвестны в других славянских языках, например, *божур* ‘пион’, *број* ‘число; номер’, *киша* ‘дождь’, *пролеће* ‘весна’. Через турецкий язык пришли тюркские, арабские и персидские слова, например, *ага* ‘ага’, *бег* ‘бей’, *хоџа* ‘ходжа’, *тилав* ‘плов’, *сокак* ‘улочка; переулок’, *боја* ‘цвет’. Из русского проникли *чиновник, горд, искрен, предложити, слог*. Немало заимствований из церковнославянского, немецкого, греческого, венгерского, английского языков. Более половины сербских слов не имеет подобных по звучанию в белорусском или русском языках. Примерами «ложных друзей переводчика» могут служить *живот* ‘жизнь’ – *живот* ‘стомак’, *нагло* ‘быстро; внезапно’ – *нагло* ‘безобразно’, *уронити* ‘нырнуть’ – *уронити* ‘испустить’ и др.

3.4.2.2. Хорватский язык

Е. Н. Руденко

Статус языка в современном мире

Хорватский язык (*hrvatski jezik*) – официальный язык Хорватии, Боснии и Герцеговины (наряду с боснийским и сербским) и один из шести официальных языков автономного края Воеводина в составе Сербии. Население современной Хорватии составляет около 4,2 млн человек, более 90 % считают себя хорватами.

Лингвоним и этноним

В настоящее время не существует единой гипотезы относительно происхождения этнонима *хорваты*. Предполагается, что наиболее раннюю фиксацию он находит в надписях, обнаруженных в располагавшемся в устье Дона древнегреческом городе Танаисе, в форме *Χορόα[θος]* или *Χορόαθος*. Носителями этого антропонима, как полагает А. Майоров, вероятнее всего, могли быть члены одноименного сарматского племени, обитавшего в низовьях Дона. Из этого региона начинается перемещение этого названия на запад и превращение его в славянский этноним, произошедшее вследствие тесных этнических контактов сарматов с предками славян на юге Восточной Европы.

От этого этнонима происходит лингвоним *хорватский язык*. Официальный статус хорватского языка был подтвержден в 1991 г. В Конституции Республики Хорватии можно найти следующую формулировку: «В Республике Хорватии в официальном употреблении находится хорватский язык и латинский алфавит».

История языка и формирование современного хорватского литературного языка

Славянские племена хорватов, давшие начало хорватской нации, мигрировали к восточному побережью Адриатического моря в VII в. Вскоре Хорватское королевство стало одним из сильнейших в регионе. В 1102 г. хорватская корона соединилась с венгерской. В середине XV в. венгерское владычество на севере страны сменилось турецким, при этом Дубровницкая республика сохраняла независимость. С 1526 г. хорватские земли начинают концентрироваться в составе Австрийской империи. После Первой мировой войны Хорватия вошла в состав Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев; в 1929 г. государство было переименовано в Королевство Югославия, где с 1939 г. Хорватия получила статус автономии. В 1991 г. Хорватия провозгласила независимость. Межэтнические столкновения в республике после провозглашения независимости переросли в войну в Хорватии, продолжавшуюся до конца 1995 г. Провозглашение неза-

висимости Хорватией и Словенией стало началом распада Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ).

Первые памятники сербско-хорватского макроязыка написаны глаголицей и кириллицей. Глаголица характерна для хорватской письменности на основе чакавских диалектов (надписи, литургические тексты, деловая письменность). На чакавской основе развивался хорватский извод церковнославянского языка, а в начале XVI в. получил распространение смешанный церковнославянско-хорватский (чакавский вариант) официальный язык. Латинский алфавит у хорватов начал употребляться с XIV в. в Далмации (по итальянскому образцу), а с XVI в. на территории кайкавского диалекта (по образцу венгерской графики). В 30-е гг. XIX в. хорваты переходят на алфавит с диакритическими знаками чешского типа.

Древнейшим глаголическим памятником считается надпись на Башчанской плите (1100).

В Средние века различают три типа литературного языка: хорватский извод церковнославянского языка, гибридный чакавско-церковнославянский язык, смешанный чакавско-кайкавский язык. Самые древние памятники чакавского народного языка – Истарский развод 1275 г. и Винодольский законник 1288 г.

В энциклопедии «Языки мира. Славянские языки» отмечается, что в 1604 г. иезуит Бартол Кашич создал первую хорватскую грамматику (на надрегиональной чакавской основе с указаниями на параллельные штокавские формы) «*Institutiones linguae illyricae*». В XVII–XVIII вв. выходят словари на различной диалектной основе: «*Dictionar*» Юрая Хабделича (Грац, 1670 г.), «*Vlago jezika slovinskoga*» Якова Микали (Лорето, 1649 г.), «*Gazophylacium*» Ивана Белостенца (Загреб, 1740 г.), «*Dizionario italiano, latino, illirico*» Арделио делла Белла (Венеция, 1728 г.). «*Nova slavonska i nimacska gramatika*» Матии Антуна Рельковича (Загреб, 1767 г.) имеет штокавско-славонские черты.

Большую роль в становлении литературного хорватского языка сыграл полный перевод Св. Писания, изданный Петром Катанчичем в 1831 г. (содержит штокавско-икавские (боснийские) черты). Литературный язык на штокавской основе употреблялся у хорватов от Славонии до Дубровника (включая Боснию) уже в начале XIX в. Одновременно вплоть до 1870-х гг. оставался в употреблении и кайкавский региональный литературный язык. Под влиянием чешской модели были созданы хорватский орфографический кодекс Л. Гая (Буда, 1830 г.) и грамматика В. Бабукича (Загреб, 1836 г.).

К середине XIX в. у хорватов имелись различные региональные концепции литературного языка (Загреб, Риека, Задар). Победила концепция развития литературного языка на штокавской диалектной основе, провозглашаемая деятелями иллиризма во главе с Людевитом Гаем. Желая объединиться с сербами в языковом и литературном отношении, хорваты приняли в 1836 г. реформу Вука Караджича, выбрали в качестве языкового стандарта штокавское наречие, но

стали использовать не кириллицу Караджича, как сербы, а латинский алфавит чешского образца. В конце XIX в. модель общего сербско-хорватского языка была кодифицирована в «Хорватском правописании» И. Броза (1892), «Грамматике и стилистике хорватского или сербского литературного языка» Т. Маретича (1899) и в «Словаре хорватского языка» Ф. Ивековича и И. Броза (1901).

В XX в. языковая норма, основанная на языке Вука Караджича и народного эпоса, стала устаревать. В 1954 г. в городе Нови-Сад были разработаны новые правила. Было подтверждено, что национальный язык хорватов, сербов и черногорцев един, и что нормы хорватов (на основе загребского варианта) и сербов (на основе белградского варианта) являются формами одного литературного языка, получившего название хорватско-сербского (или сербско-хорватского, причем особо подчеркивалась равноправность вариантов названия). Фундаментальный 23-томный исторический толковый «Словарь хорватского или сербского языка» был начат в 1881 г. и закончен в 1976 г. Этот словарь содержит лексику хорватско-сербского языка (280 тыс. слов) и охватывает период с древней эпохи до середины XIX в.

Хотя официально сербско-хорватский язык оставался единым языковым стандартом до 1991 г., уже в 1960-е гг. все заметнее становятся сепаратистские тенденции в Хорватии («Декларация об имени и положении хорватского литературного языка» 1967 г.; так называемый маспок начала 1970-х гг. – массовые протесты хорватских интеллектуальных кругов), а с 1974 г. здесь официально вводится название *хорватский язык*.

До распада СФРЮ в 1991 г. сербско-хорватский язык в обеих орфографических (включая оба алфавита) и обеих орфоэпических нормах преподавался в школе. В настоящее время педагогический статус языков-наследников сербско-хорватского языка регулируется законодательством соответствующих государств.

Диалекты

В число хорватских диалектных групп входят три группы диалектов: штокавская (наиболее широко представленная, распространены иекавские говоры), кайкавская (Северо-Западная Хорватия) и чакавская (в основном на островах Адриатического моря) (более подробно см. подразд. 3.4.1). Жителям столицы Хорватии Загреба, расположенного на территории кайкавского диалекта, свойственно своеобразное городское просторечие.

Современный хорватский литературный язык

Хорватский язык – часть сербско-хорватского языкового континуума. В нем выделяются территориальные диалекты и литературный стандарт. Литературная норма хорватского языка базируется на говорах штокавского наречия (как и нормы сербского, боснийского и черногорского языков).

Графика. В основе современного хорватского алфавита (*gajica*) лежит латиница, он состоит из 27 букв и трех диграфов (обычно также считающихся буквами) *lj, nj, dž*, соответствующих кириллическим графемам *љ, њ, џ*. Имеются также буквы с диакритиками *č, ć, Đ, š, ž*, соответствующие кириллическим *ч, ѣ, ж, ш, ж*.

Фонетика. Исключительно сербской является экавская произносительная норма, иекавская же может быть и сербской, и хорватской, и боснийской (табл. 26).

В хорватском языке 6 гласных звуков: [a], [e], [i], [o], [u] и дифтонг [ie] (*mlijeko* ‘молоко’). Каждый гласный звук, а также слоговой [гъ] может быть кратким и долгим в ударных и заударных слогах.

Таблица 26

Система гласных хорватского языка

Подъем	Ряд				
	передний		средний	задний	
Верхний	i				u
Средний		e		o	
Нижний			a		

В хорватском языке 25 согласных звуков (табл. 27). Согласный [x] сохраняется во всех позициях, тогда как в сербском [x] в большом числе случаев утрачивается или замещается через [j], [v]: серб. *duvan* ‘табак’ – хорв. *duhan*, серб. *uvo* ‘ухо’ – хорв. *uho*, серб. *suв* ‘сухой’ – хорв. *суh*. Таким образом, в определенных случаях идентичные в остальном лексемы сербского и хорватского языков различаются лишь по одному фонетическому признаку (ср. соответствия серб. *št* хорв. *š* в таких лексемах, как серб. *opšti* ‘общий’ – хорв. *opći*).

Таблица 27

Система согласных хорватского языка

Способ образования		Участие голоса	Место образования						
			губно-губные	губно-зубные	зубные	альвеолярные	альвеолярно-палатальные	палатальные	велярные
Шумные	смычные (взрывные)	Гл.	p		t				k
		Зв.	b		d				g
	смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл.					č	čʹ	
		Зв.				ʧ	ʧʹ		
	щелевые (фрикативные)	Гл.		f	s	š		x	
		Зв.			z	ž			

Способ образования		Участие голоса	Место образования						
			губно-губные	губно-зубные	зубные	альвеолярные	альвеолярно-палатальные	палатальные	велярные
Сonorные	носовые		m			n		n'	
	боковые					l		l'	
	дрожащий (вибрانت)					r			
	фрикативные			v				j	

Морфология. В свете развития современной языковой ситуации на территории бывшей СФРЮ с ярко выраженной установкой на одноязычные общества и максимальное расподобление языков-наследников сербско-хорватского языка особое значение приобретают – действительные и предположительные – различия между ними.

Между сербским и хорватским языками имеются различия в употреблении определенной/неопределенной (полной/краткой) форм прилагательного: серб. *u Andrićevom* (полная форма) *d(j)elu* ‘в произведении Андрича’ – хорв. *u Andrićevu* (краткая форма) *djelu*.

Отдельные лексемы в сербском и хорватском языках могут иметь различный грамматический род: серб. *osnov* ‘основа’ – хорв. *osnova*, серб. *minut* ‘минута’ – хорв. *minuta*, серб. *prtljag* ‘багаж’ – хорв. *prtljaga*.

Названия деятелей в сербском языке имеют суффикс *-ista*, в хорватском – *-ist*: серб. *rusista* ‘русист’ – хорв. *rusist*, серб. *biciklista* ‘велосипедист’ – хорв. *biciklist*. Сербские производные женского рода от существительных мужского рода образуются преимущественно суффиксом *-ka/-kinja*, хорватские – суффиксом *-ica*: серб. *profesorka* ‘женщина-профессор’ – хорв. *profesorica*, серб. *studentkinja* ‘студентка’ – хорв. *studentica*.

Деминутивы в сербском языке обычно имеют суффикс *-če*, в хорватском – *-(ć)ić*: серб. *uniče* ‘внучок’ – хорв. *uničić*, серб. *kamenče* (*kamenčić*) ‘камешек’ – хорв. *kamenčić*.

В сербском языке числительные в большей степени утратили склонение, чем в хорватском: серб. *iz dv(ij)e zemlje* ‘из двух стран’ – хорв. *iz dviju zemalja*, серб. *služiti dva gospodara* ‘служить двум господам’ – хорв. *služiti dvama gospodarima*.

Собирательные числительные в сербском языке оканчиваются на *-oro*, в хорватском – на *-ero*: серб. *petoro* ‘пятеро’ – хорв. *petero*.

Сербским глаголам иностранного происхождения на *-irati*, *-isati*, *-ovati* в хорватском языке соответствуют лишь формы на *-irati*: серб., хорв. *telefonirati*

‘звонить, говорить по телефону’, но серб. *intervjuisati* ‘интервьюировать’ – хорв. *intervjuirati*, серб. *protestovati* ‘протестовать’ – хорв. *protestirati*.

Синтаксис. В синтаксисе хорватского и сербского языков много общего (см. подразд. 3.4.2.1). В хорватском языке, как и в сербском, относительно свободный порядок слов. Синтаксис этих языков схож, хотя имеются некоторые отличия. Так, в хорватском языке после модальных глаголов предпочтительно употребление инфинитива, а не конструкция с частицей *da* + глагол в форме настоящего времени, как в сербском: *Treba pričekati* ‘Нужно подождать’; *Moramo biti zajedno* ‘Мы должны быть вместе’. Характерным для хорватского языка является сочетание *za* + инфинитив: *Šta ima za jesti?* ‘Что есть для еды (поесть)?’

В вопросительных конструкциях хорватского языка используется, как правило, частица *li*, которая ставится после глагола (*Je li nešto ozbiljno?* ‘Что-нибудь серьезное?’), в сербском языке помимо этого может использоваться начальная конструкция *da li*.

Лексика. Как отмечали А. Кречмер и Г. Невекловский, наибольшей степенью вариативности отличается лексика, тогда как различия в фонетике и грамматике немногочисленны и часто реализуются лишь на уровне допустимых внутрисистемных вариантов. Ср. лексические дублеты (все примеры даются лагнницей): серб. *supa* (*čorba*) ‘суп’ – хорв. *juha*, серб. *voz* ‘поезд’ – хорв. *vlak*, серб. *uslov* ‘условие’ – хорв. *uvjet*, серб. *sedmica* (*ned(j)elja*) ‘неделя’ – хорв. *tjedan*. Некоторые дублеты демонстрируют различия лишь на морфемном (словообразовательном) уровне: серб. *počasni* ‘почетный’ – хорв. *začasni*, серб. *preduzeće* ‘предприятие’ – хорв. *poduzeće*, серб. *sudski* ‘судебный’ – хорв. *sudbeni* и т. д. Интернационализмы сербского языка в хорватском обычно имеют славянские соответствия (традиционный для хорватского языка пуризм заметно усилился в начале 1990-х гг., после обретения Хорватией государственности): серб. *muzika* ‘музыка’ – хорв. *glazba*, серб. *taksa* ‘такса’ – хорв. *pristojba*, серб. *depozit* ‘депозит’ – хорв. *pohrana*.

3.4.2.3. Боснийский язык

Е. Н. Руденко

Статус языка в современном мире. Лингвоним и этноним

Боснийский язык (также *босняцкий*, *босанский*, *бошняцкий*, самоназвание: *bosanski jezik*, *bosanski jezik*) – язык мусульманского населения бывшей Югославии, распространенный преимущественно в Боснии и Герцеговине, где имеет официальный статус наряду с сербским и хорватским. Как отмечали А. Кречмер и Г. Невекловский, в Боснии, где нет титульной нации, название «боснийский» (*bosanski*) является лингвонимом боснийских мусульман

(самоназвание Вођњаси, ранее Muslimani). Примерно половина населения Боснии и Герцеговины считает себя босняками (мусульманскими боснийцами). Боснийский язык имеет официальный региональный статус в некоторых районах Сербии и Черногории.

История языка и формирование современного боснийского литературного языка

Переплетение религий, народов и языков обусловлено историей этого края. Согласно П. Матвееву, во времена Римской империи Босния и Герцеговина входили в состав одной из ее провинций, носившей название Иллирика (Illiricum). Босния сначала составляла часть Хорватии, оспариваемую у нее Сербией. Около X в. из Боснии образовалось вассальное банство, подвластное хорватской короне. С 1180 г. начинается исторический период существования Боснии. В это время здесь распространяется богомилство, и римско-католическая церковь предпринимает ряд крестовых походов для его искоренения. Около 1300 г. к Боснии была присоединена Герцеговина. В 1355 г. при Стефане Тврдко, принявшим титул короля, Босния достигла значительной степени благосостояния, поскольку отсутствовали внутренние противоречия. Все вероисповедания (т. е. православные, католики и богомилы) пользовались полной терпимостью, что принесло мир и спокойствие, которых Босния, обуреваемая религиозными распрями, ранее не знала. С присоединением сербских и хорватских земель в XIV в. Босния достигла наибольших размеров.

В роковой для южного славянства Косовской битве участвовало до 30 тыс. босняков, которые отступили, обороняясь, и удержали турок от вторжения в пределы Боснии. Но тем не менее боснийские баны вследствие возникших в стране междоусобиц должны были признать себя данниками султана, а в 1463 г. Босния и Герцеговина стали турецкими провинциями. При этом 30 тыс. мальчиков из босняков были обрезаны и записаны в корпус янычар, и большинство бояр ради сохранения своего имущества и положения приняло ислам. Это обстоятельство имело огромное влияние на дальнейшую судьбу Боснии. Высший класс населения таким образом отделился от народа, оставшегося верным христианской вере, и стал усердным и надежным оружием турецкой власти, но при этом сохранил свой славянский язык и свои феодальные права и организацию. Города и отдельные округа Боснии находились под управлением *капетанов*, власть которых сохранилась наследственно в старинных знатных родах и передавалась от отцов к детям. Исключение составлял только Травник, где находился султанский визирь, и Сараево, в котором постоянно стояло султанское войско. Остальная страна была разделена между мусульманами-спахиями (помещиками), которые именем султана взымали подати с земледельцев (кметов).

Религиозные мусульманско-христианские распри приводили к постоянным волнениям на этой территории. Тяжелое положение христиан-кметов вызвало многократные протесты. В июне 1875 г. вспыхнуло восстание, которое вовлекло Турцию в войну с Сербией и Черногорией. В конфликт вмешалась Россия, которая в 1877 г. объявила войну Турции. По Сан-Стефанскому договору 1878 г. управление этими областями было возложено на Австро-Венгрию. Экономические условия в стране улучшились незначительно, крестьяне по-прежнему терпели нужду; образование оставалось на очень низкой ступени развития. С 1878 по 1918 г. Босния и Герцеговина входили в состав Австро-Венгрии, в 1918–1992 гг. – Югославии. С окончанием Боснийской войны (1992–1995), в которой принимали участие сербы, боснийские мусульмане, хорваты и другие стороны, по Дейтонскому соглашению 1995 г. страна получила современное наименование и конституционное устройство.

Конституция Боснии и Герцеговины 1995 г. не определяет официальных языков, однако Дейтонское соглашение о мире в Боснии и Герцеговине было подписано на боснийском, хорватском, английском и сербском языках, поэтому указанные языки (исключая английский) *de facto* признаны тремя государственными языками. Равный статус боснийского, сербского и хорватского был подтвержден Конституционным судом в 2000 г. «...при фактической дифференциации языкового употребления по этнически-территориальному признаку (раздельное обучение, национальная ориентация средств массовой информации)»¹.

К древнейшим памятникам письменности, созданным на территории Боснии и Герцеговины (XIV–XV вв.), относятся *Дивошево Евангелие*, *Хвалов сборник*, а также эпитафии на стечках – средневековых надгробиях (найжены также в Сербии, Хорватии, Черногории), включенных в 2016 г. в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (например, так называемая Хумацкая плита XII в.). В сербских монастырях XV–XVII вв. создавалась историческая литература. В XVI в. получила развитие мусульманская литература на турецком, арабском, персидском и боснийском языках, записанная арабским письмом.

В дотурецкий период здесь, как и в других регионах Южной Славии, письменность вне сферы делопроизводства и права намного сильнее, чем в Новое время, была связана с верой и церковью, и это при том, что на территории средневекового боснийского государства сосуществовали (в разных регионах) три церкви: православная, католическая и так называемая боснийская. Последняя была принципиально против обеих официальных христианских церквей, она действовала скрытно и практически не оставила письменных сле-

¹ Кречмер А. Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. М., 2005. С. 141.

дов, в отличие от богатого письменного наследства католичества и православия на территории Старой Боснии. Во время многовекового турецкого владычества здесь дополнительно сложилась ориентальная составляющая письменной культуры – на турецком, арабском и персидском языках. В это время сформировалась и протурецкая фольклорная традиция в среде перешедших в ислам славян Боснии. Значительную роль в этот период сыграла и письменность, создаваемая католическими монахами-францисканцами, чье влияние среди боснийских хорватов было велико, поскольку они писали на языке, близком к народному. Для православных жителей Боснии, как и для других православных славян под турецким игом, большую роль в качестве фактора интеграции и самоопределения играло устное народное творчество.

Современный боснийский литературный язык

В текстах на боснийском языке используется латиница-гаевица, названная по имени деятеля хорватского Возрождения Людевита Гаея, модифицировавшего латинский алфавит для хорватского языка, и кириллица-вуковица, или сербская кириллица, модифицированная Вуком Стефановичем-Караджичем.

Как указывают А. Кречмер и Г. Невекловский, к основным признакам боснийского языкового стандарта можно отнести:

1) тенденцию к сохранению и вторичному появлению фонемы [h] (в скобках приводится соответствующая форма сербохорватского языкового стандарта: *bahnuti (banuti)* ‘неожиданно появиться’, *horiti se (oriti se)* ‘отражаться’ и т. д.);

2) распространение турцизмов и ориентализмов, предпочтительно в форме, наиболее близкой к исходной: *aždaha (aždaja)* ‘дракон, змей’, *bahsuz (baksuz)* ‘неудачник’, *bašča (bašta, bašća)* ‘сад’, *buzdohan (buzdovan)* ‘булава’, *čef (čef)* ‘удовольствие’, *findžan (fildžan)* ‘чашка’, *kafez (kavez)* ‘клетка’, *kahva (kafa/kava)* ‘кофе’. Кроме того, наблюдается уменьшение числа бывших ранее в употреблении сербизмов при одновременном увеличении числа хорватских форм. При этом сохраняются и некоторые традиционные сербские формы: *hirurg* ‘хирург’ (хорв. *kirurg*), *hemija* ‘химия’ (хорв. *kemija*), *okean* ‘океан’ (хорв. *ocean*).

3.4.2.4. Черногорский язык

Е. Н. Руденко

Статус языка в современном мире. Лингвоним и этноним

Черногорский язык (самоназвание: *crnogorski jezik, црногорски језик*) – официальный язык Черногории, согласно Конституции, принятой 22 октября 2007 г. В Конституции также отмечается, что кириллическая и латинская орфография являются равноправными. Официально используются также сербский, боснийский, албанский и хорватский языки.

По данным последней переписи 2011 г., население Черногории составляет около 620 тыс. человек; 45 % из них считают себя черногорцами, около 30 % – сербами, 9 % – босняками и 5 % – албанцами. Родным черногорский язык назвали 229 251 человек, или 37 % жителей страны.

В 2011 г. были разработаны новые школьные учебники черногорского языка. 13 декабря 2017 г. Международная организация по стандартизации приняла решение о признании черногорского языка и отделении его от сербского.

История языка и формирование современного черногорского литературного языка

История Черногории неразрывно связана с историей всей зоны распространения сербско-хорватского макроязыка. В VI в. на земли Черногории пришли славяне и смешались с местными племенами. В 1042 г. было провозглашено сербское государство Дукля (позже Зета), включавшее и черногорские земли. В 1185 г. Зета была присоединена к Государству Рашка, но в 1326 г. восстановила свою независимость. В 1496 г. Зета приняла протекторат Османской империи, от которого полностью освободилась только в XVIII в. После Первой мировой войны в 1918 г. Черногория вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев. С момента распада Югославии (27 апреля 1992 г.) оставалась в составе Государственного союза Сербии и Черногории (4 февраля 2003 г.). После референдума 21 мая 2006 г., в результате которого 55,5 % избирателей проголосовали за выход республики из союза, 3 июня 2006 г. Черногория провозгласила независимость.

Первыми памятниками письменности, появившимися на территории Черногории во второй половине XII в., считаются «Летопись попа Дуклянина» и Евангелие Мирослава (не следует забывать, что в то время у сербов, хорватов, черногорцев был единый язык). Как уже сказано в разделе «Сербский язык», в 1494 г. именно в Черногории в г. Цетине появилась первая печатная кириллическая книга южных славян – «Октоих первогласник».

Современный черногорский литературный язык

В 2009 г. были приняты новые правила черногорской орфографии (Pravopis crnogorskog jezika). Эти правила частично приведены в новом издании энциклопедии «Языки мира. Славянские языки»: «В оба алфавита дополнительно включены по две графемы для обозначения средненебных фрикативных согласных: *š, ž* – в латиницу и *š', ž'* – в кириллицу (особые графемы для обозначения звонкой свистящей аффрикаты [dz] введены не были). В новой орфографии отражены как общештокавские, так и общечерногорские явления. На фонетическом уров-

не наиболее характерным признаком является изменение *s, z, t, d* в сочетании с *j*, старым и возникшим в результате развития **ě*, в *ś, ź, ć, Ć*, например, *šutra* (< *sjutra*) 'завтра', *šever* 'север', *koži* 'козий', *žalo* (< *zjalo*) 'дыра', *ćerati* 'гнать', *hćeti/šćeti* 'хотеть', *gd'e* 'где', *Đevojka* 'девушка' и т. д. Кроме того, употребляются – как и раньше – формы настоящего времени вспомогательного глагола 'быть' *nijesam, nijesi...* и окончания прилагательных типа *visokijeh* 'высоких' (родительный падеж множественного числа), *visokijem* 'высоким' (дательный падеж множественного числа) и т. п. Отдельные слова в черногорском отличаются от распространенных в сербскохорватском языке на фонетическом или лексическом уровнях (далее в скобках – соответствия в сербскохорватском языке): *bjegati (bježati)* 'бежать', *bolijest (bolest)* 'болезнь', *caklo (staklo)* 'стекло', *crljen (crven)* 'красный', *bječva (čarapa)* 'чулок', *butiga (dućan)* 'лавка', *crevlja (cipela)* 'обувь' и др.»¹.

Дифференциальные черты черногорского языка на всех уровнях тщательно фиксируются (как и для боснийского и хорватского языков), в лексике появляются собственно черногорские новообразования, их число растет. Однако они пока не систематизированы лингвистами и не опубликованы в авторитетных изданиях.

Список литературы

Антология сербской поэзии : пер. с серб. : в 3 т. / сост., пред. А. Базилевского. – М. : Вахазар : РИПОЛ Классик, 2004–2008. – 3 т.

Беларусы пра Сербію і Югаславію = Белорусы о Сербии и Югославии / уклад., прадм. і камент. І. А. Чароты. – Мінск : Белпринт, 2015. – 311 с.

Бошковић, Р. Руско-српски речник = Русско-сербский словарь / Р. Бошковић. – Београд : Јасећ, 2014. – 1176 с.

Васильева, Л. П. Штокавські літературні мови: проблеми становлення, розвитку, сучасний стан / Л. П. Васильева; Нац. ун-т ім. І. Франка. – Львів : ЛНУ, 2002. – 339 с.

Гудков, В. П. Сербохорватский язык. Грамматический очерк. Литературные тексты с комментариями и словарем / В. П. Гудков. – М. : МГУ, 1969. – 168 с.

Дмитриев, П. А. Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных взаимосвязей) / П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. – СПб. : Петрополис, 1997. – 208 с.

Ивич, П. Сербский народ и его язык : пер. с серб. / П. Ивич; отв. ред. Е. И. Якушкина. – М. : Индрик, 2017. – 384 с.

История Югославии : в 2т. [Электронный ресурс] / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения; под ред. Ю. В. Бромлея [и др.]. – М. : АН СССР, 1963. – 2 т. – Режим доступа: <https://inslav.ru/publication/istoriya-yugoslavii-t-1-2-m-1963>. – Дата доступа: 17.06.2017.

¹ *Кречмер А. Г., Невекловский Г.* Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки). С. 146.

Кречмер, А. Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) / А. Г. Кречмер, Г. Невекловский // Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – С. 139–197.

Матвеев, П. Босния [Электронный ресурс] / П. Матвеев // Энциклопедический словарь : в 86 т. / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрона ; под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – СПб., 1890–1907. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>. – Дата доступа: 15.05.2018.

Мірачыцкі, Л. П. Беларуска-югаслаўскія культурныя і навуковыя сувязі / Л. П. Мірачыцкі ; Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; пад рэд. А. А. Мацко. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 214 с.

Народ сербскі: яго абрады і звычаі, святы і святыні : зб. арт. : у 2 вып. / уклад., камент. і агул. рэд. І. А. Чароты. – Мінск : РІВШ, 2006–2008. – 2 вып.

Пешикан, М. Правопис српскога језика / М. Пешикан, Ј. Јерковић, М. Пижурица ; ред.: М. Пижурица (гл. ред.) [и др.]. – Нови Сад : Матица српска, 2010. – 508 с.

Пипер П. Нормативна граматика српског језика / П. Пипер, И. Клајн. – 2 измењ. и допуњено изд. – Нови Сад : Матица српска, 2014. – 581 с.

Путиами сербског језика, литератури и култури : в 2 т. / сост. Ж. Станойич [и др.] ; пер. с серб. А. Матрусова [и др.]. – Белград, 2015. – 2 т.

Работы по языкознанию кафедры сербского языка филологического факультета Белградского университета : сб. ст. / сост. В. Брборич, Р. Драгичевич ; пер. с серб. И. Гучковой. – Белград : Белград. ун-т, 2015. – 560 с.

Соболев, А. Н. Сербохорватский язык / А. Н. Соболев // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона : в 3 ч. – СПб. : Наука, 1998. – Ч. 2 : Славянские языки. – С. 114–155.

Српски језик на крају века / М. Радовановић [и др.] ; ред. М. Радовановић. – Београд : Ин-т за српски језик САНУ, 1996. – 201 с.

Тварановіч, Г. П. Беларуская літаратура: паўднёvasлавянскі кантэкст / Г. П. Тварановіч. – Мінск : Беларус. навука, 1996. – 275 с.

Толстой, Н. И. Сербско-хорватско-русский словарь / Н. И. Толстой. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2001. – 1168 с.

Югославия в XX веке: очерки политической истории [Электронный ресурс] / К. В. Никифоров (отв. ред.), А. И. Филимонова, А. Л. Шемякин. – М. : Индрик, 2011. – Режим доступа: <https://inslav.ru/publication/yugoslaviya-v-xx-veke-ocherki-politicheskoy-istorii-m-2011>. – Дата доступа: 15.05.2018.

Яцимирский, А. И. Черногория [Электронный ресурс] / А. И. Яцимирский // Энциклопедический словарь : в 86 т. / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрона ; под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – СПб., 1890–1907. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>. – Дата доступа: 15.05.2018.

Skok, P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika : v 4 kn. / Skok P. Zagreb : JAZU, 1971–1974. – 4 kn.

3.4.2.5. Словенский язык¹

А. Е. Супрун, Э. Келих²

Статус языка в современном мире

Словенцы – основное население Республики Словении, одной из шести республик бывшей Югославии, с 1991 г. суверенное государство. По новейшим статистическим данным население Республики Словении составляет 2 066 880 человек (<https://www.stat.si/StatWeb/news/Index/7363>).

В соседних со Словенией районах Италии – Триесте (Трст), Гориции (Горица) и других – проживает около 100 тыс. словенцев; 30–40 тыс. словенцев живут в Каринтии (Корошка) и Штирии (Штаерска) – в районах Австрии, граничащих со Словенией, а также в пограничных районах Венгрии (Порабье) – около 12 тыс. человек (по неофициальным данным; согласно переписи населения около 40 тыс. человек). Возможно, эти цифры не вполне точны. Около 250 тыс. словенцев живут в США, Канаде, Аргентине, а также в некоторых других странах.

Лингвоним и этноним

История языка и формирование современного словенского литературного языка. На нынешней территории Словении в древности обитали кельто-иллирийские племена; в I в. н. э. она была захвачена римлянами и подверглась колонизации. В VI–VII вв. эту территорию заселяют славяне. Часть Словении входила в раннее славянское государство Само вместе с чешскими и словацкими землями. В VII в. заселенная славянами территория Словении и прилегающих земель представляла собой государство, вошедшее в историю под названием в латинской форме – Карантания. В VIII в. в Карантании появляются христианские ирландские, а потом баварские миссии. В конце VIII в. Карантания попадает в зависимость от франков, и начинается ее постепенная германизация: славянские крестьяне оказываются во власти немецких феодалов. Примыкавшая к Карантании Паннония также принимает христианство. Паннонский князь Коцел (его столица была расположена на берегу Болотного озера, нынешнего Балатона в Венгрии) принимает славянских первоучителей Константина и Мефодия по пути в Рим в 865 г. По мнению некоторых исследователей, это способствовало распространению среди словенцев славянской письменности. Так, память о пребывании Константина и Мефодия в Словении сохраняется, например, в форме предания о тысячелетнем буке в пятидесяти километрах от

¹ Текст приводится по изданию: Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. С. 124–130.

² Факты о развитии современного словенского языка приведены Э. Келихом.

Любляны, у которого они будто бы останавливались по пути в Венецию и Рим. Но более близкое соседство и власть немецких (австрийских) феодалов и римско-католического духовенства обусловили тот факт, что славянское письмо не стало в Словении употребительным. Сохранились три листка, так называемые Фрейзингские отрывки, написанные между 972 и 1039 гг., в которых славянская речь передается средствами латинского алфавита. Это древнейший славянский памятник латинского письма. По некоторым языковым чертам этот памятник, частично близкий к старославянским, может быть охарактеризован как древнейший словенский текст (особенно по некоторым своим морфологическим характеристикам). Поскольку его открыли лишь в XIX в., он не стал началом письменной словенской традиции. Феодалные княжества, образовавшиеся на территории современной Словении, как и граничащие с ними языковые словенские территории, попали под власть Священной Римской империи (XI–XIII вв.), а затем под власть Габсбургов, завершивших к XVI в. подчинение словенских земель. Развитию культуры препятствовало не только господство немецких (австрийских) феодалов, но и турецкие набеги (с XV в.). Литературным языком был латинский. Национальная культура оказалась угнетенной. Правда, в некоторых регионах Словении (например, в окрестностях Истрии) использовались славянские тексты, написанные глаголицей, а в латинских и немецких рукописях обнаруживаются отдельные слова (например, названия месяцев или чисел), написанные по-словенски, или даже отрывки словенских текстов (молитв или песен), но народная словесная культура существовала, видимо, прежде всего лишь в устной, в частности песенной, форме. К XIV–XV вв. относятся первые дошедшие до нас словенские рукописи религиозного и административно-церковного содержания.

В XV–XVI вв. в Словении происходит ряд крестьянских восстаний, направленных против феодального угнетения. В этот период в словенских городах получают распространение идеи Реформации. Протестанты, сторонники Реформации, выступали против многих излишеств, присущих католической церкви, духовенству; подчеркивая значение слова Божия, считали важной проповедническую деятельность на родном языке и перевод религиозных книг. Словенские студенты, учившиеся в Германии, а также торговцы и рудокопы, работавшие в немецких рудниках, восприняли учение Лютера.

Виднейшим представителем протестантизма в Словении был уроженец Нижней Крайны Примож Трубарь (Трубар, Трубер). В 1550 г. он издал в немецком городе Тюбингене, куда ему пришлось бежать от преследований католиков, первую словенскую книгу – букварь с малым катехизисом (катехизис – руководство, содержащее основы христианского вероучения). В дальнейшем Трубарь и его последователи издали еще ряд книг, в том числе переводы книг Библии, духовные песни на словенском языке. Полный текст Библии перевел

на словенский язык и издал в 1584 г. Юрий Далматин. В этом же году в немецком Виттенберге вышла первая словенская грамматика Адама Бохорича. А немецкий ученый Иероним Мегисер в 1592 г. опубликовал четырехязычный словарь, в котором свое место занял и словенский язык, причем показания этого первого словенского словаря довольно надежны, так как составитель хорошо знал Ю. Далматина, сыновей Трубаря и жил некоторое время в Словении. В 1575 г. была сооружена первая типография в Словении – в Любляне, но через несколько лет ее создателю, протестанту, пришлось скрыться. Официальные власти Габсбургской империи защищали католицизм и начали борьбу против Реформации. Хотя в конце XVII в. вновь открылась типография в Любляне, а также Целовце (Клагенфурте), но печатались только книги религиозного содержания. Лишь во второй половине XVIII в. М. Похлин под влиянием идей Просвещения издал «Крайнскую грамматику».

Большое значение для развития национального движения в Словении имело то, что в 1809–1814 гг. многие словенские земли вошли в состав Иллирийских провинций, зависевших от наполеоновской Франции, но на время освободившихся от власти габсбургской Австрии. Национальное возрождение нашло отражение в деятельности Ернея (Варфоломея) Копитара, одного из основателей славянской филологии. В 1808 г. Копитар публикует (на немецком языке) первую научную грамматику словенского языка, появившуюся почти одновременно с выходом из печати чешской грамматики Добровского (также на немецком языке). Заблуждения Копитара по вопросу о перспективах славянских культур в рамках Австрии и по литературно-эстетическим вопросам не могут перечеркнуть его вклад в развитие славистики.

Крупнейшим словенским поэтом первой половины XIX в., творчество которого подняло словенскую литературу на европейский уровень, был Франце Прешерн. Романтическая поэзия Прешерна, исполненная любви к родине и любви к женщине, богатая в своем формальном разнообразии и свободолобивая по направленности, способствовала формированию современного словенского литературного языка. Поэт и языковед Ф. Левстик, поэты и писатели А. Ашкерц, И. Цанкар, О. Жупанчич, С. Косовел, а позже П. Воранц, М. Кранец, Ц. Космач и другие внесли своей разнообразной литературной деятельностью в XIX–XX вв. значительный вклад в развитие литературного словенского языка. В приобщении наработок словенского языкознания к исследованию славянских языков сыграл большую роль словенец Ф. Миклошич, выдающийся филолог-славист. Для развития словенского языка и словенского языкознания большое значение имел опубликованный в 1894–1895 гг. богатейший двухтомный словенско-немецкий словарь М. ПлETERШНИКА. Отдельным вопросам словенского языка были посвящены работы М. Валявца и В. Облака. Значительный вклад в изучение резьянского и других словенских наречий внес в XIX в. И. А. Бодуэн де Куртенэ.

После Первой мировой войны лоскутная империя Габсбургов распалась. Словения (кроме Словенского Приморья, включенного в состав Италии, и части Каринтии, отошедшей к Австрии) вошла в состав нового государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия). В результате фашистской агрессии в апреле 1941 г. Словения была оккупирована и разделена между гитлеровским рейхом и фашистской Италией. После победы в освободительной войне Словения стала равноправным членом новой Югославской Федерации. Некоторое время оставался нерешенным вопрос о будущем Трста (Триеста) и прилегающих территорий. На основании переговоров с Италией в 1954 г. Триест вошел в состав Италии, а территории к югу от него с преимущественно славянским населением, в том числе города Копер, Пиран, Изола, Поргрож, – к Югославии и вошли в состав Словении (и частично Хорватии). Италия обязалась уважать права славянского национального меньшинства в своей стране. Такие же обязательства взяла на себя по государственному договору Австрия, но они не всегда выполняются.

Уже после распада Австровенгрии после Первой мировой войны возможности развития национальной культуры, использования и совершенствования словенского языка значительно улучшаются. Получает развитие и наука о словенском языке. В начале этого периода еще работали такие крупные словенские языковеды, как Ф. Рамовш, занимавшийся историей и диалектологией, Р. Нахтигал. Институт словенского языка при Академии наук и искусств в Любляне завершает в конце 1980-х гг. выпуск пятитомного толкового словаря словенского языка (начатый в 1960-е гг.). Новое фундаментально переработанное издание вышло в 2014 г.¹ Были изданы две книги этимологического словаря Ф. Безлая (после его смерти работу над словарем продолжили М. Сной, М. Фурлан, С. Клеменчич), издана «Карта словенских наречий» Т. Логаря и Я. Риглера и первые тома словенского лингвистического атласа. Ведется большая работа по изучению современного словенского языка, его диалектов и истории, различных проблем славистики и индоевропеистики (Т. Логарь, Б. Чоп, А. Баец, Ф. Безлай, Ф. Якопин, Й. Топоришич, Я. Риглер, М. Орожен, Б. Погорелец и др.).

Диалекты

Вследствие географического характера самой Словении и прилегающих к ней словенских языковых территорий в границах других государств (горный альпийский ландшафт, паннонская и средиземноморская зоны), а также исторической и конфессиональной дробности словенский язык сильно дифференцирован на диалектном уровне. Многочисленные говоры (отмечают более сорока)

¹ Электронные версии словарей по различным аспектам словенского языка представлены на сайте <https://fran.si>.

образуют ряд наречий (их количество у различных исследователей колеблется от 5 до 7), среди которых наиболее четко выделяются горенские (северо-запад Словении), доленские (юго-восток), ровтарские (к западу от Любляны), западноштаерские (юго-восток), восточноштаерские, в том числе прекмурские (северо-восток), крашские (юго-запад), нотранские (юг), бенешские и резьянские (территория Италии), каринтийские (корошские); на территории частично Словении, частично Австрии: подъюнские, рожанские (в том числе зильское) и некоторые другие. Для словенских наречий характерны: а) различия в системе (музыкального) ударения; б) изменения гласных в неударных слогах (что вызвано словенским аканьем, которое по происхождению прямо не связано с русским и белорусским); в) судьба *g*, который в некоторых говорах к западу от Любляны становится проточным; г) судьба *g*, который либо несколько смягчался, либо отвердевал и переходил в неслоговое *i*; д) судьба смягчаемых согласных (например, мягкий *n* переходит в *j*); е) переход конечного *m* в *n* и др. В целом, практически каждый говор, каждое наречие отличается сложным комплексом признаков, которые здесь нет возможности рассмотреть.

На словенских наречиях делались попытки создания литературных языков (в частности, на прекмурском, резьянском, штайерском, каринтийском диалектах), однако не получили значительного распространения, оставшись (в исторической перспективе) региональными языками.

Современный словенский литературный язык

Графика и орфография. Словенская графика построена на латинской основе с добавлением некоторых дополнительных (диакритических) знаков. Не требуют комментариев буквы для гласных *a, e, i, o, u*, а также для согласных *b, d, f, k, l, m, n, p, r, s, t*, буквы *c, g, j, v, z* передают звуки, соответствующие русским *ц, г, ъ, в, з*, буква *h* – звук, обозначаемый русским *x*: *hiter* ‘быстрый’ (ср. *хитрый*). Буквы *v, l* в позиции после гласного и перед согласным обозначают звук типа неслогового *υ*: *siv* ‘серый’ (ср. *сивый*), *volk* ‘волк’ (ср. бел. *воўк*). Буквами *č, ž, š* передаются шипящие, причем словенский звук *č* звучит несколько тверже русского *ч*, а словенские *ž* и *š* – несколько мягче русских *ж* и *ш*. Сочетаниями букв *dz, dž* передаются звонкие аффрикаты. Гласные в словенском, в зависимости от этимологии и положения в потоке речи, варьируются; факультативно по мере надобности эти вариации обозначаются при помощи диакритических знаков. Знак *´* обозначает долгие (в том числе долгие закрытые *e, o*) гласные: *á, í, ú*. Знак *ˆ* используется для обозначения открытых долгих *ê, ô*. Знак *`* обозначает краткость гласного: *à, ò, è, ì, ù*. Буквы *w, x, y, q* используются лишь при нефонетической (буквальной) передаче иноязычных собственных имен, когда и другие буквы имеют иное значение, например, *c* может обозначать в английском имени *k* и т. д.

Фонетика. Фонетика словенского языка (табл. 28, 29) характеризуется следующими особенностями: 1) сохраняется различие долгих и кратких слогов, а в центральных говорах видоизмененное старое музыкальное ударение; 2) **ɔ* превращается в *o* (*zob* ‘зуб’, *roka* ‘рука’); 3) сочетания **dj*, **tj* превращаются соответственно в *j*, *s*: *meja* ‘граница’ (ср. *межа*), *sveča* ‘свеча’; 4) как в сербском и хорватском, имеется вставное *l* на месте старых сочетаний губных согласных с **j*: *zemlja* ‘земля’; 5) специфический краткий гласный (полугласный – так называемый *šva*), который на письме обычно передается буквой *e*: *pes* [pəs] ‘собака’, *sen* [sɛn] ‘сон’; 6) слоговой *r*: *prst* ‘палец’, *vrt* ‘сад’.

Таблица 28

Система гласных словенского языка

Подъем	Участие губ и ряд					
	неогубленные			огубленные		
	передний ряд		средний ряд	задний ряд		
Верхний	í i i					u ú ù
Средне-верхний		é è e		ə	o ó ò	
Средне-нижний			ê		ô	
Нижний				a á à		

Таблица 29

Система согласных словенского языка

Способ образования		Участие голоса	Место образования						
			губно-губные	губно-зубные	зубные	альвеолярные	передне-небные	средне-небные	задне-небные
Шумные	смычные (взрывные)	Гл. Зв.	p b		t d				k g
	смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл. Зв.			c		ʃ (š)	ʒ (ž)	
	щелевые (фрикативные)	Гл. Зв.		f	s z		ɕ ž		x
Сонорные	носовые		m		n			(n')	
	боковые					l		(l')	
	дрожащий (вибрант)					r			
	фрикативные		(w) (m) (u) (ɥ)	v				j	

Морфология. Словенский язык как представитель западно-южнославянской подгруппы славянских языков является языком выраженного флективного типа, что особенно заметно в репертуаре морфологических формообразующих языковых средств. В области именного и местоименного склонения представлены в функциональном аспекте шесть падежных форм (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный) и три грамматических рода – мужской, женский, средний. Особенность представляет трехчленная категория числа: наряду с единственным и множественным в ней представлено и двойственное число (дуал), почти всеми другими славянскими языками утраченное, а в словенском являющееся живой грамматической формой как литературного языка, так и диалектов, охватывающей все части речи и имеющей грамматические формы (ср.: *Medve greva na izlet* ‘Мы (два лица женского рода) идем на прогулку’). В словенском, как и в других славянских языках, есть категория одушевленности, имеющая свое грамматическое оформление. В глагольной системе словенского языка представлены грамматические категории времени, вида, залога, лица и числа. Система глагольных времен относительно простая (например, по сравнению с болгарской): настоящее время, два прошедших (перфект и плюсквамперфект – аорист не сохранился) и будущее. Формы прошедшего и будущего преимущественно сложные и образуются с помощью глагола *biti* (ср., *jaz bom delal* ‘я буду работать’). В словенском существует вторичная неопределенная форма глагола – супин, преимущественно с глаголами движения: *grem jest* (я иду есть) – при первичной (простой) неопределенной форме *jesti* (есть).

Синтаксис. Словенский язык характеризуется относительно свободным порядком слов. Лишь в атрибутивной синтагме определяющее существительное (если оно не осложнено зависимыми словами) всегда будет ему предшествовать: *Grad stoji na vrhu strmega hriba* ‘Замок стоит на вершине высокой горы’. Кроме того, достаточно строго определенным является положение клитик (слов, не имеющих собственного ударения) в предложении: предлоги предшествуют существительным, союзы (за исключением союза *pa*) предшествуют присоединяемым конструкциям, вопросительные слова (*ali* ‘ли’, *mar* ‘разве’) / вопросительные местоимения стоят в начале вопросительных предложений. Позиция местоименных и глагольных клитик зависит от их положения в цепочке клитик: *Zahvalil se mu bom* ‘Я поблагодарю его’.

В словенском языке широко употребляются конструкции с союзом *da*, который может не только присоединять различные придаточные предложения, но и менять модальность высказывания: *Vprašal me je, kam da grem* ‘Он спрашивал меня, куда я иду’; *Govori, ko da bi rožice sadil* ‘Говорит, словно цветочки сажает’.

В словенском языке представлены двусоставные и односоставные простые предложения. Наиболее распространенными среди односоставных предложе-

ний являются безличные предложения: *Nebo se mrači* ‘Небо смеркается’; *Bil je mraz* ‘Было холодно’. Кроме того, существуют те же типы синтаксических отношений, что и в других славянских языках: сочинительные и подчинительные (согласование, управление и примыкание). В области сложного предложения представлены предложения сложносочиненные и сложноподчиненные.

Лексика. Как и лексика других славянских языков, словенская лексика представляет собой систему, в которую входят не только исконные славянские слова, но и большое количество заимствований. К наиболее ранним заимствованиям относятся романизмы, попадавшие сюда как из латыни, прежде всего средневековой, так и из собственно романских языков, например, *jambor* ‘мачта’ < лат. *arbor* ‘дерево’, *fant* ‘парень’ < ит. / фриульский *fante*. В языке также присутствует большое количество германизмов, которые заимствовались на протяжении нескольких веков вплоть до XIX в.: *flinta* ‘ружье’ < нем. *Flinte* и т. д. Несмотря на свойственный словенскому языку пуризм, в настоящее время наблюдается увеличение числа заимствований из английского языка и интернационализмов, причем в языке они часто оформляются собственными словообразовательными средствами: *cedejka* (также *zgoščenka*) ‘CD-диск’, *komercialka* ‘коммерческое телевидение’. У собственно словенских лексем активно развиваются новые значения: *ježek* ‘ежик’ / ‘липучка (застежка на одежде)’. Выражения компрессируются в слова: *daljinski upravljalac* > *daljinec* ‘пульт (дистанционного управления)’. В настоящее время лексика словенского языка активно развивается.

Список литературы

Дуличенко, А. Д. Словенский язык // Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – С. 198–233.

Мечковская, Н. Б. Словенский язык : учеб. пособие для филолог. фак. ун-тов / Н. Б. Мечковская. – Минск : Университетское, 1991. – 119 с.

Плотникова, О. С. Словенский язык / О. С. Плотникова. – М. : МГУ, 1990. – 198 с.

Плотникова, О. С. Словенский язык / О. С. Плотникова // Славянские языки. Очерки западнославянских и южнославянских языков / ред. А. Г. Широкова, В. П. Гудков. – М. : МГУ, 1977. – С. 289–332.

Плотникова, О. С. Становление словенского литературного языка в период национального возрождения / О. С. Плотникова // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1978. – С. 329–353.

Чуркина, И. В. Словенские протестанты и формирование словенской идентичности / И. В. Чуркина // *Reformacija na Slovenskem (ob 500-letnici Trubarjevega rojstva) : materiali Mednarodni znanstveni simpozij, Ljubljana, 20–22 novemb. 2008 / Univerza v Ljubljani, Filozof. fak., Odd. za slovenistiko ; Center za slovenščino kot drugi ; ured. A. Bjelčevič. – Ljubljana, 2009. – Obdobja 27 : Metode in zvrsti. – S. 9–18.*

- Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – 641 с.
- Bezljaj, F.* Etimološki slovar slovenskega jezika : v 5 kn. / F. Bezljaj [in dr.]; Sloven. akad. znanosti in umetnosti, In-t za sloven. jez. – Ljubljana : SAZU, 1977–2005. – 5 kn.
- Bezljaj, F.* Zbrani jezikoslovni spisi : v 2 t. / F. Bezljaj ; ured. M. Furlan. – Ljubljana : SAZU, 2003. – 2 t.
- Greenberg, M. L.* A historical phonology of the Slovene language / M. L. Greenberg. – Heidelberg : Carl Winter, 2000. – 199 p.
- Greenberg, M. L.* A short reference grammar of Slovene / M. L. Greenberg. – München : LINCOM, 2008. – 156 p.
- Herrity, P.* Slovene. A comprehensive grammar / P. Herrity. – London : New York : Routledge, 2010. – 384 p.
- Kotnik, J.* Slovensko-ruski slovar Slovensko-ruski slovar = Словенско-русский словарь / J. Kotnik. – Ljubljana : Državna zal. Slovenije, 1967. – 817 s.
- Lencek, P.* The Structure and History of the Slovene Language / P. Lencek. – Columbus : Ohio : Slavica, 1982. – 365 p.
- Plotnikova, O. S.* Rusko-slovenski in slovensko-ruski slovar / O. S. Plotnikova, J. Sever. – Ljubljana : Cankarjeva zal. ; Moskva : Rus. jaz., 1990. – 600 s.
- Pretnar, J.* Rusko-slovenski slovar = Русско-словенский словарь / J. Pretnar. – Ljubljana : Državna zal. Slovenije, 1964. – 995 s.
- Slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU [Electronic resours]. – Mode of access: <https://fran.si/> – Date of access: 21.05.2018.
- Slovar slovenskego knjižnega jezika : v 5 t. / Sloven. akad. znanosti in umetnosti. – Ljubljana : Državna zal. Slovenije, 1970–1991. – 5 t.
- Snoj, M.* Slovenski etimološki slovar / M. Snaj. – 2. izd. pregl. in dopoln. – Ljubljana : Modrijan, 2003. – 1022 s.
- Toporišič, J.* Enciklopedija slovenskega jezika / J. Toporišič. – Ljubljana : Cankarjeva zal., 1992. – 384 s.
- Toporišič, J.* Slovenska slovnica / J. Toporišič. – Maribor : Zal. obzorja, 2000. – 924 s.

3.4.3. ВОСТОЧНЫЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

3.4.3.1. Старославянский язык¹

А. Е. Супрун

Под старославянским языком в восточнославянской, чехословацкой, югославской и французской (*vieux slave*) лингвистике принято понимать язык древнейших славянских письменных памятников, появившихся на свет в X и частично XI в. В них в основном правильно употребляются буквы, обозначающие носовые гласные (юсы): для их переписчиков носовые гласные еще

¹ Текст приводится по изданию: Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. С. 25–30.

были реальностью. По большей части это памятники, созданные во второй половине IX в. создателями славянской письменности Константином Философом (Кириллом) и Мефодием и их непосредственными учениками, дошедшие в более поздних копиях (см. разд. 2).

В болгарской науке, а также в трудах некоторых немецких ученых этот язык называют староболгарским. Хотя теперь и установлена болгарская, или, если учитывать, что родина Константина и Мефодия Солунь – Салоники находится в Эгейской Македонии, болгаро-македонская народная основа старославянского языка, в отечественной науке традиционно закрепилось название «старославянский язык». Это название имеет глубокие исторические корни, так как еще в житии Мефодия в сообщении о том, как византийский император предлагал Константину и Мефодию отправиться с проповеднической миссией в Моравию, записано: «Вы бо еста селуняне, а селуняне вси чисто словѣнскы глаголять». Очевидно, в пору создания первого письменного языка славян еще очень живо было представление об их языковом единстве, в том числе и на родине славянских первоучителей. В дореволюционной России старославянский язык называли староцерковнославянским. Так же его называют и теперь частично в Германии, в англоязычных странах, в Польше. Это название нельзя считать точным, поскольку сфера применения первого славянского письменного языка выходила за церковные рамки: язык этот использовался и в юридических актах, и в сфере науки, например истории.

Количество старославянских памятников довольно ограничено. Это несколько библейских текстов: четыре относительно хорошо сохранившихся списка Евангелия (Мариинский, Зографский, Ассеманиев кодексы и Саввина книга) и отдельные листки с евангельскими текстами, плохо сохранившийся текст части Нового Завета, Энинский апостол, текст сборника духовных гимнов Псалтыри (Синайская и, возможно, фрагменты Слуцкой). Крупнейшим по размеру памятником является Супрасльская рукопись – сборник проповедей, житий, предназначенных для использования в церкви в марте (мартовская минея). Подобный характер имеет и Сборник Клоца, от которого до нас дошла лишь небольшая часть, содержащая, кроме прочего, проповедь, авторство которой приписывают Мефодию. Синайский требник (евхологий) содержит молитвы. Киевские листки – памятник с явными моравскими языковыми чертами – представляет собой текст обедни. Остальные старославянские памятники – это сохранившиеся отдельные листки богослужебных книг, а также несколько небольших надписей, сделанных на камне (см. разд. 2).

Эти памятники входят в так называемый узкий канон старославянских текстов. Наряду с ними существует еще большая группа памятников, дошедших до нас в более поздних копиях – XI–XV вв., однако написанных или переведенных в кирилло-мефодиевский период или непосредственно после него. Таковы, на-

пример, «Проглас» (предисловие) к Евангелию, древнейший славянский юридический памятник «Закон судный людям», возможно, составленный Мефодием, сочинение монаха Черноризца Храбра «О письменах», древние славянские переводы византийских хроник (летописей) Георгия Амартола и Иоанна Малалы и др. Отбирая источники для своего старославянского словаря, чехословацкие специалисты включили в их число более семи десятков памятников. Такой состав памятников опирается на широкое понимание старославянского языка как раннего древнеславянского литературного языка.

Памятники старославянского языка не идентичны по языку. В языке этих памятников обнаруживаются диалектные различия, а также отражение исторических изменений за два столетия. Так, к примеру, в разной мере в памятниках отразились изменения в употреблении редуцированных гласных ѣ и ъ. Имеются лексические и грамматические варианты в аналогичных по содержанию старославянских текстах. Поэтому можно говорить о том, что отраженный в указанных памятниках язык также не отличается единством.

Памятники старославянского языка написаны двумя совершенно различными азбуками – кириллицей и глаголицей (Мариинский, Зографский, Ассеманиев кодексы, Синайские псалтырь и требник, Сборник Клоца и Киевские листки написаны глаголицей; Саввина книга, Супрасльская рукопись – кириллицей). Хотя глаголицей пользовались в печати еще в XIX в., большее распространение получила кириллица и ее трансформация – русская гражданская азбука с вариантами (например, сербская вуковица). Поэтому глаголические памятники обычно издадут в кириллической транскрипции. (Вопрос о происхождении глаголицы и кириллицы, а также их относительной древности, до конца еще не разрешенный современной наукой, освещается в разделе 2). Из особенностей старославянских азбук следует отметить наличие специальных букв для носовых и редуцированных гласных, для ѣ (в кириллице), для шипящих согласных, б, ц, з, отсутствующих в греческом, который был бесспорным источником большинства букв кириллицы, наличие букв для звуков, специфичных для греческого языка (Ф, Θ, Ξ, Ψ), двухбуквенную передачу ЪІ (ы), ОУ (в глаголице ОО) и др.

Существует несколько видов чтения старославянских букв (и текстов). Один из них – в максимальном приближении к тому предполагаемому звучанию, которым обладали эти буквы в кирилло-мефодиевский период: чтение ѣ, ъ как кратких у (*i*) и и (*i*), ѣ как открытого долгого переднего *ä* и т. п.; другой – чтение на церковно-славянский манер с приближением к современному, но с сохранением произношения носовых гласных. Последнее чтение преобладает в нашей практике. Но так или иначе следует учитывать, что любое чтение старославянских текстов, конечно, условно, так как точно знать, каково было

старославянское произношение, мы не сможем никогда. Для памятников старославянского языка характерен ряд специфических языковых особенностей:

- 1) сохраняются, как уже отмечалось, носовые гласные;
- 2) в основном сохраняется, хотя и с нарушениями, особенно в некоторых памятниках, употребление редуцированных ѣ и ъ;
- 3) на месте праславянских сочетаний **dj*, **ej* выступают *жд*, *шт* (*щ*): *межда*, *сѣща*;
- 4) сочетания губных согласных с **j* дают сочетания с л: *земля*, *любльж*;
- 5) *ѣ* (*ѣ*) имеет открытое произношение, поскольку в глаголице есть единый знак для *я* и *ѣ*;
- 6) развита система прошедших времен глагола: аорист (*несохъ*), имперфект (*несѣхъ*), перфект (*неслъ есмь*), плюсквамперфект (*неслъ бѣхъ*);
- 7) сохраняется двойственное число: *дѣвъ женъ* ‘две женщины’;
- 8) сохраняется склонение, включающее также звательный падеж, имеющий особые формы в единственном числе.

Первоначальные сведения о старославянском языке содержались уже в основополагающих трудах первых исследователей славянских языков в начале XIX в. – Й. Добровского и А. Х. Востокова. Последний блестяще издал древнейший датированный (1056/57 г.) славянский памятник русского извода старославянского языка – Остромирово Евангелие. К тому времени уже был открыт И. Ассемани Ассеманиев (Ватиканский) кодекс. Е. Копитар издал Сборник Клоца. В. И. Григорович разыскал Зографский и Мариинский кодексы. И. И. Срезневский нашел и описал Саввину книгу и Киевские листки. На Синае были обнаружены Синайские псалтырь и требник.

Появляются на более солидной фактической базе описания старославянской фонетики и грамматики, сделанные великим немецким языковедом А. Шлейхером, а также А. Лескином, В. Вондраком, Ф. Ф. Фортунатовым, а позже Н. С. Трубецким и другими учеными. Ф. Миклошич создает первый старославянский словарь. В. Ягич образцово издает Мариинский и Зографский кодексы и создает капитальный труд по истории возникновения старославянского языка. В начале XX в. В. Н. Щепкин исследует и издает Саввину книгу, С. Северьянов – Супрасльскую рукопись и Синайскую псалтырь; эти издания позволяют более широкому кругу ученых исследовать факты старославянского языка (заменяя частично менее совершенные издания прошлого века). Позже, в середине XX в., прекрасные издания старославянских памятников подготовили Й. Вайс и Й. Курц (Ассеманиев кодекс), Р. Нахтигал (Синайский требник), А. Достал (Сборник Клоца), К. Мирчев и Х. Кодов (Энинский апостол) и др.

Споры о происхождении глаголицы, начавшиеся еще в прошлом веке, в частности в работах П. Й Шафарика, уступают место основательным иссле-

дованиям старославянской графики (В. Ягич, Е. Ф. Карский, В. Н. Щепкин, С. М. Кульбакин и др.). Осуществляется широкое фундаментальное исследование старославянского языка. Большой вклад в это исследование вносят крупнейшие слависты разных стран: французские ученые, великий французский лингвист А. Мейе, А. Вайан, Ж. Леписье, немецкие слависты П. Дильс, Г. Бильфельдт, Й. Ружичка и др., американец Г. Лант, голландец Н. Ван-Вейк, австрийцы Р. Айтцетмюллер и Л. Садник, швед А. Шёберг. После некоторого перерыва активные исследования по старославянскому языку ведутся в СССР (С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой, А. С. Львов, Е. М. Верещагин, Р. М. Цейтлин, Л. П. Жуковская, М. М. Копыленко, А. А. Алексеев, М. Ф. Мурьянов, А. Е. Супрун, К. И. Ходова, Б. И. Скупский и многие другие); активно изучается старославянский язык в Чехословакии (кроме названных уже ученых, в частности Й. Курца, – К. Горалек, В. Мареш, Э. Благова, Р. Вечерка и др.), в Польше (С. Слоньский, Л. Мошиньский, М. Хоновска, Ф. Славский и др.), в Болгарии (К. Мирчев, Э. Георгиев, К. Куев, И. Дуйчев, Д. Мирчева, И. Гылыбов, Х. Кодов, А. Минчева, Э. Дограмаджиева, Й. Займов и многие другие), в Югославии (А. И. Белич, О. Неделькович, Й. Хамм, Я. Зор и др.). Таким образом, те результаты, к которым мы теперь пришли в изучении старославянского языка, – итог труда ученых разных стран, результат длительного международного сотрудничества славистов.

Список литературы

Вайан, А. Руководство по старославянскому языку / А. Вайан ; под ред. В. Н. Сидорова ; пер. с фр. В. В. Бородич. – М. : Иностран. лит., 1952. – 447 с.

Ван-Вейк, Н. История старославянского языка / Н. Ван-Вейк ; под ред. Н. А. Кондрашова ; пер. с нем. В. В. Бородич. – М. : Иностран. лит., 1957. – 368 с.

Горшков, А. И. Старославянский язык : учеб. для гуманитар. вузов / А. И. Горшков. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1974. – 324 с.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Акад. наук Чеш. Респ., Славян. ин-т ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М. : Рус. яз., 1994. – 842 с.

Хабургаев, Г. А. Старославянский язык : учеб. для пед. ин-тов / Г. А. Хабургаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1986. – 287 с.

Diels, P. Altkirchenslavische Grammatik : in 2 t. / P. Diels. – 2. Auflage. – Heidelberg : Winter, 1963. – 2 t.

Sadnik, L. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten / L. Sadnik, R. Aitzetmüller. – Heidelberg : Winter, 1955. – 341 s.

Slovník jazyka staroslovenského / Českosloven. akad. věd, Ústav jaz. a lit., Slovan. ústav. ; ed. J. Kurz. – Praha : ČSAV, 1958. – 321 s.

3.4.3.2. Болгарский язык

К. Иванов

Статус языка в современном мире

Болгарский язык, согласно Конституции, является официальным (государственным) языком Республики Болгарии, одним из языков православной монашеской республики на полуострове Афон в Греции и одним из официальных рабочих языков Европейского союза (с 2007 г.). Болгарский язык – родной для большинства населения страны, в которой по последним данным (2015) проживает 7 135 829 человек. Динамика количества населения регрессивная: на 1983 г. насчитывалось 9230 тыс. болгар. Из них 84,8 % самоопределились как болгары, 8,8 % – как турки, 4,9 % – как цыгане и 1,5 % – другие. Национальные меньшинства владеют болгарским. Конституция дает им право изучать и использовать свой родной язык в дополнение к болгарскому, а также предписывает определять случаи обязательного применения болгарского языка путем принятия отдельных законов.

Проанализировав языковую ситуацию в сфере публицистики, группа лингвистов подготовила «Проект закона об употреблении болгарского языка», предусматривавшего санкции по отношению к журналистам в двух случаях: 1) если они чрезмерно используют неясные иностранные слова из-за снобизма (оценка дается экспертами); 2) используют в своих текстах вульгаризмы. Проект встретил сопротивление среди журналистов, посчитавших его попыткой ограничить свободу слова, и даже в среде лингвистов, выдвигавших аргументы в пользу того, что развитие языка не может регулироваться юридическими средствами.

Болгарский язык используется во всех сферах общественной жизни. Помимо Болгарии, им пользуются и живущие в других странах болгары: в Украине – 234 тыс. (в исторической области Бессарабия – Одесская область, вокруг города Болград, основанного в 1819 г. болгарскими колонистами, в Херсонской области и Приазовье), Молдове – 37 200 (область Тараклия и Комрат), Сербии – 60 тыс. (области Димитровград, Пчиня (г. Босилеград) и Воеводина (сербский Банат)), Румынии – 6750 (области Арад и Тимиш – румынский Банат), Греции – 30 тыс. (области Македония и Фракия), Венгрии – 2900, Турции – около 300 тыс. этнических турок, эмигрировавших из Болгарии, Чехии, Словакии, России (в Восточной Сибири). По данным службы переписи населения, в США 57 016 жителей страны говорят на болгарском языке, а 21 129 из них говорят на английском не очень хорошо. В 21 стране мира, где существует болгарская диаспора, работают болгарские средние школы или субботно-воскресные школы, в которых изучаются болгарские язык и культура. Во многих университетах мира открыта специальность «Болгарская филология». Болгаристика имеет прочные позиции и славные традиции во многих странах мира.

Лингвоним и этноним

Болгарский язык (самоназвание *български език*) – официальный государственный язык Республики Болгарии (*Република България*). Он относится к южной ветви славянских языков и имеет самую древнюю письменную традицию среди них. Болгарские книги раннего периода точно отражают особенности живой речи местных славян. Вместе с тем язык первых переводов богослужебных книг с греческого языка подвергался сознательной литературной обработке, поэтому он распространился в других славянских странах и с некоторыми несущественными изменениями используется как язык церкви, став классическим общеславянским литературным языком (см. разд. 2).

В письменных памятниках, созданных в болгарском государстве в IX в., употребляется название «языкъ словеньскъ» (т. е. «язык славян»). Это связано с особенностями становления болгарского государства, ведущего свое начало с 681 г. Государство образовалось в результате победы военного союза семи славянских племен и пришедших с востока протоболгар над Византией еще до формирования болгарской народности. В нем существовал своеобразный «этнический дуализм». Самими подданными и представителями других стран, посещавшими Болгарию, отчетливо различались в составе населения два основных этноса – славяне и протоболгары (созданный в историографии искусственный термин для того, чтобы отличать их от позднейших болгар – одного из южнославянских народов). Господствующей силой в политике и властной структуре государства при меньшей численности были протоболгары, племя тюркского или ирано-сарматского происхождения. Впервые письменные сведения о них находим в «Анонимном римском хронографе» от 354 г. Первый владетель Болгарии кан Аспарух оставил славянам широкую внутреннюю автономию, добившись от них признания своего верховенства и согласия на исполнение некоторых обязательств. От сохранившегося этнонима-самоназвания протоболгар образовалось и наименование государства.

Понятия «Болгария» и «болгарский» меняли свое содержание. Протоболгар как славян стали воспринимать далеко за границами Болгарии современники-иностранцы. Византийские авторы использовали до середины IX в. этноним *болгар* в двух значениях: в равнозначном понятию «протоболгары» и в политическом смысле как обозначение всех подданных государства. Болгарами называли и славян тех районов, которые совсем недолго были в пределах Болгарии. Происходило сближение двух этносов и их этнонимов, ставшее особенно ощутимым после принятия христианства князем Борисом I (864–866) и в годы правления его сына – царя Симеона Великого (893–927). Решением Преславского собора в 893 г. староболгарский язык стал официальным языком церкви и государства, заменив полностью греческий. Термины *славянский* и

болгарский все чаще воспринимались и употреблялись как однозначные. В историографии утвердилось положение о том, что в целом процесс формирования болгарской народности завершился ко второй четверти X в. Впервые о болгарях как о едином этносе («языке») всей страны говорится в памятнике конца IX в. «Сказание о железном кресте».

Существует множество версий этимологии этнонима *болгары*: ‘люди, племя, народ’, ‘жители городов’, ‘непокорное, мятежное племя, племя смутьянов’, ‘смешанное племя’; тотемная теория – от названия животного с ценным мехом (*булган*) из семьи куньих (соболь, ласка или подобное им); от названия мифического царя Болга; по названию реки Волги; ‘высокие, светлые люди’ (в прямом и переносном значении ‘благородные, мудрые, просветленные’). В XIII в. в результате распространения учения болгарского богомилства в Италии и Франции название *болгары* в различных формах употреблялось в западноевропейских источниках для еретиков-дуалистов, а название *Болгария* использовалось в смысле ‘страна еретиков’.

История языка и формирование болгарского литературного языка

Болгарский литературный язык возник в IX в. В его развитии отмечаются четыре основных периода (по классификации профессора Хр. Пырвева).

1. Староболгарский (с сер. IX в. по XI в. включительно).
2. Среднеболгарский (с XII в. по XIV в. включительно).
3. Переходный период (XV и XVI вв.).
4. Новоболгарский (с XVII в. и до наших дней).

Начало болгарской и славянской письменности было положено не в самой стране, а в соседнем государстве – Византии. Конкретный повод для создания азбуки и литературы связан с необходимостью появления церковных книг, переведенных с греческого языка, для нужд христианизации славянского Великоморавского княжества, охватывающего территории современных государств Словакии, Чехии, частично – Польши и Венгрии. Решением этой задачи по поручению византийского императора Михаила III занялись братья Константин-Кирилл Философ и Мефодий (см. разд. 2). Выбор был не случаен. Они родились в Солуни (славянское название греческого города Салоники), в окрестностях которого проживало много славян и реально существовало двуязычие. Большинство славистов склоняется к мысли, что основой кирилло-мефодиевского языка является живая речь присолунских македонских славян, в то время представлявшая собой диалектную разновидность староболгарского (древнеболгарского) языка. Решение вопроса об этнической основе первого литературного языка славян сказывается на применении разных названий для

его обозначения: *старославянский*, *староцерковнославянский*, *староболгарский* (*древнеболгарский*), *старомакедонский*. Болгарские филологи традиционно говорят только о староболгарском языке, приводя доказательства из области фонетики (наличие сочетаний звуков [шт] и [жд] на месте праславянских *tj, *dj, *ktj; произношение ятевого гласного как [‘a] или как открытого [e]), из морфологии и синтаксиса (образование будущего времени с вспомогательным глаголом со значением ‘хотеть’, дательный притяжательный вместо родительного притяжательного: *отъць емоу*), лексикологии (наличие греческих народных (не литературных) слов, заимствованных болгарскими славянами у соседей).

Староболгарский литературный язык обслуживал все сферы жизни болгарского общества: администрацию, образование, религию, быт. На нем создавалась не только переводная богослужбная литература, но и адаптированные и оригинальные произведения светского характера, художественная и специальная литература. Активную роль в развитии литературного языка сыграло творчество таких авторов, как Климент Охридский, Наум, Черноризец Храбр, Иоанн Экзарх, Константин Преславский. Сформировались два центра книжности – на востоке страны в столице Преславе и на западе в Охриде.

С XII до начала XV в. болгарский литературный язык во многом остается консервативным, сохраняет старую структуру, но под влиянием разговорного языка в некоторых письменных памятниках (грамоты болгарских царей, «Троянская повесть» XIV в.) появляются черты живой народной речи: движение к аналитизму и связанные с этим процессы). Характерным явлением, отражающим влияние разговорного языка на письменный, является «мена юсов» – неправильное употребление букв в текстах (большой юс вместо малого и наоборот, замена юсов другими буквами для неносовых гласных). Появляется необходимость установить единые нормы правописания и языка богослужбных книг. Языковая реформа Тырновской литературной школы (XIV в.) под руководством патриарха Евфимия была направлена на архаизацию литературного языка, она увеличила расхождения между ним и живой речью. Вводятся строгие правила употребления букв и форм. Вместе с тем книжники обогащают язык новыми словами и синтаксическими конструкциями. Создается особый витиеватый стиль повествования – «плетение словес». Среднеболгарский литературный язык отличается разнообразием стилистических выразительных средств, становится образцом для подражания для всей Восточной Европы, влияет на развитие сербской и русской письменности.

В 1393 г. после трехмесячной осады болгарская столица Тырново была захвачена турками, а через три года Болгария окончательно прекратила самостоятельное существование. Книжники подвергались преследованиям, рукописи уничтожались. Уцелевшие книжники покидали Болгарию, увозя с собой много книг, и продолжали деятельность в Сербии, на Руси и в княжествах Валахия

и Молдова. Среднеболгарский литературный язык, в который проникали элементы разговорного языка, широко использовался в церковной и светской литературе, администрации княжеств Валахии и Молдовы. Грамоты, написанные там, являются показательными для изучения изменений, произошедших в болгарском языке в XV и XVI вв. За пределами страны вышли и первые печатные книги на болгарском языке: «Службник» священника Макария (Тырговиште, Валахия, 1508 г.), «Часослов», изданный в 1566 г. Яковом Крайковым в Венеции, «Абагар», изданный католическим епископом Филиппом Станиславовым в Риме в 1651 г. Книга, названная так из-за размещенного в ней письма мифического царя Абагара, примечательна языком, близким к живой народной болгарской речи XVII в. Текст напечатан колоннами только на одной стороне листа, что давало возможность приклеивать его к стене (чтобы его могло прочесть большее количество людей) или разрезать полосками, которые, скрутив, можно было использовать в качестве амулета.

Первое печатное сочинение болгарского автора «Житие и жизнь преподобные матера наше Петкы» патриарха Евфимия выходит в сборнике «Молитвослов», изданном в Венеции в 1527 г. сербским печатником Божидаром Вуковичем. Оживление литературной деятельности в самой Болгарии началось лишь в конце XVI в. и было связано с развитием «дамаскинарской» литературы. Дамаскины – это рукописные сборники смешанного (религиозного и светского) содержания, названные по имени автора одного из переведенных в них сочинений («Сокровище»), греческого проповедника Дамаскина Студита. В языке дамаскинов, написанных в разных областях, не было единой нормы, поэтому они отражают особенности местных говоров.

В XVII и XVIII вв. дамаскины получили широкое распространение на всей болгарской языковой территории. Они последовательно вводят в обиход народную речь в качестве основы литературного языка. Некоторые болгарские ученые (Б. Цонев, Ив. Шишманов) считают, что именно дамаскины отмечают начало развития новоболгарского литературного языка. Но большинство исследователей (Л. Андрейчин, М. Арнаудов, В. Попова, Р. Русинов, Е. Георгиева, С. Бернштейн) склонны считать первым представителем новоболгарского литературного языка монаха Паисия Хилендарского, автора «Истории славеноболгарской» (1762). Этот взгляд учитывает не столько сам язык, который был смесью народной речи и церковнославянского языка, сколько призыв автора к пробуждению национального самосознания и гордости за свою историю, принятие им идеи о народной основе литературного языка, связанное с осознанием исторической ценности болгарских говоров. Попытку использовать народно-разговорную речь предпринял и Софроний Врачанский в автобиографии «Житие и страдания грешного Софрония». Как и другие авторы того времени, он употребляет элементы не только своего родного, но и других диалектов. Имя

Софрония связано с выходом в Румынии (г. Рымнику-Вылча) первой печатной новоболгарской книги «Кириакодромион сиреч Неделник. Поучение на всех неделех» (1806). Язык 94 поучительных слов, составляющих книгу, определен Софронием как «болгарский простой и краткий». Еще один взгляд на начало новоболгарского литературного языка предлагает А. Теодоров-Балан, к которому присоединился позже русский болгарист Г. Венедиктов. Таким началом они считают изданный Петром Бероном в Румынии (г. Брашов) в 1824 г. первый болгарский «Букварь с разными поучениями» (народное название из-за одного из рисунков, на котором был изображен дельфин – «Рыбный букварь»). В букваре Берона впервые народная речь используется последовательно как основа литературного языка. Значимость букваря подтверждается его большой популярностью среди современников-болгар (до 1862 г. выдержал еще пять изданий). Найденное Бероном соотношение живых и книжных элементов становится эталоном для будущего становления новоболгарского литературного языка.

Борьба за единый литературный язык началась с середины XIX в. и шла параллельно с формированием болгарской нации. Издавались учебники для первых светских школ, грамматики (Н. Рилски, Ив. Богоров, Ив. Момчилов). Появились первая болгарская газета «Болгарский орел» (1846) и первый болгарский журнал «Любословие» (1842). Решался вопрос о том, какой должна быть основа нового болгарского литературного языка – живая народная речь или старая письменная традиция церковнославянского языка. Победу одержали демократы. Этот вопрос и вопрос выбора диалектной основы решались не только в теоретических спорах, но и в практической литературной деятельности участников процесса. Постепенно вырабатываются грамматические нормы. Основой литературного языка становятся центральные балканские северо-восточные говоры, которые были родными для преобладающего количества писателей и деятелей культуры тех лет (Ив. Вазов, Л. Каравелов, Хр. Ботев, П. Р. Славейков, П. Берон, Ив. Богоров и др.).

Велась борьба между представителями различных школ и по проблемам правописания. Большая часть орфографических норм, принятых позже, совпала с предложениями умеренно-этимологической Тырновской школы.

Благоприятные условия для развития болгарского литературного языка были созданы только после освобождения Болгарии в 1878 г. Работы по описанию языка, проводимые филологами из созданного в 1888 г. Софийского университета, содействовали установлению грамматических норм. Урегулирование правописания произошло с опубликованием Министерством просвещения «Указания об устройстве болгарского правописания» («Упътване за общо правописание», 1899 г.). Дальнейшая история болгарского литературного языка связана с формированием функциональных стилей, обогащением специальной терминологии, активизацией пуристических тенденций, повышением внимания к культуре устной и сценической речи.

Диалекты

Болгарская языковая территория отличается большим разнообразием диалектов. Оно вызвано остатками старых племенных делений болгарских славян и многократными передвижениями больших групп людей в связи с изменениями общественно-политических условий. Главным и хронологически самым старым критерием для выделения двух основных групп диалектов (наречий) является произношение гласного звука, появившегося на месте старого ъ «ять». В западных говорах он заменен во всех позициях звуком [e], а в восточных наблюдаются четыре соответствия:

1) чередование гласных в зависимости от места ударения и характера следующего слога: [ʼa] // [e] (норма литературного языка отражает именно это состояние);

2) широкий открытый [e];

3) более закрытый [e];

4) [ʼa] во всех позициях.

Линия, разделяющая восточные и западные диалекты, тянется с севера на юг (начиная с места впадения реки Вит в Дунай около г. Никопола, восточнее Плевена, западнее Тетевена и Пирдопа, с большим поворотом на запад около г. Пазарджика и заканчивается у берегов Эгейского моря у г. Солуни (греч. Тесалоники)). Она известна под названием «ятевая граница». Недостатком «ятевого критерия» является отсутствие каких-либо других границ диалектов, совпадающих с «ятевой границей» или приближенных к ней. Предпринимались попытки выдвигать и другие признаки классификации болгарских диалектов. В границах основных наречий используется и территориальная классификация (восточные: мизийские, балканские, рупские; западные: северозападные, югозападные, переходные). Основной диалектной базой литературного болгарского языка являются *центральные балканские говоры* (около старой столицы Тырново, города Елена, Дряново, Котел).

Наддиалектный, национальный характер болгарского литературного языка проявляется в том, что ряд норм установлен под влиянием:

1) восточных диалектов:

◆ чередование e/-ʼa на месте старого ъ;

◆ метатеза в сочетаниях ър, ъл, ль, рѣ;

◆ членная морфема для существительных мужского рода -ѣт, -а;

◆ окончание -а, -я (фонетически ѣ, ѣ) в формах настоящего времени для 1-го лица множественного числа: *чета, ходя* ‘читаю, хожу’, а не *четем, ходим*;

◆ форма причастия прошедшего времени от имперфектной основы на -л: *ходел, пишел* (в западных говорах отсутствует);

◆ произношение мягких согласных в определенных формах: *нося* ‘ношу’, *носят*, а не *носа, носат* (некоторые особенности ударения);

2) западных диалектов:

- ◆ произношение широких безударных гласных без редукации;
- ◆ отсутствие йотации в начале слова и после гласной – *езеро* ‘озеро’, *поэзия* ‘поэзия’;
- ◆ краткие местоименные формы *ме, те, се* (вместо восточных *ма, та, са*);
- ◆ членная морфема для имен мужского и женского рода во множественном числе –*те* (на востоке –*ти*);
- ◆ деепричастия на –*ейки* (–*айки*).

Проводились исследования диалектов болгар, компактно проживающих за границей: в Румынии, Греции, Турции, бывшем Советском Союзе (теперь Украине и Молдове), бывшей Югославии.

Современный болгарский литературный язык

Графика и орфография. Современный болгарский алфавит является продолжением одной из двух графических систем первоначального периода староболгарского литературного языка – кириллицы. Другой алфавит – глаголица – к XII в. был окончательно вытеснен более удобной для применения кириллицей. Во всех глаголических памятниках заметны следы западноболгарских диалектов, в кириллических – черты восточноболгарских диалектов. Староболгарская кириллица состояла из 43 букв. У каждой из них было свое название. Предполагается, что расположение букв в алфавите подчиняется замыслу сделать из них цельный сакральный текст: *азъ боуки веде* ‘я знаю буквы’, *глаголи добро есть* ‘читать – это хорошо’ и т. д.

Современная болгарская графика сформировалась под влиянием стилизованного упрощенного печатного варианта кириллицы, гражданского шрифта («гражданки»), принятого в России в 1708 г. по приказу Петра I. В болгарском алфавите 30 букв. В отличие от русского в нем нет *ѐ, э* и *ы*. Чтение и функции некоторых совпадающих букв отличаются. Отдельные названия имеют только три буквы – *ѣ* (*ер голям* (ер большой)), *ь* (*ер малък* (ер маленький)) и *й* (*и кратко*). Знак *ѣ* обозначает гласный звук среднего ряда среднего подъема (подобный звуку [а], но с более вытянутым назад и приподнятым языком). Знак *ь* не имеет звукового значения и служит для обозначения мягкости согласных перед гласным *о*. Буква *е* в начале слова и после гласной читается без йотации, ближе к русской *э*. Буква-лигатура *щ* обозначает сочетание согласных [š] и [т]. Она сохранена, чтобы подчеркнуть историческую связь болгарских алфавитов. Буквы *ю* и *я* обозначают мягкость предшествующих согласных (*бял* ‘белый’, *тютюн* ‘табак’) или сочетания [ja], [ju] в начале слова и после гласной (*моя, ям, ягода; юг, каюта, ютия* ‘утиг’). Буква *а* обозначает гласный звук [а], но в некоторых формах настоящего времени у глаголов I и II спряжения (1-го лица единственного числа и 3-го лица единственного числа – *чета, четат* ‘читаю, читает’) и в кратких

членных формах имен существительных мужского рода (*града, човека* ‘города, человека’) имеет звуковое значение [ъ]. В тех же позициях после мягкого согласного для обозначения звука [ъ] используется буква *я* (*ден* ‘день’ – *деня(т)*; *учителят* ‘учитель’; *говоря* ‘говорю’ – *говорят*). Таким образом, для обозначения гласного [ъ] применяются три буквы: *ъ, а* и *я*. Для звуков [ж] и [з] нет отдельных графических знаков (*бояджия* ‘маляр’, *джентълмен, дзънкам* ‘звоню’).

Основной принцип правописания – морфологический с небольшими отклонениями в пользу фонетического и условного. Делались попытки записывать болгарскую речь и латинскими буквами. Такая графическая система принята у болгар, живущих в области Банат, части которой находятся в пределах трех стран – Румынии, Венгрии и Сербии (автономная область Воеводина). Банатский литературный вариант обслуживает потомков болгарских беженцев, покинувших свою Родину после поражения Чипровского восстания (1688) против турок.

Фонетика. Фонетическая система современного болгарского языка состоит из 45 фонем: 6 гласных и 39 согласных. Самым характерным для вокалической системы (табл. 30) является [ъ] – гласный среднего ряда, среднего подъема (выше [а] и ниже русского [у] (*ы*)): *дъб, сън, бързо* – ‘дуб’, ‘сон’, ‘быстро’, который закономерно появляется на месте старого носового [ǫ] (*път* ‘путь’) и старого сверхкраткого *ъ* (*вънь* > *вън*). По своему качеству этот звук напоминает русский безударный гласный в слове *ворон*. Важно, что в болгарском языке такой гласный может быть ударным. Гласные формируют три пары по признаку узкие/широкие: [i], [ъ], [и] / [e], [а], [о]. В расслабленной разговорной речи в безударных позициях различия между [а] / [ъ], [e] / [i] и [о] / [у] теряются. Норма литературного произношения устанавливает «иерархию редукции». Произношение [ъ] вместо [а] допустимо, [у] вместо [о] частично допустимо, а [e] как [i] – недопустимо. В правописании гласных действует этимологический принцип (редукция не отражается). Яркая фонетическая особенность болгарского литературного языка – чередование гласных [а] и [e] (графически *а // я*) (*променливо я*) на месте исторического *я*, зависящее от места ударения в слове и от характера следующего слога (мягкий или твердый): *вяра* ‘вера’, *верен* ‘верный’, *вярвам* ‘верю’; *грях* ‘грех’, *грехове* (мн. ч.), *грешен* ‘грешный’; *ляв* (ед. ч., м. р.), *лява* (ж. р.), но – *леви* (мн. ч.); *сядам* ‘сидиться’ – *седна* ‘сесть’).

Таблица 30

Система гласных болгарского языка

Подъем	Ряд и участие губ		
	передний	непередний	
		нелабиализованные	лабиализованные
Верхний	i		u
Средний	e	ъ	o
Нижний		а	

Звонкие согласные в конце слова и перед глухими оглушаются, а глухие перед звонкими озвончаются (регрессивная ассимиляция), но это не отражено в орфографии (*боб* ‘боб’, *сняг* ‘снег’, *град* ‘город’, *градски* ‘городской’, *сладка* ‘сладкая’). Противопоставление по твердости/мягкости охватывает почти все согласные за исключением шипящих [ž], [č], [š] (всегда твердые, но особенности их артикуляции вызывают у русских впечатление о мягкости болгарских [ž], [š] и о твердости [č],) и [j] (всегда мягкий). Появление мягких согласных позиционно ограничено: не могут находиться в абсолютном конце слова (*кон, сол, кръв* ‘конь, соль, кровь’), перед другим согласным (*филм, болница, правителство*), перед гласными переднего ряда (кроме заднеязычных *г, к и х* (*герой, кино, химия*)). Преобразуются определенные группы согласных – между шумным и сонорным в конце слова вставляются [ɣ] или [e] (*театър, спектакъл, песен*), в сочетаниях гласного ъ с сонорными *р* и *л* осуществляется перестановка (метатеза) и формируются четыре группы: *ър, ъл, ръ* и *лъ* (*грък, гъркиня, гръци* ‘грек, гречанка, греческий’). В начале слова и слога не допускается скопление больше трех согласных (в русском это возможно в начале и середине слова: *взгляд, встреча, бодрствовать*). Отличительная черта болгарского консонантизма – наличие сочетаний [št] и [žd] на месте старых сочетаний *tj, kj* и *dj* (*свещ, ноц, ръжда* ‘свеча’, ‘ночь’, ‘ржавчина’). Специфично произношение согласного *н* перед заднеязычными [k] и [g]: *банкет, картинка, Англия, ангел*, – но в отличие от английского языка, где передается буквосочетанием *ng*, этот звук не является самостоятельной фонемой (табл. 31).

Таблица 31

Система согласных болгарского языка

Способ образования		Участие голоса	Место образования			
			лабиальные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные
Шумные	смычные (взрывные)	Гл. Зв.	p p' b b'	t t' d d'		k k' g g'
	смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл. Зв.		c c' č ž ž' ẓ̌		
	щелевые (фрикативные)	Гл. Зв.	f f' v v'	s s' š z z' ž		x (x')

Способ образования		Участие голоса	Место образования			
			лабиальные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные
Сonorные	носовые		m m'	n n'		
	боковые			l l'		
	дрожящие (вibrанты)			r r'		
	скользящие				j	

Ударение в болгарском языке динамическое (силовое), свободное и подвижное. При словоизменении может изменять свое место: *град, градове* (мн. ч.), *градът* (членная форма); *кон, коне* (мн. ч.); *село, села* (мн. ч.). Ударение имеет смысловозначительную функцию в случаях омонимии: *вълна* 'шерсть' – *вълна* 'волна'; *чете* 'читает' – *чете* 'читал(а)'; *роден* 'рожденный' – *роден* 'родной'.

Морфология. Главная особенность грамматического строя болгарского языка – отсутствие падежных форм у имен. Падежные отношения выражаются порядком слов (*чашиа вода* 'стакан воды') или с помощью предлогов и общих или определенных (членных) форм имен (*във вода* 'в воде', *без хляб* 'без хлеба', *дадох на Петър* 'дал Петру', *книга на Петър* 'книга Петра', *той пише с перо* 'он пишет пером'). Звательный падеж сохранил определенные позиции, а в некоторых случаях звательная форма обязательна (для мужских личных имен, заканчивающихся на согласный (*Иване, Петре, Асене, Стефане*) и для женских с суффиксом *-ка* (*Иванке, Пенке, Гинке*), при оформлении обращения у некоторых имен нарицательных (*мъжо, жено, господине, госпожо, госпожице, българино*). Старые падежные формы сохранились только у некоторых местоимений для винительного и частично дательного падежа: именительный падеж *аз* – винительный падеж *мене* (полная, *ме* – краткая форма) – дательный падеж *ми*; именительный падеж *кой?* 'кто?' – винительный падеж *кого*. В меньшей степени это характерно и для других балканских языков (румынский, греческий). Старые краткие дательные формы личных местоимений служат и для выражения притяжательности: *баща ми* 'мой отец', *майка му* 'его мать', *учебниците им* 'их учебники'. Падежные формы местоимений часто удваиваются (полная + краткая форма) – «местоименная реприза». Например, дательный падеж: (*на*) *мене ми се струва* 'мне кажется'; винительный падеж: *мене ме е страх* 'я боюсь, мне страшно'.

Одна из самых важных особенностей болгарского языка, отличающая его от других славянских языков (кроме македонского) и сближающая его с некоторыми балканскими (греческий, румынский, албанский), – наличие особой определенной (членной) формы у имен. Артикль постпозитивен, присоединяется к концу слова. Его конкретная форма зависит от рода, числа и окончания имени: ед. ч. – *бащата* (м. р.), *столът* (м. р.), *книгата* (ж. р.), *детето* (ср. р.); мн. ч. – *бащите*, *столовете*, *книгите*, *децата*. Функции неопределенного артикля в ряде случаев выполняют формы числительного *един* (*една* (ж. р.), *едно* (ср. р.)), *едни* (мн. ч.): *Той се ожени за една англичанка* ‘Он женился на англичанке’.

Болгарский язык отличается богатой глагольной системой и большим количеством времен, образованных разными формальными средствами и выражающих разные отношения к моменту речи или к другому дополнительному моменту. Основными считаются настоящее (*чета*), прошедшее совершенное (аорист) (*четох*) и будущее (*ще чета*). Кроме них, употребляются еще прошедшее несовершенное (имперфект) (*четях*), прошедшее неопределенное (перфект) (*чел съм*), прошедшее предварительное (плюсквамперфект) (*бях чел*), будущее предварительное (*ще съм чел*), будущее в прошлом (*щях да чета*), будущее предварительное в прошлом (*щях да съм чел*).

Все глаголы, независимо от вида, образуют формы всех времен. Движение от синтетического строя к аналитическому проявилось в исчезновении инфинитива глагола (черта балканского языкового союза) и его замене конструкцией из частицы *да* и личной формы изъявительного наклонения: *искам да ти кажа* ‘хочу тебе сказать’, *трябва да купя* ‘мне нужно купить’. Остатки сокращенного инфинитива встречаются в сочетаниях с отрицанием глаголов *мога* ‘мочь’ и *смея* ‘осмеливаться’ (*не мога ти каза* ‘не могу тебе сказать’, *не смея се обади* ‘не осмеливаюсь вступить в разговор’) и в отрицательных формах императива: *недей ходи!* (‘не ходи!’), *недейте говори!* (‘не говорите!’).

Количество глагольных форм сильно увеличивается из-за наличия пересказывательного (несвидетельского, у Ю. С. Маслова – «заочное») наклонения, формы которого выражают действия, свидетелем которых говорящий не был. Такое наклонение существует в албанском, эстонском и литовском языках. В болгарском языке оно возникло под влиянием моделей из турецкого языка, с которым он был в продолжительном контакте. Формы пересказа противопоставлены формам изъявительного наклонения: *Той пристигна* ‘Он приехал’ (говорящий был свидетелем) – *Той пристигнал* ‘Он приехал’ (говорящий получил эту информацию от другого лица). Некоторые пересказывательные формы могут дополнительно выражать оттенки недоверия, сомнения, иронии и даже прерывания собеседника: изъяв. накл. *Казва, че не знае и че е забравил* ‘Говорит, что не знает, что забыл’ – переск. накл. *Не знаел, забравил бил* ‘Говорит, мол, не знает, забыл, дескать’. Формы пересказа используются самостоятельно или в

сочетании с междометиями удивления и для выражения констатации, противоположной ожиданиям говорящего (как в албанском): *Ti si можел да пееш!* 'Оказывается, ты умеешь петь!', *Ti si бил тук?! 'Оказывается, ты еще (уже) здесь?!'* Некоторые ученые считают, что это формы отдельного наклонения (адмиратива, инопинатива, экскламатива). Другие исследователи осторожно говорят и о наличии предположительного (умозаключительного, конклюдзивного) наклонения, формами которого говорящий сообщает о ненаблюдаемом им действии, восстановленном путем логической оценки обстоятельств.

Синтаксис. Своеобразие болгарского синтаксиса обусловлено отсутствием падежных форм имен и глагольного инфинитива. Повышенная роль предлогов в выражении синтаксических отношений делает их появления в речи очень частыми. Важную функцию в построении предложения выполняют *да-конструкции*, в которых *да* может быть или частицей, или союзом. Создается возможность для компактного выражения действий с различными субъектами: *Искам да ми се обадиш* 'Хочу, чтобы ты мне позвонил(а)', *Видях го да влиза* 'Я увидел, как он вошел'. Союз *да* в сочетании с предлогами непространственного значения выражают и более сложные обстоятельственные отношения: *Преди да влезеш, се събуи!* 'Перед тем как войти, сними обувь!', *Той говори, без да мисли* 'Он говорит, не думая'.

Специфика порядка слов в болгарском синтаксисе связана: 1) с наличием безударных форм глагола *съм* 'быть' и личных местоимений, которые не могут находиться в абсолютном начале предложения: *Чел съм вчера* 'Я читал вчера' – *Вчера съм чел* 'Вчера я читал', *Покажи му това* 'Покажи' – *Това му покажи* 'Это ему покажи', *Ударих се* 'Ударился' – *Аз се ударих* 'Я ударился'; 2) удвоением объекта: *Мене не ме повикаха* 'Меня не позвали', *Не му повярвах на този филм* 'Я не поверил этому фильму'; 3) ограниченным употреблением причастных и деепричастных конструкций: *Като вървиш* (вместо *вървейки*) *по улицата, внимавай!* 'Когда будешь идти (*идя*) по улице, будь внимательным!'

Лексика. Лексика болгарского языка совмещает в себе различные по происхождению пласты. Исконная лексика унаследована от праславянского языка, общего для всех славянских языков. В языке присутствует слой грецизмов (*мириша* 'пахнуть', *хора* 'люди'), а 500-летнее османское иго привело к появлению достаточно осязаемого слоя слов, турецких по происхождению (*бояджия* 'маляр', *артисвам* (разг.) 'иметься в избытке'), которые в XIX в. пуристы активно пытались заменить русизмами. Это вызвало к жизни большое количество русизмов (*щастие* 'счастье', *начало*, *кънки* 'коньки'), которые активно заимствовались и в XX в. во времена социалистической Болгарии (*отличник*, *очистка*). В последнее время болгарский язык, как и другие европейские языки, испытывает сильное влияние английского (*покер*, *пуловер*, *нетбук*).

Список литературы

- Грошков, И. Болгарский язык. Базовый курс / И. Грошков. – М. : Живой яз., 2005. – 167 с.
- Гинина, С. Учебник болгарского языка / С. Гинина, И. Платонова, Р. Усикова. – М. : МГУ, 1985. – 440 с.
- Гинина, С. Учебник болгарского языка для иностранцев / С. Гинина, Ц. Николова, Л. Сакизова. – София : Наука и искусство, 1972. – 404 с.
- Карпов, В. А. Болгарский язык : учеб. пособие / В. А. Карпов. – Минск : БГУ, 1983. – 95 с.
- Котова, Н. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком / Н. Котова, М. Янакиев. – М. : МГУ, 2001. – 863 с.
- Маслов, Ю. С. Грамматика болгарского языка : учеб. для филолог. фак. ун-тов / Ю. С. Маслов. – М. : Высш. шк., 1981. – 407 с.
- Норман, Б. Ю. Болгарский язык : учеб. пособие для филолог. фак. ун-тов / Б. Ю. Норман. – Минск : БГУ, 1980. – 287 с.
- Норман, Б. Ю. Болгарский язык в лингвострановедческом аспекте : курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск : БГУ, 2005. – 131 с.

3.4.3.3. Македонский язык

К. Иванов

Статус языка в современном мире

Согласно Конституции (*Устав на Република Македонија*), принятой в 1991 г. после референдума об отделении от Югославии (8 сентября 1991 г.), македонский язык и его кириллическое письмо является официальным государственным языком (*службен јазик*). Позже в связи с подписанием Охридского рамочного договора (от 13 августа 2001 г.) в Конституцию добавлено положение о том, что в районах, где этническое меньшинство превышает 20 % населения, можно использовать дополнительный язык в качестве официального. Это касается прежде всего районов, где проживают албанцы (25,17 % населения в стране). Официальные документы должны быть оформлены на двух языках. В той или иной мере македонский язык используется всеми гражданами страны, а их по данным последней переписи 2002 г. было 2064 млн. Из них 1 297 981 – македонцы (64,18 %), 509 926 – албанцы. В 1996 г. был принят Закон об употреблении македонского языка, в 2008 и 2010 гг. были внесены изменения, ужесточающие штрафы за нарушение его положений. Создан Совет по македонскому языку из восьми человек с мандатом на четыре года. Официально признано существование македонского меньшинства в Албании, Румынии и Сербии. Изучать македонский язык можно в школах Румынии, Албании (район Долна

(Мала) Преспа), Хорватии (как иностранный язык по выбору). Македонский язык преподается в институтах Албании (Тирана), Польши (Краков, Сосновец), Румынии (Крайова), Чехии (Прага, Брно), Турции (Стамбул), Хорватии (Риека), Франции (Париж), Венгрии (Будапешт), России (Москва).

Македонский литературный язык широко используется во всех сферах общественной и культурной жизни и привлекает внимание ученых, интересующихся проблемами македонистики и славистики. Богослужения автокефальной (с 1968 г.) Македонской православной церкви частично ведутся на македонском языке.

Есть определенные проблемы с признанием македонского языка в Греции и Болгарии. В Греции не признается существование отдельного македонского языка, его литературная форма называется «скопским языком», «славомакедонским языком» (*слагомакедоника*), «славянским» (*славика*), «болгаромакедонским». Греция возражает и против использования в названии македонского государства топонима Македония («спор об имени»), считая, что так создается неправильное представление о том, что это государство и есть Македония вообще. Достигнута договоренность и проведен референдум о будущей замене временного международного названия Бывшая Югославская Республика Македония (английская аббревиатура FYROM) на «Северная Македония». В Болгарии македонские диалекты считаются частью юго-западных диалектов болгарского языка, для обозначения кодифицированного македонского языка используется термин «письменная региональная форма болгарского языка, созданная в Македонии». Это является основой для так называемого спора об языке. Болгария, первой в мире признавшая новое государство (1992), не принимает название «македонский язык». Для подписания договоров и других совместных документов используется формулировка «на официальных языках, согласно конституциям обеих стран».

Лингвоним и этноним

Македонский язык – официальный язык независимого государства Республика Северная Македония (Република Северна Македонија)¹, возникшего в 1991 г. после распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Длительное время македонский язык считался самым молодым славянским литературным языком самой молодой славянской нации, поскольку кодификация его норм произошла только в 1945 г. Македонским традиционно называют также язык древнего Македонского царства, достигшего могущества и расцвета при Филиппе II и его сыне Александре Великом

¹ 12 февраля 2019 г. официально вступило в силу соглашение о переименовании Республики Македонии в Республику Северная Македония.

(V–VI вв. до н. э.). Историки не пришли к окончательному решению проблемы этнической принадлежности древних македонцев. Некоторые ученые считают их частью древнего греческого этноса или родственными ему. Другие связывают их происхождение с коренным (автохтонным) населением юго-западной части Балканского полуострова – племенем иллирийцев. Последние археологические открытия и языковые данные свидетельствуют в пользу мнения о формировании древнего македонского этноса как результата смешения разных этнических групп. В культурном плане древние македонцы неоспоримо относятся к эллинской цивилизационной общности.

Существует несколько версий этимологии топонима Македония, которые основаны на сведениях из произведений античных авторов: 1) рассказ Гесиода (800 г. до н. э.) о Македоне – сыне Зевса и нимфы Тюйя, жившем на этих землях; 2) версия о происхождении от греческого прилагательного со значениями ‘тонкий, стройный человек высокого роста’, которым жители эллинской равнины обозначали горцев. Впоследствии топоним *Македония* потерял связь с древним македонским этносом; в разные эпохи им называли территории с неодинаковым охватом на Балканах. В течение одного тысячелетия это имя было забыто в своем исконном значении. Только в XIX в. путешественники из Западной Европы, вспомнив традиции античного мира, снова стали использовать его в своих рассказах и картах. Выходцы из Македонии того времени в своих работах говорили о македонских говорах не как о самостоятельном языке, а рассматривали их как часть одного из двух (или трех) основных наречий общebolгарского языка. Термин *македонский язык* в современном понимании относится к языку, формирующему вместе с болгарским восточную ветвь южнославянской языковой группы. Вопрос о существовании особого македонского языка, отличающегося от болгарского, стал обсуждаться в конце XIX в., он связан с тяжелой исторической судьбой области Македония, оставшейся в пределах Османской империи после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

История языка и формирование македонского литературного языка

Славянская письменная традиция на территории Македонии имеет длительную историю. В Охриде с X в. действовал один из двух центров культуры и письменности Первого Болгарского царства – Охридская книжная школа. Памятники, которые создавались там, с XI в. отражают некоторые диалектные особенности македонских говоров (переход сверхкраткого гласного [ъ] в сильной позиции в [о], предпочтение отдельных лексем-синонимов). Во время турецкого господства и вплоть до XIX в. письменность имела в основном церковный характер и развивалась в монастырях. Немногочисленные тексты

этого периода написаны греческими буквами. Современная форма македонского литературного языка близка к народно-разговорному языку, имеет очень слабую связь со старой письменной традицией и возникла в середине XX в.

Толчком к началу работы по кодификации норм литературного языка послужило решение Антифашистского собрания о народном освобождении Македонии (АСНОМ) от 2 августа 1944 г. о введении «народного македонского языка» в официальную практику. Были выработаны временные необязательные правила правописания, действующие в период подготовки проекта специально назначенной комиссией, в работе которой принимали участие известные филологи и общественники. Первая кодификация связана с вступлением в силу решений Комиссии по языку и правописанию об алфавите (3 мая 1945 г.) и по вопросам орфографии (7 июня 1945 г.). Изменения в нормах принимались позже два раза – в 1950 и в 1969 г. Идея создания литературного македонского языка созревала постепенно в результате отмежевания от ближайшего родственного литературного языка – болгарского, в состав которого он входил, а по мнению болгарских и некоторых иностранных филологов, продолжает входить в статусе диалекта.

На ранних этапах национального возрождения в связи с борьбой за независимую церковь и против греческого духовного влияния ставилась задача создания общего для болгар и македонцев литературного языка. Выходцы из Македонии участвовали в дискуссиях об «общем» языке, предлагали свои решения проблемы. Автор и издатель учебников Кузман Шапкарев (родившийся в Охриде) призывал к взаимным уступкам для того, чтобы потомкам Кирилла и Климента было легче изучать родной язык (*майчин си язык*), а к тому же еще облегчить сближение и соединение двух главных болгарских наречий – верхнеболгарского и македонского – в единый общий болгарский письменный язык. Возросло количество рукописных книг, в языке которых встречались яркие особенности живой разговорной речи.

В печатных книгах Йоакима Крчовского и Кирилла Пейчиновича (с 1814 по 1831 г.) наряду с церковнославянскими элементами встречаются особенности народного языка. Лингвистической базой творчества у Крчовского (из Кичево) и Пейчиновича (из Тетово) являются их родные говоры. Пейчинович и Крчовски считаются первыми представителями новой македонской литературы, хотя они сами определяли свой язык как «простейший язык болгарский» (Й. Крчовского) и «простой язык болгарский Долния Мисии, Скопски и Тетовски» (К. Пейчинович). На особенности «македонского наречия» обращает внимание Партений Зографски (из Галичника) в связи с задачей составить для него грамматику в параллели с другим главным наречием, на котором говорят в Болгарии и Фракии. Болгарским называет свой язык (*богарской ѝезик*) и монах Павел Божигропски, использовавший родной воденский диалект (современное

греческое имя Водена – Эдесса) для перевода Евангелия, напечатанного греческими буквами в Салониках в 1852 г.

Вопрос об особом македонском литературном языке непосредственно связан с процессом формирования отдельной нации, идеологической базой которого является так называемый македонизм, и с поиском путей освобождения Македонии, оставшейся после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. под властью турецкого султана.

Впервые идеи о самостоятельном этносе и языке были открыто выражены писателем и революционером из Галичника Георгием Пулевским, издавшим в 1875 г. трехязычный словарь «Речник од три језика» (македонско-албанско-турецкий). В 1880 г. он сделал попытку подготовить грамматику языка («Славяно-населенска македонска слогница речовска»), для обозначения которого использовал названия *нашински* и *славяно-македонски*. Отсутствие четкой этнической идентичности, характерное для этого периода развития национального самосознания, проявляется и в том, как Пулевски обозначал себя: «македонец» в региональном смысле слова, как «фракиец» или «герцеговинец»; «сербский патриот»; «болгарин из деревни Галичник»; «мяк галички» (мяки – этническая подгруппа, названная по произношению в ее диалекте личного местоимения 1-го лица множественного числа – «мия»). Пулевски выдвигает также идею о преемственности между современным македонским языком и языком древних македонцев, в котором, по его мнению, были славянские компоненты.

Основные принципы устройства будущего македонского литературного языка более четко были сформулированы в книге Крсте Мисиркова, изданной в 1903 г. в Софии, «За македонските работи» («О делах македонских»): близость к народно-разговорной речи, фонетический принцип правописания с некоторым учетом этимологии, выбор диалектной базы с учетом удаленности от норм болгарского и сербского языков. После окончания Балканских войн (1912–1913) территория Македонии оказалась в пределах Сербии (с 1929 г. – в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Югославии), Греции и Болгарии. В Югославии македонский считался южносербским диалектом, а македонцы – южными (или горными) сербами. Административная единица, включающая в себя Македонию, называлась Вардарской бановиной. В ограниченном объеме создавалась художественная литература со статусом региональной. Значимым для развития поэтического языка оказалось творчество погибшего в партизанском отряде Кочо Рацина (настоящее имя – Коста Солев), а также Венко Марковскогo, Коле Неделковскогo, Ацо Шопова.

Во время Второй мировой войны в некоторых подпольных изданиях, партизанских газетах и журналах, брошюрах обсуждались вопросы нормирования литературного языка. Накопленный опыт помог в относительно быстром урегулировании норм после решения о придании македонскому языку статуса

официального. Важными вехами в развитии литературного македонского языка являются основание университета в Скопье (1946) и Института македонского языка им. Крсте Мисиркова (1953), Македонского народного театра (1954). Особо важную роль сыграли автор первой школьной «Македонской грамматики» (1946) Круме Кепески, американский лингвист Хорас Ланг, издавший в 1952 г. первый грамматический очерк о македонском языке, автор двухтомной грамматики (1967) Блаже Конески, диалектолог Божидар Видоески.

Диалекты

На территории Македонии принято выделять две большие диалектные группы: восточную и западную. Граница между ними проводится в соответствии с группированием разных типов изоглосс на уровне фонетики, морфологии и синтаксиса. Линия разделения проходит вдоль течений рек Вардар и ее притока Црна. В некоторых работах по македонской диалектологии выделены три группы диалектов: центральные, северные и южные. В других – западные, восточные и центральные. Есть и четырехкомпонентное деление на северные, западные, восточные и южные.

Разнобой в классификациях связан с большой диалектной раздробленностью македонской языковой территории. Большим разнообразием, например, представлены континуанты праславянских сочетаний *tj* и *dj* (в литературном языке – мягкие [k] и [g]). Существенные различия связаны также с характером и местом акцента (в литературном языке – на третьем слоге от конца слова или группы слов, объединенных в фонетическое целое). В пограничных районах эта раздробленность особо ощутима. Чувствуется влияние языков соседей (прежде всего – болгарского и сербского).

Нормы литературного языка в подавляющем большинстве опираются на центральные (с более слабым влиянием сербского и болгарского языков) *а*-говоры (по рефлексу носового гласного заднего ряда: *пат*, *даб*, *рака* ‘путь’, ‘дуб’, ‘рука’) западного диалекта (по линии городов Велес – Прилеп – Битола – Кичево). Особое место центрального диалекта обозначено в стихотворении Венко Марковского «*Јазикот*» так: «*Ко река полска тече* (‘как река в поле течет’) *в централниот диалект*». Некоторые нормы отражают особенности восточных диалектов: сохранение интервокального [v] (*човек*, *глава* вместо западного *чоек*, *глаа* ‘человек’, ‘голова’); форма 3-го лица единственного числа настоящего времени с выпадением согласного: *носи* (вместо *носит*); краткая объектная форма личного местоимения *ги* (вместо *и*); употребление предлога *на* (вместо *од*) в значении принадлежности (*куќ’ата на татко ми* ‘дом моего отца’).

На центральные македонские говоры, как равно отдаленные от сербского и болгарского языков, в качестве эталона для будущего литературного македон-

ского языка указывал Крсте Мисирков в программной книге «За македонските работи». Нормы и правила орфографии, которыми руководствовался Мисирков, однако, не были приняты.

Первые попытки классификации «македонскоболгарского наречия» предпринимает Кузман Шапкарев («Сборник от български народни умотворения», 1891–1894 гг.). Критерием разделения для Шапкарева является произношение букв (ѣ, ѣ – большой юс) и некоторых шипящих согласных (т. е. рефлексы праславянских *tj и *dj). Шапкарев выделяет по этим признакам пять «поднаречий или говоров»: 1) восточная половина области; 2) в Охриде и по всей южной полосе, начиная с Костура (в настоящее время Кастория, Греция); 3) Кичево, Прилеп, Велес, Штип и почти вся северная полоса с запада на восток; 4) Скопская область; 5) район около города Дебар. Шапкарев также делит македонские говоры на две большие группы по месту ударения.

Характерными особенностями македонских диалектов являются: для северной части (к северо-востоку от Скопье, окрестности Куманово и Крагово) – общий континуант старых сверхкратких гласных ѣ и ѣ (*темниот вокал* ‘темный гласный’ (*дѣн* ‘день’, *сѣн* ‘сон’ от старых *дѣнь*, *сѣнь*)); для западных говоров (Тетово, к западу линий Скопье – Кичево – Дебар и Охрид – Битола) – ударение на третьем слоге от конца слова, в говоре Дебара континуантом носового гласного заднего ряда является широкое [o]; для восточных говоров – подвижное ударение в рамках трех конечных слогов. Македонские и некоторые иностранные ученые расширяют границы современной македонской языковой территории, включая в нее части Болгарии (Пиринская Македония, область Благоевграда), Греции (Эгейская Македония – Северная Греция до г. Драма) и Албании (около городов Корча и Берат). Эта теория вызывает активное неприятие в общественных и филологических кругах Греции и Болгарии.

Сегодня македонские диалекты активно используются в повседневном общении, но сфера их применения сокращается из-за давления литературного языка и его большей престижности. Есть основания говорить о постепенном формировании в столице интердиалекта – «скопского койне». Дестабилизирующее влияние на освоение норм литературного языка оказывает то, что столица Скопье не входит в ядро диалектов, являющихся базой кодификации для литературного языка.

Современный македонский литературный язык

Графика и орфография. Графическая система македонского языка основана на сербском варианте кириллицы и включает 31 букву. Количество букв соответствует количеству фонем: 5 гласных и 26 согласных. Из сербской кириллицы взяты буквы для обозначений мягких [l'] (Љ љ) и [n'] (Њ њ), мягкого

сонанта [j] (J j) и твердой шипящей аффрикаты [ʒ] (Ц ц). Специфическими буквами македонского алфавита являются графические обозначения: 1) твердой аффрикаты [ʒ] (S s); 2) особых звуков [kʰ] (Ќ ќ) и [gʰ] (Ѓ ѓ), возникших на месте праславянских сочетаний *tj и *dj. В литературном языке они произносятся как средненебные аффрикаты с двумя компонентами: сильно мягкие [kʰ] или [gʰ] + [j]. В реализации по говорам наблюдается варьирование от сильно мягких [kʰ] и [gʰ] до мягких аффрикат, напоминающих сербские [ʒʰ] и [tʰʂʰ], но с меньшей фрикативностью. Историческое происхождение этих звуков отражено в позиции обозначающих их букв в алфавите (Ѓ ѓ располагается не после Г, а после Д, а Ќ ќ – не за Ј, а после Т). Эти буквы используются и при передаче мягких [kʰ] и [gʰ] в заимствованиях из других языков (в основном из турецкого): *дуќан* ‘лавка, магазин’, *ќор* ‘слепой’, *ќар* ‘выигрыш, выгода’, *ќосе* ‘безбородый’, *ќеф* ‘удовольствие’, *шеќер* ‘сахар’, *ѓавол* ‘дьявол’, *ѓеврек* ‘бублик’, *ѓердан* ‘ожерелье’. Для различения некоторых омонимов употребляется знак гравис: *н`е* (‘нас’ – винительный падеж личного местоимения) – *не* (частица отрицания), *и`у* (‘ей’) – *и* (союз и).

Особый гласный звук среднего ряда среднего подъема [ə] в некоторых диалектах имеет статус фонемы. В литературном языке его присутствие сильно ограничено и фиксируется графически при помощи апострофа для передачи диалектных форм (*в`к* ‘волк’, *п`но* ‘полно’), призвука перед слогообразующим [r] в начале корня слова (*р`ж* ‘рожь’, *р`госа* ‘заржавел’, *р`бет* ‘позвоночник’), турцизмов (*к`смет* или *касмет* ‘удача, везение’), при транскрипции болгарских имен (*К`нчо*). Апостроф не входит в состав алфавита.

Фонетика. Ударение в литературном македонском языке силовое, экспираторное, фиксированное (в многосложных словах – на третьем слоге от конца слова, в двухсложных падает на первый слог). В однокоренных словах и формах слов, в соответствии с тенденцией к закреплению ударения, оно разномерно: *татко* ‘папа, отец’ – *татковина* ‘отечество’ – *татковината* (членная форма). Правило действует и в рамках синтагм, объединяющих слова с тесной смысловой связью между собой в одно акцентное целое с общим ударением. Чаще всего такие объединения включают клитики – краткие местоименные формы (*ми, ти, го, си, ја*), частицу отрицания *не*, предлоги, вопросительные местоимения и наречия (*донеси* ‘принеси’; *донеси го; донеси ми го; што му рече* ‘что ты ему сказал’). Исключения касаются некоторых прилагательных имен: *национален, колективен, материјален, генијален, литературен*. Наречие *одвај (едвај)* ‘еле-эле, едва’ имеет ударение на последнем слоге. В связи с выпадением гласного в дееспричастиях ударение всегда находится на втором слоге от конца: *назадечки* ‘задним ходом’, *вика(е)јк`и* ‘крича, зовя’. Отклонения от общего правила имеют смысловоразличительную функцию в случаях омонимии слов, словосочетаний и словоформ: *добро утро* ‘хорошее утро’ – *добро утро*

‘доброе утро’ (формула приветствия); *суво грозје* ‘сухой виноград’ – *суво грозје* ‘изюм’; *прва вечер* ‘первый вечер’ – *прва вечер* ‘свадебная ночь’; *годинава, летово, зимава* (членные формы существительных) – *годинава, зимава, летово* (наречия) ‘в этом году’, ‘этой зимой’, ‘этим летом’.

Система вокализма пятичленная (табл. 32). Наряду с гласными *a, e, u, o, y*, слогообразующим может быть согласный *p*: *тркало* ‘колесо’, *крст* ‘крест’, *грб* ‘спина’, *крт* ‘крот’, *смрт* ‘смерть’, *врска* ‘связь’, *грне* ‘горшок’, *врвка* ‘веревка’. Редукция безударных гласных отсутствует в литературном языке, но широко представлена в диалектах.

Таблица 32

Система гласных македонского языка

Подъем	Ряд и участие губ		
	передний	непередний	
	нелабиализованные		лабиализованные
Верхний	i		u
Средний	e		o
Нижний		a	

Консонантная система состоит из 26 звуков (табл. 33). Правописание отражает ассимиляцию по звонкости/глухости: *врабец* ‘воробей’ – *врапци, сладок* ‘сладок’ – *слатка*. Есть исключения: 1) переход [v] > [f]: *овчар, овца, вторник* – и 2) в членных формах существительных женского рода: *заповедта, надежста*. Оглушение звонких согласных в конце слов не отмечается графически: *снег, град*. Глухой согласный [x] в начале исконных слов и в интервокальной позиции выпал: *леб* ‘хлеб’, *убав* ‘красивый, хороший’, *оди* ‘ходит, идет’ *итар* ‘хитрый’, *стреа* ‘крыша’, *снаа* ‘невестка’, *оро* ‘хоровод’, *минаа* ‘прошли’ (в литературном болгарском: *хляб, хубав, ходи, хитър, стряха, снаха, хоро, минаха*); но сохранился в заимствованиях: *хотел* ‘гостиница’, *хумор* ‘юмор’, *хигиена, херой*; в книжных словах: *успех, восхит, дух, храбар*; в топонимах: *Охрид, Пехчево*. В определенных позициях вместо старого [x] появляется [v]: *орев, сув, страв, прав, глув, мев, грев, тиво* (лит. болг. *орех, сух, страх, прах, глух, мях* ‘мех’, *грях* ‘грех’, *тихо*); *мува, уво; бев, бевме, бевте* (1-е лицо единственного числа, 2 и 3-е лицо множественного числа глагола ‘быть’ в имперфекте: болг. *бях, бяхме, бяхте*); или [j] (в формах прошедшего неоконченного времени): *живееја, пиеја, знаеја* ‘жили’, ‘пили’, ‘знали’ – болг. *живееха, пиеха, знаеха*). Специфичны чередования при образовании уменьшительных форм: [z, s, st, sk, šk, zd, š, ž] // [v] – *месо* ‘мясо’ – *мевце* ‘мяско’; *грош* – *гровче* ‘грошник’; *маст* ‘масло’ – *мавца* ‘маслице’; *мост* – *мовче* ‘мостик’; *лист* – *ливче* ‘листик’; *клеж* ‘клещ’ – *клевче* ‘клешик’; *воз* ‘поезд’ – *вовче* ‘аоездик’.

Противопоставление по твердости/мягкости представлено лишь в двух парах: [l – l’], [n – n’]. Мягкие [l’] и [n’] встречаются в составе ограниченного количества морфем, но некоторые из них довольно частотны в языке (при образовании форм множественного числа имен существительных среднего рода на -e: *иминья* ‘имена’, *телинья* ‘телята’, *кучинья* ‘собаки’, *јагнинья* ‘ягнята’; и отглагольных существительных: *оденье* ‘платье’, *носенье* ‘одежда’, *јаденье* ‘еда’).

Таблица 33

Система согласных македонского языка

Способ образования		Участие голоса	Место образования					
			губно-губные	губно-зубные	переднеязычные зубные	переднеязычные альвеолярные	среднеязычные	заднеязычные
Шумные	смычные (взрывные)	Гл. Зв.	p b		t d			k g
	смычно-щелевые (аффрикаты)	Гл. Зв.			c ʒ	ç ʒ̣	kʲ gʲ	
	щелевые (фрикативные)	Гл. Зв.		f v	s z	š ž	gʲ j	x
Сонорные	носовые		m		n		nʹ	
	боковые					l	lʹ	
	дрожащий (вибрант)					r		
	скользящие						j	

Морфология. Грамматический строй македонского литературного в целом совпадает с болгарским. Отсутствие падежных форм в именной системе выделяет эти два языка среди остальных славянских. Падежные отношения выражаются предложно-именными или беспредложными именными сочетаниями, в которых существительные выступают в неизменяемой членной или неопределенной форме: *книгата на ученикот* ‘книга ученика’, *ја читав книгата* ‘я читал эту книгу’, *читав книга* ‘я читал книгу’, *книга читанье* ‘чтение книг’, *чаша вода* ‘стакан воды’, *парче леб* ‘кусочек хлеба’, *група деца* ‘группа детей’. Остатки падежных форм сохранены в окончаниях звательных форм (*Тодоре, Марие, Донке, Зоро, човеку, сину, пријателе, пријателке, жено*) и в «окаменевших» формах наречий (*збогум* ‘до свидания’, *патем* ‘кстати’, *родум* ‘родом’). Факультативными являются объектные падежные формы у некоторых личных

мужских имен: *Иван – Ивана, Марко – Марка, Петре – Петрета, Митре – Митрета* (*Го виде ли Андона?* и *Го виде ли Андон?* ‘Ты видел Андона?’); терминов родства: *брат – брата, татко – татка, отец – отци*; существительных *човек* ‘человек’ – *човека, бог – бога*. Падежные формы для именительного, винительного и дательного падежей сохраняются только в системе личных местоимений: *јас* (именительный падеж) – *мене* (полная форма винительного падежа) и *ме* (краткая форма) – *мене* (полная форма дательного падежа) и *ми* (краткая форма).

В македонском языке, как и в болгарском, категория определенности выражается постпозитивной членной морфемой. Отличительной особенностью македонского языка является наличие трех видов артиклей, которые формировались на базе трехчленной системы указательных местоимений: с элементом *т – от* (м. р.), *-та* (ж. р.), *-то* (ср. р.), *-те* (мн. ч.) для общей определенности предмета, о котором говорится или для предмета более близкого к собеседнику; элементом *в – ов, -ва, -во, -ве* для указания на близкий к говорящему предмет; элементом *н – он, -на, -но, -не* для указания на удаленный от говорящего предмет (*човекот, човеков, човекон; еве го селово* ‘вот эта деревня здесь’, *ене го селону* ‘вот та деревня там’). Тройная членная форма встречается и в некоторых болгарских диалектах (например, в родопских: *женана, жената, женаса*), но в литературном болгарском языке есть только один ряд с местоименным корнем *-т-*. Следует особо отметить это явление в македонском языке как уникальное в системе славянских литературных языков. Неопределенность существительного выражается отсутствием членной морфемы или лексическими определителями (неопределенными местоимениями, формами имени числительного *еден – една, едно, едни* (мн. ч.)), выполняющими функции неопределенного местоимения или неопределенного артикля (*Таа гледа еден филм* ‘Она смотрит фильм’). Трехчленная система указания, учитывающая положение предмета, лица по отношению к говорящему или к параметрам времени и пространства речевой ситуации, проявляется в разнообразии указательных местоимений: *ваков, таков, онаков; колкав* (какой величины, какого размера: *Колкав молив сакаш – помал или поголем?* ‘Какой карандаш тебе нужен – поменьше или побольше?’); (*во*)*лкав* ‘этого размера’, *толкав* ‘такого размера’, *онолкав* ‘того размера’.

Наличие постпозитивного артикля – одна из черт македонского языка, позволяющих считать его членом балканского языкового союза наряду с болгарским, румынским и албанским языками. К другим конституирующим союз признакам относятся:

1) образование форм будущего времени аналитическим способом с помощью частицы *к`е*, восходящей к старому глаголу со значением ‘хотеть’ и форм настоящего времени: *к`е дойдам* ‘я приду’;

2) утрата инфинитива глагола с последующей заменой аналитической конструкцией «частица *да* + личная форма глагола» (*Не знам што да речам* ‘Не знаю, что сказать’, *Требаше да се разделат* ‘Они должны были расстаться’). В связи с отсутствием инфинитива как словарная функционирует форма настоящего времени для 3-го лица единственного числа, заканчивающаяся на тематический гласный;

3) образование форм степеней сравнения при помощи морфем-префиксов *по-* и *нај-*: *добар – подобар – најдобар*;

4) удвоение прямого и непрямого объекта (дополнения), выраженного личным местоимением и именем существительным или полной и краткой формой личного местоимения (*Земете `и го моливот!* ‘Заберите у нее карандаш!’; *Му реков на човекот* ‘Я сказал этому человеку’; *Ме виде ли мене?* ‘Ты меня увидел?’; *Кој не ја видел Алтана?* ‘Кто Алтану не видел?’);

5) употребление кратких энклитических форм дательного падежа личных местоимений для выражения притяжательности.

По сравнению с болгарским языком, сфера применения таких форм сильно ограничена терминами родства и именами, указывающими на особо тесную связь между лицами: *мајка ми* ‘моя мать’, *татко ми* ‘мой отец’, *брат ви* ‘ваш брат’, *братучеда му* ‘его двоюродная сестра’, *мајка и` на Јана* ‘мать Яны’. В живой речи в таких случаях часто добавляются притяжательные местоимения: *мајка ми моја*. Привлекают внимание некоторые специализированные формы обозначения количества: 1) счетная форма множественного числа у существительных мужского рода (*форма за избројана множина*): *три дена, неколку дена*. Употребление такой формы в болгарском языке более строго регулируется нормой: *два кладенеца* (в македонском *два кладенци / два кладенца*) ‘два колодца’; охватывает все количественные числительные (в македонском – чаще всего с числительными до одиннадцати и у односложных существительных). Болгарская счетная форма не относится к существительным, обозначающим лиц (в некоторых болгарских диалектах и в македонской норме таких ограничений нет: *два близнака* (в литературном болгарском: *двама близнаци*)); 2) лично-мужская форма числительных: *четворица студенти* ‘четверо студентов’, *седуммина мажи* ‘семеро мужчин’. В македонском языке лично-мужская форма представлена шире: *стомина, неколкумина, илјадамина* (в болгарском: *сто, няколко, хиљада*) ‘сто, несколько, тысяча’.

Морфология македонского глагола отличается богатством форм. Продуктивен при образовании глаголов несовершенного вида суффикс *-ува*: *зборува* ‘говорить’, *дарува* ‘дарить’, *влегува* ‘входить’. По типу спряжения в настоящем времени глаголы делятся на три класса в зависимости от тематического гласного основы: *-а, -и, -е*. Окончание *-м* в форме 1-го лица единственного числа имеют все три класса: *играм, носам, можам*. Форма 1-го лица

множественного числа заканчивается на *-ме*. Характерна удвоением гласной форма 3-го лица множественного числа у глаголов «А»-класса: *имаат, гледаат, бараат, зборуваат* 'у них есть, они смотрят, ищут, говорят'. Глагол *сум* 'быть' не относится ни к одному из трех классов (формы: *сум, си, е, сме, сте, се*). Система прошедших времен состоит из аориста (*минато определено свершено*), имперфекта (*минато определено несвершено*), перфекта (*минато неопределено*) и плюсквамперфекта (*предминато*).

В отличие от болгарского языка (четыре будущих времени), в македонском есть только будущее время и будущее в прошедшем (*минато-идно*). Формы будущего в прошедшем состоят из частицы *к`е* и личных форм имперфекта, как и в западноболгарских диалектах, но не так, как в литературном болгарском языке: *ке дойдеше* (в болгарском: *щеше да дойде* 'собирался прийти, пришел бы'). Специфичны новые образования (подобны им чешские, типа *tat poklizeno*) с вспомогательным глаголом *има* (иметь) + неизменяемое по форме предикативное слово на *-но/-то*, по происхождению страдательное причастие прошедшего времени среднего рода. Значение этих форм ориентировано на наличие (или отсутствие) результата действия, соотнесенного с определенным моментом настоящего, прошедшего или будущего (*имам четено* 'я прочитал'; *има влезено* 'он вошел'; *имам ветено* 'я пообещал'; *немам јадено ништо* 'я ничего еще не ел'; *имав четено* 'в тот момент я уже прочитал'; *к`е имам четено* 'к тому будущему моменту я уже прочитаю'; *Од кога те немам видено?* 'Как давно я тебя не видел?'). Указанные формы могут иметь как переходные, так и непереходные глаголы. Находясь в конкуренции с перфектом и плюсквамперфектом, они дублируют и постепенно вытесняют их.

Нечеткость разграничения переходности и непереходности в македонском языке дает возможность для создания пассивных по форме, но активных по значению глагольных структур с вспомогательным глаголом *суле* 'быть' (*Да не сте дојдени по книгите?* 'Вы за книгами пришли?'; *Јас сум јадена* 'Я уже поела'; *Од но`к сме станати* 'Мы на ногах с ночи'). Обе формы прошедшего времени распространились первоначально в западных диалектах, контактирующих с румынским языком. Первообразом, по мнению некоторых ученых (Б. Гавранек и др.), являются конструкции народной латыни (*romana rustica*) типа *factum habeo* и *venitus sum*. В сочетании с глаголом *сум* 'быть' страдательное причастие от переходных глаголов образует пассивные конструкции. Из-за идентичности способа образования для уточнения залоговых значений иногда нужен лексический и синтаксический контекст.

Важной и характерной экзотической особенностью македонского и болгарского языков являются несвидетельские модально-временные формы пересказа, образующиеся с помощью глагола *сум* 'быть' + причастия на *-л*. Они подчеркивают, что говорящий не был непосредственным наблюдателем и свидетелем

действия или выражает сомнение в достоверности полученной от третьих лиц информации: *Toj беше во Скопје* ‘Он был в Скопье’ (я с ним был, я его видел); *Toj бил во Скопје* ‘Он был во Скопье’ (я знаю об этом по словам тех, кто мне об этом сообщил, или ‘О, оказывается он сейчас в Скопье!’ – значение удивления). Формы пересказа – одно из средств для передачи чужой речи.

Синтаксис. Синтаксис македонского языка во многом близок к болгарскому и определяется отсутствием падежных форм в именной системе. Для уточнения синтаксических отношений важную роль играет порядок слов. При обычном порядке члены предложения располагаются так: подлежащее – сказуемое – дополнение (тип S-V-O). Прямое и косвенное дополнение могут меняться местами. Одна из характерных синтаксических особенностей македонского (и других членов балканского языкового союза) – удвоение дополнения краткими винительными и дательными формами личных местоимений. Правила удвоения прямого дополнения учитывают определенность объекта. Удвоение обязательно, если он выражен полной формой личного местоимения, существительным в членной форме или именем собственным, указательным местоимением (*Го разгледаме градот* ‘Мы посмотрели город’; *Го знае ли тоа некой?* ‘Кто-нибудь знает это?’). Объект, выраженный существительным в неопределенной форме, не удваивается (*видев жена* ‘я увидел (какую-то) женщину’ – *ја видов жената* ‘я увидел (эту) женщину’). Позиция клитик в предложении жестко фиксирована. При скоплении они располагаются в строго определенной последовательности. Норма литературного македонского языка, в отличие от болгарского: 1) позволяет появление приглагольных клитик и форм настоящего времени глагола **сум** в абсолютном начале предложения (*Се продава* (в болгарском: *Продава се*) ‘Продается’; *Му се идеше с `е да фрли* ‘Ему хотелось бросить все’; *Ми се пуши* ‘Мне хочется покурить’); 2) в отрицании с императивом не разрешает располагать клитики после частицы **не** (*не давајте му го* ‘не давайте ему его’); 3) допускает чаще оформлять вопросительные предложения при помощи интонации без вопросительных слов и частиц.

Лексика. В момент кодификации македонского литературного языка в 1945 г. предполагалось, что лексический фонд литературного языка будет пополняться нужными словами из всех диалектов. Однако на практике оказалось, что не все необходимые понятия могут быть выражены словами из диалектов. Кроме того, именно диалекты принесли в литературный язык наибольшее число иноязычных слов, поскольку македонские говоры всегда были открыты заимствованиям из соседних языков, с которыми они вступали в непосредственный контакт, поэтому в македонских диалектах очень много турцизмов (около 3 тыс., например, *чоран* ‘чулок’, *знает* ‘ремесло’, *намук* ‘хлопок’), грецизмов (около тысячи, например, *ишјада* ‘тысяча’, *макар* ‘хотя’, *манастир* ‘монастырь’), а также заимствований из родственных славянских языков – болгарского и сербского.

Поскольку в первой половине XX в. сербский язык был официальным языком государства, в которое входила территория Вардарской Македонии, и языком образования, именно контакты с сербским языком были самыми значительными. Кроме того, сербохорватский язык продолжал исполнять роль официального языка всего СФРЮ до 1991 г. И до 1945 г., и после, в 1945–1991 гг., сербский язык пользовался культурным престижем в сознании македонской интеллектуальной элиты. Поэтому именно сербизмы составляют значительную часть политической и научной терминологии македонского языка: *извештај* ‘отчет’, *прецизност* ‘точность’. С развитием и становлением функциональных стилей македонского литературного языка слова и фразеологизмы, заимствованные из языков, бывших в прежние времена официальными, т. е. турцизмы и сербизмы, переходили в низшие функциональные стили (в разговорный стиль литературного языка, молодежный жаргон, субстандарт и в просторечие).

В последние годы в македонский литературный язык проникает много заимствований из английского языка, особенно спортивная экономическая терминология, терминология из сферы информационных технологий, а также понятия из области поп-музыки и кино.

Список литературы

Ковалев, Н. С. Македонский язык: учеб. пособие для студентов филол. фак. / Н. С. Ковалев. – Иваново : ИвГУ, 1977. – 108 с.

Кондрашов, Н. А. Македонский язык / Н. А. Кондрашов // Славянские языки : учеб. пособие / Н. А. Кондрашов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1986. – С. 235–239.

Македонская мова // Беларуская мова : энцыклапедыя / пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск : Беларус. энцыкл., 1994. – С. 328–329.

Поляков, О. Македонский язык / О. Поляков // Славянские языки: основные особенности. Параллельные тексты / О. Поляков. – Vilnius : Leidybos centras, 1998. – 228 с.

Усикова, Р. П. Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. – Скопје, 1985. – 284 с.

Усикова, Р. П. Македонский язык / Р. П. Усикова // Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – С. 102–138.

Усикова, Р. П. Типологические характеристики македонского языка / Р. П. Усикова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2005. – С. 173–187.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие современного мира идет в двух основных направлениях. С одной стороны, это глобализация и униполярность, что на языковом уровне предполагает конвергентные процессы в развитии языков, приводящие к их сближению. С другой стороны, имеют место совершенно противоположные явления – мультиполярность и полилингвизм, запускающие дивергентные языковые процессы. И та и другая тенденция в разных ипостасях проявляются и в пространстве славянских языков.

Конвергенция обуславливает взаимовлияние языковых систем в границах славянского языкового ареала, а также различные типы взаимодействия между славянскими и неславянскими языками. Возрастает важность сопоставительных и типологических исследований на всех уровнях языковой системы, а сопоставительные исследования близкородственных (обнаруживающих и глубинное сходство, и кардинальные различия) языков открывают новые возможности для совершенствования лингвистического анализа. Общее и различное может быть обнаружено как в индивидуальной, так и в национальной ментальности, что придает особое значение таким современным направлениям, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, сопоставительная лингвистическая прагматика.

Конвергентные процессы приводят к нивелировке языковой и культурной карты мира: исчезают диалекты, забываются тексты народной культуры. Задачей слависта становится, с одной стороны, фиксация уходящих явлений, а с другой – обнаружение новых форм народной культуры, приходящих им на смену. И исчезновение, и появление разных форм существования языка происходит на фоне развития славянских литературных языков, что делает необходимым их изучение не только на современном этапе, но и в диахроническом плане. Не следует забывать, что глобализация не является изобретением современного человечества: славянство сталкивалось с этим, объединяясь в рамках *Slavia Romana* и *Slavia Orthodoxa*. Изучение славянской письменности и древних славянских текстов, оригинальных и переводных, по-прежнему в числе приоритетных направлений славистики.

Деловые и культурные контакты создают необходимость изучения языков, следовательно, актуализируются глоттодидактические исследования, разработки функциональных методик преподавания языков. Последнее, безусловно, должно опираться на развитие и совершенствование научных достижений в области функциональной лингвистики.

Дивергентные процессы связаны прежде всего с изменением карты Европы в конце XX в., возникновением новых славянских государств, что нередко сопровождалось и сопровождается конфликтами, в том числе и на языковой основе. Из-за этого возрастает роль славянской социолингвистики, изучения языковой политики государств, собственно языкового изучения различий, появляющихся на всех уровнях в родственных языках, разделенных государственными границами.

Различные дивергентные тенденции сопровождали развитие славянских языков от момента распада индоевропейской общности. До сих пор не решены вопросы о времени возникновения праславянского языка, глоттогенезе славян и существовании балто-славянского единства. Поиски ответов требуют проведения исторических, диалектологических и этнолингвистических исследований.

Изменяющийся мир нуждается в изменении парадигмы и методов научных исследований. Расширяются возможности компьютеризации, имеющей различную область лингвистического применения: от создания корпуса славянских языков, в том числе древних, до формирования интернет-ресурсов, включающих и лексикографические источники, и грамматические исследования.

Как писал А. Е. Супрун, «...совместные усилия славистов разных стран позволят найти оптимальные решения стоящих перед нашей наукой задач и откроют пути к дальнейшему, еще более глубинному познанию славянских языков, славянских литератур, славянских культур. Славянская филология – это комплекс наук, которые через анализ текстов на славянских языках и систем, при помощи которых порождаются эти тексты, стремятся познать духовную жизнь славян как составной части человечества»¹. Эти слова и сегодня не утратили своей актуальности.

¹ Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. С. 445.

ПРИЛОЖЕНИЕ

◆ ◆ ◆

Всеобщая декларация прав человека (Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года) на славянских языках (статья 1)

Беларуская мова

Усе людзі нараджаюцца свабоднымі і роўнымі ў сваёй годнасці і правах. Яны надзелены розумам і сумленнем і павінны ставіцца адзін да аднаго ў духу брацтва.

Русский язык

Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

Українська мова

Всі люди народжуються вільними і рівними у своїй гідності та правах. Вони наділені розумом і совістю і повинні діяти у відношенні один до одного в душі братерства.

Język polski

Wszyscy ludzie rodzą się wolni i równi pod względem swej godności i swych praw. Są oni obdarzeni rozumem i sumieniem i powinni postępować wobec innych w duchu braterstwa.

Kaszëbsczi jãzëk

Wszëtczi lëdze rodzą sã wòlny ë równy w swòjy czëstnoce ë swòjich prawach. Mają òni dostòne rozëm ë sëmienié ë nòlégò jima pòstãpòwac wobec drëdzich w dëchù bracënotë.

Ślůnsko godka

Wšyjske ludźe rodźm śe swobodne a rŃwne we swojim werće a prawach. SŃm uŃne uobdarŃne filipym a sŃmŃnyŃym a majŃm powinnoŃc wzglyndym inkšych jak brat s bratym postypować.

Hornjoserbska rěč

Wšitcy čłowjekojó su wot naroda swobodni a su jenacy po dostojnoŃci a prawach. Woni su z rozumom a swědomjom wobdarjeni a maja mjezsobu w duchu bratrowstwa wobchadžeć.

Dolnoserbska rěč

Wšykne luźe su lichotne roźone a jadtakne po dostojnoŃci a pšawach. Woni maju rozym a wědobnoŃc a maju ze sobu w duchu bratšojstwa wobchadaŃ.

Český jazyk

Všichni lidé rodí se svobodní a sobě rovni co do důstojnosti a práv. Jsou nadáni rozumem a svědomím a mají spolu jednat v duchu bratrství.

Slovenský jazyk

Všetci ľudia sa rodia slobodní a sebe rovní, čo sa týka ich dôstojnosti a práv. Sú obdarení rozumom a majú navzájom jednat' v bratskom duchu.

Српски језик

Сва људска бића рађају се слободна и једнака у достојанству и правима. Она су обдарена разумом и свешћу и требаједни према другима да поступају у духу братства.

Hrvatski jezik

Sva ljudska bića rađaju se slobodna i jednaka u dostojanstvu i pravima. Ona su obdarena razumom i sviješću i treba jedno prema drugome da postupaju u duhu bratstva.

Босански језик

Сва људска бића рађају се слободна и једнака у достојанству и правима. Она су обдарена разумом и свијешћу и треба да једно према другоме поступају у духу братства.

Slovenski jezik

Vsi ljudje se rodijo svobodni ter imajo enako dostojanstvo in pravice. Dana sta jim razum in vest, in bi morali drug z drugim ravnati v duhu bratstva.

Български език

Всички хора се раждат свободни и равни по достойнство и права. Те са надарени с разум и съвест и следва да се отнасят помежду си в дух на братство.

Македонски јазик

Сите човечки суштества се раѓаат слободни и еднакви по достоинство и права. Тие се обдарени со разум и совест и треба да се однесуваат еден кон друг во духот на општо човечката припадност.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
1. ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И ИХ ПРАРОДИНА (А. Е. Супрун)	
1.1. Вопрос о времени и месте формирования славян	5
1.2. Известия древних историков о славянах	8
1.3. Данные археологии	10
1.4. Данные топонимики	13
1.5. Версия «Повести временных лет» и различная оценка ее в современной науке	14
1.6. Славяне и их соседи	16
1.7. Современные точки зрения на происхождение и прародину славян	18
2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ У СЛАВЯН (Е. С. Суркова)	
2.1. История создания славянской письменности: вопрос о кирилло-мефодиевских источниках	24
2.2. Просветительская деятельность Константина-Кирилла и Мефодия: этапы создания славянской письменности	31
2.3. Дальнейшее развитие славянской письменности	44
2.4. Славянские азбуки	50
3. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ	
3.1. Праславянский язык (А. Е. Супрун)	67
3.2. Восточнославянские языки	75
3.2.1. Восточные славяне и восточнославянские языки (Е. Н. Руденко)	75
3.2.2. Белорусский язык (Л. А. Козловская)	85
3.2.3. Русский язык (А. М. Калюта)	94
3.2.4. Украинский язык (Н. А. Волотовская)	106
3.3. Западнославянские языки	118
3.3.1. Западные славяне и западнославянские языки (Е. Н. Руденко) ...	118
3.3.2. Лехитские языки	123
3.3.2.1. Польский язык (Е. А. Казанцева)	123
3.3.2.2. Кашубский язык (Н. А. Кохнович)	144
3.3.2.3. Полабский язык (А. Е. Супрун)	157

3.3.3. Чешско-словацкие языки	162
3.3.3.1. Чешский язык (<i>Н. В. Ивашина</i>).....	162
3.3.3.2. Словацкий язык (<i>Н. Б. Корина</i>).....	176
3.3.4. Серболужицкие языки (<i>А. А. Кожина</i>)	192
3.4. Южнославянские языки	205
3.4.1. Южные славяне и южнославянские языки (<i>А. Кречмер</i>).....	205
3.4.2. Западные южнославянские языки.....	215
3.4.2.1. Сербский язык (<i>Н. В. Супрунчук</i>).....	216
3.4.2.2. Хорватский язык (<i>Е. Н. Руденко</i>)	229
3.4.2.3. Боснийский язык (<i>Е. Н. Руденко</i>).....	234
3.4.2.4. Черногорский язык (<i>Е. Н. Руденко</i>).....	237
3.4.2.5. Словенский язык (<i>А. Е. Супрун, Э. Келих</i>)	241
3.4.3. Восточные южнославянские языки	249
3.4.3.1. Старославянский язык (<i>А. Е. Супрун</i>).....	249
3.4.3.2. Болгарский язык (<i>К. Иванов</i>).....	254
3.4.3.3. Македонский язык (<i>К. Иванов</i>)	267
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	282
ПРИЛОЖЕНИЕ	284

Учебное издание

Волотовская Нина Александровна
Иванов Красимир
Ивашина Наталья Васильевна и др.

ВВЕДЕНИЕ
В СЛАВЯНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

Пособие

Редактор *Ж. В. Запартыко*
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Л. В. Жаборовская*
Компьютерная верстка *О. В. Гасюк*
Корректор *Д. В. Мацур*

Подписано в печать 13.08.2019. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 20,4.
Тираж 75 экз. Заказ 540.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.